

Женя ТИМ

НА ШПИЛЬКАХ ПО КАНАТУ

Киев 2018

УДК 82-311.2
Т41

Всі або майже всі - події та окремі персони цього твору є фантазією автора. Будь-яка подібність є випадковістю.

Женя ТИМ «На шпильках по канату»

Женя ТИМ. На шпильках по канату. — К.: ТОВ “ДКС Центр”, 2018. — 348 с.

ISBN 978-617-7300-30-3

© Женя ТИМ, 2018.

ПРОЛОГ

Благодаря тому, что рано темнеет, зимний вечер и при обычных обстоятельствах иногда вызывал в Саньке ощущение бесконечно длящейся ночи, а здесь, в кабинете опера Мальцева, это ощущение усиливалось многократно. Причем ночь у Саньки, казалось, наступила сразу везде во всех сферах жизни. Она вдруг почувствовала себя неимоверно уставшей, будто весь день взбиралась на гору в надежде отыскать там жилье, а вместо этого обрыв, пропасть и ни одной живой души, к кому можно было бы обратиться за помощью, и темнота...

Санька на какую-то минуту закрыла глаза, попыталась представить, что сейчас лето и она на берегу моря, даже стало казаться, что это не Мальцев пытается что-то говорить, а шум прибоя. Резкий толчок в предплечье и окрик Мальцева вернули ее к мрачной действительности:

— Александра Владиславовна, вы вообще слушаете, что я вас тут спрашиваю?

— Извините, отвлеклась. А что вы только что у меня спрашивали?

— Я у вас спросил, как вы можете объяснить эти записи?

Мальцев протянул Саньке оборотные ведомости, заполненные вручную.

Колонки цифр имели название сокращенно Кт и Дт. Санька озадачено посмотрела на Мальцева:

— А что вас собственно смущает?

— Мне не понятно, а что это у вас за шифр такой?

— В смысле?

— Ну, Кт и Дт?

Саньке стало смешно, намеренно отвернувшись в сторону, уходя от прямого света, чтобы Мальцев не видел ее усмешки. Вдохнула полной грудью, напустила на себя виноватый вид, самым невинным тоном, на который была способна, проговорила:

— Игорь Иванович, я вам должна в кое-чем признаться.

Мальцев оживился, сильнее сжал ручку, даже складывалось впечатление, что просто прикипел к Саньке взглядом, поощри-

тельно кивнул, мол продолжайте. Санька с легким всхлипом, словно имитируя раскаяние, произнесла:

— Это же особый шифр...

Сделала небольшую паузу, Мальцев еще больше сосредоточился взглядом на Саньке, ей даже показалось, что он взглядом хочет прожечь в ней дырки. Санька с придыханием и всхлипами продолжала вдохновенно паясничать.

— Это... Это шифровка: «Юстас — центру; центр — Юстасу».

После этих слов Санька потупила глазки и, как школьница, сложила руки на коленях. Мальцев опешил, был в этот момент похож на большого сытого кота, которого поманили чем-то особо вкусным и пронесли мимо. Нахмурился и строгим голосом произнес:

— Опять ваши шуточки? Что вы себе позволяете?

— Я? Да бог с вами! Если серьезно, то это же элементарно, это всего на всего дебет и кредит, только сокращенно, неужели так трудно догадаться.

— Я бы вас попросил быть все же серьезнее.

Мальцев глянул озабоченно на часы, зачем-то выдвинул и задвинул ящик стола, затем, не глядя на Саньку, произнес:

— Я вас тут оставлю ненадолго, а чтобы ничего не случилось, закрою вас с той стороны, но скоро вернусь.

Санька внимательно на него посмотрела, но промолчала. Мальцев вышел из кабинета, закрыв дверь на ключ. Санька вздрогнула от звука ключа, который проворачивался в скважине. Чувство полного одиночества и тупой безысходности не покидало ее.

Теоретически она могла пересмотреть все, что было на столе у Мальцева, пока тот где-то ходит, но... Санька взглядом окинула стол, на нем не было ни единой бумажки. Ко всему прочему Санькой овладела какая-то апатия. Можно было бы узнать, что это за стопочка лежит на подоконнике, но было лень подняться. Ноги были ватными, поэтому Санька так и осталась сидеть на стуле, как и сидела все так же, сложив руки на коленях.

Дверь вдруг резко открылась, Санька повернула голову, ожидая увидеть Мальцева, но это был не он. Вошедший проследовал к письменному столу и уселся на его краешек, что был ближе к

Саньке, закинул ногу за ногу. На вопрошающий взгляд Саньки, он заявил:

— Меня тут Игорь Иванович попросил с вами посидеть, пока он там занят.

Санька сразу же потеряла к нему интерес и начала разглядывать плинтуса напротив. Но, не тут-то было, вошедший вдруг ей подмигнул, причем как-то намеренно фамильярно и грубо заявил:

— Что, подруга? Попалась? Ты чего это нашего товарища изводишь? Думаешь, самая умная?

Санькину апатию как рукой сняло.

— Это вы вообще о чем?

— Так о том самом, наличняк по карманам рассовывали, налоги не платили, а теперь, думаешь, что самая умная и отпетляешь? Не-е, подруга, так дело не пойдет.

— Вы вообще кто? Может, для разнообразия представитесь?

— Кто, кто... Конь в пальто. Старший оперуполномоченный по особо важным делам, я с твоим Ковальским очень быстро добазарился.

— А звать-величать-то вас как?

— Андрон.

— Это что? Такой оперативный псевдоним?

— Чиво?

В этот момент Саньке показалось, что сейчас этот неприятный субъект начнет пальцами перед ней козу изображать и еще улюлюкать, она с презрением поморщилась:

— Я, вообще-то думала, что нахожусь в отделении милиции, а не в камере.

— Гы-гы, так ты там скоро окажешься. Так что привыкай, подруга, к деловым обыкновениям базара по фене. Ты, наверное, что-то недопоняла, я ж тебе не Мальцев, он у нас почти интеллигент, вежливый.

Санька вдруг взорвалась, перешла на повышенный тон:

— Я бы попросила обращаться ко мне на вы, если вас мама в детстве плохо воспитала, так уже ж никто и не поправит, вас осталось лишь пожалеть.

И уже более спокойным тоном, перешла на посредственно доверительный шепот, добавила:

— Шо, чувак? Тяжелое детство, деревянные игрушки?

Лицо опера Андрона вдруг стало бордовым от возмущения, он открыл и закрыл рот, вдруг вскочил и пулей вылетел из кабинета. Дверь кабинета не успела закрыться, как в него зашел уже совсем другой, который еще на подходе к письменному столу Мальцева, представился:

— Добрый вечер, Александра Владиславовна. Я — старший оперуполномоченный по особо важным делам, капитан милиции Нечитайло Анатолий Николаевич.

Санька вздохнула про себя с облегчением. Какие же они смешные, почти во всех детективах описывают известную схему — добрый и злой следователь. То, что просчитала их ход, несколько Саньку успокоило, но реакция организма на все эти стрессы была еле заметная дрожь в коленях. Санька понимала, они добиваются любой нестандартной реакции с ее стороны, чтобы усилить эффект и добить. Поэтому руками со всей силы, на какую была способна, прижала ноги к полу, чтобы унять дрожь, ей это почти удалось.

Пока вошедший опер устраивался за столом Мальцева, Санька прикрыла глаза, мысленно себя уговаривала успокоиться. Опер Нечитайло уселся поудобней в кресле Мальцева, положил руки на стол ладонями вверх, как бы протягивая к Саньке обе руки, заявил.

— Александра Владиславовна, хочу сразу извиниться за коллегу, у Андрея Васильевича сегодня были тяжелые сутки, понимаете, был на дежурстве, домой после дежурства не отпустили, послали на очередную реализацию, а там народ не в адеквате оказался, сопротивление пытались оказывать. Так что вы уж простите его, непутевого, не понял, кто перед ним сидит.

Санька молча выслушала всю реплику, сидела полуприкрыв веки, мысленные установки начинали потихоньку действовать, дрожь в коленях прошла, что дало ей возможность отпустить колени, руки были влажные от проступившего пота. Нечитайло продолжал.

— Я надеюсь, что у вас нет к нам предвзятости, ко мне в частности.

Санька полностью овладела собой, даже ладони стали почти сухими, это дало ей возможность нормальным голосом сказать:

— Нет, что вы, Анатолий Николаевич, какая может быть предвзятость, у вас же работа такая. Действительно, мне уже почти жалко вашего Андрея Васильевича.

— Вот и чудненько. Давайте, пока Игорь Иванович занят, побеседуем с вами без протокола.

— Давайте.

— Вы ж, Александра Владиславовна, насколько мне известно, человек образованный, более чем, вон мне сказали, преподаете.

— Преподаю.

— И как? Нравится?

— Да, вполне.

— Так вот, вы, вполне образованный и адекватный человек, поэтому более чем в состоянии оценить возможную вам угрозу уголовного преследования.

Возникла пауза, Анатолий Николаевич доверительно взглянул на Саньку, ей даже показалось, что как-то жалеет ее, за то, что попала в такой переплет, непроизвольно возникла симпатия. Мысленно себя ущипнула, не верь, это у них трюк такой, нет у тебя сейчас друзей, опирайся только на себя. Санька, пока убеждала себя внутренне, молчала, как бы ожидая продолжения разговора. Вспомнился «Театр» Сомерсета Моэма, когда знаменитая Джулия Ламберт уговаривала себя: «Взяла паузу, так держи ее до конца». Анатолий Николаевич по-своему истолковал молчание Саньки, улыбнулся, Санька уловила едва заметное удовлетворение, мягко продолжил:

— Мне не совсем приятно это вам говорить, но ваш Ковальский, еще тот тип, он полностью вас сдал.

— В смысле?

— Да в самом, что ни на есть прямом. Он рассказал, что перерабатывали вы за смену не пять тонн молока, а десять.

— Это как? Это невозможно.

— Почему невозможно? Вы же не всегда были на месте, вот он в ваше отсутствие и запускал в переработку десять тонн.

Тон у Анатолия Николаевича был уверенный и доверительный, говорил приглушенно и спокойно, что особо располагало. Настолько доверительный, что Санька в какой-то момент ему поверила, даже уже начала обижаться на Ковальского.

Потом резко сама себя оборвала, попыталась рассуждать логично:

— Это невозможно.

— Почему? Вы так уверены? Люди ведь по природе в большинстве своем подлы, и Ковальский не исключение.

— Ковальский, может быть, и не исключение, но есть определенное вполне себе объективное ограничение, пропускная способность называется.

— Что вы имеете в виду? Мы проверяли у вас по технической документации вашего оборудования записано, что возможная пропускная способность десять тонн в сутки.

— Да, но его, молоко это самое, нужно откуда-то взять, а потом..., я бы, может быть, и поверила вам, но еще следы от переработки остаются — готовая продукция называется, ее в одни сутки не спрячешь, ее девать куда-то нужно, это я бы точно увидела.

— Так он за вашей спиной и о сбыте договорился такой неучтенной продукции.

— Очень мало в это верится, Ковальский вообще-то чистый технарь, о поставках и сбыте именно я договаривалась, а не он.

Говоря эту фразу, Санька вдруг сразу представила себе, как в этом же самом кабинете точно так до нее уговаривали Ковальского. Картинка была настолько четкая и яркая, что даже страх незнания и непонимания Ковальского ощутила физически. Ей даже стало жалко Ковальского, таки поймали его страх менты, потому и написал под их диктовку неведомо что, потому и говорил он с ней с издевкой в голосе про документы, потому как в оправдание собственной слабости науськанный ментами, обвинил Саньку, в возможной неучтенке за её спиной.

От этих рассуждений Саньке стало не по себе, было страшно

и неудобно, в какое-то мгновение захотелось все подписать, лишь бы отстали, ладони опять стали потными. Постаралась сама себя успокоить, понимала — страх плохой советчик, если сейчас раскиснет и расклеится, все — пиши пропало, не спасет никто.

Анатолий Николаевич внимательно наблюдал за Санькой, уловил слабинку мгновенно, не давая Саньке собраться мыслями продолжал:

— Вы ж сами понимаете, если уж ваш компаньон такое говорит, и ревизор так считает, то крыть вам просто нечем.

Санька вдруг разозлилась на себя и весь мир с ментами и Ковальским вместе взятым:

— Вы знаете, не соглашусь с вами, уважаемый Анатолий Николаевич...

Намеренно осеклась и замолчала, этот маневр дал ей возможность несколько секунд порассуждать, покуда соберется мыслями Анатолий Николаевич. Который, в свою очередь, уже мысленно потирал руки, так как считал, что проколол Саньку, и ему останется как истинному змею-искусителю лишь слезки ей повиғытирать.

В этот момент в кабинет вошел уже знакомый Саньке опер Андрон, который с порога обратился к оперу Нечитайло.

— Ну как тут у вас? Все так же, продолжаем упорствовать?

Неожиданное появление опера Андрона дало Саньке возможность мысленно сгруппироваться и подготовиться к очередной психологической атаке. Андрон опять уселся на столе, причем одну ногу поставил на стол и обхватил руками колено, снова как ни в чем не бывало, подмигнул Саньке.

— Че, подруга, приуныла? Анатолий Николаевич у нас очень культурный и вежливый, а я не такой.

Андрон, произнося эту фразу, явно гордился сам собою. Санька вдруг ни с того ни с сего представила этого самого Андрона где-то на лавочке возле сельского клуба, и как он намеренно грубо обращается к девушкам, которые повизгивают от удовольствия, воспринимая такое обращение как проявление особой мужественности. От этих размышлений Саньке стало смешно, потому заморгала часто глазками, чтобы не дай бог рассмеяться,

а заодно изобразить растерянность, с видом невинно-восторженного умиления взглянула на Андрона, проговорила:

— Я так и поняла, что вы не такой. Девушки в клубе, наверное, восхищенно млели?

— Какие такие девушки?

Андрон явно не ожидал такого пассажа, потому уже без агрессии, просто с недоумением взглянул на Саньку.

— Ну как какие? Те самые, в родном селе возле клуба. Вы ведь были первым парнем на деревне?

Теперь с недоумением на Саньку смотрели уже оба опера, а она, довольная произведенным эффектом, продолжала:

— Вот смотрю я на вас и диву даюсь, уже вроде взрослый мальчик, а в девушках так и не научились разбираться..., не греет.

Андрон, казалось, опешил вконец:

— Что не греет?

— Да ничего не греет. Несколько иное у меня восприятие жизни, чем у ваших подружек детства.

— И что?

— Да ничего, наехали на бедную, несчастную, всеми преданную девушку и пинаете, как грушу.

— Да кто вас пинает?

— Вы.

— В общем так, Толян, я все понял, заканчивай ты с ней эту бодягу, я сейчас Игореню позову.

Андрон резко поднялся и вышел.

Возникла пауза, Анатолий Николаевич глядел на Саньку так, как будто в первый раз, неопределенно мугыкнул нечто нечленораздельное, типа «да уж, бывает». Внимательно посмотрел на Саньку, та, с видом провинившейся школьницы, не мигая, смотрела на него. По-своему оценив мизансцену, Анатолий Николаевич произнес:

— Еще раз прошу прощения за нашего коллегу, видать устал. На чем мы с вами становились?

— Я не из обидчивых, на обиженных, как известно, воду возят. Мы с вами остановились на том, что не мог наш мини-завод перерабатывать десять тонн молока в сутки.

— Ага, вот-вот. Как я вам ранее уже говорил, ваш компаньон Ковальский признался, что перерабатывал десять тонн молока в сутки. Я думаю, что вполне может быть, он это делал в ваше отсутствие. Мы от вас многого не хотим, всего лишь признайте, что это вообще возможно и все.

Санька молчала, про себя соображая, что именно на этом словили Ковальского, и хоть мелькал такой соблазн типа сдать Ковальского, понимала, что не спасет это ситуацию, а только усугубит. Также понимала, хоть все в ней и противилось подобной развязке, что это всего лишь начало и прессинговать еще будут неоднократно.

Вдруг в кабинет зашел Мальцев, Санька смотрела на него как на почти родственника, таким родным показался он ей в этот момент. Анатолий Николаевич поднялся, как бы уступая место хозяину кабинета. Мальцев махнул в его сторону рукой, мол сиди, где сидишь, сам присел на стул сбоку стола, развернув его в Санькину сторону, неопределенно обратился:

— На какой вы уже стадии?

Анатолий Николаевич ему ответил:

— Да вот, объясняю Александре Владиславовне, что сдал ее и себя Ковальский полностью, посему ей ничего другого не остается, чтобы вытащить себя, как написать признание о возможной переработке десяти тонн молока в сутки.

Мальцев посмотрел на Саньку, спросил:

— И что вас смущает? Во-первых, я уже рассказывал, что ваш Ковальский валит все на вас, а во-вторых, что здесь такого, вы ведь всего-навсего должны написать, что имели такую возможность перерабатывать десять тонн в сутки и что Ковальский в ваше отсутствие вполне мог бы это сделать.

Анатолий Николаевич и себе решил добавить:

— Вот-вот, и я о том же, незачем вам, Александра Владиславовна, брать на себя лишнее, из вас двоих в конце концов мужчина именно Ковальский, а не вы. Лично вы у меня, и не побоюсь расписаться за коллегу, у Игоря Ивановича вызываете прежде всего симпатию. Игорь Иванович мне уже несколько раз говорил, как

ему вас жалко, и что такой подлец, как ваш Ковальский, сострадания не заслуживает.

Санька все это слушала вполуха, потому как понимала: разводят ее как пионерку, как минимум не совсем логично. Если Ковальский ее «сдал», то каким образом ее «признание», о возможности жульничества Ковальского, докажет отсутствие такового у нее. Она понимала лишь одно, коль скоро вменяют преступление, основанное на бумагах, то и бумагами, а не признательно-покаянными записками разбивать его нужно. К сожалению, и этот бой придется вести самостоятельно, ну не на кого ей опереться. Пока говорили, в голове крутилась единственная мысль: «Только продержаться до конца и выйти отсюда, там на воле найдутся и друзья, и силы».

ГЛАВА -1-

Весна... Это всегда то особое время года, которое располагает к переменам. Ожидание чего-то нового, обязательно прекрасного, всегда ощущается именно весной. Цвели сады, воздух был наполнен теми редкими ароматами, которые бывают лишь в это время года. Для Саньки именно эта весна 2004 года стала особо знаковой, она никак не предполагала, что ближайшие несколько месяцев кардинально изменят ее жизнь.

У Саньки сегодня день с самого утра как-то не заладился: телефон звонил непрерывно, было ощущение, что она нужна всем просто позарез. Виталик — эта ленивая Кыця — и тот проявлял необычную для себя активность, даже поинтересовался, до скольки Санька сегодня будет трудиться, типа, «может, устроим романтический ужин».

В интерпретации Виталика это означало, что они с Санькой пойдут в ресторан, причем он сам будет заказывать с видом эдакого знатока жизни, а платить будет Санька.

То добро, которое делала для него Санька, Виталик воспринимал, как проявление слабости с ее стороны, считая, что та, будучи влюбленной, всегда будет готова ради него на подвиг. Ей это положение вещей уже порядком поднадоело, та буря чувств, которая бушевала еще пару лет назад, на данный момент поутихла. Ей стоило значительных усилий заглушить свои чувства, прекрасно понимая (была неглупа от природы), что Виталик просто не способен кого-нибудь любить: слишком уж был поверхностным и недалеким, следовательно, жертв никаких приносить не собирался. Они прожили вместе уже четыре года. Первый год был особенно тяжелым для Саньки, которая искренне, в силу своих возможностей, создавала для любимого Эльдорадо, надеясь, что тот оценит ее усилия должным образом, но вместо ответного чувства она получила разочарование и душевную пустоту. Пустота не кричала, а просто вопила, требуя чем-то ее наполнить.

Санька не была настроена на ужин с Виталиком, тем более, что понимала: тот всего-навсего желает загладить свою вину. Дело

в том, что вчера он типа взял помыть Санькину машину и про-
шлялся где-то до вечера, прям мартовский кот какой-то: потеплело
и уже того тянет в блуд. Поэтому она сначала сказала, что еще не
знает, а когда он перезвонил во второй раз — ответила, что работы
много, встреч тоже, поэтому дома будет поздно. Про себя Санька
в который раз отметила, что Виталик ничуть не огорчился от такой
информации.

Примерно с 10 утра названивал Гриша, директор одного из
предприятий корпоративного клиента. Про Григория Санька
знала, что тот бывший сотрудник спецслужб, а если точнее, то того
самого ГРУ, о котором большинство граждан за всю свою жизнь
ни разу не слышало, короче, Джеймс Бонд в отставке. Также знала,
что совсем бывшими такие кадры не бывают.

Григорий — директор предприятия с миллионными оборо-
тами и несколькими десятками сотрудников, но ощущалось, что
это далеко не основная и не вся его деятельность; чем он зани-
мался в свободное от основной работы время, было покрыто мра-
ком. Впрочем, Санька точно знала, что если ей нужен контакт у
силовиков, например, в СБУ, то нужно позвонить Грише, что-ни-
будь да подскажет. Гриша в свою очередь четко знал, что если
нужен контакт в налоговой, а тем более в следствии налоговой, то
нужно звонить Саньке. Санька уже много лет водила тесную
дружбу с одним налоговым генералом, у которого была кем-то
вроде консультанта, поэтому знала начальников следствия почти
по всей Украине лично, а с большинством из них еще и поддер-
живала дружеские отношения.

Генерал был интересным мужчиной среднего возраста. По-
знакомилась Санька с Петром Валентиновичем, так звали гене-
рала, в далеком 1998 году, когда налоговое следствие только
начинало формироваться. Первых полгода знакомства Петр
Валентинович к Саньке присматривался, в силу своей профессио-
нальной деформации прогонял через фильтры-тесты, придуман-
ные им самим. Санька по отношению к генералу ощущала почти
безмерное восхищение и уважение, вызванные безусловным про-

фессионализмом Петра Валентиновича. В ее понимании не было следователя лучшего, чем Петр Валентинович. Восхищение профессионализмом дополнялось очарованием личными качествами, и, конечно, безмерная благодарность за покровительство и пиар ее персоны. Несмотря на невысокий рост, было что-то очень мужское в поведении и поступках Петра Валентиновича.

Когда Гриша перезвонил уже в третий раз за это утро, Санька не выдержала и напрямую по телефону спросила, что у него за вопрос. Гриша начал туманно объяснять, що «приїхали друзі із Москви, в них є питання по податковій в Херсоні, але питання таке, на їх думку, важливе і складне, що зусиль Григорія на їх подолання не вистачить». Также Гриша сказал, что он уже описал Саньку в лучшем виде как суперспециалиста по налогам, поэтому те уже готовы с ней подписать договор. Как назло, перезвонили из хозсуда и попросили срочно подъехать. Санька перезвонила Грише и сказала, что через час готова приехать к ним хоть на Камчатку, но сию минуту никак.

Только положила трубку, как опять пошел вызов на сотовый телефон. Это был снова Гриша:

— Сань, ти розумієш, що люди дуже серйозні і поважні і ніяк не можуть чекати, тим більше, що вони були готові зустрітися ще об 11:00, а зараз вже 12:30.

— Гріш, а ти розумієш, що в мене є свої плани і гості із Москви в них прописані не були.

— Послухай, по-перше, люди в Києві не живуть і приїхали здалеку, по-друге, ти ж сказала, що маєш можливість зустрітися, по-третє, врешті-решт, тобі що, гроші не потрібні?

— Чому не потрібні? Але ж зі мною ніхто не погоджував їх приїзд і, відповідно, я маю узгодити свої плани, щоб мати можливість з ними зустрітися.

— Ну то узгодь, причому прямо зараз, оскільки вже час наближається до обіду, а ми тебе чекаємо з 10:30, а ти все ніяк не зберешся.

— Чому такий поспіх, що, десь пожежа, чи я обіцяла твоїм

друзям із Москви зустріч?

— Ні, особисто ти не обіцяла нічого, ти навіть з ними не знайома, але я тебе описав як людину, яка здатна на будь-які подвиги та не знає нічого неможливого, тому в тебе немає вибору, бо маєш бути прямо зараз і все, крапка.

— Гріш, а ти дійсно не лишаєш мені вибору. Скажи тим людям, що я в генерала, зараз усе покину і примчуся, хвилин за 30, нехай почекають.

— Не питання, але 20 хвилин, і ми чекаємо на тебе в ресторані на Подолі, у тому, що в Пасажі.

— Гаразд, я буду, ну може за 25 хвилин.

— Ти би менш балакала, то вже була б на місці.

— Добре, вже чекайте.

Санька как раз уже вируливала к своему офису на Подоле, по дороге набрала секретаря судьи и сказала, что, так как уже скоро обед, то будет после двух. На том конце провода сразу согласились, сказав, что до 14:30 спешить не стоит, ведь у всех будет обед. Заехав в офис, стоя на одной ноге, уточнила, кто чем занимается, дала дополнительные указания (на это ушло не более 5 минут) и помчалась в назначенное место. Пока ехала, Гриша еще раз три позвонил, хотя Санька вполне вписывалась в обещанные 25 минут.

Паркуя машину без пяти минут час, Санька размышляла: это что ж за «цэбэ» такое, что ее так подгоняют и сколько ж человек ее ожидает?

Припарковав машину, при этом не забыла поулыбаться парковщику и сказала, что не надолго, поэтому платить за парковку не собирается, Санька, одернув узкую юбку, едва достававшую до колен, эффектно зашла в ресторан.

Прямо с порога к ней бросился высокий черноволосый мужчина, протягивая к ней обе руки, с восклицанием: «Я так себе и представлял!». За спиной незнакомого мужчины стоял Гриша и мило улыбался. Несколько опешив от такого бурного проявления эмоций от совершенно незнакомого ей мужчины, Санька виду не подала, а когда тот отодвинул ей любезно стул, глазом не моргнув,

на него уселась, эффектно, на всякий случай, закинула ногу за ногу. Этот жест в ее женском арсенале был одним из коронных номеров.

Санька не была классической красавицей: нос с горбинкой был великоват, губы узковаты, но зеленые глаза в обрамлении длинных черных ресниц были великолепны, особенно когда смотрела на мужчину слегка снизу да еще с легкой поволокой, то эффект был обеспечен. При этом Санька имела отличную фигуру: тонкая талия и длинные ноги абсолютно правильной формы. В тот день на ней был коралловый облегающий костюм с короткой юбкой, черные тонкие прозрачные колготки и классические черные лодочки на шпильке. Словом, была обворожительна, как всегда; некая взлохмаченность длинных каштановых волос, которые локонами падали на плечи, лишь завершала этот образ.

Гриша представил: «Александра, это Иван Николаевич, Иван, это и есть Александра Владиславовна, о которой я и говорил».

Мужчина улыбнулся Саньке во все 32 зуба. Улыбка была истинно голливудская, и сказал:

— Ну почему же сразу Николаевич? Можно просто Иван.

«Как бы не так, — подумала про себя Санька, — еще скажи давай на «ты». Но вслух сказала:

— Как вам будет угодно. Сейчас модно обходиться без отчества, это так современно, прям по-европейски.

Но Ивана Николаевича не так просто было смутить, продолжая улыбаться, он сказал:

— Ага, как-то так, а еще лучше на «ты», это тоже в Европе модно.

— Вы уж меня извините... — Санька сделала многозначительную паузу, — но как-то не пристало в деловом разговоре к незнакомым обращаться на «ты».

Иван заглянул Саньке прямо в глаза, охнул и аж зажмурился, но улыбаться не перестал:

— Почему к незнакомым? Мне уже Григорий все утро про тебя рассказывает.

— А мы что, уже перешли на «ты»? — возмутилась Санька и аж подпрыгнула на стуле.

Было очевидно, что Санькино возмущение Ивана лишь забавляло. Он вдруг с небывалой легкостью для такого крупного мужчины вскочил со стула, шаркнул ногой, картинным жестом достал из кармана визитку и протянул ее Саньке.

— Простите нижайше, был неправильно представлен. Рад знакомству с такой милой дамой, как вы, Александра Владиславовна. Позвольте представиться ?

— Позволю. — Санька и сама полезла в сумочку за визиткой.

— Сотник Иван Николаевич, честь имею, — при этом согнул правую руку в локте и щелкнул каблуками, изобразил поклон.

— Надеюсь, на одно колено припадать не надо, а то официант неправильно поймет, подумает, что я делаю вам, Александра Владиславовна, предложение руки и сердца.

Несомненно, Иван забавляется вовсю. Александра и сама решила поразвлечься:

— Что вы, что вы... так уж сразу и не стоит, вам для этого, как я вижу, нужно как минимум развестись.

Обручальное кольцо на пальце у Ивана красовалось.

Санька была щепетильна в этих вопросах и старалась избегать отношений с женатыми мужчинами, кроме того, легкий акающий акцент у Ивана фигурировал в речи, выдавая жителя Москвы, что само по себе для Саньки где-то в подсознании было отталкивающим фактором. В этих случаях ей всегда хотелось процитировать Т. Шевченко: «Кохайтесь, чорнобриві, та не з москалями...». «Вот интересно, — подумала про себя Санька — как быстро сошла бы улыбка с лица Ивана, если бы я произнесла цитату вслух?», но говорить, конечно же, этого не стала.

— Как знать, как знать, а может, это судьба, — все так же с улыбкой произнес Иван.

«Не думаю», — подумала про себя Санька, а вслух произнесла:

— Хоть и говорят, что «судьба негаданно нагрянет, когда ее совсем не ждешь», но я не думаю, Иван Николаевич, что это наш

с вами случай. Во-первых, вы женаты, во-вторых, я не одна, в-третьих, давайте не путать жанры. Мы по какому поводу вообще собрались? Может, вы изложите свою проблему, а то у меня со временем не очень.

Тут Гриша и себе решил встрять в разговор:

— Ну, что я тебе говорил? Палец в рот ей не клади, — с улыбкой Гриша обратился к Ивану.

Иван изобразил серьезность на лице и даже некую усталость:

— Гриш, так и излагай, тебе же все известно, я как-то устал за сегодня три раза одно и то же рассказывать.

«Ишь ты, какой перец, — про себя подумала Санька, — прям барские замашки». Но говорить ничего не стала, а повернулась к Григорию:

— Я вся во внимании.

— Як скажешь, братик, только может что-нибудь закажем?

— Александра? Что будете пить? — Иван опять склонился к Саньке, создавалось впечатление, что ему очень хочется, как минимум, ее обнять.

— Фреш яблочно-апельсиновый, пожалуйста, если вас не затруднит передать мое пожелание официанту.

Санька про себя отметила обращение «братик». Уже была в курсе, что так друг к другу обращаются бывшие сотрудники ГРУ СССР и современные сотрудники внешней разведки. Во всем мире разведка — это просто разведка, для стран бывшего соцлагеря существовало две разведки: внешняя — это ГРУ и внутренняя — КГБ. У Суворова в его «Аквариуме» была фраза, очень понравившееся Саньке: «ГРУ был зверь красивый». Какая-то особая харизма звучала в этой фразе по отношению к советским Джеймсам Бондам.

Гриша принялся излагать Саньке «проблему».

Проблема заключалась в том, что корпорация, в которой Иван занимал должность вице-президента по вопросам безопасности, так, во всяком случае, было написано на визитке, которую Санька с интересом вертела в руках во время рассказа Гриши, имела в

Херсоне перерабатывающее предприятие, где возник конфликт с налоговой. В Гришиной интерпретации этот конфликт имел подоплеку со стороны каких-то третьих сил, которые этот конфликт раздували, используя местные кадры налоговой милиции, и был по его и Ивана мнению «заказухой».

— Ну и что вы от меня хотите? — сказала Санька, обращаясь к Ивану.

— Да, собственно, ничего особенного. Закрывать возбужденное уголовное дело, убрать претензии налоговой, и, в общем, все, — сказал Иван.

При этом выражение лица его сделалось серьезным, чтоб не сказать жестким, что, впрочем, не помешало ему придвинуться вместе со стулом, на котором он сидел, вплотную к Саньке. Так как Санька сидела у окна, то двигаться ей было некуда, она оказалась плотно зажатой между стеной и Иваном, который с невозмутимым видом под столом ногой задел Санькину ногу. Санька просто закипела, она была эмоциональной от природы, а тут просто как скипидар за шиворот. От возмущения у нее просто пропал дар речи, зато взгляд метал громы и молнии; Иван от этого только забавлялся еще больше.

Совладав с эмоциями, Санька резко проговорила:

— Будьте так любезны, поставьте свой стул, где он стоял, Иван Николаевич, а то мне крайне неудобно вести с вами беседу.

— И что же конкретно вам мешает?

— Ваше слишком близкое присутствие.

— Ну, если так сильно просите, то пожалуйста. — Иван переставил стул в прежнее положение.

Санька немного развернула свой стул так, чтобы у Ивана не было маневра в ее сторону, и, глядя на него, заявила:

— Значит по порядку: первое — я не могу ничего ни сказать, ни пообещать, не видя документов. У вас есть с собой Акт налоговой?

— Да, конечно, — Иван опять улыбался во все 32 зуба.

— Тогда дайте я почитаю.

— А что, без этого никак?

— Нет, никак.

— Ну, тогда извольте. — Иван передал Саньке пакет документов, который лежал рядом на столе.

Санька взяла, быстро пролистала, нашла нужное место, перечитала. Оторвала взгляд от документов, глядя по очереди то на Ивана, то на Григория, произнесла:

— Мне этого недостаточно, нужна ещё первичка, которая описана в Акте. Хотя, похоже, вы правы, смахивает на «заказуху».

— И как быстро, Александра, можно будет услышать ваше профессиональное мнение? — Иван опять забавлялся.

— В течение 10 минут после просмотра договоров и накладных, указанных в Акте.

В этот момент к столику подошел официант, он принес заказанный Санькой фреш и меню. Меню было оформлено в громадный кожаный переплет под имитацию старинной книги, наименования блюд с описанием были на двух языках: на английском и украинском. Зная, что граждане Российской Федерации украинского языка не понимают, Санька решила помочь с переводом Ивану. Только она собралась перечитать меню вслух на русском, как услышала, что Иван, подозвав официанта на чистейшем украинском, без всякого акцента делает заказ. Удивившись, Санька спросила:

— А откуда вы, Иван Николаевич, так хорошо знаете украинский?

— Как откуда? Я ж украинец, родился и вырос в Запорожье, у меня там еще живы родители, так что бываю в Украине очень часто.

Полученный ответ сразу примирил Саньку с заигрываниями Ивана, правда, расстраивало, что женат, да еще и живет в Москве. Сделав и себе заказ, Санька больше на Ивана не фыркала, но дистанцию продолжала держать. За столом беседа плавно перешла в мирное русло общения людей, которым есть о чем поговорить и что обсудить.

Через какое-то время Иван опять обратился к Саньке:

— Кстати, мы так и не обсудили, сколько будут стоить твои услуги и когда ты сможешь приступить к работе.

— Напоминаю, на «ты» мы не переходили.

— Это ты не переходила, а я перешел. Поэтому предлагаю для простоты общения и тебе перейти на «ты», ты же к Грише обращаешься на «ты».

— Гришу я знаю давно, а вас вижу в первый раз.

— Да ты уже целый час на меня смотришь и все как первый раз?

— Вы путаете жанры, Иван Николаевич, у нас с вами чисто деловые отношения.

— Мне уже нравится, что ты признаешь, что между нами есть хоть какие-нибудь отношения, надеюсь, к вечеру они перейдут в более тесные и не только деловые.

— Блажен, кто верует, но я вынуждена вас через 15 минут оставить, поэтому вечера не получится.

Иван вдруг достал из кармана еще одну свою визитку и протянул ее Александре:

— На, там я записал два своих мобильных телефона, буду ждать от тебя звонка, желательно не позже 17:00, чтобы я мог планировать свой досуг.

«Вот же нахал какой», — подумала Санька, но визитку взяла и вслух сказала:

— И что случится, если я вам таки позвоню? На Красной площади парад пройдет?

— Не думаю, что будет парад, но в ресторан мы таки сходим.

— Я подумаю над вашим предложением, но обещать ничего не могу, а тем более до 17:00 у меня еще будет время.

— Но перезвонить ты можешь? Тебе ж это будет не тяжело?

— Перезвонить могу, постараюсь не забыть.

Пока забежала в суд, пока повстречалась еще с двумя клиентами, в офис Санька в аккурат прибыла примерно без десяти минут пять вечера.

Сев за рабочий стол, посмотрела на телефон и вспомнила, что обещала как минимум перезвонить Ивану Николаевичу. Достала

визитку, повертела в руках, посмотрела на московский адрес офиса, потом достала мобильник, задумчиво на него посмотрела: как набирать этот номер через +7? Нашла на клавиатуре нужные цифры, задумалась: звонить-не звонить, больно уж нахально и самоуверенно он себя вел. Потом решила: позвоню, подожду три гудка. Если возьмет трубку, значит — судьба, не возьмет, значит, так и будет. Подстегивало еще желание почувствовать себя женщиной, за которой ухаживает полноценный мужчина. Иван Николаевич как раз таким выглядел: высокий, импозантный, с налетом еще не забытой офицерской выправки, а как улыбнется — то вообще звезда Голливуда. Не последним было желание наставить Виталику рога.

Смущало только два момента: первое, это то, что Иван Николаевич представлял клиента, а Санька никогда не позволяла себе иметь личные отношения с клиентами, второе — он был женат. Оба эти момента притуплялись, если вспомнить, что жил тот в далекой от Киева Москве. И, в конце концов, правила для того и существуют, чтобы делать исключения. Что-то было в Иване такого, что не позволяло Саньке его проигнорировать.

ГЛАВА -2-

Санька родилась в семье так называемой «прослойки», так в советские времена называли интеллигенцию, иначе служащих. Родители были типичными «шестидесятниками», представителями той советской интеллигенции, которая собиралась в малогабаритных совковых квартирах на кухнях, чтобы пообсуждать маразм советской власти, вождей, репрессии, потанцевать под «Битлз», Джо Дассена, поиграть до утра в преферанс, послушать любительские записи Высоцкого.

В свое время родители вместе учились во Львовском университете на факультете экономической кибернетики, экзотической по тем временам специальности. Так, в советской энциклопедии 1958 года было записано, что «кибернетика — это буржуазная лженаука», а через четыре года в ВУЗах были открыты первые факультеты этой самой «лженауки». Их студенческие годы совпали с недолгим временем так называемой «оттепели», что наложило на их мировоззрение неизгладимый отпечаток. Санька хорошо помнила, как родители вместе с приятелями, сидя на кухне, полупешепотом обсуждали репрессии 30-х годов. Как правило, Санькина мама, как самая читающая, начинала так:

— Обратите внимание на дату смерти Тухачевского, Блюхера, Уборевича и т.д., — после чего все начинали усердно шушукаться, причем маленькая Санька, присутствующая при этих разговорах, усиленно старалась запомнить услышанные фамилии, чтобы и самой где-нибудь прочитать об этих людях.

Читала Санька в детстве все подряд запоем: от художественной литературы до публицистической, от Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, от серии ЖЗЛ до книг по микробиологии, ботанике, химии. Особое удовольствие Саньке доставляли книги по истории экономики с художественным описанием происхождения крупных состояний. Так, особое впечатление произвели переводные издания Гюнтера Оггера «Магнаты, магнаты, магнаты» и Джона Кеннета Гэлбрейта «Жизнь в наше время».

Причем Гэлбрейт так и остался любимым автором книг по экономике на всю жизнь, наверное, потому, что видела его вживую

на даче у своей тетки в Москве. Дружил Гэлбрейт с теткинм мужем, который был известным экономистом с мировым именем. Читала много и по ночам, если родители выключали свет, читала при свете уличного фонаря, который как раз светил на подушку, если штору отодвинуть.

Дед по материнской линии был также известным ученым, академиком, себя гордо называл «жертвой статистики», так как умудрился быть директором научно-исследовательского института и при этом ни одного дня не был членом коммунистической партии СССР. Был разносторонним человеком, даже считали, что существует два ученых под одной фамилией: один — химик, другой — технарь. Бабушка была доцентом, заведовала кафедрой иностранных языков. Детские воспоминания бережно хранят то, как бабушка уговаривала:

— Сашенька, давай на улице в и трамвае говорить на английском, нас никто не будет понимать...

Дед по отцовской линии умер задолго до Санькиного рождения. Бабушка по образованию учитель украинского языка и литературы работала простой проводницей, нравилось ей это. Несмотря на то, что бабушка была лишь проводницей, это не мешало ей заставлять Саньку на каникулах постоянно учить стихи украинских классиков.

С раннего детства Санька была приучена общаться на нескольких языках: русском, украинском, английском. В семье была богатая библиотека. Среди огромного количества книг было много художественной литературы на польском языке, на котором хоть и не говорили, но читали все.

Училась Санька самостоятельно, родители редко интересовались её оценками. Записывала сама себя на всевозможные кружки и курсы, развлекалась, как могла: занималась плаванием, закончила «школу юного лектора», получила среднее музыкальное образование — играла на виолончели.

Девочка росла впечатлительной и эмоциональной. Однажды попался ей в руки роман Павла Загребельного «Диво». Неделью ничего читать не могла, пока не написала пьеску на украинском

языке про профессора Паливоду, которого репрессировали в далеком 1938 году за защиту Михайловского Златоверхого монастыря. Презентация пьески состоялась на конкурсе в УПК «лучший по профессии», после чего методист, преподавшая педагогику, подошла и сказала Саньке:

— Ты это, поосторожней, скажи спасибо, что перестройку объявили, а то я была бы вынуждена сообщить, куда надо, и у твоих родителей были бы колоссальные неприятности. — При этих словах Санька с ужасом осознала, что «куда надо» — это страшное ведомство КГБ, шел 1985 год.

Когда Санька училась в 10 классе, к ним в специализированную школу с углубленным изучением французского языка приехала делегация французских школьников-старшеклассников.

К встрече иностранных гостей готовились долго и тщательно. Классный руководитель, учитель русского языка и литературы, талантливый педагог, которую ученики звали просто Фаня, подготовила целую программу. Это были отрывки из пьес Островского и Есенинский вечер, на котором ученики класса организовали исполнение романсов на стихи Есенина с привлечением преподавателя консерватории, которая организовала многоголосье.

Еще до приезда визитеров директриса провела инструктаж на тему: «Как должны себя вести советские дети, встречающие иностранных гостей». В ходе пафосной речи о «преимуществах» социалистического образа жизни в воспитании подрастающего поколения от красот «загнивающего» капиталистического мира ученикам 10-х классов поведала, что неискушенных социалистическими прелестями французов будут водить в гости к избранным детям, дабы показать быт советского школьника.

Гибкий, еще не обремененный догмами марксизма-ленинизма в достаточной концентрации для пропаганды, детский ум постиг лишь то, что хотят французам показать, что живем не хуже ихнего. Также детям было сказано, что партиячка школы дала добро на общение советских школьников и этих юных представителей «загнивающего» капитализма, поэтому им, детям, будет разрешено в процессе представления пообщаться напрямую с французскими

лицеистами и самим убедиться в том, как сильно они от нас отличаются.

В антракте между выступлениями Санька с одноклассниками осторожно подошли к группе французских лицеистов. Уровень знания русского у французов равнялся уровню знания французского у Саньки с одноклассниками, то есть был очень низким. С английским было чуть проще — его лучше знали и те, и другие. Лингвистические трудности, впрочем, не мешали взаимопониманию двух систем мировоззрения. Сказывалось то, что им, в отличие от взрослых, делить было нечего, а уровень пропагандистского вранья в 80-е уже зашкаливал так, что пропаганда почти не воспринималась, была привычным фоновым сопровождением всех мероприятий. Поэтому, несмотря на все увещевания взрослых о «загнивающем» Западе, школьники с восторгом смотрели на своих западных ровесников и с интересом расспрашивали, как же они там живут, на своем «разлагающемся, зловонном» Западе. Те, в свою очередь, с не меньшим интересом расспрашивали о жизни в непонятном для них СССР. В ходе общения выяснили, что интересы у французов приблизительно такие же, как и у их советских ровесников.

Когда французы проявили повышенный интерес к условиям жизни простых советских граждан, Санька вдруг неожиданно для всех и себя в том числе предложила:

— А приходите к нам в гости на 23 февраля, наш класс собирается у одной из одноклассниц, ее родители оставляют нам их огромную трехкомнатную квартиру.

Французы хоть и удивились, но несказанно обрадовались, закивали головами, типа да-да, нам говорили, что будут приглашать в гости. Потом, посоветовавшись между собой, озабоченно спросили, сколько человек может прийти? Санька недоуменно переспросила: «Что значит сколько?».

Для советского человека трехкомнатная квартира даже с маленькими проходными комнатами — это целые хоромы, а для нормального среднестатистического европейца — это жилье бедных людей, которым не по карману отдельные спальни для членов

семьи и гостиная, где все собираются, уже не говоря о столовой, кабинете и прочих излишествах свободного мира.

Аргументы французов, что комнат всего три, а принимающая сторона — это 20—25 человек, их делегация из 30 человек, всего вместе уже больше 50 человек, для малогабаритной трешки это — очень большое количество людей. Аргументация звучала логично и была принята, согласовали, что придет половина делегации, то есть 15 человек. Французы были очень рады, очень эмоционально обсуждали, что делегируют лучших, все радостные разошлись по домам.

А на утро разразился грандиозный скандал. Директриса орала так, что аж охрипла, классному руководителю объявили выговор с занесением в личное дело. Было срочно собрано партсобрание партийной ячейки в школе, Саньку вызвали на это сборище и взрослые тети и дяди орала на нее, что та необдуманно могла нанести урон репутации целого Советского Союза, а бедной Фане пригрозили выгнать из партии за то, что не углядела за своими воспитанниками. Короче, быт советского школьника показывали на более идеологически выдержанной образцовой советской семье, какой именно так и осталось для Саньки и одноклассников навсегда тайной.

На этой же неделе случилось еще одно знаковое событие. По всему Советскому Союзу проводили традиционную так называемую «линейку мира».

В холодную пору такие линейки в Санькиной школе проводили в спортзале. Вся школа, то есть все классы, выстраивалась буквой «П» вдоль стен. По центру зала директор школы, комсорг, парторг, завуч по очереди выступали с пламенной речью о том, как недоедают дети в Африке, как подлое НАТО отнимает у этих африканских детей счастливое детство, как все советские люди должны проявить сознательность и сказать «нет» американскому империализму, который мучает этих самых африканских детей и держит в плену Патриса Манделу.

Французы, которые еще не уехали и продолжали гостить, также были приглашены на это торжество советской идеологии.

Вид у них был слегка обалдевший: для неподготовленного человека весь этот идеологический бред выглядел эдаким театром абсурда, пьесой в стиле сюрреализма. Причем им, французам, со стороны было хорошо видно, что, несмотря на пафосность тона и повышенный градус эмоционального извержения лозунгов, ни один из ораторов не верил в то, что говорил.

Примерно посередине этого мероприятия, в момент очередного выступления, один из французских лицеистов не выдержал и выбежал на середину зала, обращаясь ко всем, протянул руки вперед по направлению к школьникам, эмоционально раза три с заметным акцентом прокричал:

— Не верую!

Все ошалело замерли в ожидании чего-то ужасного. Лицеист, проносясь вдоль шеренги школьников, вдруг остановился, выдержал из строя симпатичную старшеклассницу и, обращаясь к ней, закричал:

— Ну скажи, ведь бред это высьо-о...

Старшеклассница, косясь на директрису, испугано блеяла:

— Я за мир, я за мир...

Санька, к счастью для нее, стояла где-то в третьем ряду возле гимнастической стенки, что дало ей возможность забиться в угол, давась от смеха. Удивительно, но смешно почему-то было только ей.

Школу Санька закончила в 1986 году. Год был особенный, Горбачев объявил не только перестройку и начало эры «социализма с человеческим лицом», получается, что до этого лицо социализма было звериное, только никто об этом не знал, но и повсеместную борьбу с пьянством. Борьба с пьянством заключалась в повальном уничтожении виноградников, введением «сухого закона» во всех ведомствах без исключения, что и породило «безалкогольные» свадьбы, на которых упивались шмурдяком, втихую где-то под столом. Усиление борьбы привело к тому, что чуть ли не в каждой советской семье появился самогонный аппарат или приспособления, что его заменяли. Выпускной у Саньки поэтому и был без традиционного шампанского.

Готовиться к поступлению Санька поехала в Москву к тетке

на дачу. Прочно оккупировав второй этаж, где стояла кровать, письменный стол и были завалы книжек, Санька принялась грызть гранит науки.

Там же, на даче, она обнаружила старые подшивки американского журнала то ли «Новая жизнь», то ли «Американская жизнь», короче, что-то со словом «life». Очень сильно Саньку впечатлила карикатура, где Советский Союз изображен в виде лоскутного одеяла, которое разлазится по всем швам, причем республики Советской Прибалтики болтаются на одной ниточке, Украина — швы чуть ослаблены, Азербайджан — швы рвутся прямо с мясом, Беларусь даже намек на разрыв не имеет.

В далеком 1986 году представить такой поворот событий, как развал СССР было из категории невероятностей, все казалось неизблемым и закореневшим. Когда Санька показала карикатуру своей бабушке, у нее натурально случился сердечный приступ, и она слегла на целый день, таким сильным был испуг, что сейчас придет вездесущее КГБ и всех арестует. Саньке стало смешно и страшно одновременно.

ГЛАВА -3-

Тот день 2004 года был теплым и солнечным, яркое апрельское солнце пробивалось в окно Санькиного кабинета зеленоватыми бликами сквозь ярко-зеленые новенькие листочки клена, что рос в палисаднике перед окном. Санька в раздумьях таращилась на свой сотовый телефон, все не решаясь набрать номер Ивана Николаевича: не любила инициировать такие встречи. Вспомнился настойчивый тон, который, казалось, просто приказывал: «набери».

Подумала: была не была, набрала номер, пошел гудок, на том конце сразу сняли трубку. Было ощущение, что Иван сидел у телефоном и ждал, когда зазвонит:

— Уже ровно 10 минут как после оговоренного времени, — голос у Ивана почему-то был нервным.

— Так мне что, повесить трубку? — опешила Санька.

— Да нет, что ты, я просто нервничал, — тон Ивана изменился, голос стал каким-то бархатным, обволакивающим.

— Так ты уже освободилась? Через сколько мне выходить?

«Опять мне не оставляют времени для маневра», — подумала про себя Санька, но вслух произнесла:

— Я, собственно, хотела лишь уточнить...

— Что значит «уточнить»? Мы что, не встречаемся? — Иван прервал Санькину реплику, голос опять стал резким.

«Ого, — подумала Санька, — серьезная заявка на победу». Она ощутила, как по телу разлилось нервное тепло, отказываться от встречи уже не хотелось:

— Почему не встречаемся? Я как раз хотела узнать где, а также уточнить время, потому как еще с полчаса буду занята, поэтому раньше чем через час я не смогу.

— Так что, мне еще целый час тебя ожидать?

— Ну, как-то так, мне же надо еще домой забежать, переодеться, машину, в конце концов, поставить.

— Зачем «домой переодеться», не надо переодеваться, мне все нравится, а машину поставь, мы должны выпить что-то посерьезней фреша.

Ожидание чего-то серьезного в Саньке усилилось, нервная дрожь в предчувствии близости прошла искрой через все тело. Секунду поразмышляв, Санька произнесла:

— Ладно, я постараюсь быстрее справиться, но сильно сомневаюсь, что это произойдет раньше, чем через час. Ведь я не отвечаю за быстроту реакции такси.

— Но ты можешь, как минимум, перезвонить мне и сказать, что машину поставила и такси вызвала, а еще лучше, что уже села в такси. Поэтому имеет смысл такси вызвать прямо сейчас.

— Так вызвать я, конечно, могу, но поставить машину на стоянку мне как минимум надо, а это все равно возле дома.

— Просто если ты пойдешь переодеваться, это займет дополнительное время.

— Ну и что, такси как раз приедет, не могу ж я вызывать такси раньше, чем поставлю машину на стоянку.

— Ну, ты же знаешь, сколько времени тебе надо, чтобы доехать до стоянки. Вот и вызови, исходя из этого времени.

— Ну что же, если для вас имеет значение 10—15 минут, переодеваться не буду. Хотя, это однозначно было бы вам приятно, но если вы настаиваете, то буду потная, как взмыленная лошадь.

— Ничего, я потерплю, может мне как раз приятно тебя увидеть в том же образе, что и утром. Меня вполне устраивает твой внешний вид. Вызывай такси прямо сейчас.

— Хорошо, когда сяду в такси — перезвоню.

В офисе еще оставались сотрудники, в частности Ленка Хованская, которая как раз принесла для правки «Заперечення для податкової». Бегло просмотрев текст, это заняло минут 5, сделала замечания.

Ленка была не просто сотрудником. Она была подругой, которую Санька в свое время выдернула из налоговой, причем получила букет неприятностей от бывшего Ленкиного начальника, который имел на нее виды. Ленка была на 9 лет моложе Саньки, а ее бывший начальник — на 5 лет. Впрочем, это была отдельная история, требующая отдельного рассказа. Ленка, внимательно посмотрев на Саньку, произнесла:

— Что-то случилось?

— Да, случилось.

— Что именно?

— Да ничего особенного, просто есть ощущение, что меня хотят изнасиловать прямо по телефону.

— Это как?

— Да так, бывает...

— А, все же?

— Много будешь знать — скоро состаришься. Однако, если есть желание и натхнення, можешь поехать со мной до стоянки, как минимум дам «ЦЕУ» по поводу «Заперечень», как максимум — поприсутствуешь, когда буду договариваться о свидании.

— А что, есть с кем?

— Имею такую надежду, что таки да, экземпляр того стоит.

— А как же Кыця?

— Кыця в пролете... сегодня подождет.

— С удовольствием составлю тебе компанию.

— Понимаешь, мужик проявляет такое нетерпение, что просто караул. Все же поехали, по дороге расскажу.

Вышли из офиса, только сели в машину, Санька еще не успела вставить ключ в замок зажигания, как позвонил сотовый. Она сняла трубку, при этом одновременно вставляла ключ и заводила машину. Из телефона слышался голос Ивана, причем его нервное напряжение передалось даже Ленке, которая сидела рядом:

— Так сколько мне еще ждать?

— Так я уже в машине, еду на стоянку.

— Это сколько по времени?

— Минут 10—15.

— А ты такси уже вызвала?

— Еще нет.

— Так чего ты ждешь?

— Вашего ценного указания.

— Так я его еще полчаса назад тебе дал.

— Блин горелый, так уже выполняю, только шнурки еще не поглажены.

— Чего там у тебя не поглажено?

— Ничего, сейчас перезвоню в такси и наберу.

Ленка слегка охнула и завистливо сказала:

— Вот это да... вот это страсти, как мне нравятся такие интонации у мужчин...

— Ты это серьезно? Лучше позвони в такси и вызови на сейчас, по адресу стоянки возле моего дома.

— А куда хоть ехать?

— Блин горелый, сейчас выясню...

Санька набрала номер Ивана:

— Уточните адрес, будьте так добры, по которому вы меня ждете.

— Так я ж тебе уже говорил: гостиница «Хрещатик», та, что на Крещатике.

— А точнее?

— Что «точнее»? Ты что, Киева не знаешь?

— Отакої... — Санька нервно бросила трубку.

— Ленка, звони, вызывай по адресу Крещатик, 22.

— Ты уверена?

— А что тут уверена-не уверена, если адрес Главпочтамта Крещатик, 22, а это где-то совсем рядом. Если ошибусь, то не существенно, на один или два дома, там по месту разберусь.

Пока доехали до стоянки по ул. Серецкой, из такси перезвонили и прислали смс, что машина уже ожидает. Пока парковала машину, еще раз перезвонил Иван. Санька уже начала психовать и чуть не послала, но сдержалась и вежливо сообщила, что в течение 15—20 минут таки будет на Крещатике, потому как садится уже в такси. Вышла из такси и набрала Ивана, сказав, что прибыла, и что тот может уже выходить. С ощущением, что похожа на взмыленную лошадь, подошла к стеклянной двери гостиницы, сильно, не глядя, толкнула дверь и чуть не ударила ею по лбу Ивана, который, казалось, уже давно там стоял и просто поджидал Саньку.

— Ах, простите, можно было и на улице меня встретить.

— Но почему же... Я что, по-твоему, должен бежать вприпрыжку? — Иван опять ощущал себя на коне и опять улыбался

своей голливудской улыбкой.

«М-да, — подумала Санька, — он уже понимает: раз приехала, значит, никуда не денется. Да как бы не так!», а вслух сказала:

— Да зачем бежать, да еще и вприпрыжку, вы ж не мальчик, а мужчина солидного возраста, явно старше меня, — ехидно уколола Санька.

— Старый конь борозды не портит, или у тебя есть возражения на этот счет?

«Блин, опять переиграл, да что ж такое», — обычно Санькино всегда было сверху, а тут такая незадача... Но, окинув Ивана оценивающим взглядом с ног до головы, произнесла:

— Та ничего, сойдет, как-нибудь переживу. И куда мы идем ужинать?

Иван ухмыльнулся, как Чеширский кот, который знает все, сказал:

— Куда прикажете, многоуважаемая Александра Владиславовна.

— Александра Владиславовна желают на Подол, — Санька явно не собиралась уступать.

— Так зачем отпустила такси? — Иван также, судя по всему, привык держать пальму первенства.

— Так мы можем и пешком спуститься вниз, чай не на верх подниматься.

— Так это долго, давай перейдем на противоположную сторону, вон такси стоят.

— Как скажете.

На Подоле Санька выбрала один из самых дорогих на набережной ресторанов: французский «L'amour», так как считала это созвучным и символичным для такой чувственно начавшейся встречи. В ресторане все было прекрасно: и живая музыка, и французское вино урожая 1986, выбранное Иваном, и общение с ним. Он таки был, как и казался, высоко эрудированным приятным в общении стопроцентным мужчиной. Санька явно ожила и получала удовольствие от галантного обращения и повышенного внимания к своей особе, выпитое вино лишь усиливало впечатление. Было ощущение, что знает Ивана всю свою жизнь, общение было

легким и непринужденным. Около девяти вечера Санька засоби-ралась домой, понимая, что и дочь, хоть и 15 лет, все равно ждет маму, да и Виталичек скоро начнет наяривать, разыскивая ее.

Иван очень галантно поинтересовался, не желает ли Санька вызвать такси. Санька объявила, что желает и очень, и прям сейчас. Иван тут же вскочил, подозвал официанта и императорским тоном в приказном порядке потребовал немедленно обеспечить такси. Для набережной, где находился ресторан, это не было проблемой, такси нашлось очень быстро. Санька, увидев подъезжающую машину, уже было развернулась, чтобы попрощаться и поблагодарить Ивана за чудесный во всех отношениях вечер.

Иван, улыбаясь, открыл заднюю дверцу такси, галантно приглашая Саньку сесть. Санька, все еще под впечатлением от приятного вечера, молча села на заднее сидение и хотела уже прощаться, как вдруг Иван настойчиво подвинул ее, присел рядом. Очень резко взял Саньку за руку и безапелляционно сказал водителю ехать на Крещатик. Санька хоть и удивилась, скандалить не стала, подумала: «Ну ладно, пусть его сначала завезут».

Но не тут-то было. Иван, держа Саньку за руку, заглянул ей прямо в глаза и сказал:

— Ты ж не откажешься посмотреть, где я живу?

— А если откажусь?

Иван ничего не сказал в ответ, но по взгляду Санька поняла: закатает истерику прямо в такси, причем она четко читала его мысли: «Я тебя выгулял, как ты хотела, куда хотела и сколько хотела, только посмей не считаться с моими желаниями»...

Санька вдруг сдалась. В конце концов, какая разница, когда произойдет неизбежная в таких встречах развязка. Можно было, конечно, повыпендриваться, но вино было выпито, чувственное возбуждение от встречи только усиливалось, скандалить явно не хотелось, да и выражение лица Ивана вдруг стало просящим, почти умоляющим. «Была не была, не съест же он меня»...

До гостиницы доехали очень быстро, без слов, живо поднялись на этаж и зашли в номер. Иван тут же жадно впился губами в Санькины губы. У Саньки началось приятное головокружение,

нарастало чувственное возбуждение. Неожиданно Иван ойкнул и отскочил от Саньки, она опешила: у Ивана, небывалый в Санькиной практике случай, пошла носом кровь. Санька побежала в ванну за полотенцем, намочила край в холодной воде, затем приложила к переносице Ивана. Кровь как внезапно пошла, так же быстро и прекратилась. Удивительно, но такая слабость лишь добавила шарма Ивану в глазах Саньки.

Как любовник Иван был в этот вечер просто великолепен. Когда они оказались на кровати, Саньке в какой-то момент показалось, что весь номер озарила яркая вспышка. У нее вдруг появилось ощущение, что жизнь заиграла яркими красками... С сожалением вспомнила, что нужно ехать домой. Уходить не хотелось.

Уже едучи в машине, Санька, улыбаясь сама себе, вспомнила, как Иван, провожая ее, как бы сам себе сказал:

— У меня теперь появился смысл жизни, по крайней мере в той части, которая связана с поездками в Киев.

Санька у него еще спросила, часто ли он ездит в Киев. Тот, как бы выйдя из задумчивости, посмотрел на нее и совершенно серьезно сказал:

— Теперь, думаю, буду чаще... повод появился, — на последних словах он уже улыбался, пронзительно глядя на Саньку.

Пока Санька добралась домой, дочка уже видела десятый сон. Злой и насупленный Виталичек сидел в халате перед телевизором. По наличию на столике перед диваном грязных тарелок можно было судить, что дома он уже давно.

— Кыся, ты не голодный? — спросила Санька.

— Дякую, що спитала. — буркнул Виталик. — Ти краще кажи, де ти шлялась? — спросил Виталик, принципиально не глядя на Саньку.

— По-перше, я ніде не шлялась, в мене була ділова зустріч і про це тебе попереджала.

— Та ты шо? А че у тебя такая довольная физиономия? — Виталик соизволил глянуть на Саньку. — Пойди на кухню съешь лимон, может попустит. Твоя машина на стоянке с шести вечера, это что ж за такая деловая встреча, где наливают?

— Не смей мне хамить, — возмутилась Санька, — ты лучше расскажи, что за блондинку ты катал в моей машине. Мало того, что крашенная, так еще и линяет.

— Подумаешь, підвіз одну бідолаху, — смущенно проговорил Виталик. Потом как бы вспомнил, что не он так поздно сегодня появился домой, повеселев, грозно спросил:

— Так где тебя носило?

— Нигде меня не носило, — огрызнулась Санька и примирительно произнесла:

— Чайку мені зроби.

— Шо, Кицюню, сушить?

— Чому сушить? Просто хочу чайку. Тебе что, тяжело сделать?

— Почему тяжело? Сейчас сделаю.

ГЛАВА -4-

Свои первые деньги Санька заработала еще в шестом классе. Была у нее школьная подружка Оля, мама которой нигде не работала, имела липовую справку об инвалидности. Наличие такой справки позволяло маме подружки нигде не работать, иметь кучу свободного времени, которое она тратила на мелкие гешефты в виде выращивания аквариумных рыбок, производства бумажных свадебных букетиков. Именно мама Оли предложила заработать Сашке свой первый рубль, нужно было приклеить черенки к бумажным листочкам, 1000 штук на 1 рубль.

В СССР существовала так называемая всеобщая занятость, то есть все трудоспособные должны были в обязательном порядке быть трудоустроены, иначе уголовная ответственность за тунеядство. Участковый обязан был знать всех социально опасных на своем участке, в их число входили и лица без определенного рода занятий, например, художники, которых не приняли в Союз художников, соответственно, не платили зарплату. Более опасными для советской власти были так называемые тунеядцы, не желающие работать на благо Родины за зарплату, которая позволяла едва сводить концы с концами. Желающие работать на себя и для себя постоянно перевоспитывались участковыми, домкомами, всяческими ячейками за «светлый труд» как лица «несущие вредное разлагающее влияние на подрастающую молодежь». Выражение «чтоб ты жил на одну зарплату» воспринималось как проклятье, тем не менее, подавляющее большинство в СССР на «одну зарплату» и жило.

Средняя зарплата в 80-е годы составляла 120 рублей, минимальная пенсия 12 рублей 50 коп., где-то в середине 80-х увеличенная до 28 рублей, максимальная пенсия была 120 рублей. Такой персонал, как лаборанты, медсестры, библиотекари имели зарплату на уровне уборщицы в размере 80—90 рублей. Пара женских сапог самых паршивых стоила 65 рублей, хорошие финские либо югославские из темно-коричневой замши на каблуке стоили 120 рублей в магазине, но их никогда там не было, на базаре они же стоили 150—200 рублей. Женские колготки производства ГДР

стоили 5 рублей. Так что купи сапоги, колготки, а на все остальное денег просто нет.

Все население Страны Советов было учтено и посчитано во всевозможных кружках, ячейках и тому подобных образованиях, основным заданием которых было обеспечить всеобщий досуг в свободное от всеобщей трудовой повинности время. Советский человек чуть ли не от рождения был организован во всевозможные образования. Так, с первого класса это были октябрята, с четвертого класса — пионеры, с восьмого — комсомольцы. Одним из героев, на которого должны были равняться советские дети, был Павлик Морозов. Тот самый, который своих родителей сдал ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия), где этих самых родителей и расстреляли как подкулачников (то есть тех, кто против советской власти). Привычка стучать на соседей, дошедшая со сталинских времен, была уже не столь ощутима, но имела место, поэтому выявлять социально-опасные элементы активно помогали «доброжелательные» соседи.

Политическая партия в СССР была одна единственная — КПСС (не путать с СС, которая была военизированным подразделением НСДРП, хотя и та, и другая были партиями рабочих). Только советская была коммунистическая, а немецкая НСДРП — национал-социалистическая; первая пропагандировала интернационализм и всеобщую мировую революцию пролетариата, вторая — проповедовала идею исключительности арийской расы и мирового господства «истинных арийцев» во всем мире. Коммунисты хотели отнять и поделить, а фашисты, иначе национал-социалисты, хотели завоевать и присвоить.

Тетя Катя, мама Оли, не особо заморачиваясь, жила благодаря своим гешефтам на широкую ногу. В то время это означало, что их семья могла себе позволить покупать любые продукты, в том числе в коммерческих магазинах по цене в раза три превышающую так называемую «госцену». В Киеве еще можно было купить в магазинах такие продукты, как мясо, колбасу, масло, а на периферии все эти продукты были доступны для приобретения либо на базаре, либо в коммерческих магазинах, по ценам, значительно превышающим магазинные.

Санька свое детство помнила в том числе и по бесконечным

очередям. Если идешь по улице и видишь очередь, нужно срочно в нее стать, а лишь затем выяснять, за каким товаром эта очередь стоит, такой рефлекс был у советского человека отработан до автоматизма. В каком-то году вся огромная страна стояла в очереди за обычным репчатым луком, причем очередь занимали по несколько раз и всей семьей, так как в «одни руки» больше чем по 1 килограмму не давали.

Что касается таких товаров, как ковры, телевизоры, холодильники, стиральные машины, мебель — это был вечный «дефицит». Чтобы приобрести эти предметы, нужно было по месту работы записаться в очередь и ждать, когда объявят, что очередь подошла, значит, в профкоме нужно взять талончик с адресом магазина, в котором необходимо выкупить покупку. Знакомые, работающие в магазине (продавцы или товароведы), — это были очень нужные люди, потому что могли помочь «достать», или, точнее, договориться о продаже этих вещей за определенную доплату. Было еще такое выражение, как «достать по блату», что означало приобрести какой-нибудь дефицит через знакомых, если повезет, то по «госцене».

Была такая шутка-загадка: «Идет дефицит в дефиците, несет дефицит в дефиците», что означало: «Идет дворник в дубленке и несет сухую колбасу в туалетной бумаге». Туалетная бумага, очень низкого качества, грязно-серого цвета, но в рулончиках, была вечным дефицитом. Поэтому часто-густо предметом гигиены становилась нарезанная на кусочки обычная газета, было очень удивительно подтираться портретом вождей, которые улыбались, стоя на трибуне мавзолея.

Одежда и обувь — тоже вечная проблема, потому как если в магазине что-то приличное, пригодное для носки и появлялось, то нужно было выстоять очередь часа на три, а то и больше. Была такая шутка: «Очередь — это социалистический подход к прилавку». Очереди были будто неизлечимой болезнью, к которой все привыкли и даже не замечают.

Юморист Задорнов написал целый рассказ о том, как «тупые американцы» не понимают, зачем сливочное масло и колбасу в СССР «выбрасывают», хотя эти важные продукты были постоянно

в дефиците. Под словом «выбрасывают» применительно к продуктам советский человек понимал, что в назначенное время в торговый зал будет выгружена партия определенного продукта, следовательно, нужно успеть этот продукт ухватить, пока его не расхватали другие.

О том, как советский человек всеми правдами и неправдами добивался жилплощади, написан не один роман. Чего стоит только фраза Воланда из булгаковского «Мастера и Маргариты»: «Люди как люди, только квартирный вопрос их испортил...». Для более полной характеристики проблемы приобретения жилья следует упомянуть, что лишь благодаря Хрущеву начали расселять многочисленные коммуналки, пусть и в малогабаритные, но отдельные квартиры.

Была у Саньки одноклассница, так ее семья из четырех человек жила в писательском доме в переулке Коцюбинского в одной комнате с семьей углами, так называемом писательском кабинете. Это из квартиры, построенной для советского писателя, из категории особо заслуженных, которых советская власть баловала такими подачками, сделали громадную коммуналку. Как говорила мама этой Санькиной подружки, что, слава Богу, им достался писательский кабинет, а не каморка с одним узким окном для прислуги. Причем из их рассказов получалось, что сейчас они живут еще очень даже свободно, так как всего лишь два года как съехала семья отцовской сестры, у которой было трое детей. Представить, как в такой, пусть и достаточно большой и светлой комнате живут одновременно девять человек, из которых пятеро дети малые, это как представить картину Дантового ада в советской интерпретации.

Квартиру советский человек мог приобрести либо через, как правило, многолетнее «стояние» в очереди, где была целая иерархия всевозможных льготников, начиная от военных и молодых специалистов и до инвалидов всех войн, участников Октябрьской революции, либо путем участия в жилищном кооперативе через многолетний, опять же, выкуп.

Саньку особенно удивляло, что получить квартиру семья с одним ребенком могла лишь двухкомнатную, купить через кооператив на это же количество членов семьи уже — трехкомнатную.

Если в семье двое детей и они однополые, то комнат было положено все равно всего две, если дети разнополые — то три, но при условии, что жилая площадь не превышает на одного члена семьи 7,5 метра. Опять же, если мать-одиночка, весьма распространенное в СССР явление, и у нее девочка, то комната положена одна, а если сын — то две. Такая гендерная несправедливость порождала стойкое желание у советских мамочек рожать первых мальчиков.

Еще одна вещь удивляла в СССР: это знаменитый налог «на яйца». Все неженатые бездетные мужчины детородного возраста, то есть с 18 лет до 60, должны были платить налог, пока не обзаведутся потомством. Таким образом советская власть стимулировала процесс деторождения.

Особое внимание заслуживал национальный вопрос, при всем заявленном интернационализме как доктрине советской идеологии, вопрос «дружбы народов» всегда был очень острым. Отдельными темами всегда были так называемые «лица кавказкой национальности» и евреи. Антисемитизм в СССР процветал как будяк в навозе, особенно на почве обострения отношений с Израилем и борьбе с «буржуазными сионистскими кланами».

В классе у Саньки училось достаточно много евреев, почти треть, среди учителей евреи представляли подавляющее большинство. Следует заметить, что такая картинка была характерна для школы в центральной части Киева, в то время как в периферийных частях, особенно в рабочих районах, евреев не было вовсе. Киев отнюдь не был показателем в этом вопросе для всего СССР. Просто в Украине было множество городов и местечек, которые в царской России определялись как «места оседлости» евреев, Киев как раз и был одним из таких городов.

Для СССР было характерно наличие всевозможных непубличных ограничений, в том числе и по национальному вопросу. Согласно эдаким закрытым инструкциям существовало понятие «титульной нации», которыми в первую очередь были русские, за ними украинцы, белорусы так далее. Евреи к такой нации не относились, поэтому в СССР для евреев был запрет на определенные профессии. В частности, на юридический факультет могло поступить ограниченное число евреев, трудоустроиться с нацио-

нальностью в паспорте «еврей» можно было только юрисконсультом на предприятие либо в адвокатуру. Для прокуратуры, судов и других правоохранительных органов был негласный запрет, евреев в милицию не брали.

При поступлении в ВУЗы также были ограничительные квоты для евреев, об этом знали все, но вслух никогда не обсуждали. В соседнем классе с Санькой учился умный мальчик с характерной фамилией Миндель, когда он дошел до 10 класса, с целью облегчить себе процесс поступления в ВУЗ, фамилию резко сменил на Островский.

Карьеру с национальностью в паспорте «еврей» и какой-нибудь характерной фамилией, типа Рабинович, в Советском Союзе было сделать почти невозможно. Короче, тяжело жилось евреям в СССР. Анекдотов на еврейскую тематику было ну о-очень много, в том числе и весьма обидных, поэтому и выезжали евреи пачками из Советского Союза при малейшей возможности.

Для детей, родившихся в смешанных браках, вопрос решался до смешного просто. Если никто не настаивал, в графу «национальность» всегда писали «русский», даже если никто из родителей таковым не являлся. Под самый развал СССР вообще нашлись умники, которые активно пропагандировали создание единой национальности «советский», типа как для США «американец».

Первым сортом в СССР при таких раскладах, были, конечно же, русские. Все остальные национальности либо «младшие братья», либо пособники «буржуазных националистов» и сионисты, к последним относили, конечно же, евреев. Сионисты была отдельной рубрикой изрыгания недовольства. Ощущать себя с детских лет ущербным только лишь потому, что родился не с национальностью «русский» было не просто неприятно, осадок этот нет-нет и проявлялся постоянно и во взрослой жизни. Было превеликое множество обидных обзывалок на национальную тематику, это касалось всех наций и народностей, населявших «великий и могучий» Советский Союз. Самым уникальным и непонятным было для Саньки то, каким образом должна была при таких обстоятельствах укрепляться пресловутая «дружба народов».

ГЛАВА -5-

На следующее утро Иван позвонил Саньке в 7:30 утра, Виталик, который еще спал, от звука звонка проснулся и начал подозрительно коситься в Санькину сторону. Она быстро вышла из спальни в сторону кухни, на ходу отвечая на звонок:

— Что-то случилось? Чем вызван столь ранний звонок?

— А ты что, так долго спишь? — Вопросом на вопрос ответил Иван.

— Нет, я уже не сплю, но мне не совсем удобно говорить.

— Просто у меня в 11:00 утра самолет, ты не могла бы отвезти меня в аэропорт?

— В принципе могла бы.

— А без принципа? Тебя ж это не сильно затруднит.

— Мне не тяжело, просто это не входило в мои планы. Слава богу, в первой половине дня никаких судов нет, то это возможно, но будет лучше, если ты заранее будешь меня информировать о своих пожеланиях.

— Я так понимаю, ты за мной заедешь?

— Блин, заеду.

— Как быстро?

— Через часа полтора.

— А раньше никак? Я соскучился, с 5 утра не сплю.

— Не могу обещать. Жди. — Санька быстро отключилась, так как услышала шаги Виталика.

Виталик зашел в кухню и спросил:

— Киця, хто це тебе турбує зрання? Кому не спиться?

— Та це по роботі.

— Цікаво, цікаво...

Пока собралась, пока нарядилась, часы уже показывали без четверти девять. Уже выскакивала из квартиры, когда опять зазвонил сотовый, Иван сообщил, что Санька может не спешить, так как он перенес свой рейс на более поздний. Саньке такое Иваново нетерпение было, с одной стороны, приятно, с другой — раздражало, он вообще не желал считаться с ее планами.

— «Он что, думает, я буду тут по каждой его прихоти нестись

сломя голову? — раздражённо думала Санька, пока ехала в сторону Крещатика, — тоже мне Ален Делон нашелся».

Подъехав к гостинице, Санька набрала Ивана:

— Выходи, у меня мало времени.

— Ты что, не поднимешься?

— Нет, у меня мало времени.

— А ничего, что я сегодня уезжаю и буду не раньше, чем через две недели? — голос Ивана был не просто раздражен, он перешел почти на крик.

Понимая, что ситуация становится неадекватной, Санька уступила:

— Подожди, я сейчас поднимусь.

Поднимаясь в лифте, Санька рассуждала: «Вот сейчас поднимусь и все объясню, что просто ничего не успею...».

Иван впустил Саньку в номер, закрыл дверь, прижал к себе и крепко поцеловал. Санька порывалась его отстранить и объяснить, что времени на поцелуи нет. Иван, не отпуская и не давая сказать, быстро проговорил:

— Я уже вызвал такси в аэропорт, поэтому везти тебе меня не надо, у нас есть целый час...

Через час, уже в машине, направляясь в сторону офиса, Санька размышляла, о том, что ж это получается? Всегда в отношениях с мужчинами она сама решала, как и что, а тут все наоборот. Все время Иван ее переигрывает, причем ловит в самых неожиданных ситуациях, просчитывает каждое движение, каждый шаг наперед.

Впрочем, чувство досады от того, что не смогла переиграть Ивана сполна перекрывалось ощущением какого-то возвышенного счастья, смешанного с восторгом. Впервые ей повстречался столь достойный соперник, что даже проигрыш воспринимался как победа.

«Но ничего, — продолжала свои размышления Санька, — когда он собрался опять приехать? Через две недели? Очень хорошо. Я ему устрою «небо в алмазах». И от этих размышлений стало тепло и радостно на душе, было ощущение, что может горы свернуть.

В офисе все было как обычно, народ шуршал бумажками и

мозгами, у кого они были. Телефон звонил, что-то кому-то было надо. Санька с довольным видом уселась за свой стол у себя в кабинете, работать не хотелось, настроение было приподнятое. Зашла Инессочка, уже два года работавшая у Саньки на должности юриста. Привел ее к Саньке Инесский папа, который был близким другом генерала и с подачи последнего обращался к Саньке по поводу налогов на своей фирме. Инесский папа был веселого нрава, любитель веселых шумных компаний, ну и, конечно, красивых женщин, поэтому, будучи подшофе, не упускал повода позаигрывать к Саньке. Эти заигрывания никогда не переходили грань легкого флирта и были Саньке приятны.

Инессу папа привел к Саньке якобы для собеседования по поводу ориентации в дальнейшем трудоустройстве после ВУЗа, типа куда лучше: в прокуратуру или суд. Но Инесса, познакомившись с Санькой, заявила ей, что желает работать только у нее. Санька не была в восторге от такого Инесского желания: не было ни вакансии, ни рабочего места. Да и в ходе беседы стало понятно, что ВУЗ Инессочка посещала в основном, чтобы потусоваться да себя такую красивую выгулять в общество, а знаний особо не наблюдалось. Поэтому Санька на следующий же день после их визита набрала Инессу и сообщила, что с дорогой бы душой взяла на работу, но платить может лишь в эквиваленте 50 долларов в месяц, тогда как друзья папы Инески предложили трудоустроить ее на 200 долларов в месяц. На что Инесса ей ответила, ну и что, ее вполне на данном этапе устраивает зарплата в 50 долларов. Тогда Санька ей поведала, что имеет обыкновение иногда кричать на сотрудников, если они медленно соображают. Инесса невозмутимо ответила: «Ну и что, кричи себе, пожалуйста, но на работу возьми». Санька использовала последний аргумент, что, мол, и рабочего места нет.

Инесса была не из тех, кто отступает. Через час позвонил уже ее папа и безапелляционно Саньке заявил:

— Александра, возьми мою дочь к себе на работу.

— Но, Владимир Георгиевич, никак не могу, нет у меня финансовой возможности платить более, чем 50 долларов.

— Ну и что? Моя дочь согласна, значит и я тоже.
— Но послушайте, мне и посадить-то ее негде.
— Значит поставь в угол, но на работу возьми. Не буду тебя задерживать.

На последней фразе он отключился, у Саньки пошли короткие гудки. Не до конца понимая, зачем ей это надо, Санька сдалась и взяла на работу Инессу. Впрочем, в будущем о принятом решении ей жалеть не пришлось.

Инесса стала верным Санчо Пансой всех Санькиных походов, как по деловым вопросам, так и при необходимости составляла ей компанию на неофициальных встречах для поддержания деловых отношений. Как правило, на таких встречах было сугубо мужское общество, с обязательным потреблением спиртного. И тут Инесса была никак не лишней, помогала Саньке разбавить мужскую компанию и заодно выполняла роль водителя. Немаловажно было также то, что присутствие Инессы избавляло Саньку от необходимости урезонивать подвыпивших мужиков, которые никогда не против развить интригу и увязаться за Санькой. Вдвоем, Санька с Инессой, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, составляли шикарную пару: обе стройные, зеленоглазые, имели длинные волосы: Санька каштановые с медным переливом, Инесса черные, во всем остальном абсолютно разные, удачно дополнявшие друг друга.

Инесса, внимательно посмотрев на подругу, спросила:

— Кофейку?

— Да, я думаю, неплохо бы... — мечтательно глядя перед собой, промурлыкала Санька.

— Мне кажется, или вчера что-то без меня интересное произошло? — прищурившись, спросила Инесска.

— Да еще не знаю. — Санька никак не могла выйти из задумчивого состояния.

— Я так понимаю, что кофейку нужно с ложкой коньяку?

— Ага... — Санька была явно немногословна.

— Я сейчас, — Инесса бесшумно удалилась выполнять пожелание.

Через некоторое время, сидя напротив Саньки, заложив ногу за ногу, попивая не спеша кофе, Инесса повторила вопрос:

— Так что вчера произошло, и почему ты сегодня задержалась?

— Вчера была на свидании.

— И все?... — Инесса была явно разочарована немногословностью подруги. — Ну так рассказывай...

— Так сама не знаю с чего начать, впечатления шкалят.

— Ого, ну не хочешь — не говори...

— Да не то, чтобы не хочу, просто не могу в себе самой разобраться.

— Серьезная заявка на победу. И кто ж это так тебя впечатлил?

— Ты его не знаешь.

— Я догадалась, что не знаю. Ну а сегодня где была все утро?

— Ты не поверишь. Провожала в дорогу.

— Ты что, дома не ночевала?

— Да нет, что ты, ночевала, конечно. Просто товарищ утром улетал.

— А как зовут-то, скажешь? И как далеко улетел?

Тут дверь в кабинет тихонько приоткрылась, осторожно заглянула Ленка, вернувшаяся из судебного заседания. Увидев, что в кабинете только Инесса и Санька, возмущенно воскликнула:

— А что это вы без меня да кофеи гоняете?

— Так ты ж была в суде, — резонно заметила Санька. — Кстати, и что там? По сути спора слушали? Решение вынесли?

— Да нет, решение, конечно, еще никто не оглашал, да и по сути спора мы толком не слушали, налоговики не принесли документов, которые требовал суд.

— А, ну ладно, а как настроение у судьи?

— Вполне рабочее, думаю, что наша тетя уже вникла и налоговикам ничего не светит.

— Ну, смотри, на самотек процесс не пускай.

— Буду стараться, впрочем, как всегда. Мне кофе в этом офисе кто-нибудь сделает? — Последняя фраза была уже адресована Инессе.

Инесса поставила свою чашку на стол, поднялась, чтобы сделать кофе, и уже на ходу обронила:

— Без меня ничего не рассказывать.

Ленка, с интересом глядя на подругу, спросила:

— Ну, так как там твой Иван? В ресторане были?

— Были.

— А в каком?

— Я все слышу. Я ж просила, без меня ничего не рассказывать, — из коридора послышался возмущенный Инесский голос.

— Ладно, ладно... — примирительно ответила Ленка, — ждем тебя с нетерпением. — И уже тише, обращаясь к Саньке:

— Ты какая-то не такая...

— Есть слегка, перевариваю.

— Так в каком ресторане были?

— В «L'Amour», тот, что на Набережной.

— Что это вы без меня шушукаетесь? — В кабинет с кофе в руках зашла Инесса.

— Да что тут рассказывать... — зевнула Санька, мечтательно глядя впереди себя. Ленка с Инессой удивленно переглянулись, явно не узнавая подругу.

На следующий день Иван позвонил Саньке, еще пока она ехала на работу.

— Сань, привет. Как спалось, как настроение?

— Привет, спасибо, все хорошо. — Санька ощутила, как нервное тепло разливается по всему телу. Было ощущение того, что ждала этого звонка всю свою взрослую жизнь. Пришлось остановить машину, потому как ехать и говорить с Иваном по телефону было слишком небезопасно, таково было сильно волнение. Санька сама себя не узнавала, мысленно ругала за малодушие и проявление юношеских эмоций. В конце концов, не девочка, скоро 35 будет. В мыслях пыталась себя успокоить: «Он тебе никто, просто партнер, еще не известно, как надолго его хватит...». Но вслух произнесла:

— Как долетел?

— Спасибо, все хорошо, на рейс не опоздал. — Голос Ивана

был ровным и уверенным, казалось, он очень был доволен собой.

— Ты не ответила на мой вопрос. Как спалось?

— Нормально, — буркнула Санька. — Пять раз оросила следами подушку, отходя ко сну, — после небольшой паузы добавила она.

— Не понял, — озадачился Иван.

— Так, заснуть не могла, все думала, как это я без тебя жила до этого.

— Ага, я как раз об этом, — с нервным смешком произнес Иван.

— А если серьезно, то докладываю тебе, что с юристом вашей компании Ольгой уже созвонилась, с самым «главным» финансистом Еленой буду встречаться через час.

— Во-во, я как раз хотел об этом спросить, собственно потому и звоню. — Голос Ивана вновь обрел уверенность и самодовольство, и добавил тоном приказа:

— Когда встретишься, позвонишь и доложишь, как прошла встреча.

— Яволь, мой фюрер. Никак не думала, что у меня появился начальник, но как скажешь, кто платит, тот и музыку заказывает. Не переживай, по результатам встречи доложу в лучших традициях советской субординации.

— Принимается, только не понимаю твоего сарказма, не все так плохо было в СССР.

— У меня нет ностальгии по совку.

— Но порядок таки был.

— Да, если под порядком понимать порядок зоны, украшенной лозунгами агрессивной пропаганды.

— Почему зоны?

— Видишь, по поводу лозунгов и агрессивности пропаганды возражений не возникает.

— Ну, ты ж не будешь возражать, что упорядоченность в управлении таки была и координация между службами таки присутствовала.

— Конечно, не буду, как же иначе народ в узде держать.

— А ведь конь без уздечки дикий и неуправляемый, мало ли куда его занесет.

— Так кто ж спорит? Вопрос в том, кто этим конем управляет, может, у него мозгов и понимания в десятки раз меньше, чем у коня, а то и того хуже, руководствуется не благом всеобщим для обеспечения конюшни, а лишь личным обогащением за счет сокращения рациона вверенного ему стада.

— Плохой правитель — это беда, но ведь система в этом не виновата.

— Так ведь именно система и порождает такого правителя, создавая благодатную почву для его прихода к власти.

— Да ладно тебе, лучше расскажи, что тебе необходимо для вступления в дело и договорилась ли ты об оплате?

— Так я ж и говорю, что встречусь и доложу.

— Ты сразу оговаривай условия, на которых ты согласна работать, а то Киевский офис имеет обыкновение долго раскачиваться.

— Спасибо за подсказку, учту при разговоре. Когда обратно в Киев собираешься?

— Думаю, что дней через 10, а что такое?

— Да ничего такого, просто интересно.

— А я уже было подумал, что ты соскучилась.

— Еще не успела, но за десять дней соскучусь точно.

— Это радует, мы и так слишком долго по мобильной связи разговариваем. Предпочитаю личное общение, обнимаю и до скорых встреч.

— Не возражаю, — буркнула в ответ Санька.

Встреча с представителями Киевского офиса прошла в «теплой, дружеской обстановке». Санька договорилась о предоставлении всех необходимых ей для работы документов, хотя здесь возникли сложности. Сначала их главный финансист Елена усиленно делала вид, что не понимает, какие именно документы нужны Саньке, а затем и юрист Ольга, долго охая, причитала, что это ж так объемно, следовательно — тяжело. Потом к их содержательной беседе подсоединился вице-президент по вопросам без-

опасности, и начался допрос с пристрастием: имеет ли Санька достаточные знания, навыки, а главное связи, которые позволят решить их проблемы.

Санька поначалу терпеливо разъясняла и отвечала на все вопросы, в том числе глупые, по ее мнению. Примерно через полчаса беседы ее терпение лопнуло, и она заявила:

— Если вам тяжело и проблематично предоставить мне документы, необходимые для работы, то думаю, что не смогу быть вам полезной, о чем я буду вынуждена сообщить в ваш главный офис.

Угроза подействовала, документы были сразу предоставлены, но безопасник так и не отцепился. Его очень интересовало, почему именно Саньку подключили к решению их проблемы, и кто рекомендовал ее их головной конторе. Отцепился только после того, как Санька напомнила ему, что до ее прихода их юрист Ольга обращалась к генералу, и именно он рекомендовал обратиться к Саньке. Василий Петрович (так звали безопасника) этим удовлетворяться не желал, хотел выяснить, каким образом их главная безопасность узнала о Санькином существовании и почему столь категоричны указания из Москвы по заключению договора именно с Санькой. На что Санька туманно заявила: «Пути Господни неисповедимы». На том и расстались.

Санька еще не успела доехать до офиса, как ей позвонил генерал. Петра Валентиновича (так звали генерала) интересовало, почему Санька еще до сих пор ему не доложила ситуацию по корпорации Ивана. Генерал был вполне импозантный мужчина, в возрасте под пятьдесят. На его вопрос Санька ответила:

— Петре Валентиновичу, розумієте, так сталося, що не було про що доповідати. Документи я побачила щойно, це по-перше, по-друге, вони ніяк не могли визначитися, чи працюють вони зі мною.

— Як це «не могли визначитися», я ж чітко дав зрозуміти при зустрічі з їх представниками, що працювати буду тільки за твоєї обов'язкової участі.

— Можливо, ви їм так говорили, але їх віце по безпеці Василь Петрович, мабуть, іншої думки.

— Я з такою людиною, як ти називаєш, не спілкувався. До мене звернулася їх юрист Ольга, моя давня приятелька.

— Ага, з нею я також мала таке задоволення, поспілкувалася, та все рівно не побачила в неї великого бажання працювати зі мною.

— Олександра, не мели дурниці, Ольга вже телефонувала мені і доповіла, що знайшла з тобою повне порозуміння.

«Як би не так», — подумала Санька, але вголос сказала:

— Так, я також була приємно вражена її увагою.

— От бачиш, — одразу заспокоївся генерал, — а то верзеш якісь дурниці. Може, тобі з якоїсь причини не спалось? Може, Віталік недостатньо уваги приділив? — Вже із сміхом проговорив генерал.

— Дякую, з Віталіком все гаразд, — буркнула у відповідь Санька, — якщо маєте час, то можу заїхати до вас і все розповісти.

— Заїжджай, до обіду буду на місці, — поклав слухавку генерал.

ГЛАВА -6-

Замуж Санька выскочила очень рано, еще когда и 19 лет не было, поэтому к 20 годам уже имела дочь, которую назвали Ольгой. Причина столь раннего замужества крылась в обстановке в семье.

Отец Саньки внешне был очень хорош собой, чем-то похож на известного киноактера, конечно, нравился не только маме. В Санькиной детской памяти на всю жизнь отпечатались семейные скандалы на почве отцовской неверности. По непонятной причине отец Саньке всегда был ближе и как-то роднее, интуитивно ей казалось, что причина отцовских гастролей была как-то связана с недопониманием матери отца. Мужчина всегда свободнее в отношениях, если чего-то не хватает, то пойдет искать это «не хватает» на сторону. Что именно было не так в отношениях родителей Санька, разумеется, не знала, да и никогда не пыталась узнать, просто страдала тихо себе от этих стрессов. Мать же на подсознании была постоянно в обиде на Саньку, так как ощущала, что та скорее поддержит отца, чем ее. Именно такая нервная обстановка и заставила Саньку в далеком 1988 году выйти замуж, и как следствие, родить в 1989 дочь.

Как-то, уже встречаясь со своим будущим мужем, после свидания пришла довольно поздно домой. Матери не было, то ли была в командировке, то ли поехала к своей маме, отец в одиночестве на кухне «догонялся» после какой-то пьянки. У отца было меланхоличное настроение и явно хотелось с кем-то поговорить, а тут Санька такая довольная жизнью. Налив на донышко бокала коньяку, отец протянул его Саньке:

— Поговори со мной.

— Хорошо. У тебя что-то случилось? — Санька пригубила с бокала и приготовилась слушать.

— Ты ж, наверное, заметила, что с матерью у нас отношения не очень, — отец явно с трудом находил слова для начала разговора.

— Конечно, заметила, — Санька фундаментально уселась в кресло и всем своим видом показывала, что никуда не спешит.

Путаясь в словах, отец рассказал Саньке, что поехал в командировку в Алма-Ату, там познакомился с женщиной, которая сильно впечатлила его тем, что оказалась девственницей. Санька переспросила: «А сколько ей лет-то?». Отец ответил, что она немного моложе его, всего на два года, то есть 38. Санька в ответ выразила удивление, это ж что в ней такого отталкивающего, что она дожила до 38 лет и ни разу не была с мужчиной. Отец ей пафосно ответил:

— Меня ждала.

— Ты это серьезно?

— Ты не понимаешь, она совсем не такая, как твоя мама.

— Конечно, не такая. Раз тебе такие сказки рассказывает.

— Почему сказки?

— Потому, что если бы она до 38 лет дожила девственницей, то никогда не улеглась бы в постель с женатым мужчиной, тем более ты говоришь, что она казашка, значит, мусульманка.

— А может, я ей так сильно понравился?

— Не мели чушь. Ты можешь сколько угодно себя в этом уговаривать. Но женщина, не знавшая мужчины, да еще и в 38 лет, никогда сама к мужчине, даже если он ей и нравится, первой никогда не полезет.

— Ты так думаешь?

— Практически уверена. Ну нет у нее таких навыков. Она либо тебя обманула, или у вас это случилось по глубокой пьяни, хотя не могу себе представить, чопорную старую деву напившуюся.

— Пьянка была, но пьяным был я.

— Вот с этого и начинай. Может и не было никакой девственницы.

— Но кровь на простыне ведь утром была.

— Так может у нее месячные начинались или заканчивались.

— Нет, не могла она меня так обмануть, больно уж натурально была расстроена.

— Ну, конечно, расстроена, ведь если она мусульманка, ты уже просто обязан после этого на ней жениться, а вдруг утром, рассмотрев, не захочешь.

— Нет, не говори так. Ты ж ее совсем не знаешь.

— Я так понимаю, что решение ты уже принял?

— Понимаешь, она беременна, а я не хочу байстрюков плодить.

— А мой брат Олег? Ему ведь только 12, он что, в этом случае не байстрюк?

— Нет, ведь у него на момент рождения был вполне легитимный, законный папа.

— Так ты и там можешь просто признать свое отцовство, платить алименты, и все будет законно.

— Нет, ты не понимаешь, она ну совсем не такая, — взгляд у отца стал каким-то мечтательным, устремленным в даль.

— М-да, папа, сильно тебя... Послушай, скажи мне честно, положи руку на сердце, только честно, если не захочешь признаваться, лучше просто промолчи, она и есть та единственная, которую ты искал и ждал всю свою жизнь?

Отец посмотрел внимательно на Саньку, потом перевел взгляд куда-то в потолок, потом посмотрел на темный прямоугольник окна, сделав внушительную паузу, задумчиво произнес:

— Ты знаешь, не могу...

— А теперь, пап, подумай и представь: ты все бросаешь здесь, в Киеве, едешь жить, замети не в командировку, а на постоянно в Алма-Ату. Ты хочешь в 40 лет нарушить уже привычный, давно сложившийся уклад своей жизни? Ради кого?

— В смысле?

— В смысле, что ты должен отказаться от массы привычных для тебя вещей, а что наиболее важно от уже устоявшегося привычного и комфортного для себя круга друзей.

— Нет, нет, не уговаривай меня, я не хочу на том свете отвечать за байстрюков.

— Дались тебе эти байстрюки. Можно быть отцом своих детей, но при этом не обязательно быть мужем их матери. Папа, послушай, не стоит в 40 лет кардинально переворачивать свою жизнь и менять шило на мыло.

— Ты еще молодая и не все понимаешь.

— Ну да, куда уж мне да выйти замуж...

— Кстати, ты действительно собираешься выходить замуж за Игоря?

— Да, действительно собираюсь. А что?

— Да ничего. Просто мне кажется, что это не совсем твой мужчина, может не стоит так спешить, тебе всего лишь 18 лет.

— Себя вспомни, можно подумать, тебя возраст останавливал, когда ты женился.

— Ну вот, видишь, не складывается... Может, если бы не спешил, то все было бы иначе.

— Игорь меня любит, я его тоже.

— Ой, что-то подсказывает мне, что у тебя лишь увлеченность, не совсем тот мужчина Игорь. Не подумай ничего плохого, он хороший, но ты его испортишь, поломаешь.

— Почему ты так плохо обо мне думаешь?

— Я не думаю о тебе плохо, просто слишком хорошо знаю твой потенциал, у Игоря и десятой доли нет того, чем наделена ты. Со временем либо ты его сломаешь «под себя» и он перестанет быть тебе интересен, либо ты пойдешь вперед, а он, отстав от тебя, начнет комплексовать и это приведет к депрессии у него, а то еще хуже к постоянным скандалам.

— Но он же меня любит?

— Любит, и как по мне даже слишком для такой стержневой натуры, как ты.

— Ну, спасибо тебе, папочка, добрый ты какой.

— Просто хочу, чтобы ты не повторяла моих и маминых ошибок. Хотя, впрочем, жизнь длинная, пойдешь, сходи замуж, это лучше, чем шляться неведомо где.

Перед самой свадьбой Санька с Игорем поехали во Львов к ее бабушке, матери отца. Баба Мария была яркой и своеобразной личностью, еще с юности крепко впитавшая идеи национального возрождения Украины, что само по себе уже было опасной экзотикой в реалиях Советского Союза, отличалась резкостью высказываний на различные темы. Так, к примеру, Санька на всю жизнь запомнила, как баба Мария высказывалась про своего зятя, мужа Санькиной любимой тетки: «В мене ворог номер один — то Рейган, а

номер два — то Льонька». Любимой темой это, конечно, были «москалі», на этот счет у нее было два крылатых выражения: «Москалі — то п'янчуги і нероби» та «Курва вашу москальську мать».

Санька на подсознании в ответственные периоды жизни всегда рвалась приехать во Львов, возможно, место рождения притягивало. Этот город манил Саньку, как магнит. Нравилось все: и узкие улочки старого города, и здание старинного университета, где, по образному выражению крестного Саньки, декана одного из факультетов «і твої батьки протоптали вибоїну в цих мармурових сходах». Бабка жила в центре. Колорит разговорной украинской речи в быту, например, в магазине, особо поражал Саньку. Так, продавец, когда подходила очередь, несмотря на детский возраст, обращалась на «вы»: «Прошу, я вас слухаю», а уже взвесив 200—300 грамм конфет всегда переспрашивала: «Що ще?». Санькины детские воспоминания были полны мелкими эпизодами соприкосновения с жизнью большого города, который так и не стал совковым. Именно поэтому первое совместное путешествие с Игорем было во Львов.

Знакомство Игоря с бабой Марией было ярким. Бабка жила в старом доме, еще австрийской постройки, в квартире с высоченными потолками в двух громадных, по советским меркам, комнатах. Санька с Игорем сидели скромно на стульчиках рядышком у окна, баба Мария всей своей 120-килограммовой тушей восседала в кресле напротив на другом конце комнаты. Царственным жестом баба Мария протянула в сторону Игоря указательный палец:

— Лесю, оце твій майбутній чоловік, він часом не москалисько? — причому на слові «москалисько» було зроблено такий наголос, що склалося враження, що шибки в вікнах дзвенять.

— Та що, ні, бабо, ні-ні, чистий тобі українець, — похапцем відказала Санька.

— А-а... ну-ну, — заспокоїлася собі баба Марія. — А то знаєте, в нас в депо нещодавно випадок був, жіночка одна дочку заміж видавала. Приходить бідненька та бідкається, що горе таке дочка заміж за москаля виходить, ми її так жаліли, так жаліли. А вона через тиждень приходить, вся така радісна-радісна, паспорта

нам усім показує, ось дивіться: «Щастя яке, не москаль, єврей».

— Ігор, а прізвище твоє яке?

— Гетьман, — відказав Ігор.

— О, це гарне прізвище, українське, — подобріла баба Марія.

— А то ти знаєш, до нашого берега приб'є як не гімно, то тріску.

Санька бачила трохи таку собі ніяковість Ігоря, який вже собі думав, чи він гімно, чи тріска. Тому поспіхом зауважила:

— Та не звертай на бабу увагу, вона добра.

— Що значить «не звертай», — гримнула баба Марія. — Я ще не все спитала. Ігорю, ти працюєш чи вчишся?

— Працюю.

— То добре, значить, одну зарплату можете витратити, іншу відкладати.

— То як вже вдасться.

— Що значить «як вдасться», треба про завтрашній день думати, — баба знову виказувала всім своїм видом невдоволення. — Ото вже ця молодь ніяк не хоче слухати старших. Батько твій, Лесю, якусь хазяйку з юрти хоче до мене притягти. Що мені оце з вами всіма робити, — вже сама до себе останні слова буркотіла баба.

Ігор, хоч і був шокований таким теплим прийомом, але взнаки не вдавав і тільки закохано дивився на Саньку.

Как-то возвращаясь с прогулки по Львову, Санька с Игорем, зайдя в квартиру, обнаружили идеалистическую картину: за обеденным столом восседала довольная баба Мария, напротив нее плюгавый мужичонка; кумендна парочка попивала чай, ведя великосветскую беседу. Через какое-то время мужичонка, расшаркиваясь и кланяясь со словами «вельмишановна пані Маріє», удалился. Санька недоуменно спросила:

— Бабо, а хто це був?

— Та оце думаю, може мені заміж вийти?

— Та виходь, якщо подобається.

— То ото, ще подумаю.

Санька про себя подумала: «Во бабка дает... замуж она собралась».

Через несколько дней, возвращаясь с очередной прогулки, подошли к входной двери бабкиной квартиры и уже хотели позвонить. Вдруг дверь с треском распахнулась, чуть не ударив Саньку по лбу, знакомый уже мужичонка, оттолкнув Саньку, кубарем скатился с лестницы. Недоумевая, что ж такого могло приключиться, Санька с Игорем вошли в открытую настежь дверь квартиры. Баба Мария с невозмутимым видом прибирала со стола. Санька у нее спросила:

— Бабо, в тебе щось сталося?

— В мене? В мене нічого не сталося.

— А до тебе той мужик заходив?

— Так, заходив. А чого ти питаєш?

— Та знаєш, він так вибігав з квартири, що мало мене з ніг не збив.

— Та ти що? Що, так сильно біг?

— Ну, так...

— Розумієш, він мені каже: «Маріє, я все до тебе ходжу, ходжу..., а ти все ніяк...». А я йому у відповідь: «А гроші?». А він мені у відповідь: «Марія! Та ти що? То ж тільки погані жінки беруть гроші». Я йому тоді у відповідь: «А я що? Хіба гірша за поганих жінок? Значить, поганим жінкам гроші? А мені, хорошій, дулю з маком? Яка ж капость, гидото ти така! Ану геть звідси, щоб очі мої тебе не бачили!!!». Ну він і побіг.

Санька, слухая эмоциональный бабкин рассказ, еле удержалась от смеха, подумав про себя: «Вот откуда анекдоты берутся...».

Первых три года семейной жизни Санька помимо дочки и учебы все свое время и энергию посвящала Игорю. Со стороны казалось, что это сплошная идиллия, правда Игорь, в меру своей лени отвечал взаимностью, таки любил он Саньку. Так бы может и жили не тужили, но тут СССР развалился, и наступили голодные 90-е. Игорь работал чеканщиком на КМДИ «Художник», работа была всегда, пока был Союз. Ленины шли на «ура», с развалом совка Ленины никому и даром не были нужны, а тем более за деньги. Игорь отсутствием работы и денег сильно не парился. Све-круха добила Саньку своими рассуждениями типа: «картопля є, олію купите, а що ще треба?». Такая активная и деятельная натура, как Санька, усидеть на месте не могла.

ГЛАВА -7-

Жизнь шла своим чередом. Весна 2004 года была не ранняя и не поздняя, пришла как раз по графику. Санька носилась, как угре-лая, пытаюсь быть одновременно во всех местах, энергия била фонтаном, было приятно осознавать, что впереди ожидает яркое и незабываемое свидание. Для себя Санька уже решила, как сде-лать это свидание ярким и незабываемым. Самое главное было уговорить Гришу организовать командировку для Виталика в день приезда Ивана.

Параллельно со своими делами Александра, не привыкшая пускать ничего на самотек, решила выяснить, какая есть инфор-мация об Иване в закрытых базах данных.

Был у нее закадычный друг-знакомый Геннадий Макарович Александрович, бывший эсбзушник, полковник в отставке. Од-нажды зависла с Александровичем по какому-то поводу, тот, бу-дучи уже изрядно выпившим, провожал Саньку на такси домой, с иронией рассказывал, как любят его офис посещать генералы. Сидя в такси, Санька сама, будучи навеселе, поинтересовалась:

— А что, понятие «действующий резерв» уже отменили?

— Ты откуда узнала, — аж подпрыгнул с перепугу Алексан-дрович.

Помня былую славу, Санька обратилась к Александровичу с просьбой дать распечатку с закрытых баз об Иване, больно инте-ресно было узнать о нем побольше. Через день Александрович со словами «ну и фрукт» передал Саньке информацию. Согласно по-лученной распечатке Санька узнала, что Иван Николаевич Сотник 1963 года рождения, урожденный в городе Запорожье, гражданин России, пребывая в нетрезвом состоянии, на улице Ревуцкого в го-роде Киеве избил патруль милиции, за что получил 15 суток ад-минареста.

— Таки фрукт, — подумала про себя Санька, — это ж надо, «избил» целый патруль милиции... Но то обстоятельство, что он, получалось, был моложе, чем первоначально подумала Санька, уже радовало.

Иван звонил Саньке регулярно, не реже одного раза в день,

поэтому настроение было все время хорошее, даже к Виталику стала относиться добрее и снисходительнее. И вот настал долгожданный день, когда Иван определился с датой своего приезда. Санька, недолго думая, тут же стала наявлять Грише:

— Гриша, здоров був.

— І тобі, Сань, привіт.

— Ти в курсі, що Іван має приїхати післязавтра?

— Ну аякже, звісно, що в курсі. А що?

— Та нічого, хочу в тебе щось попросити.

— А що саме?

— Можеш для мого Віталіка придумати якесь відповідальне завдання на цей день, бажано за межами міста Києва?

— В смислі?

— Розумієш, я буду себе не зручно почувати, якщо Віталік залишиться в Києві.

— Так, що ти пропонуєш?

— Нічого особливого, придумай йому якесь відповідальне завдання, а я дам гроші на це відрядження, там баксів 200—300.

— А, пойняв, зараз подумаю і тебе наберу.

За хвилин 20 Гриша передзвонив Олександрі:

— Сань, Баришівка підійде?

— А не дуже це поряд з Києвом? Я маю бути впевнена, що його не принесе серед ночі назад додому і він почне мене шукати.

— Та є в нас там один об'єкт, вже давно думаю за ним понаглядати, а тут така okazія.

— Треба тоді, щоб завдання було таке, що не дозволить йому відволікатися від об'єкту.

— Дивись, там в нас по цьому об'єкту треба вже давно зібрати інформацію, я дам йому завдання вести за ним спостереження, дам йому з собою бінокль нічного бачення та ще й відеокамеру.

— А може, тобі треба щоб, він щось при цьому фіксував?

— Ну, мені це не треба, але можу йому доручити фіксувати номери та час заїзду на базу машин.

— О, це — воно. Супер, думаю, зайнятий точно буде до ранку.

— Ну все, вважай домовились, Іван прилітає вечірнім рейсом,

то, відповідно, я дам Віталіку завдання заступити на вахту з дев'ятої вечора.

— Окей, Гріша, я тебе люблю, ти є істинний друг.

До обіда Санька була в офісе і активно займалась делами. После обіда вместе с Ленкой отправилась по магазинам. Наряжаться Санька любила, а тут такой шикарний повод. Короче, к вечеру, нагруженная покупками, прибыла домой. Виталик, на удивление, был уже дома, что особенно впечатлило, ожидал Саньку с приготовленным ужином. Готовить и убирать Виталик умел, причем слово «умел» в этом случае нужно писать с большой буквы, только делал он это крайне редко. Обозрев идеалистическую картину накрытого стола со свечами и бокалами, Санька с порога заявила:

— Киця, щось мабуть, дуже велике в лісі здохло, що це на тебе таке найшло, що ти вирішив так мене обрадувати?

— Та нічого, просто настрої гарний.

— А тобі Гриша дзвонив?

— Ага, дзвонив, а що?

— Та так, просто він мені дзвонив і питав, чи маєш ти післязавтра вільний час і чи відпускаю я тебе з ним у невелике відрадження.

— То ото ж, мені цікаво з ним поїхати, і щоб ти на мене не ображалася, я вирішив приготувати вечерю.

— Боже, Виталик, ты прям превзошел самого себя, но мне очень приятно, — сказала Санька, откусывая кусок бифштекса. Ей действительно было приятно, Виталик не только ничего не заподозрил, но еще и увлекся придуманным для него заданием, значит, о его занятости можно не беспокоиться.

Оставшиеся два дня до приезда Ивана Виталик был само очарование, поэтому Санька была в отличном настроении. В день приезда с самого утра позвонил Иван:

— Сань, привет.

— Привет.

— Ты меня сегодня ждешь?

— А как же, обязательно. Ты ж вечерним рейсом прилетаешь?

— Да, вечерним. Тебе не тяжело меня встретить?

— Нет, не тяжело, вы ж на терминал «В» прилетаете?

— Ну да. У меня к тебе есть щепетильная просьба. Не знаю, как ты к ней отнесешься.

— Если расскажешь, что за просьба, то может и узнаешь, а не скажешь, то знать не будешь.

— Сань, я прилетаю не сам, а с другом, он же у меня прямой начальник.

— Ну и...? Я тут причем?

— Да в том то и дело, что ни при чем. Просто я, получается, буду занят тобой, а он без внимания.

— Ага, ты еще скажи без любви и ласки.

— Как-то так, — хмыкнул Иван, — поэтому я и хочу тебя попросить. У тебя случайно нет не занятой на сегодняшний вечер подружки?

— А твой шеф сильно в возрасте? — спросила Санька, перебирая в уме подруг постарше.

— Да в том то и дело, что нет. Он намного меня моложе, а точнее на 12 лет, практически твой ровесник.

— Ага, хорошо, думаю, что у меня есть молодая, незамужняя девушка, которой как раз сегодня вечером очень скучно.

— А она хоть симпатичная?

— Ну, блин, тобі як мед, то вже ложкою. Не бойся, не испугается.

— Ну-ну, так я могу на тебя положиться?

— Можешь, и не только в этом.

— Звучит многообещающе, обнимаю и до скорой встречи.

Положив трубку, поразмыслив минуту-другую, Санька позвала Ленку.

— Лен, ты сегодня вечером куда не собираешься?

— Нет, а что?

— Да хочу тебе предложить сходить со мной на свидание.

— Это как?

— Только что Иван звонил, сказал, что приезжает со своим другом, который у него по совместительству еще и начальник. Просил взять с собой подружку.

— А этот начальник сильно старый?

— Говорит, что не старше меня.

— Тогда я согласна. Блин, это ж мне надо себя в порядок привести. А что мне одеть?

— Обязательно. В том-то и дело, что мужики не простые, поэтому отнесись внимательно к тому, что я тебе сейчас скажу. Если меня чуйка не обманывает, то начальник Ивана также из тех структур, в которых бывших не бывает.

— Это как?

— Да вот так. В ту организацию, в которой при совке работал Иван, на работу брали только при наличии высшего образования, иногда и двух, которые были базой для получения профильного военного. Поэтому однозначно интеллектуалы, контора вкладывала в них много труда и денег, значит, по жизни должны.

— Ты о чем?

— Да так, мысли вслух, забудь. Просто войди в образ.

— Ты что, считаешь меня недостаточно умной для столь высокого интеллектуального общения?

— Нет, как раз в твоём интеллекте я абсолютно уверена, иначе б на работу не взяла.

— Тогда что тебя так пугает?

— Понимаешь, им присуща профессиональная деформация, обязательно ищут подвох. Давай порассуждаем. Значит так, если его шеф приблизительно мой ровесник, если мне Александрович дал правильную информацию, то он тебя старше лет эдак на 7—10. И хотя при совке еще не служил, но старую систему заставить успел. При наличии некоего уровня профдебелизма, полученного в результате работы на контору, если будешь стараться показать себя лучше, чем ты есть, не просто раскусит на раз-два-три, а еще начнет что-то додумывать и закроется и ваша встреча будет первой и последней.

— Так что ты предлагаешь?

— Лен, ты только не обижайся, но удивить ты его вряд ли сможешь. Самое большое удивление будет, если останешься самой собой, а именно скромной провинциалкой.

— Слышь, я уже почти десять лет в Киеве живу.

— Ага, только пять из них в общежитии, а пять на съемной квартире, причем еще год назад могла себе позволить лишь комнату на двоих с подружкой. Это я тебе сказала не для того, чтобы обидеть, просто констатирую факт.

— И что?

— Да ничего, если не принимать во внимание, что чувак руководит громадной структурой, соответственно, более чем обеспечен и видел если не все в своей жизни, то почти все, ты сможешь его купить только своей детской наивностью и не испорченностью.

— А как же ты смогла понравиться Ивану?

— Тут совсем другой случай. Я не старалась ему понравиться, скорее наоборот, я была с ним сама собой. Так случилось, что Гриша ему что-то рассказал обо мне хорошее, пока они меня ждали. Он себе уже как-то начал представлять, а тут я такая яркая как всегда явилась, не запылилась и чисто на автомате начала его отшивать.

— Ну, так, одолжи мне что-то из твоих шмоток.

— Мне не жалко, но поверь, это совершенно лишнее. Оденься как можно скромнее, а вот духи я тебе одолжу. И еще, я на него посмотрю, потом тебе скажу, как с ним себя вести.

— Ты думаешь, что все так серьезно будет?

— Не имею ни малейшего сомнения.

— А может, мне Ивана друг не понравится?

— Не думаю, этих ребят в конторе специально обучают нравиться, работа у них такая.

— Так я могу быть до вечера свободна?

— Да, я за тобой заеду.

В аэропорт Санька с Ленкой приехали почти вовремя. Иван со своим другом уже стояли у стойки. Друг высокий, под стать Ивану, имел скучающий вид, типа: «ну и..., удивите меня». Иван, напротив, был само воплощение нервного ожидания. Увидев девочек, Иван заулыбался своей голливудской улыбкой, махнул им рукой, Санька с Леной подошли.

— Константин, а это Александра с подружкой, — представил Иван друга.

— Елена, — в тон ему ответила Санька, представив подружку.

Константин был на вид лет на 38–40, высокий светловолосый, голубоглазый, о таких говорят: неприметная внешность, в толпе пройдет и не заметишь. Ощущалось, что в отличие от Ивана, этот пять раз подумает, прежде чем что-то сказать. Было видно, что Ленка с Константином друг другу явно понравились, она аж порозовела, а Константин буркнул под нос «очень приятно» и изобразил некое подобие улыбки.

Когда подошли к машине и открыли багажник, чтоб погрузить сумки, Иван достал из дорожной сумки коробочку с духами и протянул ее Саньке:

— У меня для тебя сюрприз.

— Спасибо, очень тронута. У меня для тебя тоже.

— И что же это за сюрприз?

Санька молча указала на свою дорожную сумку. Лицо Ивана выражало недоумение:

— Не понял. Что это?

— Это моя сумка, переезжаю к тебе жить, — ухмыляясь, сказала Санька.

— В смысле? — занервничал Иван.

— В смысле, я так за тобой соскучилась, что решила до утра с тобой не расставаться.

— А, обрадовано с облегчением выдохнул Иван, — я тронут.

— А на гитаре кто играть будет? — спросил Константин, указывая на гитару, что лежала поверх Санькиной сумки.

— Как кто? — Санька повела плечом. — Я, если не возражаете.

— Сань, ты просто скопище талантов, — восхищенно изумился Иван. — Если не возражаешь, пожалуй, я сяду за руль, ты, наверное, за целый день нагонялась, устала.

— Не возражаю, ты такой внимательный, — снизошла до похвалы Санька.

Пока ехали в машине, Иван за рулем все время держал Санькину руку, будто переживая, что она куда-нибудь убежит. Константин на заднем сидении замлаживал Ленку.

Гостиница, которую забронировали Константин и Иван, была на набережной. Это оказался старый теплоход, переоборудован-

ный под гостиницу и пришвартованный на набережной. Когда подымались по трапу, Санька перехватила восхищенный взгляд Константина, тот тут же отвел глаза. Санька исподтишка продолжала за ним наблюдать. Открывая дверь перед Ленкой, Константин обернулся и посмотрел на Ивана, который шел за ним, во взгляде была такая сильная зависть, что Саньку аж передернуло. Впрочем, Иван ничего не заметил, был в состоянии человека счастливого от ощущения, что у него все прекрасно.

Атмосфера в компании сложилась таинственно-интимная. Чтобы не разрушать завораживающее чувство нервного возбуждения, дружно приняли решения ужинать в номере у Константина.

— Александра, вы уже разобрались в нашем вопросе? — обратился к Саньке Костя, наливая при этом вина в бокал Ленке.

— Да, разобралась. Константин, простите меня за простоту, но, может, будет более уместно для нашего вечера, если мы перейдем на «ты», а то смотрю на свою подругу и понимаю, так промолчит до конца вечера, не зная, как к вам обращаться.

— Не возражаю, — хмыкнул Константин. — В таком случае можно просто Костя, — эту фразу он произнес, обращаясь с улыбкой к Лене.

Через некоторое время Санька взяла в руки гитару. Виртуозом игры на гитаре она не была, но «три аккорда» она таки играла гордо, то есть известные мелодии могла изобразить. Голос у Саньки был приятного тембра, низковатый, как для женщины, от этого в ее исполнении чувственность песен лишь усиливалась, несмотря на то, что она при этом иногда фальшивила. Исполняла Санька «Ваше благородие, госпожа Удача», «Очи черные», «Отговорила роща золотая», украинские народные. Иван сразу начал Саньку подпевать, Константин и Ленка, молча обнявшись, слушали.

Санька была довольна собой, вечер удался, но нужно было еще дать обещанные Ленке инструкции, было видно: сейчас понесет девочку во все тяжкие и все испортит. Очень неожиданно у Саньки зазвонил сотовый, все аж встрепенулись. Это был Виталик, который хвастливо решил Саньке доложить, как ответственно

он несет свою вахту, не последней была проверка, «а де ж Кицю носить». Пользуясь образовавшейся паузой, Константин, оторвавшись от Ленки, подошел к Ивану и, наклонившись, начал что-то говорить. Санька, поговорив с Виталиком, кивнула Ленке, мол, «пошли, дорогая». Сказала, обращаясь к мужчинам, занятых разговором:

— Мы с Еленой вас оставим тут ненадолго. Не возражаете?

— Если ненадолго, то нет, — усмехаясь, произнес Иван, при этом он Саньке хитро подмигивал, намекая, что и так долго ждет.

Санька с Ленкой удалились в сторону ванной. Уже находясь в ванной и включив предусмотрительно воду, Санька сказала, обращаясь к Ленке:

— Лен, слушай меня внимательно. Я так поняла из контекста разговора, что Иван с Константином очень часто вместе зависают. Я бы хотела, чтобы у вас с Костей так получилось, потому как если у Кости будет интерес аналогичный интересу Ивана в Киеве, то приезжать они будут достаточно часто, следовательно, я кривно заинтересована, чтобы ты понравилась и даже очень понравилась.

— Мне так показалось, что я уже понравилась, — с вызовом в голосе воскликнула Ленка.

— Лен, ты не фыркай, а слушай внимательно. Ты действительно понравилась, все сейчас хорошо и даже очень хорошо.

— Так что ты от меня еще хочешь? — Резко перебила Ленка.

— Ты скажи, тебе Костя нравится, хочешь с ним встречаться долго? — Санька старалась быть терпеливой и не резкой.

— Да, хочу, — сказала Ленка уже спокойно и заинтересовано.

— Ну так слушай внимательно, че тебе старшие говорят. Вы сейчас останетесь с Костей вдвоем в номере, что вы будете делать — это ваше дело. Но ты ни в коем случае не должна сегодня дойти с ним до постели. Под любым предлогом ты должна отправиться ночевать домой в контексте: «я очень взволнована, не могу справиться с мыслями, ты мне так нравишься, что я совсем теряю голову, но мне кровь из носа нужно домой...».

— В смысле?

— В самом что ни на есть прямом. Ты должна изобразить

«растерянность скромной провинциалки», которую соблазняет взрослый мужчина.

— А если не отпустит?

— Сошлись на критические дни. Это точно подействует.

Темперамент что у Ивана, что у Саньки по 100-бальной шкале был на 100 баллов. Поэтому оба плохо помнили, как дошли до номера. Очнулись уже тяжело дыша, сидя на кровати, обалдело глядя друг на друга.

— А ты кричала, — ухмыльнулся Иван.

— А тебе что, не понравилось? — в тон ему огрызнулась Санька. — Лучше дай водички, пить очень хочется.

— Очень понравилось. Можем повторить, — тон Ивана выражал крайнюю степень удовольствия. — Тебе какой? С газом или без? — сказал он, уже открывая бар.

— Без, — голос у Саньки был само умиротворение.

Вдруг у Саньки опять зазвонил сотовый.

— Кому это не спится? Может, отключишь его?

— Не могу, — буркнула Санька, снимая трубку. Это звонила Ленка:

— Что-то случилось? — с легким испугом в голосе спросила Санька.

— Ты говорить можешь? — вопросом на вопрос ответила Ленка.

— Сейчас, — сказала Санька, направляясь в ванную комнату, — ну, говори, уже могу.

— Шеф, я выполнила все твои рекомендации и уже дома. Пришлось действительно сослаться на критические дни, иначе бы меня не отпустили, — голос у Ленки был довольный, ощущалось, что тащится сама от себя и ситуации.

— Пообещал завтра утром позвонить. Но уже звонил, спрашивал, как доехала.

— Молодец, с чем тебя и поздравляю. Спокойной ночи.

ГЛАВА -8-

Санька всегда любила детей, ей нравилось с ними возиться, играть, особенно учить. Маленькая Ольга к двум годам уже вполне связно разговаривала, различала цвета и геометрические фигуры. При всей любви к маленьким детям Саньке остро не хватало деятельности, делового общения, вечерние занятия в ВУЗе как-то компенсировали эту жажду, но далеко не в полной мере, хотелось большего. Также сильно давило безденежье. Нищета, правда, присутствовала везде, друзья и знакомые были не намного богаче.

Игорь как-то не заморачивался такими проблемами, типа: «с голоду не помираем, так чего переживать». Не было воспитано у Игоря чувства ответственности за семью, в его семье все проблемы решались папой тихо и незаметно, поэтому мама Игоря, в силу своего пролетарского воспитания, принимала это как должное и считала, что все держится на ней. Так как сама ничего, по сути, не делала, даже еду готовила, только когда сама голодна, то и детей воспитала с чувством уверенности, что все необходимое само по себе из ниоткуда появляется. Свекруха была настолько ленива, что кормила младшую сестру Игоря грудью лет до трех: зачем специально готовить маленькому ребенку, если достаточно себя любимую покормить, а организм сам «сварит». Так, когда она решила маленькую Оксану отлучить от груди, то намазала грудь горчицей, а та ей сказала: «Вытри, горько...».

Саньку очень угнетало такое положение вещей: она с ног сбивается, думает и изобретает, чтобы такого еще приготовить из тех скудных продуктов, которые есть в наличии, а Игорь лежит на диване и говорит: «Иди сюда, дай я тебя обниму, не переживай, с голоду еще никто не помер». Именно это толкнуло Саньку на поиски каких-нибудь заработков.

У Санькиного деда был приятель по прозвищу Пан, по национальности был поляк, также само его поведение указывало на привычку жить на широкую ногу, что в действительности он и делал. Деньги всегда дед одалживал именно у Пана. Так, Санька хорошо

запомнила случай из детства. В гости к ним пришел дед и гордо сообщил:

— Поздравьте меня. Я купил машину.

Мама Саньки, хмыкнув, спросила:

— И кого ж ты осчастливил покупкой подержанного «Запорожца»?

— Почему подержанного, и почему «Запорожца»? — Обиделся дед.

— Неужели выделили «Волгу»? — Заудивлялась мама.

Надобно пояснить, что в СССР очереди за предметами роскоши, автомобиль таковым считался, исчислялись годами, иногда и до десяти лет надобно было ожидать вождеденный автомобиль. Купить вне очереди могли лишь те, кто входил в круг правящей номенклатуры или за баснословные взятки, иногда превышающие стоимость покупки. Это только на плакате да в Конституции было написано, что страной Советов управляют рабочие с крестьянами, на самом деле СССР управляла уже устоявшаяся номенклатурная прослойка, образовавшая довольно закрытую сословную касту. Была такая шутка у юмориста Хазанова: «Дочь инспектора Изнуренковой может быть лишь инспектором Изнуренковой». «Волга» была самой шикарной машиной, которую мог купить советский человек, и стоила в то время 16 тысяч советских рублей, при средней зарплате по совку 120 рублей, можно посчитать, сколько лет простому работяге нужно было пыхтеть. Дед, как профессор, конечно, зарабатывал не 120 рублей, его заработок мог превышать и тысячу рублей в месяц, но для приобретения машины за 16 тысяч этого было маловато.

— Да, представляешь, позвонили из профкома и сказали, что есть машина, но нужно срочно выкупить.

— И где ж ты столько денег-то взял?

— Так одолжил.

— Что, все одолжил?

— Нет, тысяча своя была.

— А у кого одолжил?

— Так у Пана.

Все, к чему прикасался Пан, начинало давать деньги. С Паном Санька водила дружбу, особенно их сблизила трагическая гибель деда. Еще свежа была рана от потери, мама еще лежала в больнице после той аварии, в которую они с дедом попали. Санька была убеждена, что трагическая гибель деда была не просто так, а подстроена российскими спецслужбами.

Дед перед аварией занимался вплотную сланцевым газом. Он уверял, что в Украине запасов газа хватит лет на 300 при самом безбожном использовании, даже если все электростанции перевести на ТЭЦ, соответственно Украина должна быть энергетически независимой и в первую очередь от России. Все выработанные месторождения газа содержат пласты сланцевого газа, в Украине таких выработанных месторождений сложно пересчитать. До 1980 года за счет газа, добытого в Украине, отапливалась вся зарубежная Европа и европейская часть СССР, в том числе и Москва с Питером, в те годы Ленинградом.

Дед был известным ученым в этой отрасли, крепко дружил с Патоном, был с ним на «ты». У него, у деда, была теория, как добывать сланцевый газ закрытым способом. Все месторождения газа содержат три слоя залегания газа: газообразный, сжиженный и твердый, который и есть сланцевый. В Америке уже давно начали добывать сланцевый газ, но там добыча происходит открытым карьерным способом. В Украине добывать таким способом невозможно, нарушается плодородный слой и происходят необратимые изменения в экологии. Дед имел намерения доказать, что сланцевый газ возможно добывать закрытым способом, а именно приводя твердую породу в сжиженное состояние за счет химического реактива. За десять дней до гибели дед выступил в Верховной Раде на эту тему и ему выделили финансирование и село, которое он должен был газифицировать за счет добычи сланцевого газа.

В тот трагический день 1992 года мама с дедом отправились в село Борзна за картошкой, в результате их на трассе вышвырнули на встречную полосу под груженный КАМАЗ. Машина

«Волга»-24, у которой был толстенный металл кузова, после удара была смята в гармошку. Мама чудом осталась жива, дед также после столкновения был жив, но подбежали какие-то, неизвестно откуда взявшиеся, люди, что-то ему вкололи и тут же увезли, после этого деда никто живым не видел. Было сказано, что дед умер от внутренних кровоизлияний прямо на месте аварии. От мамы дознаватель потребовал, чтобы она отказалась от расследования, мама с перепугу отказалась. Санька потом с ней еще по этому поводу пререкалась, но не очень, жалко было на нее смотреть: лицо сплошной синяк, двенадцать поломанных ребер. О том, как Санька искала скорую, чтобы перевезти маму в специализированный институт и договаривалась, чтобы ее там приняли, можно написать отдельный рассказ.

Похороны и поминки легли на Санькины еще не окрепшие плечи. Водку можно было купить лишь на черном рынке по цене в 8 раз превышающую магазинную. Санька умудрилась выбить три ящика водки за подписью замминистра торговли по госцене. Именно проявленная Санькой смекалка и стойкость сделали ее своей в компании друзей деда.

Все эти события сблизили Саньку с Паном, который и дал возможность ей и Игорю подзаработать в то трудное время. Одним из Пановых гешефтов были саженцы фруктовых деревьев, которые выращивались и продавались под чутким Пановым руководством. Игорь с Санькой лихо стояли на базаре и продавали, неплохо на этом зарабатывая.

Больше всего Саньку возмутила свекруха, наотрез отказавшая сидеть с маленькой Ольгой, мотивируя тем, что она просто незаменима в своей НИИ Метрологии. Зарплату в своем НИИ она в тот момент получала 240 рублей в месяц, инфляция уже стартовала, причем та самая, галопирующая, поэтому эти деньги уже ничего не стоили. Санька в день на саженцах зарабатывала 100–200 рублей, потому предложила свекрухе написать заявление за свой счет, пообещав компенсацию в 50 рублей в день, та даже слушать не захотела. Зато когда мама Санькиной подруги с удоволь-

ствием эти условия приняла, то свекруху в прямом смысле задавил «национальный хижак — жаба». Она очень сильно возмущалась, что это аж 500 рублей за десять дней, более чем в два раза больше ее месячной зарплаты. Также она, по непостижимой для Саньки причине, возмущалась, что та отдает чужой тете половину своего дневного заработка, причем аргумент Саньки о том, что если она не отдаст половину, то вообще ничего иметь не будет, не действовал никак. То есть по свекровиной совковой логике лучше вообще ничего иметь, жить впроголодь, но ни с кем не делиться, ну не научила ее этому действию советская власть. Вся Санькина аргументация в пользу зарабатывания живых денег упиралась в агрессивный свекрухин протест девочки, выросшей в детдоме, по убеждению которой «Сталин дал счастливое детство», соответственно Санька по пропагандистскому совкому мировоззрению свекрухи была «бандеровка и куркулька» в одном лице.

Саньке нравилось стоять на базаре, тем более что саженцы товар специфический, требующий определенных познаний в садоводстве, некоего ораторского мастерства, чтобы убедить купить именно у нее и желательно сразу целый сад. После окончания каждого торгового дня все собирались у Пана, немножко выпить, обсудить как прошла торговля, поговорить за жизнь, было интересно и необычно. Пан был очень интересный собеседник, так он мог ни с того, ни с сего сказать:

— Малый, ну не смотри на меня так, сейчас морду утюгом поглажу и буду совсем как новый.

Мужа своей родной сестры он иначе как «сестрооб» не называл. При этом был очень начитан, любил цитировать Монтеня и Омар Хайяма. Все женщины для Пана были, по его же выражению, «чудо природы», к малознакомым особям женского пола он так и обращался. Его жизненным убеждением было: «Все болезни от нервов, и только сифилис — от удовольствия». Санька один раз была свидетелем разговора Пана с его очередной любовницей, так Пан полушутя полусерьезно говорил:

— Ленуся, а ты, оказывается, развратная женщина.

— Что значит «развратная»?

— А то и значит, это ж был агитпункт, Вацик уже старенький, так часто не может.

Если Пану что-то не нравилось или он считал, что его нагло обманывают, он без особой злости в таких случаях говорил:

— Малый, закрой паяльничек...

Так и выживали в те голодные начало 90-х, с шутками-прибаутками и не особо задумываясь о завтрашнем дне.

В том же 1992 году Санька окончила институт и вышла на работу в райфинотдел одного из Киевских районов. Для финансистов и юристов 1992 год был переломным, менялась практически вся законодательная база, а из финотделов выделилась в самостоятельную структуру налоговая инспекция. На работу Санька вышла еще с двумя выпускницами КИНХа, только они были еще моложе Саньки и незамужние. Начальник Владимир Анатольевич на этой должности проработал уже 10 лет и был старожилом в районе, его знали все. Прославился он своим резким характером и профессионализмом. Текучка в райфинотделе была страшная, мало того, что начальник резкий, как ситро, так еще и зарплата в эквиваленте 10 долларов США, даже по тем голодным временам невозможная для выживания. Спасали от голодной смерти редкие квартальные премии в размере оклада да всевозможные пайки. Пайки — этот атавизм советской власти — Санькой воспринимались как подача, было неприятно и стыдно, но они спасали.

Санька со своим въедливым характером не более чем через месяц стала известна на весь район, ее как ревизора уважали и боялись. Шеф, несмотря на вредный характер, также с большим уважением относился к Саньке, нравился ему ее пыл, проявленный в работе, а также то, что к нему постоянно прибегали с просьбами урезонить слишком резвую Саньку.

Своему будущему профессионализму Санька в первую очередь обязана именно Владимиру Анатольевичу, который, нужно отдать ему должное, тратил на Саньку время и учил в лучших традициях наставничества. Так, он мог позвонить по внутреннему те-

лефону (у всіх на столах стояли такі себе жетенькі апарати, у кожного сотрудника свій) і сказати:

— Олександра Владиславівна, в мене є до вас питання по акту, який ви вчора склали, зайдіть.

Уже в кабінеті Санька, пристроївшись с ручкою і актом возле приставного столика, сосредоточено внімала.

— Олександра, хочу тобі зауважити: чи це Акт, чи це казка? По-перше, в нас не лікбез, тому переписувати норму права на півсторінки немає потреби, по-друге, в третьому абзаці на другій сторінці ти посилаєшся на Декрет КМУ в частині пункту третього, будь така ласкава, прочитай-но мені вголос цю норму.

Санька старанно перечитала вголос названий абзац з нормою.

— От бачиш, дорогенька, після слів «державні підприємства» стоїть кома, а після неї «в тому числі орендні», після слова «орендні» є дужки, а в них прописано «в яких є доля державного майна». Скажи мені, будь ласка, як ти це розумієш.

— Як-як..., ну розумію, що норма стосується всіх державних підприємств і навіть тих, які взяті в оренду з метою подальшої приватизації, але ще не викуплені.

— Правильно розумієш, а от як ти розумієш ті дужки?

— Ну, я так думаю, що мова йде про всі підприємства, які мають частку державного майна, яке ще не викуплене.

— Так, але не так. Дужки означають, що все, що написано в них, відноситься лише до того слова, біля якого вони стоять. Тобто це не просто підприємства, що мають долю державного майна, це орендні підприємства, які ще не завершили приватизацію і мають частку державного майна, що підлягає викупу або корпоратизовані підприємства, які мають частку держмайна, що не підлягає викупу.

Після такої плідної співпраці з шефом від Саньчиного Акту залишалася одна третина, зате це стовідсотково додавало як знань, так і майстерності у викладенні своїх думок письмово на папері. В тому числі така співпраця додала до Саньчиних чеснот ще й розуміння у всьому вибудовувати причинно-наслідковий ланцюжок, читати те, що написано, а не те, що хочеться прочитати, вміння

відрізняти головне від другорядного та не плутати причину з наслідками.

Шеф Владимир Анатольевич был воспитанником старой партийной школы. Это проявлялось во многих вещах, начиная с того, что запрещал ходить на работу девушкам в брюках, а в райфинотделе работали одни женщины, заканчивая жестким регламентом трудового распорядка. Так, у него было в порядке вещей ровно в 9:05 выйти из своего кабинета, взять у секретаря журнал регистрации выхода на работу, затем вызвать всех и начать отчитывать: кто на сколько опоздал. Аргумент «ми ж жінки» не воспринимался вообще, на это следовал один единственный ответ: «ви не жінки, а державні службовці».

Была у Владимира Анатольевича еще одна слабость, 43 года для мужчины как раз тот интересный и сложный возраст, о котором говорят: «седина в бороду — бес в ребро». И это ж надо такому случиться, набрал как раз в аккурат в том же 1992 году с сентября трех молоденьких девушек на работу, одной из которых была и Санька. Партийная совесть не позволяла Владимиру Анатольевичу откровенно за кем-либо ухаживать, не так был воспитан, но Санька по глазам видела: если б смог, то всех бы перетаскал.

Любимым занятием шефа в то время было вызвать всех троих, усадить в рядок и созерцать, и думать о своем, наболевшем. Санька, единственная замужняя тетя из трех, пожалуй, только одна и понимала, какие страсти бушуют у бедного шефа в душе. К шефу Санька относилась с большим уважением, с одной стороны, она ему сочувствовала: это ж надо иметь такое страстное желание и запрещать себе даже думать о его реализации, с другой стороны, она еле сдерживалась, чтоб не рассмеяться во время этих молчаливых созерцаний.

Как-то раз вызвал шеф своих молоденьких подопечных, как обычно высадил перед собой в рядок и сидит, любитесь, мысли похабные про себя думает, слюни неслышно в усы пускает, одни глаза игриво поблескивают. Санька, как всегда, еле от смеха сдерживается, две другие перепугано молчат, даже думать боятся о

том, какие такие мысли их строгого шефа одолевают. Проходит минут десять такой немой сцены, одна из Санькиных подруг не выдерживает и несмелым голосом говорит:

— Володимир Анатолійович, може, ми підемо?

— Я вас що, відпускав? Сидіть!

Дівчата настрахані мовчки припишкли. Хвилин за 15, коли Санька вже ледь рота собі не затуляла, щоб, не дай боже, не зареготати, знову одна з колежанок не витримала:

— Володимир Анатолійович, в нас робота стоїть.

Шеф на автоматі, весь у своїх мареннях, у відповідь:

— А в мене що, не стоїть?

Санька втриматися вже не могла, від реготу сповзла зі стільця, дві інші дівчини з жахом мовчки дивились на шефа. Шеф, правильно розуміючи Саньчин сміх, вибухнув:

— Геть всі з мого кабінету!

Дівчата нажахано, похапцем дременули з кабінету, Санька ж мало не рачки, голосно регочучи з нього виповзла.

ГЛАВА -9-

Утро следующего дня было солнечным, теплым, воздух был пронзительно чистым, таким как это бывает только весной. Молодые, зеленые, только что распутившиеся листочки, казалось, радовались жизни вместе с Санькой.

Иван лениво потянулся, лежа на кровати, зажмурился, показывая крайнюю степень удовольствия от жизни:

— Может, сходим, позавтракаем? А то есть очень хочется, наверное, слона бы съел.

— Давай, — зевая, сказала Санька, несмотря на бессонную ночь, чувствовала себя бодрой и отдохнувшей.

В ресторане Санька с Иваном встретили Костю, который имел вид хорошо выпавшегося человека, выражение лица при этом было задумчиво-мечтательным. Шведский стол имел традиционный набор блюд для завтрака. Санька с Иваном, не сговариваясь, потянулись за колбасками, сосисками и беконом с яичницей. А Костя все так же мечтательно пережевывал мюсли, словом, ел типа здоровую пищу. Иван не удержался и съязвил:

— Что, друг, вошел в энергосберегающий режим?

— А у вас, как я вижу, судя по количеству еды, ночь была бурной? — В тон ему ответил Константин. — Ты бы не расслаблялся, у нас в 12:00 встреча у генерала.

— Не переживай, я готов для любых подвигов, только дай команду.

У Саньки вдруг зазвонил сотовый. Это был как раз генерал, который хотел бы с Санькой не позже 11:00 встретиться. Петр Валентинович хотел быть во всеоружии. Санька подтвердила готовность быть к назначенному времени, было всего девять утра, времени на сборы — вагон.

За завтраком Иван без усталости шутил, подначивал Константина и при этом весьма галантно ухаживал за Санькой, поднося ей то булочку, то чай. Звонил Гриша, доложил, что Виталик вахту ему сдал и он отправил его спать и писать отчет. Санька по поводу написания отчета съязвила, что для этого Грише непременно нужно было Виталику как минимум дать «козу», а как максимум отправить на курсы по изящной словесности.

Через минут 20, оказавшись в номере, Санька села перед зеркалом накладывать макияж. Иван отошел к окну, сделал несколько звонков, после чего задумчиво посмотрел на Саньку. Все также размышляя о чем-то своем, наболевшем, подошел к Саньке и обнял сзади за плечи, закопавшись лицом в ее волосы. Санька передернула плечами, пытаясь высвободиться:

— Ты мне мешаешь наводить красоту.

— Ты и так красавица, — сказал Иван, не отпуская Саньку.

— Ты мне льстишь из корыстных побуждений, а генерал, если я приду не накрашенная, подумает, что я не ночевала дома.

— А чего это генерала так беспокоит, где ты ночуешь?

— Его это не беспокоит, просто от природы он любопытен и язвителен.

— И что, это любопытство распространяется на всех его знакомых?

— Нет, как правило, лишь на женщин, и то не всех.

— Ну, так пусть понервничает.

После слов «пусть понервничает» Иван сгреб Саньку в охапку и опрокинул на кровать.

Уже по дороге к генералу Санька размышляла о превратностях судьбы. Вот почему, когда у тебя случается что-то яркое и незабываемое в личной жизни, сразу резко оживляется деловая активность вокруг тебя и ты сразу всем нужна. Потому пока ехала с Набережной на Львовскую площадь, а это всего 15 минут, еще человек пять позвонило. Виталик также позвонил с вопросом «почему Кыця так рано на работу пошла». На что Санька в традиционной для себя манере прочитала ему коротенькую лекцию на тему «Хочешь жить — умей вертеться» и «Кто рано встает, тому бог дает», на что Виталик в ответ побурчал, что лучше бы жена по утрам регулярно давала.

Благодаря стараниям Ивана Санька к генералу таки опоздала. Петр Валентинович, пока ехала с вопросом «де ти є?» позвонил два раза. Второй звонок застал Саньку, когда та, запыхавшись, выскакивала из лифта на 24 этаже.

Петр Валентинович вышел из-за стола на встречу к Саньке,

протягивая обе руки, наклонившись, галантно поцеловал правую руку:

— Що, Віталік з дому не випускав?

— Та що ви. Просто зранку заїжджала в одне місце, треба було переговорити.

— А Віталік знає про це місце? — Хитро з прищуром подивився генерал на Саньку.

— Звісно, що не знає, чом би я йому доповідала про свої ділові зустрічі.

— Мені чомусь здається, що зустріч була не зовсім ділова.

— Завжди вам щось здається..., — пробурмотіла Санька про себе, з подивом відмітила, як генерал тонко завжди відчував її настрій. Гордо підняв одну брову вгору, вголос сказала:

— Зранку в мене бувають лише ділові побачення.

— Може і так... Ти краще мені розкажи, що там по твоїх нових друзях, вони в мене мають от-от бути.

Санька прийнялась докладувати, що все документи изучила, позиция предприятия достаточно сильная, налоговики, по ее мнению, имеют куда худшую позицию. Выслушав Саньку, Петр Валентинович тут же набрал номер начальника следствия в Херсоне, спросил его мнение, после чего Саньке сказал, что есть необходимость ее выезда в Херсон и там, на месте уже уточнить нюансы, потому как начальник следствия считает ситуацию не простой. Пока общались, в дверь кабинета постучались, в приоткрытую дверь заглянул Константин:

— Можно к вам, Петр Валентинович?

— Да-да, заходите, я вас сейчас познакомлю с молодой и привлекательной особой.

Дверь открылась, и в кабинет вошли Константин с Иваном. Константин изобразил на лице удивление при виде Саньки, Иван же, напротив, улыбался, никак не скрывая радости от того, что опять видит Саньку, хоть и расстался с ней всего час назад.

Петр Валентинович внимательно оглядел создавшуюся мизансцену, улыбнулся про себя и сказал:

— Вижу, знакомить не надо. Без меня умудрились познако-

миться. Ну, Александра, я знал, что ты у нас девушка быстрая, но чтоб так... Так говоришь, Александра, с утра встреча была деловая? Ну-ну, я так понимаю, Константин Владимирович, что вы уже благодаря Александре в курсе событий?

— Да как вам сказать... Что-то в курсе, что-то не в курсе, я так понимаю, что лучше вас, Петр Валентинович, никто ситуацию не разложит.

— Ну я вам так доложу, ситуация не простая, требуется тщательное изучение и анализ на месте, а в этом случае все карты в руки нашей Александре. То, что она может придумать и реализовать на практике, вряд ли кто лучше ее справится. Александра, — сказал генерал, обращаясь к Саньке, — думаю, ты можешь быть свободна, ребята выйдут от меня, тебя найдут, а мы тут кое-что еще обсудим.

Санька молча всем кивнула и ускользнула за дверь.

В офисе все было как всегда, только Ленка, не скрывая эмоций, ворвалась к ней в кабинет:

— Шеф, я там кофе уже поставила, может, попьем, поговорим?

— Попьем и поговорим, неси свой кофе.

Уже когда пили кофе, позвонил Иван, сказал, что вышли от генерала, что есть кой-какие еще вопросы, которые им с Константином еще нужно решить и что наберут их с Ленкой ближе к четверем часам, когда освободятся. Сразу после Ивана позвонил Петр Валентинович и сказал, что вопросы все согласованы и Саньке ближайшее время предстоит командировка в Херсон, начальника следствия он уже предупредил, телефон Саньке скинет, ей остается созвониться и согласовать свой приезд, и на фразе «все мае бути по закону», положил трубку.

Ленка радостно показала Саньке смс от Кости, где тот коротко написал: «Уже скучаю, до вечера». В кабинет к Саньке заглянула Инесса, посмотрела на счастливые физиономии Ленки с Санькой, сказала: «Ну-ну, захотите — сами расскажете» и удалилась. Ленка отправилась в суд в очередное заседание, Санька помчалась в КНЕУ проводить очередную пару, в промежутках между делами еще успевала учить студентов уму-разуму.

После обеда позвонил Виталик и сообщил, что после 20:00 отправляется на дежурство по заданию Гриши. Санька сочувственно повздыхала и сказала, что очень сожалеет, что не увидит его вторые сутки.

К четырем часам отзвонились Иван с Константином и сказали, что уже на набережной с нетерпением ждут девушек. Вечер начался с похода в ресторан, закончили в номере у Константина, Санька опять музицировала, Иван с Константином подпевали, обстановка была теплой и комфортной, все под впечатлением приятного вечера разошлись по своим номерам.

В перерывах между близостью, лежа в объятиях Ивана, Санька вдруг спросила:

— А как ты оказался в Москве?

— Послали на повышение квалификации в Академию Генштаба, остался в аспирантуре, преподавал, так и остался.

— А что ты преподавал?

— Психологию вербовки агентуры.

— Ух ты, вот это да... Это ж надо навыки психолога.

— И не только, подсознание человека — это целый отдельный мир. Специфика работы оперативника, а тем более разведчика, предполагает проникновение в это самое подсознание, мгновенную оценку ситуации, чтобы понять, с кем имеешь дело, и соответственно понимание, как ты будешь влиять на собеседника. Объект нужно, во-первых, правильно распознать, во-вторых, расположить к себе. Доверие в общении — самый главный фактор, который позволяет подчинить себе человека, заставить выполнять поставленные тобой задачи.

— Ах, вот ты как обольщаешь девушек и меня в том числе, — сказала, смеясь, Санька.

— Не смешно. Я тебе рассказываю про работу разведчика, а не про досуг и развлечения. К работе нельзя относиться легко и расслаблено, для разведчика чревато летальным исходом.

— А я для тебя чем являюсь: досугом или развлечением?

— Хороший вопрос... Сам себя который день спрашиваю. Ты, пожалуй, единственный человек, на подсознание которого я бы не смог повлиять.

— В смысле?

— В смысле, я бы не смог тебя завербовать, не знаю почему, но для меня ты вербовке не поддаешься.

— А ты что, ставил себе такую цель?

— Нет, что ты. Просто профессиональная привычка оценивать любого собеседника.

— И как ты меня оцениваешь?

— Сейчас я тебе это продемонстрирую, применяя знания, полученные при чтении «Камасутры», — сказал Иван, повернувшись всем телом к Саньке.

Утром следы бессонной ночи были у Саньки заметнее, чем накануне, все четверо опять встретились в ресторане за завтраком. Ленка с Константином выглядели отдохнувшими и счастливыми. Санька с Иваном не меняли свой рацион, удивительным было то, что Ленка чопорно прочитала им лекцию о пользе мюслей за завтраком. Удивление у Саньки было двойным, так как знала, Ленка раньше такой любви к вегетарианской пище не проявляла.

Когда вернулись в номер, у Ивана зазвонил телефон, он хмыкнул и взял трубку. На том конце «провода» женский голос как-то очень эмоционально и громко высказывал какие-то претензии. Саньке слышались отдельные слова, особо громко произносимые. Иван с невозмутимым лицом молча слушал. Когда запал у собеседницы спал и образовалась пауза он, довольно жестко сказал:

— Я же тебе все сказал и объяснил, не понимаю, что ты от меня еще хочешь.

На том конце что-то ответили, Иван нахмурился, вздохнул и ответил:

— Я повторяюсь: между нами все кончено, ты ничего не должна мне, я ничего не должен тебе. Если тебе понадобится моя дружеская помощь я в твоём распоряжении, ты ни в чем не виновата, вся причина во мне, я тебе благодарен за приятное времяпровождение, но увы, потерял любовь, но сохранил уважение. Мне неприятно тебе напоминать, что твои звонки привели к скандалу у меня дома. Поэтому хочу тебя попросить не звонить мне для выяснения отношений, которых по факту уже нет.

Пауза образовалась, когда Иван слушал ответную реплику.

— Я рад, что ты меня услышала, обещаю, что если будет нужна моя помощь, обращайся. Будет лучше, если мы сохраним приятные воспоминания, не расстраивайся: ты молода и красива, нравишься мужчинам, у тебя все будет хорошо.

Иван положил трубку, подошел к окну и задумчиво посмотрел на Днепр, вздохнул и, уже улыбаясь, повернулся к Саньке. Она, оторопевшая от услышанного, смотрела на Ивана с немим вопросом в глазах: «А что это было?».

Иван подошел, обнял Саньку:

— Ты хочешь, наверное, знать, что это было?

— Ну, не так чтобы знать...

— Я сейчас постараюсь тебе объяснить.

— Не утруждай себя, в конце концов, это не мое дело.

— Не совсем так. Тебя это напрямую касается. Понимаешь, когда в моей жизни появилась ты, это сразу почувствовала моя жена, а это серьезно. Скажу больше, я потерял интерес к другим женщинам.

Санька, притихшая, стояла, уткнувшись Ивану в плечо, не зная, что сказать. Мысли были очень разные, от «как это жестоко» по отношению к той другой, до «и что мне теперь?». Было понятно, что Иван может быть очень жестким. Где граница, которая определяет его любовь, и где место для Саньки в его жизни, было большим вопросом. Для себя Санька понимала: впервые встретила мужчину, который мог стать для нее всем, но также понимала, что совсем не значит, что Иван воспринимает ее также. Одно дело приятно проводить время и совсем другое стать для кого-то всем. Она совсем не знала, почему Иван изменяет своей жене, понимала лишь то, что делает он это на постоянной основе, и до встречи с ней у него этих любовниц было несчитанное количество. Она посмотрела внимательно на Ивана и спросила:

— Ты любишь свою жену?

— Мы в ответе за тех, кого приручили. Знаешь, это как у Антуана де Сент-Экзюпери.

— Это ты про Маленького принца?

— Ну да.

После завтрака Ленка отправилась в офис выполнять поставленные задачи, а Санька повезла Константина с Иваном в аэропорт. Уже в аэропорту, в ожидании регистрации, попивая в баре кофе, переговорили о предстоящей Санькиной командировке. Договорились, что будет это не раньше, чем через неделю. Иван как раз имел намерение вывезти своих на дачу в Партенит, потому имел возможность встретить Саньку с Григорием в аэропорту в Симферополе. На том и порешили.

ГЛАВА -10-

Санька знала, что её прямая начальница, начальник инспекции госдоходов Елизавета ее недолгоблывала. Как-то, когда Санька в очередной раз поумничала, Елизавета ей заявила:

— А ты разве не знаешь, что начальство не любит, когда подчиненные умнее их?

— Догадываюсь, но я уж точно не умнее нашего уважаемого Владимира Анатольевича.

Елизавета от такой дерзости со стороны Саньки аж поперхнулась. Зная о такой нелюбви к себе, Санька всегда удивлялась, почему Елизавета посылает ее на самые интересные проверки, где Санька проявляла себя ярко. Только потом, когда сама стала руководителем, поняла, что это для нее они были просто интересные, а для других трудные, порой невыполнимые. Если руководитель с головой дружит, а подчиненных сам себе выбрать не может, то распределять сложные задания будет в сторону тех, кто в состоянии это выполнить, независимо от личной неприязни.

Однажды Санька, придя на работу, обнаружила на своем письменном столе инструкцию на 100 страниц об учете, хранении драгметаллов и драгкамней в производстве. Елизавета, сидящая напротив, мило улыбаясь, сообщила Саньке, что отправляет ее на проверку на завод, где в производстве используется серебро путем напыления на изделия через гальванический элемент. Также Елизавета поведала, что у Саньки всего три часа времени, дабы изучить инструкцию, так как ровно в 12:00 за ней заедет главный бухгалтер завода и отвезет ее на проверку, при этих словах вручила Саньке предписание.

Санька судорожно принялась изучать инструкцию, стараясь хотя бы вникнуть в терминологию. Спасало то, что химию в школе изучала хорошо, поэтому имела представление о процессах в гальванической ванне и могла себе хоть смутно, но представить техпроцесс. В СССР была отдельная инспекция при Минфине Союза, которая занималась такими проверками, так как Советский Союз развалился, то инспекция этого профиля осталась в Москве, единственными специалистами в этой области были инспектора Про-

бирной Палаты, функции последних несколько отличались от потребностей финансового контроля.

Главный бухгалтер прибыла за Санькой в точно назначенное время, по дороге на завод, Раиса Ивановна, так звали главбуха, все время повторяла, что их генеральный директор ужасный грубиян и ненавидит всех проверяющих вместе взятых. Санька никак не могла понять, какое это имеет отношение к ней.

Когда прибыли на завод, Раиса Ивановна завела Саньку в приемную, подвела к двери директорского кабинета и быстренько ретировалась со словами: «Ну вы тут как-то без меня...». Санька постучала и настороженно вошла в огромный кабинет. В глубине кабинета стоял громадный дубовый стол с приставкой под зеленым сукном, на столе стояла раритетная настольная лампа в стиле «сталинский ампир», и совершенно нелепо смотрелся ближе к окну на столе факс, в те времена крайне редкое явление. За столом сидел импозантный сидящий мужчина в костюме от Диора цвета морской волны, что также не вязалось с обстановкой кабинета. Санька осторожно приближалась к столу, в этот момент мужчина грозно зыркнул, открыл даже не рот, это называется «открыл хавальник», и начал дурным голосом орать:

— Я никому не подчиняюсь, я давно из министерства вышел, мне никто не указ, меня все проверяющие уже достали, слишком много вас всех развелось, Сталина на вас нет!

Санька осторожно присела за приставной стол и молча слушала весь этот выпад. Когда мужчина вдоволь наорался и у него образовалась пауза, Санька с невозмутимым видом к нему обратилась:

— Прошу прощения, что набралась смелости и зашла в Ваш кабинет. Если я правильно прочитала табличку на двери, вас зовут Василий Иванович? Я не ошиблась?

— Нет, а что? — Мужчина явно был заинтригован спокойствием Саньки.

— Да ничего, просто ваше эмоциональное приветствие не позволило мне вам представиться и поведать о цели моего визита.

Василий Иванович так опешил, что опять образовалась небольшая пауза, которая позволила Саньке развернуться вместе со

стулом лицом к Василию Ивановичу, эффектно закинув при этом ногу за ногу. Театрально закинув голову Санька, искоса глядя на Василия Ивановича, представилась:

— Ревизор-инспектор Гетьман Александра Владиславовна. Предмет проверки — использование и учет драгметаллов в производстве. И еще хочу вам заметить, многоуважаемый Василий Иванович, — при этих словах Санька, эмоционально-жестко повысив на полтона голос, продолжала, — вы не мой начальник! Я не ваша подчиненная!

И дальше в спокойном тоне:

— Поэтому не смейте на меня орать. У меня есть свой начальник, у вас свои подчиненные, если они позволяют на себя орать — это их проблема, не моя. Моей проблемой будет, когда я приду к своему руководителю и не смогу внятно объяснить, почему я не выполнила поставленной задачи. Если лично вас что-либо не устраивает, не беда, пишите на обороте предписания, что вы не желаете допустить инспектора в моем лице к проверке по причине личной неприязни ко всем проверяющим органам вместе взятым. Надеюсь, что лично я никаких отрицательных эмоций не вызываю?

Сказать, что Василий Иванович опешил — не сказать ничего. Санька видела, как бесшумно открывается и закрывается рот, Василий Иванович явно хотел что-то сказать. Его словарный запас, видать, не располагал достаточным количеством слов, чтобы выразить свои эмоции. Но было видно работу мысли на вспотевшем лбу Василия Ивановича, его терзала одна навязчивая мысль: «Это ж надо, такая ссыкуха, а так завернула...». Санька решила закрепить успех:

— Так я понимаю, лично ко мне претензий нет?

Василий Иванович вдруг улыбнулся:

— Нет, Александра, простите, не расслышал вашего отчества, лично вы у меня отрицательных эмоций не вызываете.

— Владиславовна. Я могу приступить к проверке?

— Думаю, да...

Василий Иванович по селекторной связи вызвал к себе глав-

ного бухгалтера и главного экономиста, официально представил им Саньку. У Раисы Ивановны был вид человека, который не просто удивляется, ощущалось, что она поражена лояльностью своего шефа по отношению к Саньке.

Уже на следующий день, когда Санька сидела в плановом отделе, закопавшись в документы, пытаясь разобраться в учетных записях, к ней подошла секретарь Василия Ивановича и сообщила, что шеф желает ее видеть. Санька зашла в кабинет директора. Василий Иванович уже сменил гнев на милость и был явно расположен к беседе:

— Ну, как жизнь молодая? Никто не обижает? Документы предоставили?

— Спасибо, все хорошо, у меня пока вопросов нет.

— Я вот спросить хотел, Александра, а можно без отчества?

— Можно.

— Почему рабочему человеку работать не дают? Все ходят-ходят эти проверяющие толпами, от работы отвлекают, предписания какие-то выписывают, и все за государственные деньги, их что, девать некуда?

— Ну почему некуда? Мой шеф нам регулярно, каждое утро сообщает, что «в бюджете немає грошей». Проблема необходимости содержать целый аппарат чиновников, в том числе и ревизоров, для полноценного функционирования государства стара как мир. В советское время у Вас бы даже вопроса не возникло, допускать или не допускать ревизора к проверке.

— Да, но в советское время я не принимал решений, направленных на поиски денег для выплаты зарплаты рабочим, тогда эти вопросы решались в министерстве.

— Правильно, в СССР существовала система отраслевого распределения финансов, не важно, сколько заработало то или иное предприятие, важно было лишь решение чиновника, как собранные с предприятий деньги распределить. Тогда даже если у вас по вашим фондам есть накопленные средства, вам могли их придержать и не дать потратить на нужды предприятия. По всей видимости, к предприятиям государство относилось как к нерадивым детям-транжирам.

— Вот-вот, хозрасчет — это было очень правильно.

— Хозрасчет — это хорошо, но это никак не решало вопрос частной собственности.

— Так я о том же, если деньги мои, то почему я должен допускать ревизора, чтобы их пересчитывали?

— Дело в том, что государство не без оснований считает, что часть денег принадлежит ему, этому самому государству, именно эти деньги государство с помощью ревизора и желает пересчитать.

— А я что получаю взамен от государства? Если я с этим самым государством делюсь своими честно заработанными, то должна быть какая-то компенсация.

— Хороший вопрос. Только наше государство постсоветское, сознание чиновника не перестроилось, уважение к частной собственности еще никто не воспитал, потому и Ваши как вы говорите «честно заработанные» чиновник считает не Вашими, а государственными. А если учесть, что чиновник считает себя частью этого самого государства, то соответственно утаив от государства, по его мнению, вы прямо его обворовали.

— Неужели, Александра, ты так думаешь и считаешь?

— Я Вам обрисовала, о чем думает среднестатистический чиновник, который не мыслит себя без госслужбы, лично я тут ни при чем, я чиновник по принуждению, ввиду отсутствия опыта и нормального предложения работы.

— Так, может, имеет смысл подумать о смене работы?

— Пока интересующего меня предложения не поступало.

За время, отпущенное на проверку, такие беседы между Санькой и Василием Ивановичем происходили чуть ли не каждый день. В одной из таких бесед Санька, которая к тому времени уже успела вникнуть в предмет проверки и даже побывать в цеху гальваники, сообщила, что, по ее мнению, ежемесячно необоснованно списываются в невозвратные потери от 5 до 7 кг серебра. Причем почему необоснованно она уже могла доказать и даже понимала, на каких этапах это происходит, а вот доказать, что работники это делают умышленно и от кого идет такое распоряжение у нее на это явно не было времени. Поэтому она эту информацию просто из-

ложила Василию Ивановичу с высказыванием, понимая, что не от него это исходит. Санька прямо ему заявила:

— Я так понимаю, что это не может исходить от Вас. Вы ж такой солидный мужчина, поэтому «мелочь по карманам тырить» вряд ли будете.

— Спасибо, так что делать?

— Что делать, что делать? Вечный вопрос. Думаю, более внимательно отнестись к процессу списания серебра и все же соблюдать инструкцию в части наличия обоснований для списания, но это уже ваша парадигма.

В личной жизни Санька ощущала какой-то надлом, не могла понять, но чего-то ей не хватало. Игорь казался вялым, безынициативным, напрягал быт, но выходные, как правило, проходили весело. Санька любила небольшие компании, а еще больше ей было по душе принимать гостей, приготовление пищи ее не напрягало, наоборот, ей это нравилось. Надоедали сложности с отсутствием элементарных продуктов, но в те непростые голодные годы это было у всех, а в молодости из еды культа никто не делает, поэтому компании собирались шумные, веселые, а ели-пили, что получится.

Санька была молода, общительна, харизматичность проявлялась уже тогда, а это позволяло ей просто купаться в мужском внимании и быть душой любой компании. Все друзья Игоря проявляли к ней неподдельный интерес и внимание, уже в том юном возрасте Санька была просто виртуозом флирта и обожала медленные танцы, что доставляло ей ни с чем не сравнимое удовольствие. Особенно добавляло Саньке шарма музицирование, пусть и не высокопрофессиональное. Также Саньку хлебом не корми, дай анекдоты потравить, рассказывать Санька любила, в лицах, с эмоциями, это всегда вызывало смех. Мужчины, а Игорь в особенности, в прямом смысле носили Саньку на руках, благо была тонкая и звонкая. Если Санька была в ударе, могла сконцентрировать вокруг своей особы всех присутствующих мужчин, причем танцевали с Санькой только держа ее на руках и передавая от танца к танцу на руки к следующему поклоннику как ценный приз. Санька в такие минуты

ощущала себя королевой и ей было абсолютно плевать, что о ней думают жены ее партнеров по таким танцам, присутствовавшие здесь же. Были у Саньки поклонники, которые вполне открыто высказывали свое восхищение ее талантами.

Одним из таких поклонников был Шурик, познакомились с подружками на танцах одновременно с Игорем. Компания девушек и юношей быстро перезнакомилась между собой и как бы поделилась на пары. Только Шурик гордо сверху вниз смотрел на доставшуюся ему по остаточному принципу подружку, было очевидно: бросаться выбирать — выше его достоинства, общаться с той, что случайно досталась вообще не комильфо. Поэтому весь вид Шурика демонстрировал, не хотите и не надо, я и лучше найду. Санька отметила про себя такую демонстрацию гордыни, причем случайно встретившись взглядом с Шуриком, сразу считала брошенный вызов. «Ха, — подумала Санька, — сам еще будешь за мною бегать, скажите цаца какая...».

Игорь Саньке рассказывал с легким удивлением, что Шурик постоянно его о Саньке расспрашивает на предмет, встречается ли еще он с ней. Саньке льстило такое внимание, поэтому радостно поддержала Игоря пригласить Шурика как свидетеля на свадьбу. На предложение быть свидетелем на их свадьбе Шурик ответил вопросом:

— А что, заявление уже подали?

— Да, — радостно сообщил Игорь.

— Ну, тогда я согласен. Странно, моя мама буквально вчера мне сказала: «Вот увидишь, они скоро поженятся». Я еще ей не поверил.

Через несколько дней после свадьбы Санька с Игорем сидели дома в своей комнате, изредка выбираясь на кухню за провизией. Вдруг в дверь позвонили, пока Санька одевала на себя что-нибудь приличное, Игорь пошел открывать дверь. Это был Шурик собственной персоной. Оказывается, у Шурика был день рождения, который он пришел отметить с Санькой и Игорем. Игорь, полупьяный от любви совсем забыл, что у друга день рождения, Санька ему тут же попеняла, так как она в принципе не знала об

этом. Шурик на такую забывчивость сказал, что, мол, понимает, любовь и всякое такое, где уж про друга вспомнить.

Шурик явился не с пустыми руками, а с бутылкой вина и салатиками, заботливо упакованными его мамой. Учитывая такую подготовленность Шурика, проигнорировать это мероприятие никак не получилось. Уже немного выпив и закусив, вся троица стояла на балконе и мирно беседовала, Шурик с Игорем перекурили, вдруг Шурик обратился к Игорю с просьбой:

— Помнишь, у тебя были фотки, ну там, где мы Первое мая отмечали, ну еще Дима тогда в костер упал?

— Ну помню, и что?

— Да вспомнил вдруг на днях, там еще одна особенная была, ну там, где мы с тобой канат перетягивали и с обрыва в воду свалились.

— А-а, помню-помню.

— Слушай, а ты не мог бы мне найти эту фотку и одолжить на пару дней. Я там с одним поспорил, что там в том месте, где мы отдыхали мощнейший обрыв.

— Да не вопрос, что прямо сейчас тебе найти?

— Да, пожалуйста...

Когда Игорь вышел, Шурик вдруг бросился к Саньке:

— Скажи, только честно, зачем ты вышла замуж за Игоря?

Санька опешила от такого вопроса, хлопнув глазами, посмотрела куда-то вбок и произнесла:

— Что значит «зачем»? Люблю я его.

— Этого не может быть.

— Что значит «не может быть»? Ты что, лучше меня знаешь, что я чувствую?

— Знаю только то, что знаю: этого не может быть, потому что так не бывает, я же чувствую тебя.

В это время послышались шаги Игоря. Шурик резко отошел от Саньки в другую сторону балкона.

ГЛАВА -11-

Проводив москвичей, Санька вернулась в офис примерно к обеду, все были при деле. На рабочем столе в своем блокноте Санька обнаружила лист формата А4. На листе оказалось шутейное заявление от дочери. В заявлении был следующий текст:

Директору ТОВ “РНД-АУДИТ”

Гетьман О. В.

Від дочки Гетьман О. І.

ЗАЯВА

Прошу придбати пару панчішок, в зв’язку із діркою на старих.

Підпис: Гетьман О.І.

Санька заулыбалась про себя, думая: «Вот маленькая засранка», прекрасно понимая, что дочь требует, причем заслуженно требует, внимания к своей особе. Нахлынули воспоминания.

Еще жив был Игорь, праздновали день рождения Игоря, было лето, окна и балкон были открыты настежь, гости группами перемещались из комнаты в комнату, громко разговаривали, хоть и старались курить на балконе, дым несся в комнату. Маленькая Ольга бежит между гостями и просит: «Не курите здесь». На нее никто не обращает внимания, ребенок на короткое время пропадает с карандашами-ручками. Санька думает: «Ну, слава Богу, нашла себе занятие». Вдруг ребенок появляется среди взрослых с плакатом, на котором большими буквами написано: «В НАКУРЕННЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ ДЕТИ ПЛОХО СПЯТ!».

Ольга с плакатом молча подходит чуть ли не к каждому гостю. Курить перестали сразу все...

Инесса молча зашла к Саньке в кабинет и села на стул за приставным столом. Помолчав минуту-другую, спросила:

— Может, таки расскажешь, что происходит?

Санька вздохнула, мечтательно посмотрела в окно:

— Таки расскажу.

- Позволь поинтересоваться, когда?
- Да сейчас, кофе сваргань, а?
- Я-то сварганю, но странные вы с Ленкой, жуть...

Фразу Инесса заканчивала, уже выходя в коридор. Через какое-то время с чашечкой ароматного кофе Санька, закинув ногу за ногу, сидела в своем белом кожаном кресле и коротко описывала Инессе свои похождения. Инесса восторженно поблескивала глазами, глядя на Саньку, спросила:

- Ты думаешь, это серьезно?
- Еще не знаю. Но хотелось бы побольше таких встреч. Понимаешь, захватывает то, что это не просто какое-то желание, страсть, это как единение душ.
- Вот это да... Прямо роман какой-то.
- Роман-не роман, а боюсь слишком увлечусь.
- А почему боишься?

— Так ведь женатый мужчина, обычно с такими не встречаюсь, зачем мне чужое горе. То, что у него любовниц столько, что он им счет потерял — это одно, а если я дам чувствам волю и это ничего, кроме страданий, мне не принесет, если же такие чувства вдруг окажутся взаимными, то это горе, для семьи, которая может распасться — это уже другое.

— Зачем тебе заморачиваться чужим горем, ты думаешь, его жена не знает, что он шляется?

— Думаю, что знает. Но опять же, одно дело, когда такой муж шляется бог знает сколько лет подряд и никуда не девается, и совсем другое, когда такая связь на стороне становится слишком серьезной.

- Так и не усложняй. Отнесись как к забавному приключению.
- Хотелось бы...

Вдруг зазвонил телефон. Это был Виталик, который интересовался, когда Санька намерена вернуться домой, он уже выспался после двух бессонных ночей и жаждал Санькиного внимания. Санька поинтересовалась, чего Кыця желает на ужин и сообщила, что будет не позже семи.

До конца рабочего дня еще оставалось три часа, Санька углубилась в работу.

Позвонил Володя, директор предприятия, у которого Виталик был заместителем. Это было предприятие по реализации бесхозяйного имущества, которое Санька создала на пару со своим компаньоном с главной целью — трудоустроить Виталика. Санькино условие было, чтобы именно компаньон от себя делегировал директора, как лицо ответственное за деньги предприятия, так как Санька четко знала: деньги Виталику в руки можно давать лишь те, которые будет не жаль, если он потратит. Потому как любые деньги, попавшие в руки Виталика, воспринимались им как свои, причем те, которые нужно срочно потратить.

Предприятие, на удивление обоих собственников-компаньонов, работало довольно успешно и приносило неплохую прибыль, что позволило обеспечить регулярный заработок и занятость Виталику. У Саньки даже появилась надежда, что Виталик станет в достаточной мере полноценным мужчиной для семьи, так как уже полностью обеспечивал свои потребности и почти регулярно стал давать деньги на ведение их совместного хозяйства. Два раза даже полностью компенсировал все коммунальные платежи и отдал часть денег за машину, на которой ездил.

При всех недостатках у Виталика было два незаменимых в работе качества: был очень аккуратен с документами и на любой звонок о помощи или необходимости срочно куда-то явиться, все бросал и мчался, добросовестно стараясь выполнить поставленную задачу. Если задача, поставленная Виталику, была ему понятна, можно было не сомневаться — выполнит обязательно.

Володя звонил, чтобы сообщить, что есть информация от налоговиков о проверке, причем проверка касается именно реализации имущества, которое проходило через их предприятие, а именно: прозрачности тендеров, сроков расчетов с бюджетом, наличия имущества в подотчете и условия его хранения. Также было сказано, что возможно будет проведена инвентаризация с участием сотрудников районного ОБЭП и прокуратуры.

Информация была не из приятных, не то чтобы кто-то прокручивал мошеннические схемы, просто финансово-хозяйственная деятельность любого предприятия в Украине содержит множество «но», связанных с тотальной коррупцией и желанием выжить в столь непростых условиях, а тут еще и тендеры с бюджетными деньгами...

Санька крепко призадумалась, переваривая полученную информацию, уже прокручивала в уме, кому бы позвонить, чтобы проверка не проходила стихийно, а была в штатном режиме с адекватными проверяющими. В районе, где было зарегистрировано предприятие Виталика, у Саньки был давний друг, начальник следствия в районной налоговой, с которым дружили семьями и даже ездили совместно отдыхать. Поразмыслив минуту-другую, Санька взяла сотовый и набрала номер Андрея Александровича:

— Приветствую Вас во всей вашей красе и величии! — Пафосно поприветствовала Санька, — как жизнь молодая?

— Вашими молитвами, — В тон Саньке ответил Андрей.

— Слушай, у меня к тебе дело, прям на сто тысяч.

— Так уж и на сто?

— Сто не сто, но есть проблема, как тебя увидеть?

— Как срочно?

— Сегодня-завтра.

— Ну, сегодня, наверное, уже нет, а завтра давай прямо с утра.

— С утра — это во сколько?

— Давай к 9:30.

— Договорились. Жди, буду как штык.

Домой Санька пришла, как обещала, не позже семи, все домочадцы были уже в сборе, ужин прошел без происшествий.

Рано утром, часов в пять, Санька по непонятной для себя причине вдруг проснулась. Внимательно к себе прислушалась, подумала, что, возможно, это связано с переживаниями за проверку. Прислушавшись к тишине спящего дома, поразмыслила минуту-другую, никакого беспокойства не ощутила. Странно, значит это не связано с проверкой. Нервное беспокойство, которое не давало

Саньке спать, на удивление было каким-то приятным и будоражающим, почему-то вспомнился Иван. Санька закрыла глаза, стараясь заснуть, образ Ивана, несмотря ни на что, стоял перед глазами, было приятно вспоминать его лицо, объятия, спать не хотелось. Повернувшись на другой бок, лежала еще минуту-другую поняла, что заснуть не удастся, закрыв глаза, вся ушла в воспоминания. В какой-то момент Саньке показалось, что Иван совсем рядом, даже обнимает и прижимает к себе. Заснуть долго не получалось, было состояние приятной полудремы, так и промечтала, пока не зазвонил будильник.

Уже подъезжала на оговоренную встречу к Андрею Александровичу, как зазвонил сотовый, это был Иван:

— Привет, как спалось? Как настроение?

— Привет, настроение отличное. Как долетел?

— Нормально долетел. Ты не ответила на вопрос «как спалось?».

— Да нормально, если не считать, что с пяти утра не спалось.

— Почему не спалось? — Голос Ивана дрогнул.

— Да ты знаешь, сама не знаю, о тебе все думала. Это случайно не твоих рук дело?

— Думала? — Иван нервно хмыкнул, — это ж я тебе свои флюиды посылаю.

— А тебе почему не спится?

— Так думаю ж, оттого и не спится.

— А что именно думаешь?

— Вот так тебе все и расскажи, при встрече покажу воочию, — при этих словах в голосе Ивана появились бархатные, обволакивающие нотки, было ощущение, вот-вот и замурлыкает.

На встречу Санька прибыла вовремя и в приподнятом настроении. Андрей в качестве приветствия чмокнул Саньку в щёку, как всегда. Сказал, что выглядит она прекрасно, спросил, как поживает Виталичек. Санька поведала, что за проблема ее к нему привела. Андрей наморщил лоб и спросил:

— Так, что ты конкретно хочешь?

— Да ничего особенного, просто нужны какие-нибудь вме-

няемые менты, а то пришлют каких-нибудь салобонов, они щеки начнут важно надувать, угол пятый искать.

— Хорошо, я подумаю, переговорю с прокурорами и наберу тебя не позднее завтрашнего обеда.

Приехав в офис, обнаружила недовольную, надутую Ленку. Проходя мимо ее стола, кивнула, мол, «зайди, поговорим». Ленка послушно зашла за Санькой в кабинет:

— Ты чего такая хмурая? — Спросила Санька.

— Ничего, просто настроение плохое.

— И с чего ж у тебя настроение плохое?

— Да так...

— Да, ладно, колись, что у тебя там стряслось.

— Ничего особенного, просто Костя имеет меня за проститутку.

— С чего это ты взяла?

— Представляешь, он мне в сумку втихаря 500 баксов засунул.

— Ну и...?

— Так ведь только проститутке втихаря деньги в сумку кладут.

— Ну, во-первых, проститутке деньги дают не втихаря, а в открытую и заранее оговоренную сумму. Во-вторых, Лена, ты себе очень льстишь, если считаешь, что как проститутка ты можешь стоить 500 баксов за ночь. Не придумывай глупости, просто Костя отлично понимает, что перед ним малообеспеченная девочка, которая не то чтобы нуждается, но очень даже не лишним будет дать ей материальную помощь.

— А почему ты считаешь, что я не стою 500 баксов?

— Я не сказала, что ты не стоишь, я видишь ли, имела ввиду, что как проститутка не стоишь.

— То есть?

— А то и есть, проститутка, которая может стоить 500 долларов — это тетя, которая, во-первых, себя во всех отношениях вылизывает, ходит по салонам красоты, регулярно занимается

спортом... Во-вторых, это ее профессия, это значит, что она себя этому посвятила и имеет соответствующий вид и навыки.

— А я, по-твоему, не дотягиваю?

— По-моему, таки да, не дотягиваешь. У тебя попросту на это все нет ни времени, ни денег.

— А, так я в твоём понимании даже на проститутку не тяну?

— Конечно, нет, на элитную проститутку за 500 долларов не тянешь. Скажу больше, я тоже не тяну, у нас с тобой просто другая профессия.

Возникла пауза. Ленка, надувшись, исподлобья зыркала на Саньку. Санька подошла к ней, слегка приобняла:

— Не обижайся, пожалуйста, никто о тебе плохо не думает, ни я, ни Костя. Не додумывай и не придумывай того, чего нет.

Ленка всхлипнула и жалобно посмотрела на Саньку:

— Правда? Ты меня не обманываешь?

— Нет, конечно. Какая же ты еще малолетняя глупышка. Все, хорош рюмать, пойдй сделай нам кофе.

Уже сидя у Саньки в кабинете, Ленка спокойным тоном заявила:

— А я уже позвонила Косте и поставила его на место. Я его отругала и сказала, чтобы не смел больше втихаря мне деньги подкладывать, что он этим меня очень оскорбил.

Санька хмыкнула, про себя подумала: «Ну что тут поделаешь, учишь, учишь, а у нее одни двойки». Глядя внимательно на Ленку, стараясь говорить мягко, сказала:

— Лен, послушай меня внимательно. Никогда, слышишь, никогда не позволяй себе выяснять отношения с женщиной на повышенных тонах, а тем более высказывать свое недовольство тоном претензии или приказа. Приказной тон в отношениях с мужчинами, к которым относиться Костя, неприемлем в принципе, это означает поставить крест на отношениях сразу же. Если мужчина начинает принимать приказы, именно приказы, а не пожелания от женщины — все, он пропал. Мужчины больше нет, есть подкаблучник, инфантилирующий субъект, тут и до аль-

фонса недалеко. Бывают, конечно, случаи умных мужчин, которые, слыша приказ от своих женщин, делают вид, что слушают их, а сами за спиной поступают по принципу «послушай женщину и сделай все наоборот».

— Нет, ну пусть только приедет! Уж я ему устрою...

— Лена-а! Ты меня вообще слушала?

— Нет, а что? Он же виноват?

— В чем виноват?

— Ну как же? Мама мне всегда говорила, что мужчина всегда в чем-нибудь виноват.

— Ох уж эти мамы, у которых сын всегда прав, а зять всегда должен... Лена, в конце концов, Костя тебе никто, и не факт, что станет кем-то для тебя, то, что он с тобой оказался в одной постели, ничего не означает. Тем более для мужчины его типа, поэтому априори не виноват ни в чем.

— Так что же мне делать?

— Ничего не делать, ждать, надеяться и верить.

— И все?

— И все.

ГЛАВА -12-

Шурик был верным другом семьи Саньки и Игоря, все свое свободное время проводил с ними. Все праздники, любые мероприятия, поездки без Шурика не обходились. Как-то Санька познакомила Шурика со своей одноклассницей, характеризуя ее как человека, очень похожего на нее саму. Шурик даже на короткий период увлекся этой одноклассницей, а потом с обидой пришел к Саньке, мол, та вообще не такая. Санька пыталась его вразумить, что двух одинаковых людей не существует в принципе. Когда говорила о схожести, имела в виду лишь сходство взглядов на жизнь.

Санькина школьная подруга Ирина, та, что вместе с Шуриком крестила маленькую Ольгу, не имела постоянного кавалера, и Санька по доброте душевной всегда ее приглашала, считая своим долгом не оставлять подругу в одиночестве. Так как Игорь и Шурик постоянно восхищались Санькой, Ирина чувствовала себя не в своей тарелке, эпизодически возмущалась, обличая Саньку, что та своим поведением завладевает вниманием всех мужчин в доступном для нее радиусе. Санька не сильно по этому поводу расстраивалась, хоть чувствовала вину перед подругой, при этом все время недоумевала: ну не нравится тебе компания Шурика, так найди себе кого-нибудь, я ж не против.

Однажды на Новый год, маленькая Оля уже бегала, как обычно уже устоявшимся составом решали вопрос встречи Нового года. Ирка привычно затянула знакомую для себя песню про то, как ей надоело быть условной партнершей Шурика. Санька ей ответила, что не вопрос: Шурик мальчик самодостаточный, если он обычно приходил сам, то лишь потому, что не хотел обижать Ирку. Если Ира желает прийти с кем-нибудь другим, пусть просто скажет, а Шурик будет понимать, что если он приведет очередную подружку, то никого не обидит.

Примерно за несколько дней до Нового года Ира позвонила Саньке и как-то туманно начала объяснять, что, таки да, придёт со своим парнем, поэтому пусть Санька позвонит Шурику и скажет,

что тот может приходить со своей девушкой. Еще через день Ира позвонила и сказала:

— Саня, хочу поставить тебя в известность, что приду с нашим одноклассником Андреем Щигловским.

Саньку сразу слегка передернуло. Вспомнила, как Андрей бегал за ней по школе, пытаясь дергать за косички. И о-о-о, высшая степень удовольствия — стукнуть по голове ранцем. От этих «ухаживаний» у Саньки на всю жизнь остался на голове маленький шрамик (стукнул все же по голове) и шрам на руке от ожога после того, как в нее попала горящая тряпка.

— Ну, и...? Что из этого? — Недоумеая, сказала Санька.

— Да ничего, просто хочу тебе сказать, что Андрей придет исключительно со мной, а вовсе не как твой ухажер.

— Понятное дело, я ведь замужем и даже с ребенком. Если ты так хочешь, значит, так тому и быть, пусть приходит.

— Он очень переживает, что ты можешь неправильно истолковать, потому просит дать твой телефон, хочет тебе лично объяснить.

— Ну, это точно лишнее, но если хочет, то пусть звонит.

— Я тебя еще раз хочу предупредить: он мой.

— Да ради бога! Сколько угодно, — хмыкнула Санька, повесив трубку.

Спустя какое-то время таки позвонил Андрей. Санька взяла трубку, поздоровалась:

— Я рада тебя слышать в полном здравии.

— И тебе привет. Я звоню, хочу внести ясность. То, что было, когда мы были детьми, то прошло... Возможно, не совсем бесследно, но, поверь, я повзрослел, я изменился.

— Я верю...

— Ты не поняла, я просто был малолетним придурком, не умел выражать свои чувства.

— Ну что? Научился?

— Не иронизируй, просто прошу, не обижайся на меня.

— Ты что? Глупый? Я давно забыла, у меня есть муж и ребенок.

— Вот, я именно об этом. Я приду с Ирой как ее парень, а не твой.

— Ты как будто не слышишь, я давно все забыла, расслабься.

— Ты действительно на меня не обижаешься?

Санька шумно вздохнула. Ну как объяснить человеку, что потеряла к нему интерес еще пять лет тому назад.

— Не переживай, все хорошо.

— Так я могу прийти?

— Можешь...

Новый год прошел весело, причем из Андрея получилась чудная нянька для маленькой Ольги. Шурик был со своей девушкой, что не мешало ему усиленно уделять внимание Саньке. Андрея ревностно блюла Ира, посему для соблюдения нейтралитета Андрей полночи развлекал ребёнка.

Забегая наперед, надобно пояснить, что через некоторое время Ирка, забеременев от Андрея, таки укатала этого интеллигентного мальчика из хорошей семьи жениться на ней. У нее хватило плебейского хамства позвонить Саньке и сказать:

— Саня, у меня 5 мая свадьба, так ты не вздумай на нее прийти, я не хочу никаких эксцессов.

— Не поняла?

— Ты понимаешь, сколько лет прошло, а Андрей до сих пор хранит твой пенал, твою ручку, твою расческу, что он когда-то у тебя отобрал и твою записку, адресованную ему. Я никак не могу повлиять, чтоб он выбросил эти вещи.

— Как скажешь. Знаешь, Ира, мне тебя жаль, хочу лишь заметить, что со своей стороны я не давала повода.

— Ты нет, ты всегда ребят меняла как перчатки, ты всегда получала того, кого хотела ты.

— Ира, могу лишь повторить: мне тебя искренне жаль...

Если еще заглянуть вперед, то Ира, к сожалению, была лишь на одном дне рождения у своей крестницы, когда маленькой Ольге исполнился годик. Причем пришла одна, без Андрея. Не стесняясь, сказала Саньке, что переживает: а вдруг он вспомнит о своих чувствах. Напомнила, что очень не хочет, чтобы Санька приходила к ней, в особенности, когда Андрей дома.

Через некоторое время, когда у Андрея с Ирой родилась уже своя дочь, Ира, не стесняясь, позвонила Саньке и спросила, не могла бы она помочь и отдать Ольгину коляску и по возможности вещи для их новорожденной девочки, мотивируя тем, что у Саньки они есть, а у Ирины нет. Саньку хоть и покорило от очередной плебейской выходки, но виду не подавала, собрала все маленькие вещи вместе с коляской передала Ирине. В гости больше не приходила никогда и звонить перестала.

Чтоб организовать праздник, много усилий не надо было. Стоило лишь позвонить Шурику, и он тут же мчался, когда с очередной подружкой, а когда и без. Такое положение вещей продолжалось достаточно долго. Удивительно, но им вполне было хорошо проводить время и вдвоем. Санька куролесила где-нибудь в районе кухни, а Игорь с Шуриком рассуждали о превратностях судьбы, ожидая Саньку. Шурик неплохо играл на гитаре, знал множество шуточных песенок. Его коньком было исполнение песни про нос. Сам Шурик обладал довольно внушительным горбатым носом, потому всегда забавно было слушать, как он исполнял:

Ах, мой нос, отчего так мало рос.

Отчего как пуговивка мал.

Завидую я грекам и всяким человекам,

У которых нос большой, с горбатой кривизной.

Им дамы шлют улыбки, вибрируют как рыбки

И отдают телом и душой.

Шурик сам по себе был интересным собеседником, много читающим, ищущим то ли смысл жизни вообще, то ли самого себя. На его мировоззрении сильно сказывались два года армейской службы в Афганистане. Именно оттуда Шурик привез желание философствовать и навыки медитирования, как следствие постоянное самокопание, склонность к этим увлечениям усиливалась выбранной профессией юриста. Читал действительно много, любил пообсуждать очередную прочитанную книгу с Санькой. Иногда, на какой-нибудь очередной гулянке, они с Санькой, не обращая внимания на окружающих, усаживались где-нибудь на

кухне и обсуждали вновь прочитанное, иногда к ним забегали другие гости либо Игорь, но долго не задерживались. Шурик обладал чувством юмора, очень близким по духу самой Саньке. Так, однажды, придя с очередной Первомайской демонстрации в состоянии «ха-ха» три раза, со смехом заявил:

— Представляете, там с трибуны говорят: «Хай живуть радянські жінки». А я что, против? Хай собі живуть...

Были молоды, потому пили, пока пьется. Все гости как гости, выпили, закусили, пошли потанцевали, слегка протрезвели, опять выпили. Шурик и тут проявлял креатив, если, по его мнению, выпил более чем достаточно, усаживался на диване в позу лотоса и впадал в состояние медитации. Через десять минут выходил из этого состояния трезвый как стекло.

Когда Санька вышла на работу в райфинотдел после декретного отпуска, у них с Игорем начался разлом в отношениях. Ей все время казалось, что Игорь ничего не делает, чтобы обеспечить семью, не понимая, что сама заложила мину замедленного действия в их отношения, не пустив его заниматься фарцовкой. Впрочем, все семейные неурядицы сглаживались мягкостью характера Игоря и его покладистостью; Саньку Игорь обожал и готов был ради нее на любые подвиги. Единственное, что было для него непреодолимым — это природная лень и инфантильность, заложенная в детстве маминым воспитанием, в понимании которой можно ничего не делать, все само по себе образуется. Именно лень и не позволяла вершить эти самые подвиги, да и зачем, если все и так вроде ничего.

В серванте стояла картинка, вырванная Санькой из американского журнала у тетки на даче, уж больно понравилась. На картинке с очень красочной рекламой водки «Смирнофф» была изображена царственная чета, а именно царица, стоящая на ступеньках дворцовой лестницы, царственно улыбалась своему венценосному супругу, стоящему внизу с лежащей у его ног собакой породы колли. Царица была величава, облачена в свободное парчовое платье, освещена мягким теплым светом, царь, как и поло-

жено, был с холеной бородкой, очень похож на портреты царя Николая II. Маленькая Ольга, глядя на эту рекламу, всегда говорила, тыча пальчиком в царицу: «Это мама». Когда Игорь с Шуриком, смеясь, спрашивали у ребенка, а кто это внизу указывая на царя, манюня безапелляционно заявляла: «Это мамин дядя». Надобно сказать, что царица действительно чем-то очень была похожа на Саньку. Царь ни на Игоря, ни на Шурика похож не был, поэтому Шурик с Игорем в шутливой форме производили допрос Саньки в контексте «и шо ж это за дядя такой», на что Санька неизменно отвечала: «Знать не знаю».

В один прекрасный день во время очередной гулянки Шурик традиционно решил себя отрезвить медитированием. Вошел в состояние транса и не вышел. Десять минут никто особо не беспокоился, на Шурика внимания не обращал, еще через десять минут Санька озабоченно приблизилась к нему и попыталась пошевелить за руку, рука была как окаменелая.

Санька начала тормошить Шурика, реакции никакой, человек замер, полностью окаменел, признаков жизни не подавал, дыхание слышно не было, разве что теплый был. Санька не на шутку перепугалась, позвала Игоря, попросила принести из кухни чайник с водой. Она уже и щипала Шурика, и иголкой колола, и водой поливала из чайника, все напрасно, Шурик никаких признаков жизни не подавал.

Веселиться перестали все... Девушка Шурика в немом недоумении стояла, находясь в шоковом состоянии рядом. Санька остервенело трясла Шурика, судорожно пытаясь вспомнить все, что ей известно о медитации. Где-то на подсознании вспомнила, что в состоянии медитации душа отделяется от тела, блуждая в четвертом измерении, если все нормально, то человек самостоятельно приходит в себя, если нет — может вообще не вернуться из потустороннего мира. Кто-то из гостей кричал: «Давайте вызовем скорую».

Действуя скорее спонтанно, чем осознанно, Санька, тряся Шурика, начала говорить, обращаясь только к нему, так как будто никого кроме них в комнате не было вовсе:

— Сашенька, Санечка, вернись, пожалуйста, прошу тебя, не уходи! Ты нужен мне, прошу тебя! Мне плохо без тебя, не оставляй меня! Саша, я люблю тебя! Саш...

По Санькиному лицу текли слезы, она обнимала, целовала Шурика, в щеки, губы... Вдруг по телу Шурика прошла дрожь, из закрытых глаз сползла слеза, веки вздрогнули, он охнул и открыл глаза. Все присутствовавшие, шокированные происходящим, молча наблюдали эту сцену.

Шурик начал приходить в себя, был какой-то подавленный, деморализованный, ощущалось, что он пережил в эти минуты что-то ужасное. Посмотрел на Саньку, молча обнял ее и попросил:

— Сделай мне кофе, пожалуйста.

— Да, конечно, — засуетилась Санька.

Уже сидя на кухне с чашечкой кофе, Шурик попросил:

— Можете все нас с Санькой оставить, мне нужно сказать ей нечто важное.

Все, кто был в кухне, включая Игоря и девушку Шурика, молча вышли и закрыли за собой дверь. Шурик подошел к Саньке, которая сидела возле стола на табуретке, опустился перед ней на колени, обнял ее ноги, глаза у него были красные, по щеке катилась слеза:

— Сань, прости меня, я виноват перед тобой.

Санька опешила, не совсем понимая, что происходит:

— Встань, пожалуйста. За что ты просишь у меня прощения?

— Я не с того начал, извини, — продолжал Шурик, стоя на коленях перед Санькой, — я должен сначала тебя поблагодарить: ты меня в прямом смысле вернула только что с того света, я уже летел по коридору, видел сноп света и своих покойных деда с бабкой. Дед уже протянул ко мне руку, а бабушка махнула рукой, мол, «иди к нам», мне стало как-то тепло и спокойно, я уже шел к ним...

Возникла неловкая пауза, притихшая Санька гладила Шурика по волосам. Шурик продолжал говорить, голос его срывался, переходил с крика на шепот:

— Вдруг я услышал твой голос, ты сказала, что любишь меня и зовешь вернуться, во мне что-то надорвалось, я понял, что не могу без тебя, меня тут же вихрем понесло назад по коридору, и я очнулся. Я очень виноват перед тобой, я не должен был позволить тебе выйти замуж за Игоря, я очень люблю Игоря, как друга, но в этих отношениях дружба вмешиваться не должна. Прости меня, это я виноват, что ты в постоянном поиске...

Санька помолчала минуту-другую, вздохнула, поцеловала Шурика в обе щеки и сказала:

— Так, что уж теперь, ты крестный папа нашей с Игорем дочки, изменить уже ничего нельзя, это будет непорядочно с моей стороны по отношению к Игорю, я все же отношусь к нему с любовью, пусть не той настоящей, пламенной, но он для меня родной навсегда.

Шурик вздохнул, встал с колен, сел напротив:

— Еще раз прости, я буду ждать...

ГЛАВА -13-

На следующий день Андрей позвонил, как обещал и сказал, что Санькино пожелание выполнено, адекватные менты должны освободиться не раньше, чем через два дня, поэтому примерно к концу недели директору позвонят и договорятся о начале проверки.

Следующие два дня интенсивно готовились к проверке, проверяли наличие в складских помещениях всех необходимых документов и сертификатов на товар, что находился на ответхранении. Санька металась между складом и бухгалтером, проверяя, все ли необходимое есть в наличии.

В самый неподходящий момент выяснилось, что отсутствуют документы с последнего уже проведенного тендера. Санька рвала и метала, в пух и прах разнося Виталика с Володей за разгильдяйство. Решили, что пока будут проверять склады, то пара-тройка дней в запасе будет, чтобы восстановить непонятно куда пропавшие документы.

Иван названивал с завидной регулярностью, сглаживая своими звонками возникшие напряжения. Сообщил, что своих в Партеинт уже завез и ждет, когда Санька с Григорием будут готовы прибыть в Херсон. Санька ответила, что, как и договаривались, придут не раньше, чем через неделю.

— Ага, вот как ты спешишь со мной встретиться, — съехидничал Иван.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего, кроме того, что уже сказал. Просто я все дела забросил и сижу, жду как дурак с помытой шеей, когда вы, ваше величество, соизволите наконец порешать все текущие дела и приехать.

— Я ж не обещала приехать раньше, чем через неделю, так что обещанный срок почти выдерживаю. Мне, конечно, очень льстит такое твое жгучее желание меня увидеть, но ведь есть еще вопросы, которые без меня не разрешатся.

— Это какие такие вопросы не могут обойтись без твоего личного участия?

— Ну, есть такие, если тебе будет интересно, при встрече расскажу.

— Не хочешь — не говори.

— Почему «не хочешь»? Я же внятно сказала, при встрече все расскажу.

— Как там твой Виталик поживает после Гришиного задания? Не устал?

— Не устал, вполне бодрый. А что это тебя так интересует Виталик?

— Да так, к слову пришлось.

— Вань, ты лучше скажи, ты нас с Гришей в аэропорту встретишь?

— Встречу, если так просите, я машину на пароме уже в Крым переправил.

— Ну, тогда жди, скоро прибудем.

С начальником Херсонского следствия Санька уже созвонилась, документы необходимые для поездки, подготовила. Следовательно, могла выехать хоть завтра, но, во-первых, Гриша сказал, что раньше понедельника нежелательно выезжать, во-вторых, хотела лично принять проверяющих, убедиться, что все нормально и только тогда спокойно ехать.

Проверяющие, как и было обещано, позвонили Володе через два дня. Володя нервничал, Санька его успокаивала; договорились, что Володя поедет, заберет проверяющих и привезет их к Саньке в кабинет, а там уже по ходу дела будет ясно.

Володя с проверяющими зашел к Саньке в кабинет. Проверяющие (это были два молодых хлопца) на очень опытных волкодавов, как их характеризовал Андрей, по мнению Саньки, не тянули никак.

Один из них, особенно симпатичный, как-то многозначительно глянул на Саньку. Санька скользнула по нему оценивающим взглядом, подумала: «Привлекательный, необыкновенно хороши громадные глаза, но молодой какой-то, салобон, короче, да и вообще, у меня есть Ванька».

По Володе было видно, как сильно он нервничал. И Санька это заметила. Также она отметила, что проверяющие это тоже понимают, неприятно было то, что этим салобонам нравилось, что

их бояться. Тем не менее Санька мило улыбнулась с высоты своего белого директорского кресла, пригласила всех присесть и предложила выпить кофе. Смазливый гордо за двоих отказался, демонстрируя принципиальность. Санька нахмурилась, уже перебирала мысленно ругательные слова, с которыми обратится к Андрею за таких «адекватных» проверяющих. Вдруг дверь ее кабинета широко распахнулась, на пороге появился Виталик. Влетев в кабинет, Виталик вдруг замер, буквально на несколько секунд, затем протянув обе руки с криком «бра-а-тан» кинулся по направлению к смазливому. Смазливый, несколько растерявшись, улыбаясь не ловкой улыбкой, также приподнялся на встречу к Виталику. Виталик налетел, обнял, довольно улыбаясь, произнес:

— Это ж надо, где встретились, сколько лет, сколько зим... Сань, — уже повернувшись к Саньке, продолжал Виталик, — это Сережа, мы с ним у Эдика тренировались, ну я тебе рассказывал, это когда школу телохранителей заканчивали.

Санька всегда поражалась таланту Виталика невероятным способом разрядить обстановку, причем стечения обстоятельств всегда оказывались на пользу Виталика. Оглядев собравшихся директорским взглядом, опять мило улыбаясь, Санька произнесла:

— Ну, теперь, я надеюсь, мы наконец познакомимся и так выпьем кофе.

Сергей уже совершенно другим тоном, явно демонстрируя доброжелательность, сказал:

— Да, конечно, с удовольствием. Моего напарника зовут Ярослав. Думаю, мы договоримся о необходимых мероприятиях, так, чтобы не доставлять друг другу хлопот.

— Вот и чудненько, — промурлыкала Санька, — сейчас организирую кофе.

На следующий день успокоенная Санька занималась подготовкой к командировке, помимо документов и некоторых аналитических записок, немаловажным моментом подготовки было: «что одеть?» и «что бы такого прикупить?». Вся проверка полностью легла на Виталика с Володией, посему у Саньки было достаточно времени для сборов.

Прихватив с собой Ленку, Санька помчалась по магазинам. Покупая очередное платье или костюмчик, Санька под него тут же приобретала все, начиная от нижнего белья (особенно Саньке нравилось французское белье бренда «Абаж») до босоножек с сумочкой. Одним из самых важных аксессуаров, по мнению Саньки, были запахи, то есть духи. Предпочитала классику, любимые — это, конечно, «Шанель №5», но к каждому образу подбирала вариации, иногда смешивая духи разных брендов. Предполагалось, что командировка продлится 2—3 дня, соответственно и нарядов нужно не менее трех, а учитывая вечера, то и пару коктейльных платьев. Санька с превеликим удовольствием принялась себя наряжать.

В понедельник вечером Иван встречал Гришу с Санькой в Симферополе прямо у трапа самолета. Как ему удалось проникнуть на летное поле, так и осталось для Саньки загадкой. Иван перехватил Саньку, когда та сходила с трапа; одной рукой забрал у нее дорожную сумку, другой рукой схватил в охапку саму Саньку, крепко прижал к себе и бережно опустил на землю. Отошел на шаг назад, окинул взглядом Саньку с головы до ног, откровенно любуясь ее внешним видом. Сошедший с трапа Гриша пожал Ивану руку и слегка хлопнул по плечу в виде приветствия.

— Долго же вы ехали, — уже в машине произнес Иван, держа при этом Саньку за руку.

— Чого це довго? — изумился Гриша, — як пообіцяли, так і приїхали.

— Могли и быстрее собраться...

Всю дорогу до Херсона Иван свободной от руля рукой держал Саньку то за руку, то за колено.

Пока ехали, обсудили план на завтрашний день, Санька сообщила, что ближе к обеду договорилась встретиться с начальником следствия. Иван поинтересовался Санькиным мнением о том, что это за человек. Санька рассказала, что по разговору вроде бы как адекватный, а там жизнь покажет. И еще она назвала черту, характеризующую возраст начальника: этому человеку около сорока, потому как отчество Анатольевич, а Анатолий было очень модным в СССР имеем в сороковые годы. Иван с Санькой согласился.

Как всегда, между Иваном и Григорием возникла перепалка о преимуществах Рязанского общеобразовательного училища, которое заканчивал Иван, и Киевского ВОКУ, которое заканчивал Гриша. Из этой перепалки напрашивался только один вывод: ничего круче, чем разведфакультет, в мире не существует.

Остановились на заправке залить бензин и заодно помыть машину Ивана от мошек. Пока ожидали, зашли в закусочную попить кофе и что-нибудь перекусить. Гриша, отъявленный ловелас, уже замлаживал какую-то барышню, ошивающуюся на заправке. Иван с Санькой пили кофе и созерцали эти игрища мужчины в расцвете лет. Было весело, необычно, надвигающиеся сумерки делали очертания самых обычных предметов таинственными. Барышня оказалась без комплексов, подошла к Ивану, поставила свой стаканчик с кофе на столик и с вызовом заглянула ему в глаза:

— Угостите даму сигаретой.

Иван брезгливо поморщился.

— Не курю, — резко оборвал фразу и отвел взгляд.

— Что, не нравлюсь?

— Нет, не нравишься.

— А-а, так ты не один, так бы сразу и сказал. Извините, — уже обращаясь к Саньке, произнесла барышня, — не заметила, темно-вато здесь, — и, потеряв интерес, отошла заигрывать к Грише.

Пластиковый стаканчик с недопитым кофе Иван брезгливо отодвинул как можно дальше, причем гримаса брезгливости была такой яркой, что Санька не выдержала и спросила:

— А почему ты так демонстративно брезгливо отодвинул этот стаканчик?

— Да ходят здесь всякие, бог его знает, чем болеет.

— Ну на больную она явно непохожа, скорее наоборот.

— Похожа, непохожа... бог с ней, не люблю, когда малознакомые девицы на шею вешаются.

— Так все девицы поначалу малознакомые.

— Да, но не все на шею вешаются.

Помолчав с минуту, внимательно глянул на Саньку, произнес:

— После тебя, Сань, хоть говно жрать буду, а с такими про-

тивно в одном помещении находиться. Гришу я понимаю, он с женой разводится, ему малейшее внимание со стороны любой особи женского пола как бальзам на душу.

Санька поближе придвинулась к Ивану и обняла за плечи, пряча лицо у него на груди.

В Херсон прибыли ближе к ночи, пока поселились, пока поужинали, было уже за полночь. В номере Санька деловито расставляла все свои вещи по шкафчикам. С собой привезла аромасвечи, которые расставила на тумбочке возле телевизора и на туалетном столике, что был в номере, зажгла, создавая атмосферу интимного уюта. Пенюар на ней был черный из прозрачного тончайшего шифона, белье гипюровое черно-белое с шитьем. Видела, что Ивану нравятся как ее приготовления, так и она сама в полупрозрачном белье. Теплое пламя свечей отражалось в зеркале и экране телевизора, тихая музыка плавно сопровождала все это великолепие таинства единения двоих.

Примерно к середине ночи, в перерывах между близостью, когда Санька полудремала на груди у Ивана, он вдруг произнес:

— Вот так лежишь и думаешь: «Остановись, мгновение...». В такие минуты хочется, чтобы ночь не заканчивалась никогда...

Санька еще крепче прижалась к Ивану, погладила по волосам, попросила:

— Расскажи о себе...

Иван вздохнул, поцеловал Санькины волосы, затем взял за руку и поднес к губам...

— Что именно ты хочешь знать?

— Все, что посчитаешь нужным мне рассказать. Можешь с самого детства.

— Ну, так слушай...

Иван рассказал Саньке, что мать у него работала учительницей в школе, отец инженером, семья не бедствовала, но жила небогато. В семье, как и у Саньки, было двое детей, причем Иван, как и Санька, был старшим, а сестра младшей. Очень много из того, что рассказывал Иван, перекликалось с Санькиными детскими воспоминаниями, даже обиды на родителей были схожими.

Рассказал Иван и про свою первую любовь. Это была учительница украинского языка и литературы. Учиться Иван не очень хотел, молоденькая учительница решила взять над ним шефство, в результате предмет Иван изучил, украинскую литературу полюбил, но кроме литературы не по годам зрелый мальчик полюбил еще и свою учительницу. Скандал получился грандиозный, учительнице пришлось покинуть не только школу, но и Запорожье, потому как старшеклассник все время сбегал из дому к ней. С того времени взаимопонимания у Ивана с отцом больше не было никогда.

Утром встретились с Гришей в ресторане, проговорили, кто и что будет делать в течение дня, Иван с Санькой отправились в налоговую. Начальник следствия, как и предполагала Санька, оказался Гришиным ровесником. Пока Санька вела переговоры, Иван обследовал окрестности и издалека наблюдал за Санькой.

Как и договаривались, Санька после переговоров подошла в кафе напротив налоговой, Иван сидел за столиком на улице, попивая кофе. Санька присела за столик рядом с Иваном.

— Ну, рассказывай, как прошла встреча? Я так понимаю, в возрасте объекта ты не ошиблась. А как все остальное, со стороны вроде спокойный такой мужчина?

— Ты что, следил за мной?

— Ну, нужно ж было мне себя чем-нибудь развлечь.

— Могу ли я возмнить, что ты меня ревнуешь?

— Нет, не можешь, это просто от скуки.

Вечером Санька с Иваном прогуливались по набережной пока дожидались Григория, тот где-то налаживал связи с общественностью. Санька не удержалась и спросила у Ивана:

— А правда, что ты избил на улице Ревуцкого целый патруль милиции?

Иван смутился ненадолго, ухмыльнулся:

— Вообще-то правда, день ВДВ отмечали, а менты под руку попали. Там их человек пять было, представляешь, удумали на меня наручники одеть. Из наручников, как оказалось, могут почти нунчаки получиться. А тебе как стал известен столь пикантный факт моей бурной биографии?

— Попросила знакомого поискать, какая есть о тебе информация.

— Это что за знакомый-то такой?

— Да так, бывший СБУшник.

— Интересные у тебя знакомые.

— Да, есть немного.

— А что еще было в этой информации?

— Это обычная распечатка с милицейской базы данных.

Кстати, там было написано, что ты 1963 года рождения.

Иван хмыкнул и игриво посмотрел на Саньку:

— Мне, конечно, приятно было бы быть на 9 лет моложе, но хочу вас разочаровать, Александра Владиславовна. Увы и ах, к сожалению, мой год рождения — 1954, по знаку зодиака Скорпион. Так что я на 15 лет старше вас, многоуважаемая мадам, и обладаю скверным характером.

Санька вздохнула, оценивающе глянула на Ивана.

— Что, староват?

— Я так не говорила, выглядишь как минимум лет на 10 моложе.

Уже вместе с Григорием отправились ужинать в ресторан. В ресторане немного выпили, Санька с Иваном даже потанцевали, вечер удался. Когда собрались уходить, вызвали такси. Ждать долго не пришлось, машина подъехала быстро, это оказались ржавые достаточно грязные «Жигули». Санька заартачилась, сказала, что в такую грязную, ржавую машину не сядет. Иван, возможно, в связи с выпитым, вдруг решил проявить принципиальность, в достаточно резкой форме начал отчитывать Саньку, что та не уважает простого водителя. Санька возразила:

— Это не я не уважаю водителя, это он нас с тобой не уважает, если за деньги хочет усадить в такую грязную машину. Короче, пусть вызовут другое такси.

— Нет, никто никакого другого такси вызывать не будет. Ты немедленно сядешь в эту машину.

— Не сяду.

— Нет, сядешь, — перешел на крик Иван.

— В таком случае я пешком пойду, — сказала Санька, вырывая свою руку из руки Ивана.

Иван еле сдерживался, было видно, как он с собой борется чтобы не сорваться, уже спокойным тоном попросил:

— Я тебя прошу, садись в машину.

— Не буду, — Санька стояла на своем.

— Сань, я тебя очень прошу.

— Вань, и я тебя прошу, услышь меня, пожалуйста, нельзя поощрять такой сервис, это неуважение к самим себе, если за деньги я должна ехать в какой-то раздолбайке.

Было видно, что Иван очень нервничает и что для него очень важно, чтобы Санька уступила.

— Понимаешь, может, у водителя денег нет на ремонт машины, а работа в такси — единственная возможность заработать на жизнь.

— Так я ж не против, но машина не только раздолбанная, она элементарно грязная.

Санька видела отчаяние Ивана от того, что не может ее заставить, но она сама себя не могла заставить сесть в грязную машину.

Она сделала последнюю попытку:

— Вань, давай вызовем другую машину.

Иван вдруг опять перешел на приказной тон:

— Нет, ты все же сядешь в эту машину, мы уже с полчаса пререкаемся, у водителя простой образовался.

Санька молча развернулась и пошла в сторону гостиницы. Иван догнал, больно схватил за руку:

— Ты что себе позволяешь, ты своим поведением унижаешь водителя.

Санька была возмущена до глубины души, в горле стоял комок, хотелось плакать: как он может не понимать, почему она не хочет садиться в грязную машину, как можно по такому мелкому поводу устраивать скандал. «Мы так редко встречаемся, — думала про себя Санька, — а ему ничего не стоит скандалить из-за какой-то раздолбайки».

Иван ослабил хватку, заглянул Саньке в глаза и почти умоляя попросил:

— Я тебя очень прошу, давай поедем на этой машине.

Санька вопрошающе на него посмотрела, увидела во взгляде

даже не просьбу, мольбу... Ей стало понятно, что если не уступит, поссорится очень надолго. В конце концов, подумала она, если для него это так важно, могу и уступить, корона с головы не упадет и уже примирительно произнесла:

— Хорошо, я согласна, только пусть хоть сидение протрет.

Иван вдруг заулыбался, подхватил Саньку на руки, прижал к себе шепча ей на ухо:

— Девочка моя, любимая... детеныш мой...

Так на руках до машины и донес, из машины тоже нес на руках до самого номера, в номере носился с Санькой, как с хрустальной вазой, стараясь угадать все ее желания, был само очарование. Это была одна из лучших ночей их любви.

ГЛАВА -14-

Работая в райфиотделе, Санька, несмотря на вес и уважение, заработанные в короткие сроки, ощущала эффект «связанных крыльев». Ей все время казалось, что за ней наблюдает невидимое всевидящее око.

Владимир Анатольевич относился к Саньке с подчеркнутым уважением, прямая начальница боялась сказать Саньке слово поперёк, переживая, и не без оснований, что нарвется на резкий и эмоциональный отпор, а то еще и того хуже — будет выглядеть смешной в глазах других подчиненных. А Санька все равно ощущала невидимые барьеры структурной вертикали, которые не позволяли ей развернуться во всю ширь экспрессивной натуры, хотя за год работы на госслужбе приобрела множество полезных навыков и многообещающих знакомств.

Ужиться на госслужбе Саньке помогал правовой нигилизм начала 90-х, старая структура потихоньку валилась, новая не поспевала замещать образовавшиеся бреши. Именно возможность проявить себя в таких ситуациях удерживала Саньку на орбите госслужащего.

За год работы в райфинотделе Саньку знали если не лично, то по наслышке директора почти всех крупных предприятий в районе. Успела войти в клинч и с главой райисполкома и его замом по экономике, поставить на уши, отозвав из летнего отпуска депутатов районной Рады, найдя ключевые несоответствия в Положении о приватизации. Владимиру Анатольевичу Санькина активность очень льстила как руководителю, к нему постоянно звонили, прибегали, требовали урезонить Саньку.

Иногда по ночам Саньке снились удивительные то ли сны, то ли видения. Часто снились сны, в которых Санька летала. Ощущение полета всегда было удивительным, волнующе-завораживающим, нужно было лишь почувствовать струю воздуха, как бы лечь вдоль нее, отдаваясь этим потокам, отрываешься от земли и летишь, переходя с потока на поток, поднимаясь ввысь...

Так, едуци в вагоне метро, вдруг очень ярко вспомнила ночное видение: что-то страшное гналось за Санькой, пытаясь догнать,

она на ватных ногах пыталась убежать, получалось не очень, липкий страх, что это страшное сейчас настигнет, сковал её. Вдруг очень отчетливо вспомнила цитату из одной пьесы Л.Н. Толстого: «Страх — это то, что мы не знаем...». Осознание, что причина любого страха лежит в плоскости неведения, незнания как-то очень остро впилося в сознание. Санька очень четко осознала, что должна любой ценой победить свой страх... Неимоверным усилием воли заставила себя развернуться на 180 градусов... То, что догоняло ее, было большой бесформенной темной массой, похожей на черную грозовую тучу, страх не проходил, ноги были ватными. Санька, преодолевая себя, громко трижды сказала «не боюсь». С каждым «не боюсь» черная масса становилась светлее, как будто таяла, после третьего «не боюсь» исчезла вовсе.

Саньку подхватил мощнейший поток и вихрем понес куда-то ввысь, было ощущение невесомости. В черном просторе космоса, вихрь занес её как бы на какую-то площадку, которая имела свои четкие очертания помещения с прозрачными стенами. Через прозрачные стены проглядывало космическое пространство, где-то вдалеке мерцали созвездия как россыпь драгоценных камней на черном бархате...

Вдруг напротив Саньки нарисовался какой-то закрытый прямоугольник окна, из которого пробивался яркий солнечный свет. Окно распахнулось, полные, яркие снопы света устремились к Саньке. На лучах света, прямо как в библейских фильмах, как с картины Иванова, появился Иисус Христос... Стоя на лучах света, Иисус Христос простер к Саньке руку и сказал:

— Самое главное — иметь Бога в душе, для этого не обязательно ходить в церковь, бить поклоны. Никогда и никому не делай так, как не хочешь, чтобы сделали тебе. Живи с осознанием своей жизненной миссии, потому как она у тебя есть, и ты должна ее выполнить. Иди смело по жизни, ничего не бойся, у тебя все получится, тебе всегда будет дана помощь и подсказка, главное не забывай, что все десять заповедей сводятся в одну: «Никогда никому не делай так, как не хочешь, чтобы сделали тебе». Умей сострадать, понять ближнего и принимать людей такими, как они

есть. Человек несовершенен, в нем идет вечная борьба добра со злом. Люди, умеющие признавать и бороться со своими страхами и ошибками, становятся зрелыми. Победы в себе свои страхи... Посмотри вниз.

Санька посмотрела вниз и ужаснулась, было ощущение, что стоит на громадном прозрачном стекле. Внизу в точности как рисуют ад, где-то истязают грешников, где-то в котлах их подогревают.

— Ты кого-нибудь узнаешь?

Санька внимательно присмотрелась, и о, ужас, в некоторых грешниках она узнала тех, кто ее сильно несправедливо обидел.

— Так будет со всеми, кто пойдет против тебя. Поэтому ничего не бойся...

Санька резко очнулась, как раз была остановка, на которой ей нужно было выходить...

Как-то, придя утром на работу, обнаружила на рабочем столе записку: «Срочно перезвони в прокуратуру по тел...». Елизавета, сидящая напротив, ухмылялась гаденькой ухмылкой:

— Интересуется тобой прокуратура.

— Это СП «Зоря» или КП «Хрещатый яр»?

— Ишь ты, догадалась...

— А что тут гадать? Все и так предельно ясно, мной лично прокуратуре интересоваться нечего. Так кто их интересуется?

— Ну, вроде как СП «Зоря», впрочем, перезвони тебе все и расскажут, мне отказались комментировать.

Санька сняла трубку телефона, набрала номер, на том конце провода молоденькая прокурорша сообщила, что есть ряд заявлений, жалоб от работников СП «Зоря» на предмет злоупотреблений их руководства, в частности законности создания совместного предприятия на базе бывшего государственного завода. Ввиду того, что Санька уже составляла по этому поводу Справку, то возникла идея включить ее как ревизора в рабочую группу. Прежде чем принимать решение о ее участии решили поинтересоваться, как она на это смотрит и согласна ли. Санька, любитель приключений, радостно согласилась, прокурорша в связи с этим предложила в конце недели встретиться на проходной предприятия и нанести визит Василию Ивановичу.

В пятницу, как и договаривались, Санька была на проходной СП «Зоря» минута в минуту оговоренного времени, прокурорши нигде не было видно. Санька подумала, ладно, опаздывает себе человек, подожду. Прошло минут 15, прокурорша не появлялась, Санька уже начала немного нервничать. На проходной висел городской телефон, Санька набрала номер прокурорши, к ее удивлению Светлана, так звали прокуроршу, тут же сняла трубку и удивленно сказала:

— А что, разве вас не предупредили, что меня не будет?

— А кто должен был меня предупредить?

— Как кто? Василий Иванович, конечно же, я ему еще с утра пораньше позвонила и просила предупредить вас.

— Мне никто не звонил и не предупреждал.

— Ну, извините, я тут ни причем, у меня просто сегодня никак не получается.

— Хорошо, так когда и как?

— Созвонимся утром в понедельник.

— Договорились, буду ждать вашего звонка.

Пока говорила по телефону, в кабинке вахтерши произошла какая-то активность, вахтерша высунулась на полтуловища из окошка своей кабинки и усиленно махала рукой, подзывая Саньку. Санька подошла к ней, та молча протянула ей трубку внутреннего телефона. Из трубки послышался голос Василия Ивановича:

— Александра, что ж ты пришла и не сообщаем, что ты есть?

— Так я ведь не с вами договаривалась.

— Со мной, не со мной, ты ведь ко мне пришла?

— Вроде как к вам, но инициатора встречи все же нет, потому вынуждена вас покинуть.

— Куда покинуть? Я сейчас покину, я предупредил на проходной, что если ты придешь, чтобы немедленно заведи ко мне. Будь так добра, поднимись в мой кабинет.

Санька прошла вертушку, поднялась на второй этаж, зашла в приемную. Секретарша поздоровалась, сказала:

— Проходите, Василий Иванович вас уже давно ждет.

Стуча в дверь кабинета, Санька про себя думала: «И чего это он

меня давно ждет, я ведь ничего не обещала». Из-за двери послышалось: «Да-да, войдите...», Санька зашла и никого не увидела за столом. Что-то рядом зашелестело, Санька вздрогнула и обнаружила Василия Ивановича, который почти полностью был в шкафу, искал какую-то папку. Не глядя на Саньку, будучи к ней спиной, произнес:

— Александра, здравствуй. Я тут знаешь, о чем подумал, может, тебе работу сменить?

— А зачем? Меня и в райфинотделе неплохо кормят.

— Ну зарплата ж маленькая?

— Зарплата, может, и маленькая, но вся моя, и я никому ничего не должна.

— Это хорошо, но, может, все же попытать силы в другом месте, на большую зарплату?

— Это в каком другом месте?

— Ну, у нас, например.

— А у вас в качестве кого?

— Например, в качестве главбуха.

— Не хочу.

— Что значит «не хочу»?

— А то и значит, что не хочу, потому как в силу характера и полученного образования нет у меня навыков для бухгалтера, а тем более главного.

— Так я тебя на курсы бухгалтерские пошлю...

— Не хочу, не получится из меня бухгалтер, характер у меня не тот, чтобы над балансом страдать, сошлось или не сошлось.

Возникла пауза, Василий Иванович выглядел крепко озадаченным. Помолчав немного, было видно работу мысли, у него зашевелились надбровные дуги. Он продолжил:

— Ладно, а кем ты хочешь?

— Что значит, кем я хочу? Я же сказала, меня и в райфинотделе неплохо кормят.

— Ну ты ж сама говорила, что не собираешься всю жизнь чиновником работать.

— Всю жизнь нет, не собираюсь. Но пока опыта набираюсь, опять же, полезных связей, знакомств.

— Ну, а если замом ко мне, причем первым замом, и зарплату тебе положу самую большую после меня, пойдешь?

— Что конкретно вы хотите предложить?

— Давай так. Сегодня пятница, до понедельника думай, в понедельник приходи, будет тебе конкретика, только решение сразу принимай, а то я передумую.

— Так я ж ничего еще не решила, потому как конкретики не прозвучало.

— Какая тебе еще конкретика нужна, я тебе говорю, предлагаю первым замом по экономике с зарплатой самой высокой по заводу, в четыре раза выше, чем у тебя сейчас в твоем несчастном райфионтделе...

Василий Иванович был столь эмоционален, что практически перешел на крик. Санька понимала лишь одно: очень нужно ему ее уговорить. Пожав плечами, она сказала:

— Ладно, давайте до понедельника, в котором часу быть?

— Давай к 11:00, значит, я тебя жду, смотри, хорошо подумай.

Все выходные Санька думала и обсуждала с родителями и друзьями поступившее предложение. Комментарии варьировались от самых лестных до самых пошлых. Так, сосед с пятого этажа Валерка, на реплику Санькиной мамы, что Саньку приглашают на высокий пост и высокую зарплату за мозги, ухмыляясь, ответил:

— Угу, за мозги, а еще и за длинные ноги...

Для себя Санька понимала, что, скорее всего, беря ее на работу, Василий Иванович страхует себя таким образом от нежелательной проверки. Немаловажным было то, что будет, когда угроза проверки минует, как поведет себя Василий Иванович и насколько Санька будет ко двору. В итоге Санька пришла к выводу: что было, уже видела, попробовать себя на новом поприще никогда не лишнее, любой опыт, пусть даже с негативным результатом в начале жизненного пути всегда полезен. В памяти всплыло воспоминание о недавнем явлении, что где-то на подсознании укрепило принятое решение рискнуть сменить работу.

В понедельник Санька, отметившись у себя на работе, отправилась на встречу. Василий Иванович, казалось, уже под-

жидал Саньку с нетерпением, по селекторной связи был вызван главный экономист завода Поликарп Борисович. Поликарпу Борисовичу на вскидку было лет, лет и памяти нет, как впоследствии узнала Санька, всего 2 года до пенсии, высокий, худощавый, седой как лунь. Зайдя в кабинет, слегка сутулясь, присел напротив Саньки.

Василий Иванович представил:

— Знакомьтесь, это и есть Александра, а точнее, Александра Владиславовна, о которой я вам говорил. А это наш самый главный экономист — Кудряшов Поликарп Борисович.

Поликарп Борисович казалось, аршин проглотил и только молча жевал нижнюю губу, не зная, что и сказать. После небольшой паузы Поликарп Борисович произнес:

— Э-э..., кх-х-кх..., м-м..., как это его...

Василий Иванович изобразил на лице удивление:

— Ты чего это? Поликарп Борисыч? Дар речи потерял, что ли?

— Да это я так..., кх-х-хм..., ох, простите, от неожиданности. А лет-то ей сколько? Она хоть совершеннолетняя?

Василий Иванович вдруг откинулся на спинку кресла и громко заразительно рассмеялся. Санька сидела и недоумевала, как ей реагировать, то ли тоже рассмеяться, то ли изобразить возмущенное достоинство. Решила поддержать компанию Василию Ивановичу и себе хихикнула.

— Не дрейфь, Борисыч, таки да, совершеннолетняя и даже мама четырехлетней дочки, так что в декрет не отправится, — сказал, продолжая смеяться, Василий Иванович.

Поликарп Борисович мотнул головой, как бы прогоняя наваждение, охнул и произнес:

— Так это вы ее предлагаете назначить на должность заместителя директора по экономике?

— Ну да, я же с тобой это уже обсуждал. Предлагаю все наши экономические службы объединить в одну, а ее поставить во главе.

Санька решила вклиниться в разговор, вроде как о ней же говорят:

— Это какие именно службы предполагается объединить?

— Бухгалтерию, планово-экономический отдел, отдел труда и заработной платы.

Василий Иванович уже вполне справился с приступами смеха и говорил вполне серьезно. Поликарп Борисович, все еще не совсем оправившись от шока, произнес:

— А заместители у нее будут?

— А как же. Ты, например, а также Раиса Ивановна, как главный бухгалтер, ну..., думаю, еще можно просто освобожденного зама назначить...

Возникла небольшая пауза, Санька молча переваривала услышанное, Поликарп Борисович, все так же с ужасом разглядывая Саньку, спросил:

— А если не справится?

— Какая беда? Уволим. Ну так что, Александра? Согласна?

— Мне еще необходимо подумать.

— Ну так думай, но только быстро думай, а то передумаю.

После этих слов Василий Иванович скорчил недовольную мину.

— Ты ж обещала подумать за выходные.

— Так я и подумала, но так как конкретика прозвучала только сейчас, то мне необходимо еще подумать.

Поликарп Борисович шумно вздохнул и произнес:

— Она права, дайте ей время подумать, что вы на нее так наседаете, она ж почти ребенок.

— Ничего себе ребенок! Меня умудрилась застроить.

ГЛАВА -15-

Рассвет Иван с Санькой встречали, сидя в кресле, обнявшись, молча созерцая торжество зарождения нового дня. Из большого окна на всю стену комнаты номера открывалась панорама на Днепр во всей его красе, по поверхности воды бежал легкий бриз, окрашенный в розовато-рубиновый цвет рассвета. Из открытой двери балкона долетали крики чаек, воздух был полон жизни и восторга.

Несмотря на бессонную ночь, спать не хотелось, наоборот, Санька ощущала небывалый прилив энергии:

- Ванечка, как здорово...
- Как ты меня назвала?
- Ванечка, а что?
- Меня еще никто так не называл, повтори, пожалуйста...
- Никогда не поверю, что никто тебя не называл Ванечкой.
- Просто у тебя как-то особенно получается.
- Ванечка, Ванечка, Ванечка...

При этих словах Иван довольно зажмурился, создавалось впечатление, что прямо сейчас и растает. Было удивительно наблюдать, как взрослый, сильный, волевой мужчина млеет от простого уменьшительно-ласкательного имени. Санька так растрогалась, что захотелось плакать...

Погладила Ивана по волосам и еще крепче к нему прижалась. Иван, растроганный Санькиной лаской, неспешно поцеловал очередно ее руки и произнес:

— Знаешь, сижу с тобой и думаю, как я мог отказаться в свое время от Украины, родного Запорожья, ведь там у меня самое дорогое — могила моей старшей дочери...

— Как могила?

— Да вот так... Старшая дочка, Настей звали, когда ей было 12 лет, погибла в автокатастрофе. Я был за рулем машины, жена меня тогда во всем обвинила, это был первый наш с ней серьезный разрыв. Я в то время был военным атташе в одной из южных стран Средиземноморского побережья. Дорога пролегла через горы, не удержал руль на очередном витке серпантина, резко затормозил,

машина врезалась в обочину, и от удара Настюху вынесло через лобовое стекло прямо у меня на глазах под встречную машину. Я думал, что разрыв сердца получу прямо на месте, сколько лет прошло, а без боли все равно говорить об этом не могу...

При этих словах Санька почти физически ощутила, как Иван сжался от внутренней боли, по щеке Ивана скатилась скупая мужская слеза. Санька сосредоточенно молчала, а Иван продолжал:

— Понимаешь, она была не просто первенцем, она была для меня всем, у меня было ощущение, что она понимала меня, как никто другой. Только научилась говорить нормально, года четыре ей было, я со службы пришел, злой как тысячи чертей. Жена ходит и зудит, что Юрке, ему три месяца исполнилось, детское питание нужно достать, что марли ей на подгузники не хватает. Мы тогда в военном городке жили, где-то на краю географии, в дефиците было все, моей зарплаты еле-еле хватало. Попросил ее, чтоб помолчала, а она, как заведенная, никак не угомонится.

Я сел молча за стол, стараюсь сдержаться, потому как в душе понимаю, что ей также осточертела вечная борьба за выживание. Молчу, а она еще хлеще давай высказываться, проклинать меня за то, что увез ее из цивилизованного Запорожья бог знает куда и ничего не делаю, чтобы облегчить ей существование, неудачник, короче. Держусь, что называется, «на последнем вздохе», ощущаю, что еще чуть-чуть и или удавлю на месте, или из окна выкину. И тут вдруг чудо, Настюха подбегает на колени ко мне прыгает, ручонками своими обнимает: «Папочка, любимый, как долго тебя не было, у меня без тебя ничего не получается». Я ей в ответ: «Что, котенок, у тебя не получается?», а она: «Ну как же, самолетик ты мне вчера показывал, как делать». Обнимаю ее и душой таю, уже зуденье жены просто не слышу, а она мне так шепотом на ухо: «Ты на маму внимания не обращай, злая она сегодня какая-то...».

Повисла пауза, Иван шумно вздохнул, поцеловал Санькины волосы:

— Твои волосы пахнут как-то особенно, ни у кого такого аромата не ощущал, тут и запах то ли моря, то ли еще чего-то.

— Мои волосы просто имеют особенность впитывать запахи, а море ж тут близко, рукой подать.

— Нет, не скажи, очень вкусно пахнешь... Сейчас я тебя и съем...

Во время завтрака обсуждали, кому какие кулинарные изыски в особенности по душе, Иван с Санькой уже в который раз обнаружили полнейшее совпадение предпочтений, в данном случае вкусовых. Гриша довольно пространно рассказывал о своих вчерашних похождениях.

После завтрака отправились все втроем на завод общаться с руководством, у Саньки была задача дать четкие инструкции, как себя вести, какие действия произвести, чтобы нивелировать потуги налоговиков, направленные на создание напряженности с целью вынудить вступить в переговорный процесс. Санька достаточно эмоционально разглагольствовала о том, что переговоры, направленные на достижение компромисса — это всегда хорошо, но легче их проводить, когда противоположная сторона уже находится в кондиции «мы на все согласны, только отстаньте». Посему напряженность нужно создать в лагере налоговиков, а это уже мастерство адвоката.

Сошлись на том, что профессионализм, как общеизвестно, не пропьёшь, профессионал он всегда профессионал, будь то налоговый мент или адвокат. Иван по поводу Санькиных умозаключений ехидно подметил, что, учитывая профессионализм противоположной стороны, Александре б не мешало спуститься с небес на землю и прислушаться к Григорию на предмет ведения переговорного процесса.

Вечером Григорий оставил Саньку с Иваном, сославшись на какую-то сверхнужную встречу. Ощущалось, что не хватает Грише любви и ласки, поэтому встреча, скорее всего, была, возможно, очень нужной для Гриши, но уж никак не деловая.

Оставшись вдвоем, Санька с Иваном решили поужинать в номере на балконе и полюбоваться закатом над Днепром. Во время ужина вели неспешную беседу, обсуждая как повседневные проблемы, так и углубляясь в философские мотивы. Разговаривая с Иваном на разные темы, Санька в который раз отметила про себя

высокую эрудицию Ивана и склонность к восточной философии, в связи с чем задала вопрос:

— А ты что, увлекаешься медитацией?

— А тебе что и откуда известно про медитацию? — Вопросом на вопрос ответил Иван.

— Да так, читала много. Знаю, что с помощью медитации можно перемещаться в пространстве. Всегда хотела приобрести эти полезные навыки, но, к сожалению, не встретила такого наставника.

— Хм-м... а ты действительно хочешь? Тебя эти знания не пугают? Обычно женщины сторонятся таких навыков.

— Нет, меня не пугают, наоборот, может, смогу понять происхождение своих видений.

— Ты знаешь, йоги говорят, что во время сна, особенно если он глубокий, человек может погрузиться в состояние самадхи, то есть глубокой медитации. Это то состояние, когда глаза фиксируются в одной и той же точке, что дает ощущение так называемого «третьего глаза». В этом состоянии человек может получить как особые знания, так и особенные сверхспособности. Профессия разведчика предполагает проникновение в чужое подсознание, без навыков медитации этого достичь нельзя.

— Вань, я, когда слушаю тебя, у меня ощущение, что никого умней до тебя не встречала. А ты бы мог меня научить?

— Так ведь я тебя уже учу, ты просто этого не замечаешь. Для того, чтобы получить тот или иной навык, нужно сначала подготовить почву, иначе механически полученный навык может крепко навредить. У тебя, кстати, по моим наблюдениям очень хорошие врожденные способности оперативника, ты зачастую замечаешь такие вещи, которые видят лишь профессионалы со стажем.

— Ванечка, ты не просто умный, то, о чем ты рассказываешь, и то, с чем я столкнулась, указывает на то, что по жизни у тебя получилось все, за что ты брался.

— Алаверды, Санечка, чем больше с тобой общаюсь, тем больше талантов открываю, причем то, что я сказал — абсолютно искренне. У меня иногда такое ощущение, что как в сказку попал, в реальной жизни мы не могли с тобой встретиться.

— Это как у Джека Лондона в «Маленькой хозяйке большого дома».

— Ты имеешь в виду его теорию обыкновенных гениев?

— Ну да, мы с тобой к таким относимся, с одной стороны, скопище талантов, с другой стороны, ничего особо гениального в каждом из отдельных талантов, что и порождает проблему с реализацией как личности.

— Ну все... один талант я в тебе знаю наверняка, иди ко мне, а то я уже как-то заскучал...

Утром дружно с Гришей выясняли, как лучше и быстрее добраться до Киева; ближайший рейс на самолет оказался из Одессы, поэтому Иван отвез туда Гришу с Санькой. Самолет был старенький, маленький, все тряслось и дребезжало. Вдоль верхней панели проглядывалась косая линия из каких-то мелких отверстий, создавалось впечатление, что это трассирующий след после автоматной очереди, оставленной какими-нибудь террористами...

Как-то долетели, в аэропорту Саньку с Гришей встречал Виталик. Санька с удивлением обнаружила, что Виталик вроде как вполне искренне очень рад был ее видеть, выглядел крепко соскучившимся. Чмокнул в щеку, со словами «Киця, я скучив», перехватил ее дорожную сумку и понес к машине.

По дороге домой Виталик эмоционально рассказывал, как прошла проверка их предприятия. Санька с трудом переключилась, принялась засыпать Виталика вопросами: проверяли ли склады, смотрели ли документацию и как скоро составят акт проверки. Виталик, очень гордый собой, во всех подробностях описывал детали хода проверки, сказал, что с Сергеем уже сходили на пиво. Санька переспросила, с каким таким Сергеем, Виталик ей ответил:

— Ну як же, Киця, ти що, забула? Це той самий мент, що на перевірку прийшов, ну що зі мною в Едіка тренувався.

— А-а... Ти краще скажи, коли вони акт складуть?

— Ну, обіцяли не пізніше, ніж у понеділок.

— Ну і добре...

Наутро в офисе Санька наводила порядки, пока ее не было,

народ расслабился, всем раздала пинки и ценные указания: что, куда и где. Первой под раздачу попала Ленка: Санька забраковала все три проекта исков, составленных Ленкой, отправила ее «учить матчасть», то есть дала ценное указание по части неучтенных в иске правовых норм. Ленка надулась и была готова расплакаться, особенно обидели ее слова, сказанные в сердцах Санькой «ты вообще юрист или недоученный телепень». Санька по этому поводу не сильно расстроилась, вызвав Инесску начала и ее застраивать, что не подготовлены материалы по регистрации юридического лица клиента, за то, что не переделаны договора и так далее.

Володе с Виталиком отдельно досталось, что нет ответа, когда и каким будет акт проверки.

Уже через пару часов, выпустив пар, Санька сидела в своем директорском кресле и попивала приготовленный Инесской кофе. Зазвонил сотовый, генерал разыскивал Саньку, недоумевая, отчего та так задержалась в командировке:

— Олександра, що ти собі думаєш?

— Та нічого не думаю.

— Чому не передзвонюєш і не доповідаєш?

— Ще не встигла, вчора ввечері тільки приїхала, якраз збиралася вам телефонувати.

— Ага, аякже, якби я тебе не набрав, то чекав би, мабуть, ще з днів два. Як це Віталік тебе так надовго відпустив? В мене враження, що я щось пропустив, ти що в Херсоні когось знайшла на заміну Віталіка?

— Та ні, що ви таке кажете...

— Я тобі колись казав щодо Віталіка, вважаю, що ти знаходишся в стані «пошуку», але ж пошук має бути якісним і таким, щоб ти не забувала про свої основні обов'язки.

— Ну... обов'язки і якості щодо пошуку в коханні, на мою думку, — це щось зовсім різне.

— Це філософія і до роботи жодного відношення не має. Кохання — це дуже потрібна і важлива річ в житті, але ж це не має заважати роботі.

— Все, я все зрозуміла, мої роки молоді, я ще виправлюся... Коли краще до вас під'їхати?

— О, це вже питання по суті справи, під'їжджай ближче до обіду.

Только Санька положила трубку, как в кабинет зашла Инесса.

— Ты как, уже успокоилась, претензии уже всем высказала?

— Хорошо ехидничать, расслабились тут без меня... Закрой дверь и говори, что у тебя?

— Да ничего особенного, хотела тебя на завтра пригласить отметить годовщину моей свадьбы.

— Где отмечать будете?

— У родителей, у них дом в частном секторе. Кстати, папа сказал, что будет очень рад тебя видеть, да и Петр Валентинович должен будет приехать. Будешь?

— Да, буду обязательно.

— Только ты ж машину не бери, пусть Виталичек за руль садится.

— Да уж как получится, если что, на такси приеду, может, Кыця выпить тоже захочет, не вижу проблемы.

Завтра, несмотря не то, что это был выходной, Виталик заявил, что у него есть неотложные дела, поэтому приедет за Санькой на машине ближе к вечеру и заберет ее от Инесски, на том и порешили. Санька вызвала такси и отправилась в гости к Инессе.

Компания у Инессы собралась веселая, шумная, было видно, что собравшимся очень комфортно праздновать в простой деревянной беседке во дворе сада.

Около шести вечера, когда все уже успели изрядно выпить, вдруг кто-то из соседей прибежал с криками, что на соседней улице родственники Инессыного папы, двоюродные брат и сестра, что-то не поделив между собой, устроили потасовку, в которой двоюродной сестре Владимира Георгиевича была нанесена травма: вся в крови и рыдает.

Народ, будучи в состоянии, когда уже и не лишним бывает выйти из-за стола и подвигаться, с большим энтузиазмом дружно подорвался и всей честной компанией выдвинулся на разборки на соседнюю улицу. Кто-то уже успел побежать вперед и предупре-

дить разбушевавшегося грубияна, что к нему вышла целая процессия. Прибыв на место к дому, где на две семьи проживали родственники, компания Инессы обнаружила кроме двоюродного брата Владимира Георгиевича еще несколько агрессивных молодых людей, причем с палками. Численное преимущество было явно на стороне компании Инессы, поэтому агрессивно настроенные молодые люди слегка ретировались и отступили на расстояние двух дворов, продолжая настороженно наблюдать за происходящим.

Владимир Георгиевич эмоционально, на повышенных тонах вступил в разговор со своим двоюродным братом, тот столь же эмоционально ему отвечал, что нечего лезть не в свое дело, что они с сестрой сами разберутся. Мужчины в порыве эмоций, начали наскакивать друг на друга, запахло дракой. Владимир Георгиевич был значительно старше своего родственника, поэтому со стороны это выглядело как разборка папы с нерадивым сыном-забиякой.

Инессына мама, которую все независимо от возраста, в том числе и Инесса, называли просто Любой, истошно закричала:

— Ты что себе позволяешь, засранец ты эдакий?

Народ перегруппировался и тесным кольцом обступил родыча, давая понять, что выяснять кто прав, а кто виноват долго не будут. В любом случае родыч виноват, так как посмел поднять руку на женщину, даже если эта женщина — его старшая сестра.

Санька стояла слегка в стороне, вдруг Люба дернула ее за руку, выдвинула перед собой как щит, обращаясь к родычу, заявила:

— Ты болван, вообще понимаешь, с кем связываешься? Вот она, — указывая на Саньку, продолжала выкрикивать мама Инессы, — прокурором работает, сейчас она с тобой разберется...

Санька, слегка обалдевшая от происходящего, не понимая, почему ее в прокуроры записали, тем не менее, заявила:

— Послушайте, как вас зовут?

— Миша, — слегка опешив, ответил родыч.

— Так вот, Миша, вы априори неправы, у вас есть минута времени, чтобы остыть и извиниться перед своей сестрой.

— Еще чего, — ухмыльнулся Миша, — может, ты меня еще учить будешь?

— На «ты» мы не переходили, я с вами коров не пасла, — уже и себе завелась Санька, — но если вы так считаете, то могу и поучить, как вести себя с дамой, и то, что она ваша сестра, не имеет никакого значения.

— Да ты кто такая? — Агрессивно рыпнулся в Санькину сторону Миша.

Сзади Саньку кто-то подтолкнул на встречу к Мише, боковым зрением Саньке показалось, что это была Люба. Выпитое спиртное и неадекватность ситуации ударили Саньке в голову, она друг с размаху кулаком заехала по наглой улыбающейся физиономии Миши, при этом второй рукой схватив его за грудки. Миша был невысок ростом, примерно в один уровень с Санькой, какой-то бесформенный и рыхлый. Кулак с легкостью достиг цели. Миша, не ожидая такой агрессии от Саньки, как-то сразу отлетел в сторону и осел на задницу. Ухмылка с нахальной рожи слетела в одно мгновение.

Народ дружно охнул, Люба завопила: «Так ему, засранцу...». Все вдруг развеселились и стали оглядываться в поисках молодых людей с палками, те, наблюдая за происходящим, бросились врассыпную. Победа была очевидной: на стороне Владимира Георгиевича и компании. На Саньку все смотрели, как на героя дня.

В приподнятом настроении победители побрели обратно допивать и доедать недопитое и недоеденное. Когда вернулись к месту дислокации, Санька обнаружила за столом Виталика, все эмоционально обсуждали происшествие, не забывая хвалить Саньку. Виталик имел вид человека, который очень сожалеет, что пропустил самое интересное, дергал Саньку за руку и повторял: «Кыця, кыця, а шо ж ты мне не позвонила, не сказала, что морду бить кому-то надо...».

ГЛАВА -16-

На работу Санька вернулась крепко озадаченная таким необычным предложением и вообще разговором с Василием Ивановичем. Елизавета ехидно поинтересовалась, где это Александра с самого утра ходит и почему ничего не докладывает. Санька огрызнулась, что, мол, та и сама знает, что ходила на СП «Зоря», прокурорша опять не дошла, посему проверка так и не начиналась.

Вдруг позвонил телефон. Елизавета сняла трубку, как всегда томным голосом вместо приветствия сообщила: «Райфинотдел, слушаю», слегка изменилась в лице и передала трубку Саньке. На том конце провода Василий Иванович, а это был именно он, вопрошал:

— Александра, я так и не понял, какое твое решение?

— Василий Иванович, я ведь вам сказала, что пока беру тайм-аут, я вам перезвоню позже.

— Что значит «перезвоню позже»? Я не привык долго ждать и уговаривать.

— Так я и не претендую, в любом случае мне нужно подумать, могу лишь пообещать, что долго думать не буду, дня через два перезвоню.

— Ну смотри, не затягивай, ты ж понимаешь, что я далеко не всем подобные предложения раздаю. Давай так: сегодня у нас понедельник, то в среду я тебя не позднее пяти вечера жду.

На этих словах Василий Иванович повесил трубку. Елизавета с прищуром смотрела на Саньку.

— Это что такое тебе СП «Зоря» предлагает, что тебе необходимо подумать?

— Ничего особенного, работу предлагают сменить.

— А-а... — разочаровано произнесла Елизавета, — что тут думать, даже если зарплата выше, то ревизор — это ревизор, а простой экономист на заводе — это так, пустое место.

— Так я ж о том же, не могу я с человеком грубо разговаривать.

— Там, кстати, контроль пришел, не хочешь пройтись в налоговую? Там в отделе малых предприятий нужно данные взять.

— Давайте ваш контроль, сейчас схожу.

Налоговая, отпочковавшись в прошлом году от райфинотдела, обитала в трех кабинетах на первом этаже здания райисполкома. Начальником отдела малых предприятий был Артамонов Михаил Игоревич, высокий, крупный мужчина лет 30—35, ощущалось, что работу свою любит. Санька не удержалась и толкнула речь о том, что «у нас в стране малым бизнесом могут заниматься лишь камикадзе и особо «одаренные» люди». На Санькино удивление, Михаил Игоревич с интересом прослушал Санькин спич и даже по многим моментам согласился. Саньке было приятно, что взрослый мужчина выше ее по рангу так уважительно с ней беседует. С хорошим настроением Санька возвратилась на свое рабочее место, гордо передала Елизавете целый ворох запрашиваемой информации.

Вечером Санька донимала Игоря, что ей делать: принимать или не принимать предложение Василия Ивановича. Игорь смотрел на нее преданными глазами и говорил: «Санечка, золотце мое, душа моя, делай то, что посчитаешь нужным, как ты решишь, так и будет». Санька ему парировала, что, мол, времени на семью у нее не будет, что придется много работать, много учиться, так как опыта у нее очень мало, а работа ответственная. На что Игорь отвечал: «Как решишь, так и будет, мы тебе мешать не будем». Не последним было соображение по поводу зарплаты в четыре раза выше, Игорь постоянного места работы не имел, перебивался случайными заработками.

Утром шла на работу с четким пониманием, что принимает предложение Василия Ивановича. Придя на работу, задумалась, как же сказать шефу Владимиру Анатольевичу, что будет уходить, понимала: просто так не отпустит, заставит отрабатывать или еще что-нибудь. Вспомнила, что как раз не ходила в отпуск, решила: была не была, пишу заявление на отпуск, и на следующий день на увольнение. Так и сделала.

Самой счастливой от такой новости выглядела Елизавета, пока Санька не сказала, на какую должность уходит. Владимир Анатольевич не просто расстроился, он не отдавал Саньке трудовую целый месяц уже после ее ухода на СП «Зоря», а вакансию

держал открытой, никого не принимал на работу целый год. В последний день пребывания на рабочем месте Владимир Анатольевич Саньке сказал:

— Запам'ятай, куди б ти не пішла далі працювати, ти все одно наша. Навіщо тобі це проблемне підприємство? Але ж тобі вирішувати. Що дуже хочеться начальником бути, так стала б ним, треба було лише трошки почекати, та бачу, що тобі терпець урвався і тебе вже несе. Ну що ж, іди, але трудову я тобі поки що не віддам, може, тебе ще й виженуть... Куди тоді підеш?

Вот так Санька и ушла на работу в СП «Зоря». Трудно ей пришлось. Говорят, что главный бухгалтер Раиса Ивановна перед ее приходом бегала по коридорам и орала: «Она мне в дочки годится, а он ее надо мной начальником ставит...». С месяц Раиса Ивановна вместе с своим замом Валентиной Эдуардовной ходили за Санькой по пятам по поводу и без, спрашивая, что им по дебету, а что по кредиту. Сначала Санька отвечала, чувствуя себя как на экзамене, потом психанула:

— Раиса Ивановна, вы сколько лет работаете в бухгалтерии?

— Да уже больше 30 лет. А что?

— Да ничего. Валентина Эдуардовна, а вы сколько лет как бухгалтер?

— Ну, я уже скоро как 35 лет.

— Так вот, я и думаю, вы бухгалтера более чем с 30-летним стажем, вы что, не знаете, что вам по дебету, а что по кредиту?

Тетеньки явно смешались и чувствовали себя неловко. Больше за Санькой не бегали.

Начитавшись в детстве Драйзера, Санька четко для себя уловила: кто владеет информацией, тот владеет всем остальным. Она пришла на должность, которой до ее прихода не было вовсе, поэтому первых несколько дней все потоки протекали мимо Саньки, она ощущала себя пустым местом. Где-то через неделю пришла на работу с твердым убеждением переломить ситуацию в свою пользу.

Начала с того, что запросила информацию о состоянии расчетного счета, потом собрала информацию в коммерческом отделе о вероятных поступлениях и возможных расходах, а у Валентины

Эдуардовны о необходимых налоговых платежах. Сопоставила все это и пошла в кабинет Василия Ивановича. Через пятнадцать минут выходила из директорского кабинета уже, наконец, ощущая себя начальником своего подразделения. Через месяц ни один платеж, ни один договор без Санкиной визы уже не подписывался, и повалил в Санькин кабинет народ толпами.

Советский принцип управления был заточен на «как бы чего не вышло» и «инициатива наказуема». Поэтому адекватный молодой начальник, которая бралась за все, с чем к ней в кабинет приходили, и не просто бралась, а еще решала и доводила начатое до конца, была дико популярна на заводе. Завод — это государство в государстве, со своей иерархией, своими небожителями, прослойкой в виде ЭТРовцев и простыми работягами от станка. Санька принимала и выслушивала всех, понимая, что это и есть та драгоценная информация, что дает ей рычаги управления.

Был на заводе, помимо цеха гальваники, еще и ювелирный цех, традиционно заведовал этим цехом уже немолодой еврей Остерман Наум Давидович. Как-то раз, в один прекрасный осенний день, у Саньки в кабинете дым стоял коромыслом, народу было не протолкнуться, зашел невзрачный мужичек, присел в углу на стульчике и тихо созерцал всю толкучку. Уже ближе к обеду толпа проредилась и с первыми минутами обеда растаяла вовсе. Невзрачный же мужичек никуда не делся, а подошел и присел возле Санькиного стола:

— Здравствуйте... — еврейский акцент в речи был очень заметным.

— Здравствуйте, — Санька озадачено разглядывала собеседника.

— Моя фамилия Остерман, зовут Наум Давидович, для вас, милая барышня, можно просто — Давидович.

— А... так вы и есть знаменитый начальник ювелирного цеха?

— Да, это я.

— У вас какой-то вопрос?

— Нет, у меня к вам вопросов нет. Я пришел к вам познакомиться. И до меня дошли слухи, что Василий Иванович привел на завод нового начальника, решил зайти, посмотреть.

— И...? — недоумевала Санька.

— Посмотрел. Был приятно удивлен. Когда к вам шел, соби-
рался зайти, глянуть и уйти, но не смог. Вы меня, не смотря на ваш
юный возраст и пол, в хорошем смысле впечатлили. Я много по-
видал начальников на своем веку, поверьте, и очень разных. Уди-
вительно, но вы на своем месте. Я все сказал, что хотел, если у вас
будут ко мне просьбы или вопросы всегда буду рад вам помочь.
До свидания.

Прощаясь, Наум Давидович уже поднялся и говорил на ходу.

Санька уходила из дому, когда по радио играл гимн, то есть в
шесть часов утра, приходила также, когда играл гимн, то есть в
полночь. В выходные позволяла себе выспаться и опять шла на ра-
боту, маленькую дочку почти не видела, мужа помнила лишь на
ощупь. Ей нравилась такая ее тотальная занятость и полезность.
Каждое утро в 8:00 ей по внутреннему телефону звонил завгар и
говорил:

— Доброе утречко самой красивой женщине на заводе. Когда
подавать машину?

Основной вопрос, из-за которого Саньку Василий Иванович
позвал на завод, был вопрос приватизации. Завод с точки зрения
управления был сложным, тут тебе и вечно ни с чем не согласная
гальваника, и цех прессового оборудования, где люди из-за веч-
ного шума были наполовину оглохшие. Все решения необходимо
было провести через общее собрание, причем голосование должно
было быть тайным. Процедура приватизации, для СП «Зоря» была
нестандартной и сложной. Саньке понадобилось месяца два, пока
придумала механизм для приватизации того, что по факту уже
было кем-то присвоено.

Расчет Василия Ивановича на то, что если уберет Саньку из
райфинотдела и заберет к себе — избежит комплексной проверки,
полностью оправдался. Надобно сказать, что Санька провела в
прокуратуре района не один час, убеждая прокурора района Вла-
димира Павловича не возбуждать уголовное дело в отношении Ва-
силия Ивановича за присвоение государственного имущества. Ей
это удалось, с большим трудом, но уговорила.

Понимая сложность принятия необходимых решений, Санька с этими вопросами пришла к Василию Ивановичу. По ее мнению, нужно было идти «в народ», то есть необходимо было донести до простого рабочего, что и для чего необходимо было сделать. Проработав два месяца, пообщавшись с коллективом, Санька понимала, решение так просто никто не примет.

Василий Иванович тут же съехал, типа ты придумала — тебе и исполнять, иди типа и делай. Даже свой личный кабинет выделил на неделю Саньке для проведения бесед, сам на это время куда-то умотался. Саньке ничего не оставалось, пришлось идти «в народ».

Она побывала во всех цехах с информационной речью о необходимости приватизации и механизме ее проведения, выступала прямо в цеху перед рабочими смены. Рабочие были как рабочие, слегка чумазые в рабочих комбинезонах, цеха мрачные, окна в цехах большие и грязные. Саньку всегда интересовал вопрос: почему в производственных помещениях стены красят либо в жуткий грязно-зеленый цвет, либо в такой же жуткий грязно-синий? Особенно впечатлили в КИПиА, там люди как-то были наиболее, с одной стороны, суровые, с другой — более образованные, чем остальные рабочие. Поэтому и вопросов ей больше всего задавали именно в КИПиА, причем сначала с издевкой, чуть ли не с улюлюканьем, а в процессе ее ответов уже заинтересованно и с уважением.

После этого в кабинете генерального директора принимала по десять человек, отвечая на вопросы каждого, у кого они возникали. Всего на заводе работало около тысячи человек, благодаря чему к концу каждого рабочего дня язык у Саньки заплетался.

Пришел день проведения тайного голосования. За приватизацию и предложенный Санькой механизм ее осуществления проголосовали почти единогласно.

Кроме вопросов о приватизации Василий Иванович, любитель всего нового, решил посчитать рейтинги руководителей. К удивлению всех, в том числе и Саньки, у нее оказался самый высокий рейтинг — за нее проголосовал весь присутствовавший состав, не считая десяти человек, что воздержались. Это был триумф. То, что

ее признали руководителем, Санька ощущала по восторженным взглядам сотрудников.

Апогеем было, когда заведующая заводской столовой Галина подошла к ней с какой-то щеточкой и начала в прямом смысле с Санькиного костюма смахивать пыль. После чего она, подобострастно глядя на Саньку снизу-вверх, сказала:

— Ви оце знаєте, народ на заводі що тільки про вас не казав. Саме м'яке, що казали, так це те, що ви мабуть, племінниця нашого директора. А тепер кажуть, що бачимо, дійсно, для роботи її взяв...

К Новому году Санька подходила уже в роли великого начальника, без ведома которого никто и ничего на заводе и делать не смел. Василий Иванович по гороскопу был знак Весы, обладал типичными отрицательными характеристиками своего знака, которые характерны для так называемых песочных часов. Так, Санька в детстве читала сказку про человека-песочные часы, который с утра должен был обязательно постоять на голове, чтобы стать добрым, к вечеру опять становился злым. Василий Иванович именно таким и был, сначала он увлекался каким-то человеком, носился с ним как дурень с писаной торбой, потом наступал период равнодушного созерцания, а далее ненависть и травля.

Санька наблюдала со второй ступени все эти стадии в отношении зама по коммерции. Было очень неприятно присутствовать, когда Василий Иванович не просто травил, уместнее будет сказать чмырил этого самого зама, пусть даже и за явные промахи. Особенно неприятно было осознавать, что тебя пригласили как свидетеля чужого унижения, причем было видно, что Василий Иванович получал от этого почти экстаз. Наблюдаемые сцены наводили Саньку на грустную мысль, что с ней произойдет тоже самое.

Понимая это, Санька, чего греха таить, наслаждалась своей вседозволенностью и безнаказанностью, креативила и изгалялась, как могла. Например, создала на заводе свое КРУ — контрольно-ревизионный участок, пусть в составе всего трех человек, но подчинялись исключительно только ей и отчитывались только перед ней. Оказывается, это так вдохновляет — иметь свой карманный репрессивный орган, которого все боялись.

Идея создания такого подразделения родилась почти спонтанно. Так, на заводе работала одна дама — Красовская Людмила Витальевна, по образованию технолог, дополнительно для себя закончившая бухгалтерские курсы. Человек она была искренний, но весьма специфический, отвечала за контроль по нормированию сырья и материалов. Работу по факту выполняла одну и ту же, но швыряли ее по всем цехам и отделам, прижиться не могла нигде. Такая неуживчивость объяснялась неумной жадой правды и вселенской справедливости, если видела что-то не так, тут же строчила докладную на имя генерального директора, причем ей было все равно на кого, хоть и на своего прямого начальника.

Столкнувшись с таким гипертрофированным сознанием наведения порядка и справедливости у отдельно взятой личности, у Саньки и родилась идея создания КРУ. К своим 24 годам Санька уже четко понимала простую истину: человеку нужно дать заниматься тем, к чему он способен. Если поручить выполнять непосильную задачу, мало того, что не справится, еще и возненавидит за это, и обратное — дай посильное, выполнимое, самое главное, понятное задание — и человек проникнется к тебе чувством благодарности от осознания собственной значимости.

Саньке не пришлось в будущем жалеть о таком своем капризе, как создание КРУ. Людмила Витальевна как-то пришла к ней в кабинет и почти со слезами на глазах сказала, что впервые за свои 12 лет работы живет душа в душу со своим начальником, а то и поговорить с ней никто никогда не хотел, а тут все ее идеи находят горячий отклик и поддержку.

Василий Иванович относился к Саньке, с одной стороны, с подчеркнутым уважением, с другой — казалось, искал повода съязвить, уколоть, поучить жизни. Раз в неделю в директорском кабинете проводили производственные совещания за большим, длинным столом, всего присутствовало около 20 начальников служб и подразделений. Санька за этим столом занимала почетное место по правую руку возле генерального директора, по левую руку сидел технический директор, с которым у Саньки были вечные перепалки.

Уже через три месяца работы на заводе без Саньки не обходились ни в одной службе, даже служба главного энергетика и Инженерный центр приглашали ее для решения своих текущих вопросов. Санька побывала в самых дремучих производственных закутках завода и даже слезила в шахту лифта.

Времена тогда были лихие, 1993 год дал старт галопирующей инфляции. Одним из катализаторов которой выступило Постановление КМУ, подписанное тогдашним премьером Л.Д. Кучмой. Многоуважаемый Леонид Данилович, имеющий весьма примитивное представление о рыночных отношениях, как премьер посчитал, что образовавшийся дефицит бюджета — это очень плохо. Простые арифметические расчеты говорили, что источников латания возникших в бюджете дыр взять неоткуда. Поэтому, ничего умнее не придумав, издал Постановление, согласно которому все товары, находящиеся на складах в торговле необходимо было переоценить. Принцип переоценки заключался в том, что все товары были поделены на три товарные группы: первая группа, типа скоропортящиеся товары, дооценить в 1,5 раза, вторая — в два раза, третья — в три раза. Переоценка проводилась в один день 6 декабря по всем складам одновременно, это было воскресенье, а в понедельник утром 7 декабря расчетную разницу от такой переоценки нужно было в полном объеме перечислить в бюджет.

Естественно, что денег на такие перечисления не было, товары за одни сутки ведь никто еще не продал. Все торговые предприятия от такого креатива попросту «легли», сели на картотеку. В те далекие годы, если у предприятия не хватало денег для расчетов с бюджетом, а платить надо было, такие платежи ложились в так называемую картотеку, как только на счет предприятия приходили деньги, банк списывал их уже без согласования с предприятием.

Соответственно, бюджет денег не получил, торговля рассчитаться с промышленностью не могла, промышленные предприятия, в свою очередь, не имели возможности рассчитаться с поставщиками сырья дальше по цепочке. Образовался замкнутый круг взаимных задолженностей, что привело к повальным бартерным операциям и тотальным кредитным задолженностям. Каждое

из звеньев этой цепочки добавляло свою спиральку в вихре галопирующей инфляции. Даже целые банки вылетали на так называемое «красное сальдо» — это когда у предприятия деньги на счету вроде как есть, а банк перечислить не может, потому как на корреспондентском счету банка минус. Проценты по банковским кредитам взлетели до небес, так за счастье был кредит для промышленных предприятий 240% годовых, а для посреднических и торговли эти проценты доходили до 420% годовых. Инфляция была еще круче, за декабрь месяц 1993 года цены взвинтились более чем в десять раз. Валютный курс в обменниках менялся как минимум два раза за сутки, в обед и вечером, причем утренний курс от вечернего отличался в разы.

Такие процессы в экономике — это Клондайк для всевозможных мошенников и прохиндеев. Модная тема в то время была организовать за «откат» банковский кредит, причем даже ставка в 420 % годовых не пугала. Брали кредит в карбованцах, тут же меняли его на доллары США, выжидали несколько недель, месяц, меняли часть обратно на карбованцы, гасили кредит и оставались с половиной долларов в кармане.

Василий Иванович, как особо продвинутый и «одаренный», и себе решил не отставать от модных веяний. Как-то вызвал Саньку к себе в кабинет, когда она зашла, то за приставным столиком сидел незнакомый ей рыжий мужчина. Василий Иванович представил гостя:

— Александра, познакомься — это Ольшанский Роман, работал у нас на заводе начальником коммерческого отдела. Он предлагает очень интересный контракт, ты с ним пообщайся, подготовь договор, а для обеспечения этого контракта подготовь технико-экономическое обоснование в банк под кредит.

Ольшанский мило Саньке улыбнулся. Санька с удивлением обнаружила, что на груди на золотой цепочке у Ольшанского кулончик в виде звезды Давида. В те постсоветские времена демонстрировать открыто свою принадлежность к евреям было как минимум очень смело, ну не любили в СССР евреев. Санька в ответ также улыбнулась и предложила Ольшанскому перейти к ней в кабинет.

Уже сидя у себя в кабинете за чашечкой кофе, слушала, о чем ей рассказывает Ольшанский. Помимо множества весьма витиеватых комплиментов, которые рассыпал перед ней Рома, удалось уловить, что все же он предлагал Василию Ивановичу. Было понятно, что Рома предлагает взять как можно больше кредитных денег, причем Саньке было понятно, что возвращать на счет СП «Зоря» эти деньги никто не собирался. Санька, прямая по своей натуре так, прямо в лоб, Роме и заявила:

— Я так понимаю, что собираетесь эти деньги обналить и перевести в доллары, причем возвращать завод будет сам?

— Фи, ну зачем же так грубо. Может, эта разработка, которую я предлагаю, когда-нибудь будет полезна заводу.

— Ага, ваш набор макулатуры, отобранный в захудалом НИИ, это как раз можно назвать гордым словом «разработка», боюсь, что полезным для завода никак не будет.

— Александра, ну мы ж не дети, вы ж понимаете... впрочем, я думаю, Василий Иванович вам даст дополнительные объяснения.

Объяснений Василий Иванович никаких не дал, а гордо после получения кредита продемонстрировал Саньке аккуратные пачечки долларов у себя в сейфе. Санька пыталась вразумить, что изъятие из оборота месячной выручки завода в результате финансово положит предприятие. Василий Иванович на все ее объяснения махнул рукой, сказав, что ничего она в жизни не понимает.

На следующий день после разговора с Василием Ивановичем позвонил Ольшанский и предложил встретиться и попить кофе на нейтральной территории. Саньке было особо некогда с Ромой кофеи гонять, о чем она ему и сообщила. Тогда Рома попросил выйти к нему на улицу. Санька вышла. Рома, не выходя из машины, приехал он на модной по тем временам вишневой девятке, предложил присесть. Санька присела рядом на пассажирское сидение. Рома потратил минут пять на комплименты, которые Санька пропустила мимо ушей. Тогда Рома достал из портфеля демонстрационный бархатный планшет с золотыми кольцами:

— Обрати внимание особенно на последние два ряда, там изделия с бриллиантами.

Санька без особого интереса повертела в руках планшет, разглядывая кольца. Потом равнодушным голосом спросила:

— Ну и, что это значит?

— Как «что значит»? Выбирай, — Рома явно гордился таким щедрым предложением.

— Рома, ты, наверно, что-то попутал. Ты что же хочешь меня за колечко купить? Смешные вы с Василием Ивановичем. Не стоит, я подачками не балуюсь.

— Сань, я вовсе не хотел тебя обидеть, наоборот, думал, тебя это может заинтересовать.

— Сообщаю тебе — не может. Контракт уже подписан, кредит взят, а стучать — не мое амплуа, так что спи спокойно, дорогой товарищ.

— Сань, еще раз извини, ты меня просто восхитила. Я впервые вижу женщину, которая отказалась от золотых украшений с бриллиантами.

— Понимаешь, Рома, самое дорогое колечко из тех, что ты мне показывал, стоит от силы 500 долларов, я не настолько примитивна, чтобы так бездарно, дешево купиться.

— Я это уже понял, спасибо, что не послала, еще раз извини, если тебе будет нужна моя помощь, звони — я всегда к твоим услугам.

ГЛАВА -17-

Погуляли у Инессы на годовщину на славу. Санька веселилась, как могла, выпила изрядно, но в пределах разумного. Виталик долго огорчаться не умел, поэтому к концу вечера веселился со всеми наравне. Домой возвратились поздно, Ольга уже спала.

Рано утром, около пяти утра, Санька опять проснулась от уже знакомого возбуждающего чувства, повертелась с боку на бок, Иван стоял перед глазами. «Что ж это за напасть такая?», — думала про себя Санька, заснуть никак не удавалось. В полудреме вспоминались отдельные моменты встреч с Иваном. Вспомнился разговор. Санька поинтересовалась у Ивана, почему он никак не интересуется, предохраняется ли она. Тот на полном серьезе ей ответил, что был бы рад, если бы она не предохранялась вовсе. Санька, слегка опешив, у него спросила:

— Это как?

— Да так, мне все равно, сколько у меня будет детей, я располагаю достаточными средствами, чтобы их содержать.

— Тебе что, совершенно безразлично, кто родит тебе детей?

— Нет, не безразлично, я так не говорил. Я просто был бы не против, если бы ты мне кого-нибудь родила.

— Ты это серьезно?

— Вполне.

— Но я никак уже не собиралась никого рожать.

— Почему? Ты достаточно еще молода и находишься в детородном возрасте.

— Может еще и в детородном возрасте, но у меня почти взрослая дочь и я никак не вижу возможности прервать рабочий ритм для деторождения.

— А зачем тебе прерывать привычный ритм жизни? Как я уже сказал, у меня достаточно средств, чтобы содержать и тебя, и ребенка, и если понадобится, то и няньку.

Санька крепко озадачилась и не нашла, что ответить, больно неожиданно прозвучало такое откровение. Сейчас, ворочаясь с боку на бок, прокручивая в памяти этот диалог, вдруг с удивлением для себя сделала открытие. А ведь действительно, от детей

отказывалась, в первую очередь, так как не хотела выпасть из привычного рабочего ритма, прекрасно понимая, что выпав из обоймы, очень тяжело потом в нее попасть. Подумала, и то правда: ну неделя — две до родов и от силы месяц после — это действительно не так много, главное няньку найти. Что-что, а на няньку Санька и сама зарабатывала, и даже не на одну. Да, но живу-то я с Виталиком, а не с Иваном, продолжала размышлять в полудреме Санька... Вдруг зазвонил будильник, пора было вставать, собираться на работу.

На работе все было как обычно. Сидя у себя за столом, Санька просматривала список судебных дел, что сопровождался ею и сотрудниками, всего дел было около сорока, заседания иногда по два в день. Ленка жаловалась, что с трудом поспевает, кроме нее в суд ходило еще два юриста, Санька ей парировала, что до недавнего времени умудрялась почти сама со всем справляться.

Вспомнилось, как года три назад, когда в суд ходила только она сама, Ленки еще и в помине не было, у нее было в один день три заседания в хозяйственном суде и одно в районном, благо, что в хозяйственном одно было перед самым обедом, остальные два после, а в районном на 8:30, и успела, однако. Стоит отметить, что все четыре заседания были по совершенно разным делам, но это не мешало Саньке удерживать в голове всю необходимую информацию и блестяще отсудиться в каждом из заседаний. Помнится, что одна из помощников судьи, пробегая мимо, нее в тот день съехидничала: «Мы тебе скоро тут раскладушку поставим».

Вспоминая события давно минувших дней, размышляла о том, как же тяжело организовать сотрудников, чтоб работали хотя бы на половину от того, как может сама, ведь походы в суд — это совсем не единственный приоритет Санькиной занятости. Санька умудрялась параллельно руководить аудиторской фирмой, иногда выходить на аудиторские проверки и писать аудиторские заключения. Причем ни один документ, будь то иск или аудиторское заключение, просто так в жизнь не пускался, на обеих фирмах все письменные документы, рожденные сотрудниками, обязательно проходили Санькину цензуру. Как правило,

одной только Саньке было ведомо изначально, что будет на выходе в документе.

Не последнее место в жизни Саньки занимали студенты, умудрялась еще и преподавать, причем на полную ставку, а иногда и дополнительная нагрузка в виде дипломников, дополнительно появлялись исключительно те, кто рвался под крыло только к Саньке. Ей нравилось преподавать, нравилось приходить в аудиторию, читать лекции так, чтобы чувствовалось напряжение, задача, приятно было осознавать, что материал воспринимается. Были такие студенты, которые заявляли, что любовь к профессии привила именно она, Санька. А для преподавателя такие признания были высшей степенью похвалы ее стараниям. В ходе лекции Санька могла и анекдот рассказать, и смешную историю из своей богатой биографии.

Размышляя над всем этим, искала ответ на вопрос: «Как же воспитать кого-нибудь столь же универсального, как она сама». Сама же себе отвечала, что маловероятно, но надежда умирает последней. При выборе сотрудников всегда ориентировалась на молодежь: лучше под себя научить, чем кого-либо переучивать, пусть даже семи пядей во лбу. Возникла проблема: те, кто уже научился, окрыленные Санькой, искали полной автономии и самостоятельности. М-да, тяжело икать золотую середину...

Позвонил Володя, сказал, что звонили менты, вроде как на завтра готовится Акт, и вроде как без замечаний. Санька поздравила себя и его с окончанием проверки, но не забыв сказать, что пока не увидит Акт со всеми подписями, радоваться рано.

Ближе к обеду позвонил Иван.

— Сань, привет. Как прошли выходные? Как спалось?

— Привет. Выходные прошли чудесно.

— Прямо так и чудесно?

— Да уж, представь себе. Были у Инессы, отмечали годовщину ее свадьбы.

— А она, что еще и замужем?

— Ну да...

— Никогда бы не подумал, что ее интересует семья.

— Это ты совершенно напрасно, у нее родители имеют правильные жизненные установки, потому и ей внушили, что семья на первом месте.

— И это правильно! Сначала интересы семьи, а уже потом все остальное.

— Все так, главное, чтобы она была эта самая семья, а не картинка для окружающих.

— Это ты о чем?

— Да так, вообще, мысли вслух. Ты лучше скажи, что это тебя так интересует, как мне спалось?

— Да не то чтобы очень... Кхм-кх...

При этих словах Иван, как Саньке показалось, слегка смутился.

— Просто интересуюсь.

— Если тебя интересует, не мешало мне что-либо спать, то скажу тебе честно — мешало.

— И что тебе мешало?

Было ощущение, что Иван превратился в одно большое ухо.

— Понимаешь, Вань, вот проснулась я около пяти утра и сна ни в одном глазу.

— Интересно как... К чему бы это?

— Вот и я лежу и думаю, к чему бы это. А потом вспоминаю наш с тобой разговор о медитации. Ванечка, солнышко, это твоих рук дело? Ты чего мне спать-то не даешь?

— Да я не специально, само как-то получилось. Понимаешь, просыпаюсь я под утро, не спится мне, посмотрел направо, посмотрел налево — нет никого. Вот я у него и спрашиваю: «И чего стоим? И кого ждем?».

— Хи-хи, так ты решил заодно и мне спать не давать.

— Ну, как-то так. А о чем ты в этот момент думала?

— Вот все тебе скажи, да Расскажи. Вот о том и подумала, кто ж мне еще кроме тебя по утрам спать не дает.

— Да, ладно тебе, можно подумать, что Виталик как бревно рядом с тобой валяется.

— Могу я возомнить, что ты ревнуешь?

— Ну, разве чуть-чуть, самую малость.

— Так ты ведь тоже не одинок, жена как-никак имеется.

— Так она сейчас в Партените, а я в Москве.

— Понятно, потому и скучаешь. Непонятно только, почему ты мне не даешь спать, а не ей.

— Так ведь за тобой скучаю.

— А-а, и сильно?

— Как видишь, но ты не расслабляйся. На следующей неделе мы с Константином в Киев приезжаем. Так что обнимаю и до скорых встреч.

Положив трубку, Санька позвала Ленку, та зашла к ней в кабинет.

— Ну как, в суд ходила? Успела Заперечення на Відзив подать?

— Да, шеф, все успела. В заседании налоговики пытались уминичать, но я их вопросами быстро закидала.

— Документы донесли?

— Да, но как всегда не все и не совсем те.

— Тебе Костя не звонил?

— Нет, не звонил, смс прислал, что думают в Киев приехать.

— Открою тебе страшную тайну, на той неделе будут. Иван сказал, что к середине недели где-то.

— Это классно, Виталика опять в командировку отправишь?

— Нет, зачем же, сама командируюсь, ну типа.

— А как же встречать их?

— Иван сказал, что встречать не надо, их встречать будет Василий Петрович, тот, что в Киевском офисе за безопасность отвечает.

— А мы где их ждать будем?

— Есть одна идея. Сейчас Раю позову. Рая-а-а!

Зашла Рая. Рая у Саньки была самым старым и преданным сотрудником, пришла к ней в самое тяжелое для Раисы время. Рая жила одна с двумя детьми, эпизодически в ее жизни появлялся очередной Сережа, всех Раиных кавалеров по необъяснимой случайности звали Сережами. Про всех Сереж Рая отзывалась одинаково, закатывая мечтательно глаза: «Он такой красивый...». Все они поочередно использовали Раю, кто как мог.

Сама Рая была красивой женщиной в расцвете лет, жгучая брюнетка, с очень миловидными чертами лица и отменной фигурой. Почему Райсе так не везло с нормальными мужчинами, было большой загадкой.

После того, как очередной Сережа вынес из Раиной квартиры все, что можно, Санька ей заявила: «Еще раз услышу: «он такой красивый» тресну первым, что под руку попадет».

— Звала?

— Да, заходи, можешь вместе с кофе.

— Ну, тогда я сейчас. Лен, тебе тоже сделать?

— Если не тяжело. Сань, так они через неделю будут?

— Думаю, да. Как минимум имеют такое желание.

Зашла Рая с кофе.

— Рая, а не могла бы ты нам с Ленкой предоставить свою квартиру в следующий четверг, примерно с обеда и до часов 8–10 вечера?

— Если надо, то смогла бы, Максима отправлю, если что, к папе. А зачем тебе?

— Да, понимаешь, гости к нам с Леной из Москвы приезжают, удивить хочется.

Ленка озадаченно посмотрела на Саньку.

— Ты хочешь их встречать у Раи? А зачем?

— А затем, должна ж быть в женщине какая-то загадка. Хочу ужин при свечах и под красивую музыку, Патрицию Каасс, к примеру. В гостинице надоело, да и хотелось бы самой что-то приготовить, в конце концов, должен же Ваня еще и о таких моих талантах узнать. У себя априори не могу, у тебя не эстетично.

— Мы что, будем готовить ужин?

— А что тут такого? Готовить буду я, а ты мне поможешь. Приготовлю что-нибудь изысканное, а для того чтобы не забывали, куда приехали, борща с ребрышками забабахая.

В дверь кабинета постучали, зашла секретарь Верочка.

— Александра Владиславовна, вам какой-то Сергей Эдуардович с самого утра дозванивается, говорит, что на мобильный звонил и не дозвонился.

Санька посмотрела на свой мобильный, точно: два пропущенных звонка с номера с почти всеми семерками. «Кто бы это мог быть, что это за Сергей Эдуардович такой, почему я звонка не слышала?» — про себя подумала Санька, а вслух сказала:

— Верочка, если будет звонить, спросишь, кто такой и по какому вопросу, когда ответит, принесешь мне трубку.

Верочка удалилась. Рая также поднялась.

— Я больше не нужна, могу идти?

— Да, Рая, можешь идти, я потом уточню, в какой день.

— Ты думаешь, им понравится? — Сказала Ленка, озадачено глядя на Саньку.

— Даже не сомневаюсь. У Ивана все не будь здоров в семье, Костя тоже носит печать какого-то неудовлетворенного сомнения, на работе у них стресс постоянный, потому и шлятся как неприкаянные, все ищут чего-то.

— Ты как-то так... совсем плохо о них думаешь.

— Почему плохо? Совсем не плохо, просто мне так со стороны, глядя на них, кажется. Разные они полностью, объединяет выбранная с юных лет профессия разведчика, соответственно на автомате все подмечают, анализируют, мысли умные думают. Иногда заносит — выдают желаемое за действительное, опять же пережиток бурного прошлого, оценивают людей навязанными с училища стереотипами. В том же учебном заведении научили их нравиться людям вообще и женщинам в том числе, вот и используют они эти полезные навыки на практике. Если плыть по течению, одна-две встречи и наскучит им это занятие, перейдешь в разряд приятной привычки.

— А как же чувства? Ты хочешь сказать, что никаких чувств они не испытывают?

— Почему не испытывают? Очень даже испытывают, особенно когда интересно и необычно, даже влюбиться могут, если блоки себе какие-нибудь надуманные не поставят. Че они — не люди, в самом деле? Впрочем, и от нас с тобой зависит, не в последнюю очередь, как дороги и близки мы им станем. Хочешь

мужчине нравится — работай над собой, не останавливайся. Каждая новая встреча должна нести в себе что-то новое.

— Так никакой фантазии не хватит.

— А ты и не фантазируй, будь самой собой, просто демонстрируй каждый раз себя с какой-нибудь другой стороны, переусердствовать также нельзя. Профессиональный навык тут же продиктует им: «Опасность! Нами пытаются манипулировать».

— Как? Вот так просто? Самой собой и все?

— Ну да, самой собой, но только нужно себя любимую и хорошую только с лучшей стороны демонстрировать, худшее они и сами дорисуют, если захотят. Вполне логично, если мы себя немного поукрашаем и во что-нибудь привлекательное оденем, поэтому не вижу повода не отправиться по магазинам.

— Когда пойдем?

— Так, можем и сегодня, вроде ничего после обеда у меня срочного, важного нет, у тебя, насколько мне известно, также. Поэтому допиши начатые «Письмові пояснення» и через час поедем.

ГЛАВА -18-

Однажды в конце ноября, как раз аккурат перед проведением пресловутой переоценки товарных остатков, освобожденный заместитель Саньки Татьяна Николаевна выступила более чем с резкой критикой главного бухгалтера Раисы Ивановны. Санька сидела в кабинете Василия Ивановича и распределяла вместе с ним денежные потоки на завтра. В дверь кабинета постучали, зашла Татьяна Николаевна, громко возмущаясь, заявила, что Раиса Ивановна опять не вовремя подготовила информацию, необходимую для банка, и вообще все свалилось на нее (Татьяну Николаевну). Санька с Василием Ивановичем молча переглянулись, без слов понимая друг друга. Василий Иванович заявил:

— У нас с Александрой есть к вам предложение, Татьяна Николаевна.

— Это какое?

Татьяна Николаевна выглядела крайне озадаченной. Санька продолжила:

— Мы тут поразмыслили и решили вам предложить с 1 декабря заступить на должность главного бухгалтера, у вас вроде как есть необходимое образование для этого.

Василий Иванович подхватил Санькину реплику:

— Так как? Согласны?

Татьяна Николаевна вдруг приобрела вид чрезвычайной важности, живописно кивнула головой и, пафосно напыжившись, произнесла:

— Мне необходимо обдумать ваше предложение.

Василий Иванович опять переглянулся с Санькой, хитро ухмыльнулся, сказал:

— Ну-ну, думайте, Татьяна Николаевна. До завтра времени достаточно на подумать?

Татьяна Николаевна всем своим видом демонстрировала оскорбленную невинность, застигнутую врасплох. Было очевидно, что предложение для нее очень лестное, но ей также очень хотелось, чтобы ее уговаривали. Василий Иванович прекрасно видел эти титанические усилия скорчить из себя великую; Санька ви-

дела, что тот едва сдерживается от смеха. Подавив смешок, Василий Иванович произнес:

— Короче, завтра в 10:00 утра жду от вас окончательного решения, если решение вами не будет принято, впредь не желаю слышать ни единого упрека в сторону Раисы Ивановны.

Предложение Татьяна Николаевна, конечно же, приняла, причем Саньке приходили докладывать особо одаренные кадры, как Татьяна Николаевна, сидя у себя в плановом отделе, вещала: «Хватит быть на вторых ролях, пора переходить на первые».

Процесс вступления в должность Татьяной Николаевна особенно красочно описывался устами Раисы Ивановны. Последняя как раз в декабре сводила финансовую отчетность, не поднимая головы как в прямом, так и в переносном смысле. Татьяна Николаевна пришла в кабинет к Раисе Ивановне, стала у нее над головой, сложила руки перед собой на груди и с патетикой в интонации молвила:

— Вы уже в курсе, Раиса Ивановна, что я буду у вас начальником, а вы у меня заместителем?

— А как же, Татьяна Николаевна, конечно, в курсе. Я так понимаю, я ваш с завтрашнего дня зам. Как будем делить обязанности?

— Какие такие обязанности? То, что вы делали, Раиса Ивановна, то и будете делать.

— Да? А вы что будете делать, Татьяна Николаевна?

— Как что? А я буду руководить...

Забегая наперед, надобно сказать, что на должности Татьяна Николаевна долго не продержалась, была изгнана с позором через полтора месяца.

Проблемы организационного характера на заводе возникали постоянно. Кроме того, было множество внешних вопросов, требовавших немедленного Санькиного реагирования и вмешательства: то с налоговой, то с прокуратурой, то с охраной труда, то еще с каким-нибудь властным институтом. Занятость Санькина была тотальной, пыталась решить все одновременно, если бы не молодость и кипучая энергия, то никуда бы она не успела, а вот води-

тель, с машиной всегда под рукой, решал многие проблемы. Именно тогда Санька очень остро ощутила необходимость перераспределять рабочие моменты на своих подчиненных. Как раз в этот момент пришло понимание, что если даже тебе кто-то не нравится, но ты знаешь, что он решит конкретную проблему, ты все же даже при огромном нежелании поручишь её нелюбимому сотруднику.

В один прекрасный день в кабинет к Саньке забежала Раиса Ивановна со словами «все пропало», хомутнула она что-то при отражении валютно-импортной операции. Санька внимательно ее выслушала, взяла валютные декларации и отправилась с ними в налоговую. Уже на месте корректно постучала в дверь начальника валютного отдела, услышав приглашение войти, осторожно открыла дверь и с удивлением обнаружила Артамонова Михаила Игоревича.

— Здравствуйте, Александра, что ж так несмело? Заходите, очень приятно вас видеть. Уже наслышан о ваших подвигах. Что ко мне вас привело?

— Да ничего особенного, посоветоваться нужно, а то у нашего главного бухгалтера прединфарктное состояние.

— Какие проблемы? Задавайте ваши вопросы.

Санька развернула свернутую трубочкой валютную декларацию, начала объяснять, как она сама понимала, нарисовавшуюся проблему. Михаил Игоревич внимательно слушал, задавал наводящие вопросы. После, в свойственной ему слегка ироничной манере, заявил:

— Так нет же ничего проще, сейчас все решим, так уж и быть, избавим ваш завод от штрафа.

Как-то в начале декабря к Саньке подошел начальник инженерного центра Брыль Илья Михайлович с контрагентом, производителем комплектующих. От Саньки требовалось согласовать договор на производство этих комплектующих изделий. Дата окончания работ в договоре стояла 25 декабря, оплата не позднее трех банковских дней. Санька сразу заявила, что согласовать такие условия не может, так как в конце года на заводе будут сводиться

все финансовые остатки, закрываться финансовый год, поэтому будут идти свои платежи, а оплачивать услуги смежников не будет финансовой возможности.

Илья Михайлович вместе с директором смежника начали Саньку уговаривать на предмет, что, с одной стороны, эти запчасти необходимы заводу именно в декабре, с другой стороны, смежник хотел иметь гарантированное финансирование в конце декабря, чтобы выплатить зарплату своему персоналу. Санька по этому поводу сказала:

— Так не вопрос, сделайте дату окончания работ 15 декабря, и мы оплатим ваши счета.

— Да не успеем мы произвести эти запчасти до 15 декабря, в том то и дело.

— Ну, тогда лично я могу вам гарантировать оплату не ранее 15 января.

— Нам это поздновато, хочется людям к Новому году выплаты сделать.

— Так я ж не против, просто наши рабочие также нуждаются в выплатах перед Новым годом. Мое последнее слово передельвайте договор в части сроков оплаты, поставьте срок оплаты через две недели после отгрузки и проблем никаких.

Илья Михайлович был вынужден переделать договор. Сразу после 25 декабря пришел вместе с тем же директором и попытались надавить на жалость по поводу оплаты. Санька напомнила, что никого не обманывала, посему поставка будет оплачена не ранее 12–15 января.

К величайшему Санькиному удивлению в первых числах января, финансист, что готовила платежные документы в банк, принесла ей на подпись платежку на оплату поставки комплектующих. Санька возмущенно ей попеняла, что не давала такого распоряжения, та виновато сообщила, что указание на оплату ей дала Татьяна Николаевна. Санька тут же набрала Татьяну Николаевну и вызвала к себе. Через несколько минут главный бухгалтер зашла в Санькин кабинет с видом возмущенного достоинства.

— В чем дело?

— Да ни в чем особенно, если не считать, что вы даете распоряжение на оплату счета, который ни с кем не согласован.

— А я что, по-вашему, пустое место? Или я не главный бухгалтер?

— Ну, что вы... Вы, Татьяна Николаевна, в соответствии со штатным расписанием самый что ни на есть главный бухгалтер. Только позвольте у вас поинтересоваться, какие поступления на расчетный счет ожидаются в ближайшие три дня?

— Не знаю, — с вызовом в голосе произнесла Татьяна Николаевна.

— Очень плохо. А какие в ближайшие три дня у нас есть неотложные платежи?

— Не знаю, — уже не совсем уверенно сказала Татьяна Николаевна.

— Задам вам последний вопрос. Сколько у нас сегодня на утро денег на расчетном счету?

— Не знаю, — с отчаянием в голосе произнесла Татьяна Николаевна, — откуда мне это знать?

— Да вы что? Вы ж главный бухгалтер. Вы не знаете, где взять оперативную финансовую информацию? У меня лично даже нет никаких комментариев по этому поводу. Я попрошу вас впредь не производить столь необдуманных и некомпетентных шагов.

К празднованию Нового 1994 года на заводе, несмотря на то голодное время, подошли с размахом. В актовом зале убрали кресла и расставили столы, Санька дефилировала в классическом «маленьком черном платье», пошитом самолично по выкройке из журнала «Бурда». Ее точеная длинноногая фигурка в облегающем коротком черном платье на классических шпильках была как яркое пятно в сером унынье заводских стен.

Ожидая, пока окончательно накроют столы, народ небольшими группками общался, обсуждая от бытовых мелочей до проблем всеобщего глобального потепления.

Саньку окликнул главный энергетик Фима. Это был огненно-рыжий еврей, балагур и весельчак лет тридцати, с которым Санька водила дружбу, он был в небольшой компании человек пяти ин-

женеров и механиков. Компания мужчин радостными возгласами приветствовала Саньку, та в свою очередь, улыбаясь загадочной улыбкой Джоконды, поздоровалась со всеми, взглядом одарив каждого из присутствовавших.

В момент, когда Санька рассказывала очередной анекдот, к ним подошли технический директор Вячеслав Владиславович с женой генерального директора, которую на заводе иначе как мадам Орлан, по наименованию ее малого предприятия, присоской питавшегося за счет завода, не называли. Мадам была уже в достаточно солидном возрасте, ближе к шестидесяти, лет на десять старше своего мужа, которого увела из семьи лет пять назад. Внешне ничем примечательным не отличалась, ее фигура напоминала домик на курьих ножках: большой внушительный бюст и тоненькие, коротенькие ножки. Стиль одежды, необъятных размеров туника и лосины в мелкий цветочек, лишь усиливал эффект такого контраста, ей, наверное, казалось, что так она выглядит моложе. По мнению Саньки, это просто кричаще указывало на ее страхи потерять молодого, как на мадам, импозантного Василия Ивановича. На заводе поговаривали, что мадам Орлан неровно дышит также в сторону технического директора, который был еще лет на пять моложе ее мужа.

Вячеслав Владиславович, к удивлению Саньки, подойдя, очень приветливо кивнул в ее сторону, искренне посмеялся над рассказанным ее анекдотом. Мадам Орлан ревниво покосилась в Санькину сторону:

— Ну да, конечно, Санечка, ты сегодня прям красотка, такую талию можно иметь лишь в двадцать пять...

Санька уловила плохо скрываемую издевку в тоне мадам Орлан, хмыкнув, окинув мадам с ног до головы, парировала:

— Вы знаете, у кого талии не усматривалось в двадцать пять, то в возрасте за пятьдесят и в помине не будет.

Мужики довольно загоготали, мадам перекосило и, не найдя слов, чтобы ответить Саньке, она ушла, утачив за собой Вячеслава Владиславовича.

Санька развлекалась во всю, уже за полночь перетанцевала с

неимоверным количеством кавалеров. Когда народ начал разъезжаться по домам, остались самые стойкие, Санька резвилась в районе сцены, в какой-то момент ей вдруг лишними показались туфли, ноги, очевидно, устали. Недолго думая, разбросала свои туфли по разным углам сцены и дальше уже танцевала босиком. Домой с Игорем вернулись ближе к пяти утра, маленькую Ольгу предусмотрительно в этот вечер отвезли к бабушке.

На следующее утро, в субботу, которая для большинства заводчан являлась выходным днем, Санька, выспавшись, вызвала по телефону водителя и отправилась на завод. На работу в тот день вышли в основном руководители подразделений, да еще паратройка человек из бухгалтерии и коммерческого отдела. Настроение у всех было празднично-приподнятое, работать никто особо не хотел, народ небольшими группами перемещался из кабинета в кабинет, поздравляя друг друга с наступившим Новым годом.

Василий Иванович прибыл на завод ближе к обеду, по селекторной связи вызвал к себе в кабинет Саньку.

— Александра, мне тут доложили, что вчера я слишком рано покинул мероприятие, говорят, что ты танцевала, в чем мать родила на столе, как я мог пропустить столь яркое шоу.

Санька удивленно-иронично приподняла одну бровь:

— Если босиком и на сцене, это еще не в чем мать родила на столе.

— Да ты просто не помнишь, видать крепко вчера после моего отъезда нахренячились. Может, водочки? Я налью.

— Я не пью водку и хочу вам заметить, что состояние «нахренячились» не про меня.

— Да ладно тебе, без обид. Я вот тут подумал, мы с тобой еще ни разу по душам не разговаривали. Сейчас самое подходящее время — Новый год, может, все же выпьем по бокалу вина? Ты как?

— Я не возражаю выпить с вами за Новый год.

— Ну, тогда заходи.

Сказал Василий Иванович, открывая дверь в комнату отдыха. Санька зашла следом за ним. В комнате отдыха был стандартный

набор мебели для такой комнаты: мягкий уголок, журнальный столик перед диваном, холодильник и импровизированный бар — такой себе небольшой шкафчик с полочками.

Санька присела в кресле, Василий Иванович подошел к шкафчику-бару, выбрал вино, достал два бокала и налил. Санька ощущала некий знакомый дискомфорт, понимая, что это у Василия Ивановича такая прелюдия перед заигрыванием. Василий Иванович, напротив, чувствовал себя уверенно, про себя поминутно усмехался собственным мыслям, причем Санька никак не сомневалась, что мысли эти самые что ни на есть пошлые. Пока Василий Иванович суетился, расставляя на столике бокалы с вином, конфеты и нарезку сыра, Санька судорожно соображала, как же охладить эти сексуальные порывы стареющего аксакала.

Ей было очевидно, что ее неловкость Василий Иванович расценивает как смущение скромной провинциалки перед заигрыванием статусного мужчины. Саньке было смешно и неловко от такого понимания, прежде всего ей было непонятно, почему ее Василий Иванович, сам будучи по происхождению от сохи, воспринимает провинциалкой. Ну да, родилась Санька не в Киеве, но Львов ведь большой город, никак не родное сердцу Василия Ивановича село Дмитриевка, да и выросла Санька по факту в Киеве. Статусность Василия Ивановича в понимании Саньки была весьма относительна. Ну женился он второй раз на тете с деньгами и связями, что помогло ему стать директором крупного предприятия. Но ведь аристократом от этого он явно не стал.

Почти пританцовывая, радостно мугыкая себе под нос какой-то знакомый мотив, Василий Иванович подошел к журнальному столику, склонился над Санькой, передавая ей наполненный вином бокал. Санька взяла бокал, взглянула на Василия Ивановича из-под ресниц, загадочно улыбнулась. Василий Иванович повел плечом, как-бы показывая всем своим видом, что он еще тот боец, и произнес:

— Ну так что, Александра, приступим? Скажи что-нибудь. За что пить будем?

— За что? А давайте, Василий Иванович, за вас.

— Давай, мне нравится такое начало нашей беседы, — нервно хмыкнул Василий Иванович.

— Хочу поднять этот бокал за вас, Василий Иванович, потому как очень благодарна вам за отеческое отношение, которое ко мне проявляете.

— Но-но, Александра, отцом по отношению к тебе никак себя не ощущаю.

— А жаль, мне так приятно было думать, что вы аж никак не подвержены пороку мужского возраста за сорок.

— Это как понимать?

— Да так, мужчины в этом возрасте ну прям как дети-подростки, все им интересно, все хочется потрогать наощупь, просматривается тотальная сексуальная озабоченность, ну прям как у моего бывшего шефа.

Василий Иванович шумно вздохнул, было очевидно, в нем бо-ролись два противоречивых желания: развить интригу и перейти в наступление, и откровенная боязнь прослыть сексуально оза-боченным. Понимал, не дурак от природы, возможно, и про него Санька может сказать, что сексуально озабоченный. Саньке было забавно наблюдать столь титаническую работу мысли и чисто мужской комплекс борьбы между низменными желаниями и же-ланием выглядеть в определенном образе-статусе. Победило вто-рое, с досадой хмыкнул:

— Ну, Александра, ты и завершила... Вот уж никак не мог бы подумать, что ты так воспримешь банальное предложение выпить вина по случаю Нового года.

— Так я ж и говорю, не можете вы, в моем представлении, быть одержимы столь примитивными инстинктами... вы ж не такой.

Василий Иванович приосанился, как-то аж вырос на санти-метр, и уже улыбаясь привычной улыбкой, заявил:

— Ох, и подловила ж ты меня, прям в самом неожиданном месте. Так что? Нет повода не выпить. Давай, Александра, за тебя, за твою светлую голову и все хорошее в новом году.

— С удовольствием, мне очень приятно, что между нами пол-ное взаимопонимание и никаких тебе недомолвок.

ГЛАВА -19-

В магазине, покупая очередное платье, Саньке пришла идея одеться с Ленкой для встречи москвичей по принципу домино. Для этого Санька приобрела себе атласное белое платье и под него черное белье, а Ленка купила черное гипюровое платье и белое белье. Прически также сделали диаметрально разные: Санька, как всегда, уложила локоны, Ленка собрала волосы в вечернюю прическу оставив один, так называемый «локон страсти».

Встречали при накрытом, сервированном столе, на белой скатерти отлично смотрелись хрустальные бокалы с красным вином, пламя свечей в бронзовом подсвечнике подсвечивало бокалы, разбрасывая рубиново-красные искры по всей поверхности стола. Приглушенно струился голос Патрисии Каас из магнитофона. Комнату мягким неярким светом освещал торшер, стоящий в углу возле открытой двери балкона. Легкий летний ветерок неслышно колыхал прозрачную белую тюль, создавая причудливую тень на потолке. В отсвете свечей тени на потолке перемещались, создавая иллюзию живой картинки.

От такой романтично-таинственной обстановки мужчины, войдя в квартиру, аж растерялись. Иван вместо приветствия сказал: «Ну вот...», однако тут же обнял и поцеловал Саньку, сначала в лоб, потом поочередно каждую руку. Константин просто молча прижал Ленку к себе, сел в кресло, усадив ее к себе на колени. За ужином Санька в лицах рассказывала анекдоты, Иван, смеясь, картинно хватался за сердце, приговаривая «Санечка, радость моя, ты меня до инфаркта доведешь».

Потом обе пары влюбленных танцевали, крепко обнявшись и поминутно целуясь. Ближе к полуночи засобирались в гостиницу, в номере оказались уже за полночь.

Зайдя в номер, Иван крепко обнял Саньку, прижал к себе, наклонился, чтоб поцеловать, как вдруг у него пошла носом кровь. Санька засуетилась, побежала в ванную за полотенцем. Вытирая кровь, дала два кусочка ваты, спросила:

— Ванечка, почему у тебя уже в который раз идет носом кровь

именно тогда, когда ты хочешь меня поцеловать? Ты к врачам не обращался, может, это связано с давлением?

— Сань, не переживай, я абсолютно здоров. Это ты, свет очей моих, своим присутствием сводишь меня с ума.

Для этой встречи Санька приготовила на сей раз бордово-красный пеньюар из тончайшей прозрачной органзы с ниткой золотистого люрекса, расшитого причудливыми темно-бордовыми бутонами цветов. В бликах света ночника, предусмотрительно накрытого Санькой темно-бордовым атласным платком, ее ночной наряд выглядел сногшибательным, так, по крайней мере, казалось ей самой. Реакция Ивана на ее выход из ванной в пеньюаре лишь подтверждала это ее ощущение.

В какой-то особенный момент во время близости, Санька прошептала Ивану на ухо: «Я хочу родить тебе сына». Сначала Иван замер, потом до боли сжал Саньку в объятиях, чуть не задушив, приговаривая: «Любимая моя девочка, детеныш мой родненький...».

Утром, разглядывая себя, Санька обнаружила на внутренней стороне бедра два маленьких синячка, такие бывают от пальцев. Показала их Ивану.

— Вань, это нехорошо. Виталик, если увидит, а с его дотошностью увидит обязательно, устроит мне скандал.

— Извини, не удержался...

При этих словах, Иван отвел взгляд куда-то в сторону, Саньке показалось, что ему нравится то, что Виталик может устроить скандал, обнаружив чужое присутствие. У Саньки где-то внутри что-то больно кольнуло.

— Тебе что, все равно, будут ли у меня неприятности или нет?

— Ну почему «все равно»? Мне не все равно, но я ловлю себя на мысли, что ревную тебя, и очень ревную, к твоему мужу. Как правило, я не испытываю чувства ревности из-за мужа своей любовницы. Это для меня что-то новое и совсем не правильное.

Санька про себя подумала: совсем, наверное, не правильно их обоюдное желание, причем жгучее до боли с двух сторон, зачать ребенка, имея при этом официальных супругов. В Санькином слу-

чае этот барьер был весьма условным, поскольку и отношения официально не оформлены и обязательств в виде совместных детей не было, не говоря о чувствах, которые угасли. А вот у Ивана совсем другая картина. Возможно, там также уже не было чувств, все держалось по инерции. Санька до конца не знала, угасли ли чувства между Иваном и его женой, могла лишь предполагать. Вслух сказала:

— Вань, я не знаю, к кому ты там испытывал чувство ревности, к кому нет, но зачем мне на пустом месте создавать неприятности, я ведь пока живу с Виталиком, это будет неприятно ни мне, ни ему.

— Ты знаешь, мне досадно и жаль причинить неприятность тебе, но абсолютно не жалко твоего Виталика, ну не вызывает он у меня положительных эмоций.

— Ванечка, солнышко, действительность такова, что я пока что живу с Виталиком, а ты живешь со своей женой, я ж ведь тебе не создаю тебе никаких неприятностей. Так зачем ты пытаешься мне их создать?

— Я не специально, я не хотел, само получилось... Такой ответ тебя устроит?

— Что значит «устроить»? Ты, наверное, не понимаешь, что Виталик может устроить по этому поводу скандал, не делай больше так.

— Хорошо, не буду. Я действительно не специально, случайно получилось.

Позвонил телефон, Иван снял трубку, это был Костя, интересовался, когда Иван с Санькой собираются на завтрак. Иван сказал, что минут через десять спустимся. Сразу после завтрака Ленка отпраивалась в офис. Санька вынужденно бездельничала, не могла же она заявиться в офис, если всем объявила, что уезжает в командировку. Иван с Костей отправились на какую-то встречу.

От безделья Санька обзвонила всех своих подружек, даже тех, с кем не виделась уже бог знает сколько времени. Позвонила Инесса, сказала, что пришли клиенты, которым срочно нужно подписать договора и акты выполненных работ, чтобы они могли за-

крыть себе месяц и произвести не позднее чем завтра оплату. Санька сказала ей сделать полный пакет, подъезжать к гостинице, а она подпишет, потом печати поставить и передать до вечера клиентам.

Пока ждала Инессу, вернулся Иван, сказал, что Костя какое-то время будет еще занят, поэтому у них с Санькой есть время для близости. Санька посмотрела на него томным взглядом и ответила:

— Ванечка, солнышко, ты лучшее приключение всей моей жизни, но прямо сейчас ко мне подъедет Инесса, привезет пакет документов на подпись, поэтому спешить не будем, у нас еще целые сутки впереди.

— А ты не могла бы позвонить Инессе и сказать, чтобы она не спешила?

— Нет, не могла, во-первых, Инесса уже выехала, во-вторых, клиенты ждать не могут.

— А я, значит, по-твоему, могу?

— Вань, у меня, как и у тебя, есть определенные обязательства, игнорировать которые мы не можем, я ведь с пониманием отношусь к твоим проблемам.

— У меня нет проблем.

— Хорошо, отношусь с пониманием к твоим обстоятельствам и твоим делам.

— Ну ладно, так и быть, я потерплю общество Инессы, но не долго.

— Можно подумать, что Инесса вызывает у тебя неприязнь.

— Нет, конечно, неприязнь у меня вызывает то обстоятельство, что я отказался Косте составить компанию для деловой встречи, приехал к тебе, а у тебя, видите ли, свои дела оказались.

— Мне очень жаль, что ты воспринимаешь это именно так. Хочу тебя обрадовать, Инесса будет уже скоро и подпись документов много времени не займет, так что она долго не задержится.

— Извини, я был не прав, давай спустимся в ресторан и там подождем Инессу, попьем кофейку, и вам с ней будет удобней общаться, и я не буду вам мешать.

— А ты и не мешаешь, спасибо, что услышал меня...

При этих словах Санька подошла к Ивану, положила руки на плечи и поцеловала. Иван растрогано обнял Саньку в ответ.

— Ну ладно, ладно.

Он, казалось, слегка смутился.

— Пошли вниз, а то я передумаю и не отпущу...

Внизу в баре Иван был само очарование, пока Санька подписывала документы, развлекал Инесску анекдотами и забавными историями из собственной жизни. В это время Ивану перезвонил Константин и назначил ему встречу вместе с Александрой в офисе корпорации.

В офисе корпорации Ивана с Санькой уже поджидали Василий Петрович — глава безопасности киевского офиса — и Константин. Василий Петрович поднялся для приветствия, пожал руку Ивану и кивнул в виде приветствия Саньке.

Обсудили ситуацию вокруг херсонских проблем, Санька сообщила свои впечатления от поездки в Херсон. Василий Петрович в свою очередь доложил, что местные херсонские юристы провально проиграли дело в административном суде Херсона против налоговой. Необходимо было принимать решение, какие рычаги необходимо включить при подаче апелляции. Санька попросила дать ей ознакомиться с материалами дела. Согласовали, что Василий Петрович подготовит материал. Прямо сразу созвонились с Херсоном и решили, что необходимые материалы будут доставлены в Киев не позднее завтрашнего обеда.

Пока разговаривали, Константин сообщил, что с минуты на минуту в офис должен прийти генерал. Василий Петрович распорядился насчет кофе. Только принесли кофе, в комнату переговоров зашел генерал, увидел Саньку и несколько опешил, но ненадолго.

— Олександра, бачу, часу ти дарма не витрачаєш.

— Петро Валентинович, не зовсім розумію, про що ви?

— Думаю, що розумієш, але ж... бог з тобою.

И, уже обращаясь ко всем остальным:

— Так, что там в славном городе Херсоне?

Иван принялся рассказывать, поминутно оглядываясь в сторону Саньки, как бы требуя от нее одобрения своего повествова-

ния. Санька изредка вставляла свои пять копеек. Петр Валентинович внимательно выслушал, высказал свое резюме:

— Я так понимаю, что надобно Александру запустить в суд в Запорожье, ведь там будет рассматриваться апелляция?

— Вы думаете, этого будет достаточно? — Поинтересовался Константин.

— Возможно, и недостаточно, но однозначно необходимо. Александра, — обратился генерал к Саньке, — как быстро ты сможешь изучить материалы дела?

— Думаю, достаточно быстро, ведь основа этого дела прямо связана с Актом налоговой, фабула мне известна, мне просто необходимо изучить аргументы, которыми руководствовались местные юристы. Думаю день, от силы два более чем достаточно.

— Ну тогда тебе и карты в руки, как раз успеваешь по срокам написать апелляцию, только никому не перепоручай, пиши сама.

Пока Санька вела диалог с генералом, Иван с Константином о чем-то перешептывались, до Санькиного слуха долетали обрывки фраз, типа: «ты успел?», «на который час?». Было видно, что Константин с Иваном куда-то спешат. Генерал также уловил, что те куда-то торопятся, поднялся, чтоб попрощаться, пожал мужчинам руки, подошел к Саньке, с прищуром оглядел ее, поцеловал на прощанье руку, развернулся по направлению к двери. Сделал один шаг, вдруг остановился, развернулся на 180 градусов, посмотрел на счастливые физиономии Константина с Иваном и сказал:

— Мужики, я не ревную, но хату так сплю...

На этой фразе развернулся и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Константин с Иваном переглянулись, Василий Петрович вообще молча открывал и закрывал рот, не зная, что и сказать.

Уже выйдя на улицу, Константин произнес:

— Удивительно, и как он догадался?

— Ничего удивительного, — буркнула Санька, — вы себя с Иваном со стороны видели? Колитесь, уже, что вы там задумали? Иван с Костей как-то хитро переглянулись, Иван улыбаясь произнес:

— А вот возьмем и не скажем, это секрет, но не долгий, сейчас заедем за Ленкой и не позднее, чем через час, вы все узнаете.

Санька картинно надула губу, Иван, смеясь, захватил ее в охапку, крепко поцеловал.

— Ну, не дуйся...

Первое сентября 2004 года было ярким и солнечным, уже кое-где проглядывали желтеющие листочки, но погода радовала еще летним теплом. Стрелки часов приближались к отметке три часа дня, день был в самом разгаре, было достаточно жарко.

С Ленкой компания воссоединилась в районе набережной. Ленка имела озабоченный вид.

— Я взяла купальник, как ты мне сказал, — обратилась она к Косте.

Санька удивленно посмотрела на Ивана. Иван улыбнулся в ответ:

— Да, радость моя, это наш с Костей ответный удар на ваш вчерашний с Леной выход. Мы очень впечатлились и решили вам отомстить, у тебя же есть с собой купальник?

— Вообще-то, не уверена, но, кажется, есть, — растерялась Санька, не совсем понимая, для чего это нужно.

— Так сходи в номер и возьми, хочешь, я с тобой схожу, но только поторопись, нас уже ждут.

Санька взяла ключи и пошла за купальником, про себя соображая, что же это за сюрприз приготовили Иван с Костей.

На набережной спустились к одному из причалов. У причала была пришвартована красавица яхта, мужик весь в белом выбежал навстречу компании, в лучах яркого солнца его фигура просто ослепляла. Мужчина был похож на боцмана, как его рисуют в детских книжках: с бородой и с папирсой, в фуражке с якорем.

Санька не удержалась, вскрикнула от восторга и бросилась к Ивану, который стоял, раскинув руки, уже готовый ее заключить в объятия.

Белоснежный боцман размашистым жестом пригласил пройти по трапу на яхту, каждой девушке подал руку, заводя на палубу. В каюте яхты был накрыт стол, скатерть была не менее белоснеж-

ная, чем ее хозяин, стол был сервирован белой посудой и мельхиоровыми столовыми приборами, особый шик — хрустальный подсвечник с тремя ярко красными свечами. Полированное дерево панелей каюты лишь усиливало впечатление роскоши.

Ленка выглядела обалдевшей и растерянной, Санька вся светилась и лучилась от удовольствия, предвкушая романтично-шикарный остаток дня, мужчины также выглядели довольными собой и своим выбором «места».

Пока неспешно обедали, яхта бороздила гладь Днепра, унося всю компанию все дальше и дальше от шума большого города. Саньку захлестывали чувства и неумная энергия, она сыпала остротами, шутками, практически не замолкая ни на минуту. Мужчины, Иван в особенности, также поддерживали такое настроение смехом и ответными шутками. Ленка, улыбаясь, иногда вставляла и свои реплики.

Через пару часов пришвартовались в живописном безлюдном месте. Иван, переполненный восторгом радости встречи с Санькой и желанием впечатлить ее, артистично демонстрировал двойное сальто, прыгая с бортика верхней палубы яхты в воду, подымая кучу искрящихся брызг. Санька восторженно наблюдала это представление, ее сердце радостно сжималось, каждый раз, когда Иван, залезая на парпет, оборачивался к ней с криком: «Только ради тебя, Санечка!». Глядя на резвящегося Ивана у Саньки создавалось впечатление, что это не взрослый мужчина пятидесяти лет, а так, пацан лет пятнадцати.

Накупавшись и набегавшись, компания на заходе солнца собиралась в обратный путь. Плывя обратно, две пары влюбленных сидели на верхней палубе яхты, накал чувств был столь высок, что хотелось петь, Санька, недолго думая, затянула «Чом ти не прийшов, як місяць зійшов», Иван тут же подхватил. Следующей песней была «Ваше благородие, госпожа Удача», во время которой к ним уже присоединился и Костя. Пока плыли, пропели весь репертуар советского кино, все, что помнили из детства. Ленка молча слушала, прежде всего потому, что в силу своего возраста не знала слов.

Всю компанию как бы пронизывала щемяще-радостная нить единения с природой и восхищения обществом друг друга, было ощущение, что одни они на этом грешном белом свете. Костя вдруг поднялся во весь рост, развел руки, растроганно произнес:

— Спасибо вам, у меня вдруг вся моя жизнь пронеслась перед глазами, я не припоминаю такого душевного вечера за всю свою жизнь. Я навсегда полюбил Киев и Днепр... что бы у меня в жизни не произошло, я никогда не забуду этот вечер.

Санька про себя отметила небывалую искренность и раскрепощенность Константина, он выглядел каким-то чисто умытым, как бы выбравшимся из скорлупы своего образа всегда сосредоточенного Штирлица.

Ленка вдруг в невтопад ляпнула:

— А объясните мне, вы ведь все в браке, почему люди изменяют своим половинам?

Возникла неловкая пауза, все трое переглянулись между собой, без слов понимая друг друга, Санька вслух произнесла:

— Подрастешь — поймешь.

— Нет, ну я ж могу спросить, — с вызовом воскликнула Ленка.

Несмотря на свою толстокожесть, Ленка почувствовала легкую отчужденность их троих, не понимая до конца свою бестактность, все же ощутила некий дискомфорт этой самой отчужденности. Было видно, как в ней борются противоречивые чувства, с одной стороны, она ж такая молодая и классная, с другой — неприятная мысль, что ляпнула что-то невтопад.

— Леночка, можешь, конечно, но только не сегодня и не сейчас, — сказала устало Санька.

Вдруг в создавшейся тишине как-то особенно громко прозвучали звуки последних новостей по радио. А новости в тот день были трагичны. В Беслане, где-то в далекой Чечне, террористы взяли в заложники маленьких первоклассников, пришедших в первый раз в первый класс. Было 1 сентября 2004 года...

Мужчины вдруг резко вскочили, изменившись в лице, по щеке одного и второго катилась настоящая слеза. Санька была шокирована такой неадекватно сентиментальной реакцией. Ей лично все-

гда и везде было в первую очередь жалко детей, но эти дети, во-первых, очень далеко, во-вторых, к сожалению, в мире постоянно, каждый день где-нибудь гибнут дети. Не удержавшись, спросила:

— Ребята, вы чего так резко?

— Ты не понимаешь, это наши, российские дети, пусть и чеченцы, но они граждане России, а мы ее патриоты.

— А-а... — Растеряно произнесла Санька, — примите искреннее соболезнование...

В мыслях был сумбур. Прежде всего больно кольнул такой патриотизм Ивана, который каждый раз подчеркивал, что он украинец, не последним было соображение на тот счет, что эти же самые русские ковровыми бомбардировками проводили зачистки в этой же самой Чечне, при которых гибли сотни чеченских детей. Получается, что тридцать детей, взятых заложниками, жалко, а сотни уничтоженных бомбами — нет.

ГЛАВА -20-

В новый 1994 год Санька ворвалась как ледокол на полном ходу, с треском ломая стереотипы советской системы управления и озаряя фейерверками своей харизматичной личности окружающих.

Любое Санькино появление в публичном собрании, например, в таком, как совещание в исполкоме директоров промышленных предприятий, вызывало шок, интригу и еще бог знает какую бурю эмоций. Привычно в креслах восседали дядьки в возрасте от 40 до 60 лет, зачастую лысые, обрюзгшие, а тут Санька такая неординарная, юная, с ярко выраженным чувством собственного достоинства. Ее присутствие уже само по себе было вызовом старому, уходящему в прошлое «общественному строю». Санька лавировала в этом инертном болоте «красных директоров» как новенькая яхта в старом заброшенном порту ржавых эсминцев и пароходов. Сама Санька ощущала себя молодым хищником, набирающим силу и ловкость.

На заводе её авторитет и влияние лишь усиливались день ото дня, нужно отдать должное, не на пустом месте. Каждое утро Санька уходила из дому, когда играл гимн, то есть в шесть часов утра и возвращалась в лучшем случае к десяти вечера. По выходным на пару часов, а то и на весь день бежала на завод, пытаясь объять необъятное, ее присутствие ощущалось везде, в каждом цеху и подразделении.

По вечерам все заводское начальство перемещалось к Саньке в кабинет на чай-кофе, к немалому неудовольствию технического директора, Ковальского Вячеслава Владиславовича, который до этого сосредотачивал весь заводской бомонд у себя. Санька воспринималась им как вызов всему, что у него было: его апломбу руководителя, влиянию на жизнь завода, его ощущению хозяина на заводе. Он же проработал всю сознательную жизнь здесь, на заводе, вырос от рядового слесаря до технического директора.

Но больше всего Санька раздражала его как женщина, которая не обращала внимания на него как на мужчину. А он был еще не стар, всего слегка за 40, да и славу имел первого заводского серд-

цееда. Имел привлекательную внешность, был высок, худощав, чем-то напоминал актера Боярского в роли Д'Артаньяна. Поговаривали, что сама мадам Орлан, жена Василия Ивановича, очень плотно им интересовалась.

Ко всем своим достоинствам и недостаткам, Ковальский был еще знатным интриганом, обладая неким извращенным коварством. К женщинам, в силу совкового воспитания, относился снисходительно, позволяя восхищаться собой и своими талантами, не прикладывая особого труда к их завоеванию, они сами за ним бегали. А тут, надо же, Санька, такая вся из себя независимая, и пошла коса на камень. Всеми правдами и неправдами Ковальский пытался Саньку застроить, причмурить, заставить себе в рот заглядывать, плетя всевозможные интриги.

Санька на все это реагировала невозмутимо спокойно, по принципу «собаки лают, караван идет». Ее женскому самолюбию льстило, когда видела, как заводится Ковальский с полоборота при ее появлении. Все хитроумные интриги Ковальского на Саньке не срабатывали, потому как он только начинал, а Санька уже знала не только следующий его шаг, а даже уже всю суть затеваемой интриги. Несмотря на существенную разницу в возрасте, Санька ощущала себя в этой ситуации старой мудрой тетей, которая снисходительно наблюдает за разбушевавшимся подростком.

В один прекрасный день к Саньке в кабинет зашла экономист Марина из подотчетного ей отдела ОТиЗ и положила на стол некую докладную записку. Записка была адресована Саньке как финансовому директору от мастера одного из цехов с просьбой пересмотреть расценки фрезеровщиков. Санька взяла в руки докладную и с удивлением обнаружила на ней резолюцию Ковальского Марине, с указанием изменить расценки в сторону увеличения. Изумленно взглянула на Марину:

— Что это значит?

— Я как раз по этому поводу. Считаю, что вы должны быть в курсе, как Ковальский, минуя вас и моего прямого начальника, раздает распоряжения.

— Да, особенно если учесть, что данный вопрос вообще не в его компетенции.

— Ну, я не вправе обсуждать действия технического директора. Мое дело маленькое: поставить в известность. Так я пойду?

— Да, конечно, можете идти, но докладную оставьте.

— Но, я прямо не знаю...

Было видно, что Марина очень смутилась, причем ее смущение носило какой-то двусмысленный характер. У Саньки появилось ощущение, что Марина никак не может оставить ей докладную.

— Я бы не хотела, чтобы Вячеслав Владиславович узнал, что именно я поставила вас в известность об этой докладной. Он мстительный, у меня могут быть неприятности.

При этих словах Марина попыталась забрать докладную.

— Не переживайте, я все улажу, спасибо за информацию, дальше это уже не ваша компетенция. А переживать не стоит лишь потому, что согласно должностной инструкции вы не можете самостоятельно менять расценки, не согласовав со своим прямым начальством, то есть, в том числе со мной. Поэтому можете смело сказать Вячеславу Владиславовичу, что вопрос на согласовании у Гетьман.

Марина вышла из кабинета, осторожно закрыв за собой дверь. Санька в раздумье разглядывала докладную, размышляя про себя. Смолчать никак нельзя, не получится, это явно провокация. С одной стороны, Ковальский сам отправил к ней Марину, Санька ощущала это каким-то шестым чувством, явно рассчитывая на громкий с ее стороны скандал, чтобы, снисходительно пожав плечом, сказать: «Вот, мол, неменяемая истеричка». С другой стороны, запрос поступил и нужно его рассмотреть и принять решение о расценках. Просто смолчать, так потом никто в грош ставить не будет, зачем она будет нужна, если все вопросы Ковальский запросто решает. Однозначно, плевок в ее сторону. М-да, как же поступить: и скандалить нельзя, и смолчать никак не получится... Вдруг Саньку осенило, подняла трубку прямой связи с генеральным директором. Василий Иванович почти сразу снял трубку.

— Александра, я тебя внимательно слушаю.

— Василий Иванович, если вы у себя, то я бы забежала к вам на пару минут.

— Что-то срочное?

— Ну не так чтобы очень... Просто размышления по поводу структуры управления, ее усовершенствования.

Санька явно знала, чем заинтриговать Василия Ивановича, нравилось ему до жути рисовать управленческие схемы. Реакция была, как и ожидала Санька, очень живой.

— Да, да, конечно, заходи, можешь прямо сейчас.

Через минуту Санька зашла в кабинет Василия Ивановича, в руках держала докладную записку.

— Ну-ну, давай, что у тебя там?

Василий Иванович жестом пригласил Саньку присесть. Санька присела за приставной столик перед письменным столом Василия Ивановича, но докладную отдавать не спешила.

— Ну, Александра, давай, не томи, показывай, что ты там придумала.

— А я и не томлю, просто вот подумала, — Санька перевела взгляд на схему структуры управления завода, которая висела на стене позади Василия Ивановича, — вот смотрите, Василий Иванович, вам напрямую подчиняются два человека — это я и Ковальский, а что, если меня переподчинить не вам, а Ковальскому, а то как-то неудобно получается...

На последней фразе Санька картинно развела руками и, потупив взгляд, положила докладную пред ясное око Василия Ивановича. Он, недоумевая, взял в руки докладную и принялся ее читать, бормоча при этом «что такое, не пойму...». Дочитав до конца, вдруг стал пунцовый, дико сверкнув глазом, взглянул на Саньку, громогласно гаркнул:

— Ч-что-о-о?

Санька нимало не смущаясь, все так же потупив взгляд, виноватым голосом проблеяла:

— Так я что? Я ничего. Это все Ковальский через мою и вашу голову норовит перепрыгнуть.

Василий Иванович завелся еще больше, схватил трубку внутренней связи, набрал номер Ковальского, резко и все так же оглушительно проорал в трубку:

— Вячеслав, немедленно зайди...

Санька в свой черед с напускным смущением в голосе произнесла:

— Так я могу идти?

— Да-да, иди, конечно...

Выходя, перед директорской дверью столкнулась с Ковальским, тот казался крепко озадаченным. Санька, виновато глядя на Ковальского, произнесла:

— Ах, заранее простите, Вячеслав Владиславович, я на вас накапала, это из-за меня Василий Иванович так на вас разозлился.

Ковальский озадачился еще больше, что было видно по отвисшей челюсти, невнятно что-то промычал и зашел в директорский кабинет. Дверь за ним еще не успела закрыться, как Санька услышала оглушительное: «Ты что себе позволяешь? Ты кто здесь такой?».

«Один : ноль», — подумала про себя Санька и плавной походкой, довольная собой, удалилась в сторону своего кабинета.

Когда стычки между Санькой и Ковальским достигли апогея, тот вообще перестал с ней разговаривать, выглядело это со стороны очень комично. Все заводское население с восторгом обсуждало новую интригу, с нетерпением ожидая развязки.

У Саньки забот с каждым днем лишь прибавлялось, с самого утра и до вечера её день был расписан поездками по всевозможным ведомствам, начиная от банков и заканчивая прокуратурой и налоговой. Санька запоминалась сразу, с первой встречи, на районном уровне Саньку знали и уважали все начальники ведомств и подразделений.

Помимо заводской текучки на Саньку взвалились и вопросы глобального масштаба, связанные с приватизацией. Придуманная Санькой схема требовала значительных усилий для реализации, а это были дополнительные встречи и много-много всевозможной писанины. Поэтому без машины Санька уже не могла обходиться. К ней был прикреплен водитель Володя на белых «Жигулях». Во-

лодя был молодой парень, ровесник Саньки, обстоятельный и рассуждающий не по годам. Именно он объяснил Саньке причину крайней раздражительности Ковальского. Оказывается, до появления Саньки именно Ковальский распоряжался, куда послать Володю и кому предоставить «Жигули». Как образно выразился Володя: «Ковальский мог домой посрать в любое время съездить. А тут... вот незадача, нет машины и все».

Однажды утром Санька не обнаружила «Жигули» под своими окнами, позвонила завгару, потому что ей через полчаса необходимо было выезжать. Тот сообщил, что «Жигули» поломались, но если Саньке сильно нужно, то готов ей предоставить микроавтобус. Санька сообщила, что ей все равно, хоть «Камаз», лишь бы ездил.

Через какое-то время, дней через десять, к ней с утра в кабинет зашел завгар. Присев на стуле возле стола, как-то виновато принялся Саньке объяснять, что с ней не желает ездить ни один водитель. Санька крайне озадачено спросила:

— Это почему? Я что, обидела кого?

— Нет, что вы... Не подумайте ничего плохого.

— Так в чем дело?

— Да, понимаете, это все Ковальский...

— В смысле?

— Да в смысле, что требует письменного отчета от водителя, куда с вами ездил, с кем вы встречались и сколько по времени длилась каждая встреча.

— Ему что, делать нечего?

— Вы знаете, он какой-то не в себе... Поэтому я хотел вас предупредить, мало ли что.

— Спасибо.

Разговор Саньку не то чтобы озадачил, голова была забита более весомыми проблемами, было ощущение чего-то мерзкого и неприятного, но работы было много, потому гнала от себя эти мысли подальше. А события развивались и не далее, чем на следующий день вечером вызвал Василий Иванович Саньку к себе в кабинет.

Когда зашла в кабинет, увидала за приставным столом Ковальского, который имел какой-то напыженный и злой вид. Василий Иванович, казалось, наоборот, был в веселом и добродушном настроении, хмыкнув протянул Саньке несколько листов бумаги, исписанной мелким текстом. Санька взяла листочки в руки и с недоумением обнаружила те самые записи, о которых говорил завгар, причем записи были столь подробны, что отражалось буквально каждое Санькино действие в течении дня. Сделав вид, что подробно изучает, Санька подняла глаза и недоуменно поочередно посмотрела на каждого мужчину. Василий Иванович первым нарушил молчание:

— Ну, что скажешь, Александра, в свое оправдание?

При этих словах как-то нервно хихикнул и перевел взгляд на Ковальского. Тот в свою очередь злобно зыркнул на Саньку. А она уже и не знала, то ли ей плакать, то ли смеяться.

— А что тут оправдываться? Разве есть за что? Я что-то не могу понять, это что розыгрыш такой?

Ковальский вдруг взмылся и прошипел...

— Какой такой розыгрыш? Вы, Александра Владиславовна, лучше бы объяснили, по какому такому праву вы узурпировали заводской транспорт?

— А я что, по своим вопросам катаюсь?

Ковальский, видимо, ее не слышал, он уже обращался к Василию Ивановичу:

— Вот сядет на эту машину и ездит, и ездит. Колесо, может, у машины отвалилось, а ей, видите ли, все равно машину подавай...

В образовавшуюся паузу Санька вставила реплику:

— А что же еще на машине делать, как не кататься?

— С вами я вообще не желаю разговаривать.

Складывалось такое впечатление, что от злости и эмоций Ковальскому трудно говорить. Василий Иванович не скрывал своего веселья:

— Ну, Александра, так что же все-таки скажешь?

Саньку вдруг перемкнуло, она вскочила со стула, глядя одновременно на обоих мужчин, заявила:

— Что я могу сказать? Да я много могу сказать, было бы перед кем. Два старых ревнивых идиота.

Последнюю фразу она уже выкрикивала на ходу по направлению к двери. Дверью грохнула так, что закачались косяки. Вроде как Василий Иванович кричал: «Александра, вернись немедленно», но Санька уже ничего не слышала, от возмущения шумело в ушах, глотая на ходу слезы, схватила сумку и мчалась по лестнице вниз.

Утро началось как обычно. «Жигули» стояли под Санькиным окном. Василий Иванович делал вид, что ничего не произошло. Ковальский, небывалый за последние полгода случай, зашел к Саньке в кабинет.

— Александра, здравствуй.

Санька удивленно на него посмотрела, но весь вид Ковальского излучал добродушие.

— Здравствуйте, коли не шутите.

— Отчего ж «шутите». Я вот это подумал, что нам с тобой, Саня, делить? Ведь у каждого из нас свой отдельный кусок работы и зона ответственности.

— И то правда.

— Поэтому давай так: «Кто старое помянет, тому глаз вон».

— Да я и не возражаю.

— Вот и ладно, а то действительно, устроили мы с тобой посмешище на весь завод.

«Посмешище на весь завод устроил ты», — подумала про себя Санька, но вслух сказала:

— Договорились, я не против.

ГЛАВА -21-

Трагические события в далекой Чечне наложили какую-то горькую печаль на всю компанию, разговаривать особо не хотелось. До конца поездки каждый молча думал о чем-то своем, наболевшем. Санька размышляла о превратностях судьбы и силе пропаганды. Это ж надо такое, два сильных, волевых, умных мужика, а так подвержены воздействию пропагандистского, неоднозначного понятия патриотизма. Причем поражало непроходящее ощущение, что в патриотичном порыве Ивана и Константина присутствуют двойные стандарты восприятия действительности. В отношении Ивана больно кольнуло то, каким тоном было сказано, что он, конечно же, патриот своей родины. Получается, память детства напрочь вычеркнута и к Украине, именно с этой позиции, его ничто не привязывает. Санька не выдержала и сказала, тщательно подбирая слова:

— Мы, конечно, с уважением относимся к властям вашего государства, но, возможно, я ошибаюсь, мне просто так кажется, что ваш многоуважаемый Путин сам создает очаги напряженности, что и порождают такие трагедии.

Костя повернулся в Санькину сторону, глядя куда-то мимо нее, произнес:

— ВВП к этой трагедии не причастен.

— Кто такой ВВП? — Озадачено переспросила Санька.

Иван обнял Саньку и ответил за Константина:

— ВВП, Санечка, это Владимир Владимирович Путин. Считается, что политика очень уважают, если называют его аббревиатурой. Только не думай, пожалуйста, что мы во всем с ним соглашаемся и одобряем все его действия.

— А что конкретно вы не одобряете в его действиях?

Иван с Костей многозначительно переглянулись, выражение их лиц указывало, что зря дали волю своим порывам, поскольку не женского ума дело озабочиваться такими высокими материями. Помолчав, Иван все же ответил:

— Хм, понимаешь, Саня, думающим людям в России не очень нравится ВВП, но открыто критиковать его на публику — это не-

правильно, он все же глава государства. А не нравится нам, что богатейшая страна живет нище, что ничего не делается для укрепления экономики, что проедаются ресурсы, и Россия есть просто сырьевой придаток мирового экономического хозяйства.

Уже в номере Санька, понимая философское настроение Ивана, попросила:

— Ванечка, расскажи о себе, мне все про тебя интересно.

— Что, дитя мое, тебе еще поведать?

— Все, что считаешь нужным, расскажи, как ты женился.

— А ты знаешь, я действительно мог жениться на совсем другой женщине. После скандала с моей первой любовью я уехал в Херсон и поступил там в техникум. Естественно, у меня возник роман. Мы собирались пожениться, даже договорились, что поедem на каникулах каждый к своим родителям и предупредим их, а уже потом вместе заедем к каждому домой, чтобы познакомиться и определиться с днем свадьбы.

Я приехал в Запорожье, иду как-то по улице, смотрю, стоят мои одноклассники, а среди них — Танюха моя. Я знал, что была она в меня влюблена еще с класса пятого, короче, не смог пройти мимо. А дня через два понял, что жениться буду только на Танюхе, пообещал ей, что приеду в Херсон и сразу все расскажу своей херсонской невесте.

Приезжаю я в Херсон и обнаруживаю, что моя несостоявшаяся невеста сильно заболела, у нее тяжелейшая форма пневмонии. Не смог я сразу ей сказать, что свадьбы не будет. Две недели я не отходил от нее, выходил и только после этого сказал, что, мол, прости, ничего у нас не получится. Для нее это был страшный удар, она чуть было снова не слегла.

— Неужели твоя Татьяна так умудрилась тебя за два дня впечатлить? Ты ж, получается, не замечал ее все годы вашей учебы, ну как минимум два—три года старших классов, а тут так впечатлился, что напрочь забыл о своей невесте.

— Ты понимаешь, сам все время удивлялся, как так произошло. Я ведь первых лет десять вообще никаких других женщин не замечал.

— И что такого произошло, что тебя так понесло в разгул?

— Да ничего особенного. Просто жили мы в закрытом военном городке в чужой стране. Моего близкого друга убили, я все утешал и старался поддержать его вдову, осталась она одна с двумя малыми детьми. Так доутешался, что не сдержался, понимал, ей не хватает, а моей жене меня всегда было много. Так вот я и подумал, что большого греха не будет, той для здоровья надо, на моей жене это никак не отражалось. Оказалось, что для здоровья надо чуть ли не половине женского населения городка, короче пошла веселуха... Но недолго музыка играла, моя жена, хоть и последней, но все же узнала о таких моих подвигах, скандал был страшный, грозились накатать на меня телегу замполиту. В тех условиях это могло закончиться довольно плачевно. Не написала, я поклялся, что никогда больше не повторится, но, конечно же, уже больше никогда не был верным мужем, просто стал осторожней.

— Вань, а можно нескромный вопрос?

— Задавай.

— А ты свою жену любишь?

Возникла пауза, Иван молчал, было видно, что перебирает что-то в памяти, ищет, что ответить.

— А ты знаешь, сам не знаю. Я ведь уходил несчитанное количество раз, но каждый раз возвращался, причем сам затрудняюсь объяснить, почему. А почему ты спросила?

— Ну, понимаешь... по меньшей мере странно хотеть ребенка от определенной женщины, любя другую.

— Ты это серьезно?

— Вполне, я-то понимаю, как я к тебе отношусь, а вот понимаешь ли ты, и как ты ко мне относишься, для меня большой вопрос.

— Сам себе его постоянно задаю, знаю лишь одно: для меня ты очень близкий человек, не представляю, как я буду жить, если в моей жизни не будет тебя, первый раз за много лет меня абсолютно не тянет к другим женщинам.

Санька опустила взгляд, не найдя, что ответить. Чувства в ее душе бушевали довольно противоречивые: от всепрощающей

нежности и беспредельного обожания до самобичевания от резкого отрицания каких-либо чувств по отношению к ней со стороны Ивана. Поборовшись мысленно сама с собой, решила не усложнять, принимать ситуацию такой, какая есть, все сложности оставить на завтра. Посему улыбнулась таинственно, подошла к Ивану, обняла за плечи и произнесла:

— Принимаю как комплимент в свою сторону, люблю тебя, и, если мне суждено еще родить ребенка, хочу, чтобы это был мальчик, похожий на тебя.

Иван глухо охнул, сжал Саньку в объятиях, закопался лицом в ее волосы.

В эту ночь близость между Санькой и Иваном была как-то особенному полна нежности, трепетной чувственности и какой-то болезненной тревоги предстоящего расставания.

Утром Санька отвезла московских гостей в аэропорт, проводив, отправилась в университет на пары.

Настроение у Саньки было немного грустное, но в целом хорошее, несколько приподнятое. Лекцию прочла на одном дыхании, в аудитории присутствовало ощущение тотального внимания и рабочей заинтересованности, студенты задавали множество вопросов. Санька со вкусом, смакуя каждый ответ, вплетая в них забавные истории из жизни, с особым чувством наставничества вальяжно отвечала на каждый заданный вопрос. Отдача от студентов ощущалась почти на физическом уровне, Санька расслаблялась, получая удовольствие от общения и ощущения, что сеет разумное, доброе, вечное.

По дороге в офис пребывала в ощущениях удовлетворенности от жизни и от самой себя, но где-то в глубине на подсознании, ощущала легкую тревогу. Причина тревоги была непонятна, что, собственно, хоть и не значительно портило Саньке настроение.

В офисе все было как обычно, народ деловито общался, перемещаясь из кабинета в кабинет. К Саньке в кабинет с криком «шеф, все пропало» влетела Ленка.

— Ты чего орешь? Сядь, отдышись и внятно объясни.

— Некогда «внятно объясни», у наших «Соте», ну те, что кожи

обрабатывают, крупные неприятности, полчаса назад к ним с обыском пришли, причем там какой-то жесткач, никого не выпускают и не выпускают.

— Гм-м, сегодня пятница, и уже почти пять вечера, явно рассчитано на то, что никто не дозвонится и не достучится. Заказуха еще та... Сейчас подумаю и решим, что делать. Ты им звонила? Кто хоть к ним появился?

— Звонила. Вроде как налоговики. Только после того, как их директор Гена с обычного телефона сообщил, что срывают панели, больше дозвониться не смогла. Просто жуть какая-то... Может кофе? Ну чтоб лучше думалось?

— Давай, и готовь копию договора на адвокатское обслуживание, копию моего адвокатского свидетельства, через 15 минут буду выходить.

Санька сидела и размышляла. Производство по обработке кожи имело свою специфику. Все закупки производились в основном у населения, соответственно, учитывая специфичность образования налога на добавленную стоимость, при оплате за кожу не имело так называемого «входящего НДС». При реализации уже обработанной кожи на территории Украины при таком раскладе со всего объема выручки нужно оплатить 20 процентов НДС, что для предприятия не просто больно, а делает его неконкурентоспособным, вымывает оборотные средства, попросту деньги, необходимые на текущие нужды.

Учитывая все эти нюансы, предприятия, занятые переработкой кожи, старались всеми правдами и неправдами заполучить «входящий НДС», рисуя его приход не от населения, а от так называемых «фиктивных фирм». Доказать, что предприятие преднамеренно приобретало у фиктивной фирмы было для правоохранительных органов не то чтобы уж совсем невозможно, но очень близко к тому. Доказать сговор без четких материалов ОРД (оперативно-розыскные действия) никак нельзя, если кто-то сам на себя не наговорит, что «вступив в злочинну змову з метою ухилення від сплати податків». Поэтому основная линия защиты строилась на недопущении самоговора и доказательства реальности проведенных закупок.

Санька хорошо понимала, в офисе предприятия ничего компрометирующего не найдут, и что менты также это понимают. Все действия налоговиков при проведении обыска в жесткой форме направлены на два момента. Во-первых, запугать, склонить должностных лиц дать необходимые показания, которые сами их выдадут, во-вторых — подвинуть к мысли о необходимости вступить в переговоры.

В этой ситуации звонить кому-либо и просить прекратить проведение обыска абсолютно бессмысленно, так как обыск уже начался, испуг клиент уже получил, максимум, что можно сделать — это заставить проводить следственные действия в правовом русле. Опять же, звонить кому-то в пятницу вечером и просить кого-то застроить более чем проблематично, гораздо проще выполнить прямые обязанности адвоката и разобраться на месте. Желания особого у Саньки куда-либо ехать в пятницу вечером, конечно же, не было, но работа есть работа, и у адвоката также имеется профессиональный долг.

Пока размышляла, кофе допила, зашла Ленка, занесла договор на услуги адвоката, хоть и без особого желания, Санька выдвинулась в сторону офиса клиента.

На проходной предприятия было полно ментов в черной униформе с надписью на спине «МІЛІЦІЯ». Нервозность и страх неопределенности висели в воздухе.

Санька с деловым видом подошла к тому, кто больше всех говорил, вроде как руководил процессом, протягивая удостоверение адвоката, заявила:

— Адвокат Гетьман Александра Владиславовна, будьте так любезны, представьтесь, пожалуйста, а также, если вас не затруднит, поясните, в связи с чем столь агрессивные действия?

Милиционер, к которому обратилась Санька, был не старше тридцати, коротко стриженный, с цепким взглядом серых глаз. Окинув Саньку слегка обалдевшим взглядом с ног до головы, она же была как всегда на шпильках и в короткой юбке, довольно грубо заявил:

— И как мне стать, хм... адвокат Гетьман?

— Стать можете так, как вам будет угодно, но главное, чтобы

мне было удобно с вами разговаривать, а то не все позы предполагают ведение делового разговора.

Стриженный махнул головой, ухмыльнулся, причем во взгляде появился хорошо знакомый Саньке пошлый блеск, с вызовом глядя Саньке прямо в глаза с нахальной ухмылкой, продолжил:

— А я бы прям с удовольствием развил бы с вами тему о позах, вот место не столь подходящее, а так хоть сейчас...

— Не совсем понимаю, о чем вы, думаю, ваш юмор прямо здесь и сейчас не уместен. Я все же хотела бы знать, с кем имею честь общаться, и что послужило причиной вашего появления в гостях у моего клиента?

— Значит, хотели бы? А что еще бы вы хотели?

— Вы не ответили на мой вопрос, молодой человек, я бы все же хотела, если вас так интересуют мои пожелания, узнать ваше имя и звание.

— И все?

В голосе стриженного слышалась не скрываемая издевка, стоявшие рядом менты притормозились, прислушиваясь к разговору, некоторые из которых даже гикнули в ожидании шоу. Санька шумно вздохнула полной грудью, с вызовом грациозно выдвинула правую ногу, демонстрируя высоту шпильки. Учитывая достаточно высокий рост Саньки и высоту шпильки, Санька была ростом вровень со стриженным.

— Я могу понять ваши эмоции, молодой человек, но хочу вам напомнить, вы здесь на работе и я также, посему будьте так любезны, откройте страшную тайну вашего имени и вашего звания, а также причину вашего явления.

— Значит так, следственные действия уже начаты, я как следователь, который проводит следственные действия, не считаю нужным допускать кого-либо на территорию проведения следственных действий.

— Ну, молодой человек, как грозно выступаете, вы что, девушки испугались? А еще пять минут назад готовы были хоть на край света... Может, все же признаетесь, как зовут-то? Я ведь представилась, а вам что, слабо?

Санька, ехидно улыбаясь, демонстративно поставила руку на бедро, изображая модель, только что сошедшую с подиума.

Было очевидно, что молодого следователя накрыла буря эмоций, одним глазом скользил по стройному Санькиному силуэту, другим глазом, казалось, хочет Саньку испепелить. Чувства в душе стриженного бушевали не детские и весьма противоречивые.

— Вы что вообще себе позволяете?!

В голосе следователя звучала плохо скрываемая агрессия. Санька, ничуть не смутившись, приблизилась к раздраженному мужчине практически вплотную, так чтобы до того долетал запах Санькиного парфюма. Наклонившись в его сторону, глядя как бы сверху, при этом прикрыв слегка веки, с легкой поволокой во взгляде, томно грудным голосом не спеша произнесла:

— А как же разговор о позах, а то я уже вся в интриге, а вы...

Санька резко отклонилась, развернулась вполоборота и глядя уже из-за плеча, капризно изгибая губу, добавила:

— Не желаете даже имя мне свое сказать... Фи, какой гадкий мальчик.

Все, кто стоял рядом, грохнули от смеха. Было очевидно, агрессия стриженного становится явно неуместной, это понимали все, в том числе и сам стриженный. Он шумно вздохнул, так тяжело ему сдерживаться, и с напрягом в голосе заявил:

— Капитан милиции следователь по особо важным делам Романюк Максим Владимирович. Честь имею, — изобразил нечто поклона легким кивком головы.

— Приятно познакомиться, имею такую надежду, Максим Владимирович, что мы найдем взаимопонимание и не будем друг другу доставлять неприятности. Вы же, предполагая, не относитесь к категории «а баба Яга против»?

После этих слов Санька просто спиной ощутила одобрительное «гы-гы» стоящих позади ментов, решила дожимать ситуацию, понимая, что тоненькая ниточка сомнения в правильности своих действий у Максима Владимировича Романюка вот-вот лопнет, и, не давая шанса возразить, тут же продолжила:

— И не будете давать мне возможность иметь доказательную базу в суде на предмет «позбавлення права на захист». Я ж так розумію, маю справу з цивілізованим працівником правоохоронних органів?

— Если желаете присутствовать при обыске, предъявите договор и документы.

Следователь Романюк уже явно справился с бушевавшими эмоциями, очень уж не хотелось ему выглядеть не цивилизованным, а еще больше смешным, взгляд опять стал резким и деловым.

— Да-да, сейчас.

Санька достала из портфеля папку с договором. Протянула договор следователю. Тот взял документы, деловито изучил, с прищуром посмотрел на Саньку.

— Здесь сказано, что вашим клиентом является Павшуков Геннадий, в постановлении о возбуждении уголовного дела такая фамилия не фигурирует. Как быть в этом случае?

Романюк явно ощущал себя уже победителем. Санька пожалала плечом, ничуть не смущаясь, ответила.

— Павшуков Геннадий — директор предприятия, которое вы, как я понимаю, уважаемый Максим Владимирович, пришли обыскивать. Опять же, вот он и сам, собственной персоной, — Санька кивнула Геннадии, который стоял возле лестницы, держась за перила, в полуобморочном состоянии, явно плохо воспринимая происходящее.

— Откуда вам известно, что именно это предприятие мы пришли обыскивать, по данному адресу в базе числится как минимум еще три предприятия.

Романюк явно не желал сдаваться. Санька мило улыбнулась:

— Так, мне мой клиент об этом сообщил. Впрочем, если для вас это столь существенно, то вот вам договор с ТОВ «Соте», — сказала Санька с самой милой улыбкой, на какую была только способна, при этом как бы виновато глядя из-под опущенных ресниц снизу вверх на следователя.

Следователь вдруг сменил гнев на милость, улыбнулся Саньке в ответ:

— Ладно, я вас допускаю для участия в следственных дей-

ствиях, но хочу предупредить: если будете вмешиваться и мешать следствию, меры будут предприняты достаточно жесткие.

— Что значит «будете вмешиваться»? Я как адвокат в защиту своего клиента имею все права, оговоренные в УПК, вот в рамках УПК и буду «вмешиваться».

— Если в рамках УПК, то так уж и быть, валяйте...

Обыск закончился в аккурат после полуночи, все порядком устали. У Саньки за время обыска произошло еще как минимум три стычки с Романюком. Под конец следственных действий, во время оформления протокола обыска, противостояние достигло апогея. Санька возжелала внести в протокол свои замечания, Романюку это явно не понравилось, и он пытался вырвать у Саньки протокол, последняя страница которого в процессе перепалки порвалась, пришлось переписывать. Когда все закончилось, все так устали, что даже не было сил на эмоции. Обменявшись телефонами, Санька, наконец, распрощалась со следователем и уехала домой.

ГЛАВА -22-

Может, и работала бы Санька на заводе до глубокой старости, да, видать, для ее свободолюбивой натуры слишком тесны становились рамки ревностного отношения Василия Ивановича, обремененные завистью тех, кому казалось, что и «они бы тоже так смогли». Санька умудрялась не слышать сплетен за спиной, упрямо идти вперед, натываясь на преграды, ломая и преодолевая их, несмотря ни на что.

Ближе к лету на завод пришел на работу новый менеджер по продажам. Это был молодой, лет тридцати, высокий парень приятной внешности по имени Сережа. Как-то он обратился к Саньке с просьбой помочь его другу оформить в банке кредит, по тем временам задача повышенной сложности, в особенности для представителя малого бизнеса, коим был Олег, с яркой фамилией Одесит, друг Сергея. Санька сказала, что вряд ли готова выступить таким посредником, однако предложила свою помощь в составлении пакета документов, необходимых для получения кредита.

Кредит Олегу был необходим на закупку оборудования для его мини-завода по переработке молока. Санька с удовольствием принялась вникать в новую для нее технологию. Изучив баланс его предприятия, обратила внимание, что основные средства не были проиндексированы, соответственно, валюта баланса была очень низкой. Посоветовала проиндексировать и сдать в органы статистики новый, уже откорректированный баланс.

Очередной ревнивый выпад Василия Ивановича привел к тому, что Санька швырнула заявление об уходе и ушла, ушла в никуда, просто ушла потому как устала от постоянного прессинга и банального недосыпания.

Василий Иванович бушевал и требовал возврата на предмет «вернись, неблагодарная, я все прощу». Как-то позвонил и начал обиженным тоном жаловаться на налоговую, которая что-то от завода хочет, Санька по инерции начала рассказывать, что необходимо сделать и как документально обезопасить предприя-

тие. Василий Иванович прервал Саньку на полуслове, пафосно произнес.

— Александра, ты должна!

— Что должна? — Опешила от неожиданности Санька.

— Как что? Прийти и разобраться.

Тон у Василия Ивановича был командный. Фраза «Прийти и разобраться» звучала, как приказ, который не подлежит обсуждению и должен быть немедленно исполнен.

— Это еще почему? — Недоуменно переспросила Санька.

— Как почему? Ты еще и спрашиваешь? Все бросила посреди дороги, развернулась и ушла. А нам что делать?

— Ничего особенного, работать дальше. Я так слышала, вы приняла на работу нового финансового директора.

— Ну вот, ты должна прийти и рассказать новому финансовому директору алгоритм взаимодействия с налоговой.

Санька аж поперхнулась от такой наглости, значит она «должна прийти и проконсультировать» наглую тетку, которая, придя на ее место, рассказывала всему заводу, что Санька, «эта малолетняя пигалица», делала все не так.

— Знаете, уважаемый Василий Иванович, хочу вам напомнить: я больше у вас не работаю, денег за свои консультации не получаю, и вообще, всех, кому я должна, я давно уже простила.

Было слышно, как на противоположном конце провода от возмущения уже захлебнулся Василий Иванович.

— Александра, я тебе этого не прощу.

— Всю ночь буду обливать слезами подушку, думая о вас.

В ответ прозвучало нечто нечленораздельное, после чего пошли короткие гудки.

Позже ей рассказывали, что Василий Иванович с возмущением всем подряд на заводе рассказывал, как «неблагодарная» Александра заявила ему, что «все простила», как во всех службах пытались выявить «агентов Гетьман», а на проходной завода вывесили приказ: «Не пускать Гетьман на территорию завода». Саньке от всех этих рассказов было смешно и немножко грустно одновременно.

Ковальский, к Санькиному удивлению, стал на заводе ее яростным защитником и добрым другом, частенько позванивал и делился заводскими новостями.

Первые две-три недели после увольнения Санька отсыпалась и развлекалась, упиваясь полученной свободой. Эпизодически перебиваясь случайными заработками, столкнулась с вполне взрослыми рэкетирами. Санькина бесшабашность и отчаянность вкупе с чисто женским обаянием пленила и этих «рыцарей» биты и кастета. Один из них объяснял, для чего нужен рэкет. Выглядело это приблизительно так:

— Вот занимаешься ты бизнесом, тебе защита нужна.

— Какая такая защита? От кого?

— Ну как, ты что, не понимаешь? Вот есть у тебя ларек, работаешь, денюжку зарабатываешь, а тут приходит какой-нибудь штымп и денег у тебя требует, ты берешь, зовешь меня, и я тебя от него защищаю.

— Ага, и плачу, значит, деньги не какому-нибудь штымпу, а тебе, причем на постоянной основе.

— Ну зачем ты так, я ведь тебя защищаю, а штымп обидеть может, не дай бог еще и покалечит.

— Покалечит, если деньги откажусь давать, я правильно понимаю?

— Ну да, и я тебя от него защищу, и ты ему уже ничего не должна.

— Ага, ему не должна, а тебе ведь должна и причем, на постоянной основе.

— Ну опять ты за деньги. Я ж тебя по дружбе в первую очередь защищаю, а уже потом за деньги.

— Но за деньги?

— Фу-ты, ну-ты, как я устал с тобой разговаривать. Ты ведь деньги зарабатываешь, когда, к примеру, в ларьке торгуешь, а я, когда тебя защищаю.

— Да, но получается, что защищаешь от таких, как ты сам.

— Ну да.

— Ну так, именно, и зачем вы мне сдались? Что такого полезного от вас бизнесмену?

— Ну как что? Защита.

— Ага, от тебя самого, идите-ка вы лесом, такие красавцы...

— Сань, обижаешь.

— Ага, ты еще забыл добавить: честных тружеников в спортивной форме «Адидас» с кастетом в кармане.

Уже недели через три Санька стала ощущать нехватку деловой активности, пришло понимание: «Треба щось робить, гроші так не платять». Посидела, подумала, чем бы себя занять, вспомнила про Олега Одесита. Веселый парень, полностью соответствует своей фамилии, решила позвонить, спросить, что у него там с кредитом, набрала телефонный номер, Олег снял трубку:

— Привет, как жизнь молодая? — Приветствовала Санька.

— И тебе привет, вроде ничего себе. Почему обо мне вспомнила?

— Да хотела поинтересоваться, что там у тебя с кредитом, получилось оформить?

— Да нет, как-то не очень, говорят, что нет у меня кредитной истории, в банке не хватает кредитных ресурсов, да и в залог описать особо нечего, у меня ж очень немного основных средств на балансе, и те неиндексированные.

— Что значит «нечего»? Ты ж кредит под оборудование берешь, его можно в ипотеку оформить.

— А что, так разве можно?

— Не просто можно, я бы сказала, что нужно, да вдобавок индексацию сделать, валюта баланса серьезно возрастет, раза в три.

— Сань, а ты помочь можешь?

— Да, собственно, оттого и звоню.

— Ты не переживай, я оплачу твою работу.

— Было бы очень кстати.

— Я, конечно, не твой завод, но все же, если бы я набрался наглости и попросил прийти ко мне на работу, то ли главбухом, то ли финансовым директором, на какую зарплату ты бы согласилась?

— Спасибо за предложение, бухгалтер, неважно какой, точно не мое, усидчивости не хватает. Финансовым директором можно, а зарплата, ну хотя бы в эквиваленте 150—200 долларов.

— Двести точно не могу, 150 буду стараться, а 100 гарантирую.

— Ну что ж, как минимум на первое время я согласна, а там дальше будет видно. Давай тащи все, что у тебя есть, буду заниматься твоим кредитом.

— Ну, тогда с меня поляна, уже собираю все свои бумажки и мчусь к тебе.

Надобно отметить, что в далеком 1994 году не то чтобы взять кредит, счет в банке открыть была целая проблема. Во-первых, счетов могло быть не более двух, один из которых основной, во-вторых, банковская система СССР не была рассчитана на стремительное развитие предпринимательства постсоветского периода. Банки были перегружены, операционная система с трудом справлялась со стремительно возросшим числом клиентов.

Взращённая в советское время система «везде должны быть свои люди» работала без сбоев и в период развала Союза и после. Санька, в силу своей харизматичной натуры, привлекала и завоёвывала симпатии практически всех людей, с кем сталкивалась, в том числе и по рабочим вопросам, поэтому, несмотря на юный возраст, «свои люди» были везде.

Банков в 1994 году было раз-два и обчелся, то есть это были еще те банки, которые достались от Союза, такие как правопреемник Внешторгбанка Украэксимбанк, правопреемник Промстройбанка Проминвестбанк, правопреемник Сбербанка Ощадбанк, да, кажется, и весь набор. Работая в райфинотделе, Санька раззнакомилась с районным отделением Проминвестбанка, а работая на заводе «Зоря» познакомилась уже с республиканским руководством этого банка. Поэтому первым делом на следующее утро пошла в районное отделение Проминвеста на разведку.

Разведка боем показала, что кредит получить вроде как и можно, но нужно о-очень постараться. Главный бухгалтер отделения Людмила Петровна, разбитная, бывалая тетка лет 45, к

Саньке относилась очень хорошо, взяла ее за руку и пошла с ней к управляющему просить открыть счет. Предварительно Петровна предупредила, что б Санька пока о кредите не заикалась. В тесном маленьком кабинетике Санька с Петровной уселись на стульчиках перед столом управляющего. Санька начала издалека.

— Здравствуйте, вы, наверное, уже слышали, поменяла я место работы, хотели бы в вашем отделении открыть счет для нашего малого предприятия.

— Радий вас бачити в наших краях, але в нас на сьогодні відкрито майже дві с половиною тисячі рахунків, тоді коли відділення розраховане на півтори.

Петрівна різко провела рукою:

— Та ти що, не розумієш, їй їздити буде далеко, одним більше, одним менше, різниці ніякої.

— Та в нас підприємство маленьке, навантаження не буде, операцій мало, — Санька і собі втрутилася в розмову.

Управляючий трохи помовчав, щось собі промугикав і відказав:

— Ну добре, якщо мало, Петрівна, відкривай їй рахунок, просить же.

В тот же день Санька оббежала директоров торгов в районе и попросила заключить с ней договор на поставку молочных продуктов. Директора, не сговариваясь, дружно пошли на встречу, все для того, чтобы поддержать Саньку. На следующий день Санька занялась документами, балансом и технико-экономическим обоснованием. По вводным данным, которые дал Одесит, получалось все очень даже здорово: сумма кредита окупалась всего за один год. Санька была довольна собой.

Еще через день Санька пришла в отделение и заявила, что желает положить в депозит деньги, которые якобы должны прийти как предоплата, уже знала от Петровны, что своих ресурсов в банке более чем достаточно. Управляющий тут же замахал на Саньку руками, мол, что ты, что ты, у нас своих ресурсов столько, что не знаем, куда девать. Санька скорчила расстроенное лицо и тихонько удалилась.

На следующее утро вбежала в кабинет управляющего с криком «я придумала», коль скоро у вас так много кредитных ресурсов, то выдайте нам кредит на закупку линии, поскольку денег, которые ожидаются на линию, не хватит, а то просто выхода нет, придется открывать депозит. Управляющий опешил, Санька, не дав опомниться, затараторила, развивая успех неожиданного нападения. И у нее таки получилось...

Для принятия окончательного решения управляющий перезвонил всем, кому мог: от управляющего центральным отделением ПИБ до бывшего Санькиного начальника — заведующего райфиннотделом. Получив от всех одобрение, что Санькина репутация позволяет доверять ее обещаниям, управляющий принял положительное решение. Причем начальник кредитного отдела центрального отделения заявила: «Если Гетьман пообещала, то можно не сомневаться, кредит будет возвращен».

Как раз в это время обкатывался закон «Про заставу», Санька убедила заключить этот договор, положив в залог, как и то оборудование, которое было у Одесита на балансе, так и вновь закупленное за кредитные деньги. Часть денег осталась на счету предприятия.

Кроме нее, у Одесита работал некий Володя, который вроде как был заведующим производством, но выполнял непонятную для Саньки функцию, вроде как обещал обеспечить защиту бизнеса.

Примерно на второй–третий день Одесит пришел к Саньке с многочисленными гематомами и ушибами по всему телу, объяснил, что катался на мотоцикле и упал. Санька сильно удивилась таким многочисленным ранам всего от одного падения, но ничего не сказала.

Еще через некоторое время Одесит попросил Саньку найти три тысячи долларов под десять процентов в месяц на срок три месяца. Санька поинтересовалась: «Зачем?», Олег ей ответил, что, мол, одному его хорошему другу надо, причем тот готов заплатить пятнадцать процентов в месяц. Санька, недолго думая, позвонила

Роме и попросила у него займы. Рома сказал, что его не интересует, куда и зачем, у него только один вопрос, сама Санька напишет ли расписку. Санька заявила, да, конечно. Рома тут же ответил, что приезжай после обеда и забирай.

А через месяц, когда Санька попала в больницу с сильнейшим воспалением, проведать ее наведалься Одесит и заявил:

— Сань, я должен тебе признаться, деньги, которые я одолжил — невозвратные, я соврал тебе. Я не падал с мотоцикла, это рэкет вывез меня в лес, привязали к дереву и избили цепями, я все деньги отдал им.

Санька так опешила, что минут пять не могла ничего произнести, помолчав, посмотрела на Олега с упреком и спросила:

— Зачем ты меня обманул, я ж ведь остальных, получается, обманула? Ты ж знаешь, я могла обратиться к ментам, сбущникам, еще к кому-нибудь.

— Они угрожали изнасиловать жену.

Санька тут же представила перепуганную, заплаканную Лену в разодранной одежде, Олега, привязанного цепями почему-то к сосне, и братков в спортивных костюмах с «добрыми» лицами, с полным отсутствием интеллекта, зато агрессивных и наглых, с битами в руках... Стало жутковато и просто страшно, Санька пере-дернула плечом, во рту пересохло, язык казалось прилип к небу. С трудом произнося слова, спросила:

— Ну, а сейчас почему ты пришел и сказал правду?

— Они опять требуют денег.

— Да уж, получается «за что боролись, на то и напоролись»... И что ты решил?

— Я вывез жену с ребенком к теще в другой город. Пришел предупредить, если со мной что случится, чтобы ты знала. Денег ведь больше все равно нет.

Помолчали, после недолгой паузы, Олег еле слышно произнес:

— Кто меня сдал рэкету, ума не приложу?

Санька молчала, переваривая услышанное, глядя перед собой в одну точку, произнесла:

— Послушай, мне давно не нравится твой Володя. Получается, о том, что ты получил кредит, знали только я, ты и Володя, и сразу же прискакал рэкет.

— Нет, что ты, этого не может быть.

— Почему «не может быть», очень даже может быть.

— Не могу я поверить, что он мог меня так запросто вложить, зачем ему это?

— Как зачем? За шкафом. Может он изначально как наводчик у тебя сидит. Ты ж мне рассказывал, что он тебя с Киселевскими знакомил.

— Да, было дело... Но я ж согласия никакого не давал, ничего никому не обещал, говорил лишь, если заработает и у меня будет необходимость, то тогда и приду.

— А они посчитали, что таковая необходимость уже пришла, как минимум у них, потому решили прийти к тебе сами...

Возникла неловкая пауза, Олег молчал, глядя куда-то мимо Саньки, вздохнул, и все так же, не глядя на Саньку, продолжил:

— Ты знаешь, сейчас кредиты никто не отдает, может, перекроемся за счет остатков кредита, ты ж документы не подписывала, значит, ни за что не отвечаешь.

— Ну, знаешь, что! — Санька от возмущения аж поперхнулась. — Да, я документы не подписывала, но у меня в мои 25 лет есть уже наработанное имя, именно благодаря этому тебе дали кредит. Ладно, я все поняла, езжай к семье, завтра я выпишусь из больницы и что-нибудь придумаю. Да, кстати, немаловажная деталь — не сообщай Володе, куда ты вывез семью и то, что ты мне все рассказал.

Олег ушел, Санька вернулась в больничную палату, внешне выглядела спокойной, но спокойствие было лишь внешним. Санька села на подоконник, глядя в окно, и принялась рассуждать. Сказать, что ситуация плохая — не сказать ничего. Кредит, взятый в банке, под вопросом, объемы, задекларированные Олегом, не соответствовали действительности, по состоянию на сегодня завод перерабатывал из десяти возможных тонн молока в день лишь

четыре–пять, заработанных денег едва хватало на проценты и то не в полной мере. Деньги, взятые Санькой у Ромы, однозначно рэкет не вернет. Вопрос: будет ли возможность вернуть Роме деньги, да еще и с процентами, выглядел вообще как риторический. Первое, что нужно сделать — это завтра пойти в банк и написать письмо об отсрочке погашения кредита и приостановке начисления процентов. Нужно было еще хорошо подумать, какую версию преподнести в банке, чтобы не испугать и не нарваться на репрессии. Единственной утешительной мыслью была мысль о том, как все же хорошо, что заставила оформить залог.

Больше всего пугала мысль о рэкете, эти просто так, сами по себе не отстанут. Перебрала в памяти всех своих знакомых. Привлечь кого-нибудь из силовиков? Наверное, да, но кого... Думай, Саня, думай...

ГЛАВА -23-

Дома дочь уже видела десятый сон, Виталик дремал на диване перед телевизором. Санька устало присела в кресле рядом с диваном, взяла пульт, попыталась переключить на что-нибудь музыкальное. Виталик, тряхнув головой спросонья, перешел из горизонтального положения в вертикальное, зевая присел, глянул на Саньку:

— Що, Киця, втомилася?

— Та є трохи...

— Може, чайку?

— Я не проти.

— А їсти будеш?

— Сама не знаю, так втомилася, що навіть язиком ворухити лїньки.

— Ну, я тоді тобі сирочок до чаю поріжу.

Санька молча с благодарностью кивнула Виталику, тот уже был на полдороге на кухню. Мысленно поискала угрызения совести на предмет «как же такая забота, а она взяла и изменила». Вины перед Виталиком, несмотря на мотивированное самокопание, Санька никак не ощущала.

Жила с Виталиком вот уже пятый год, знала его уже как облупленного, могла предугадать любую его реакцию. Для внешнего мира они с Виталиком смотрелись почти идеальной парой. Но сколько усилий стоило Саньке это самое «почти», от подсовывания Виталику всевозможной мотивационной литературы и душещипательных бесед на тему «ты ж хороший и не можешь так себя вести», до резких встрясок и ультиматумов про снятие с довольствия и выдворения из своей жизни.

Виталик Саньку уважал и, наверное, любил, если вообще это слово к нему применимо, так как поверхностное отношение к жизни не предполагало высоких чувств. Вся чувствительность Виталика сводилась к крылатым фразам, почерпнутым из уважаемых источников и чувственности в отдельно взятой постели. Причем Саньке всегда казалось, что к ее постели Виталика привязывает

чувство благодарности чисто материально-гастрономического свойства, ну не создавал Виталику еще никто такого удобства.

Иногда Виталика несло, он начинал верить в те сказки, которые сам про себя рассказывал, в том числе и впечатлительным девицам. Девы под впечатлением от такого «самодостаточного мужчины» начинали ломиться к Саньке в дом для выяснения отношений. Будучи великим вруном-сказочником, Виталик про Саньку малознакомым особям женского пола рассказывал, что она его тетка, Ольга соответственно, двоюродная сестра, а он — благодетель, помогает родимой тетке справиться с житейскими трудностями. Тетка строгая, потому как прокурором работает, взяла обет перед мамочкой Виталика держать его в строгости, поэтому он хоть и мужчина свободный, но не совсем, всегда ночует дома и один в своей постели.

Санька от таких его художеств по вполне понятной причине приходила в ярость, пытаясь прекратить какие-либо отношения. Виталик тут же падал на одно колено, посыпал голову пеплом, забрасывал любимыми розами и клялся, что уж этот раз точно последний. Самое нелепое было то, что как только Санька прощала, он тут же начинал по новой, просто лучше маскировался. За годы совместной жизни Санька не просто за версту чуяла очередное Виталика похождение, ей еще мог присниться сон, в котором могли быть подробности такого блуда Виталика. Это давало ей возможность уже с точным знанием имени и неких подробностей жесткого наезда еще до того, как что-то случилось более серьезное, чем чашечка совместно распитого кофе в уличном кафе. Виталик тут же ретировался, хлопал глазками, пытаясь выдавить слезу раскаяния, с воплями «Киця, як ти могла таке про мене подумати, ти в мене сама любима, дорога...», надо отдать должное, что не повторялся, в следующий раз это могла быть только уже какая-то другая Галя.

При всем при этом Виталик пытался Саньку еще и застроить, рассказывая ей, что такого чуда, как он, она больше никогда не встретит, но терпеть будет его до пенсии. На вопрос «почему до пенсии?», неизменно отвечал, абсолютно даже не замечая бестакт-

ности такого ответа: «Потому, что потом никому не нужна будешь». Вот не нравилась Саньке такая перспектива...

Саньке хотелось нормальной семьи, не бутафорской, не виртуальной, а именно настоящей, где муж и жена поддерживают и понимают друг друга, где нет необходимости притворяться, что чего-то не видишь или не знаешь. Где два любящих и уважающих друг друга человека имеют общие интересы и увлечения, где совместная жизнь не борьба за пальму первенства, а уважение мнения супруга и понимание, что каждый имеет свое мнение и пространство, которое нельзя ограничивать. Совместная жизнь с Виталиком научила Саньку терпимости и понимания партнера, того понимания, которого у нее не было в юности. К сожалению, понимание и терпимость в отношениях проявляла только Санька, Виталик воспринимал любые рамки как вынужденную меру, плату за комфорт.

Спасал ситуацию и делал совместную жизнь с Виталиком приемлемой его неиссякаемый оптимизм и правильно полученное им воспитание в детстве от мамы. Где-то на уровне двадцать пятого кадра мама в раннем возрасте научила Виталика уважать женщину, с которой живешь, никогда Санька не слышала от Виталика ни единого оскорбления в свой адрес, ничего, что могло бы ее унижить. Саньку угнетал только примитивизм Виталика и беспробудный блуд, если не наяву, то в мыслях. К сожалению, это никак не лечилось.

Виталик принес чай, нарезку сыра и поставил поднос перед Санькой. Она благодарно ему кивнула.

— Киця, ти кращий.

Утром в понедельник в офисе все было как обычно. На столе у Саньки лежала записка от секретаря «Вам звонил Сергей Эдуардович». Санька повертела в руках записку, мысленно спрашивая себя: «Кто такой Сергей Эдуардович?», никаких ассоциаций словосочетание Сергей Эдуардович не вызывало, мучиться по этому поводу не стала, кому надо, тот еще позвонит. Нужно было разобратся с обыском, который был в пятницу, всю субботу потратила на переговоры с менеджментом предприятия и его учредителями.

Позвонил сотовый, у Саньки радостно забилося сердце — это был Иван, сняла трубку.

— Привет, как дела? Как выходные?

— Привет, по сравнению с Бубликовым просто прекрасно.

— А если без сравнения, ты чем-то расстроена? Тебя Виталик обидел?

— Не то чтобы расстроена, скорее озабочена, Виталик здесь ни причем, просто в выходные работа привалила.

— Что, так сильно озабочена, что и моему звонку не рада?

— Ну зачем ты так, я ничего такого не говорила, мне очень приятно тебя слышать, хоть что-то приятное за последних два дня.

— Это хорошо, а то я уже подумал, что Виталик полностью занимает твои мысли и тебе не до меня.

— Ванечка, солнышко, в моих мыслях уже давно, кроме работы, только ты.

Было слышно в микрофон телефона, как Иван шумно вздохнул, выражая крайнюю степень удовольствия. Санька мысленно видела его довольно прищурившимся и улыбающимся своим мыслям.захотелось усилить эффект.

— Ти мое кохання на все життя.

— Ой... — Иван глухо ойкнул, возникла пауза, после паузы продолжил, — скажи еще что-нибудь.

— Солнышко мое, скучаю по тебе.

— И я скучаю, потому скоро в гости ожидай.

— А как скоро?

— Очень скоро, думаю, завтра. Можешь уже забронировать гостиницу.

Санька озадаченно в ответ замолчала, понимала, что Иван рассчитывает на ее полное присутствие на все время пребывания в Киеве. Это было ну никак не кстати, работы было очень много, нужно было и на допрос идти, и на лекции, правда, с самого утра. Тщательно подбирая слова, проговорила:

— Ванечка, солнышко мое любимое, а ты не мог бы как-то согласовывать со мной свои планы. Ты сейчас заставляешь меня в спешном порядке их менять.

— Так тебе что, сегодняшнего дня не хватит, чтобы сказать Виталику, что уезжаешь в очередную командировку?

— Виталик — это самая малая часть моей занятости, у меня завтра пары и допрос с одним из клиентов.

— На пары сходи, а допрос перенеси.

— Не факт, что у меня получится перенести.

— А ты постарайся, или ты не рада моему приезду?

— Почему не рада, очень рада.

— Вот и жди меня, до завтра, буду вечерним рейсом, надеюсь, ты меня встретишь.

Пошли короткие гудки... Иван оборвал разговор, не дав возможности Саньке что-либо возразить. Санька озадачено минут пять сидела, мысленно переваривая информацию. Конечно, можно позвонить следователю, сославшись на тотальную занятость, и перенести допрос. Клиент будет только рад. Просто злоупотреблять этим никак нельзя, когда действительно произойдут накладки, следователь вполне резонно может и отказать, ссылаясь, что уже и так шел навстречу. Дело в том, что Санька буквально вчера просила перенести допрос с 10 утра на после обеда, так как у нее утром пары. Следователь, тот самый Романюк Максим Владимирович сказал, что так и быть, поменяет их допрос с другими.

Нужно было что-то делать, как минимум заказать гостиницу и как максимум освободить свое время на завтра после обеда. Понимала, если пойдет на допрос, то никак не успеет в аэропорт, чтобы встретить Ивана, если пошлет Инессу встречать — Иван не на шутку обидится. Не последним пунктом в перечне необходимых дел был поход в парикмахерскую.

В кабинет зашла секретарь и протянула трубку городского телефона. Санька взяла трубку, взглядом спросила: «Кто звонит?». Секретарь ответила:

— Все тот же Сергей Эдуардович.

Санька недоуменно сказала:

— Алло, я вас слушаю.

Мужской приятный голос ответил:

— Рад вас приветствовать в добром здравии.

Санька, все еще не совсем понимая, с кем разговаривает, продолжала:

— И вам не хворать.

— Хотел поинтересоваться, может, вам нужна какая моя помощь?

Санька, все больше недоумевающая, несколько растягивая слова, ответила:

— Что именно вы имеете в виду?

— Александра, я так понимаю, что ты меня не узнала.

— Если честно, то нет.

— Вот видишь, какая ты, это Сережа, тот, что на проверку приходил.

Санька наконец сообразила, что это тот самый симпатичный опер, приятель Виталика, который проверял конфискат. Недоумение не проходило.

— А-а, как же, как же, помню таких молодых и завзятых. Вроде как, спасибо, все нормально закончилось, все было, слава Богу, адекватно.

— Так я имел в виду дальнейшую помощь, может, могу быть полезен.

— Спасибо, конечно, большое, но пока даже не знаю.

— Так вот и я ж так и подумал, может, где пересечемся, кофе попьем, заодно и обменяемся мыслями.

— Да я, собственно, никогда не против пообщаться, можно кофе и у меня в офисе попить.

— Так я мог бы сегодня и заехать.

— Сегодня однозначно не получится, как, впрочем, и завтра, занята, просто караул, где-нибудь с недели.

— Ну я к концу недели все же перезвоню.

— Не возражаю.

Повесив трубку, Санька озадачено посмотрела в окно, прям наваждение какое-то, вот если еще и Виталик прямо сейчас позвонит или прибежит, так, наверно, день такой, неотразима ни в одной киевской луже. Вот только Сережи еще ей и не хватало в воздыхателях.

Вспомнила о необходимости скоординировать завтрашний

день. Позвонила следаку, Максим сразу снял трубку, по интонациям его голоса, казалось, очень даже рад слышать. Санька посетовала на тотальную занятость и спросила, не будет ли с ее стороны большой наглостью перенести допрос на другой день. К ее удивлению Максим возражать не стал, напротив, вполне приветливо ответил:

— Для вас, милейшая Александра Владиславовна, все, что угодно, если это не противоречит уголовно-процессуальному кодексу и уставу нашей службы. Единственное, хочу сразу предупредить: допрашивать буду обязательно и не позднее пятницы.

— В пятницу в любое удобное для вас время.

— Отлично, значит, в пятницу на 10:00 утра я жду вас с вашим клиентом у себя в кабинете, смотрите, не опаздывайте, а то я буду это воспринимать как уклонение от следственных действий.

— Нет, что вы, будем обязательно.

Санька услышала, как с резким грохотом хлопнула входная дверь, в коридоре послышался призывный голос Виталика.

— А что, мне кофе в этом офисе кто-нибудь сварганит? Инессочка, ты что, страх потеряла, куда убегаешь? А кофе атаману?

Виталик шумно ввалился к Саньке в кабинет:

— Кыця, что такая кисло-озабоченная? Или не рада меня видеть?

— Я только два часа назад тебя видела. У тебя что, что-то случилось?

— Не-е, просто заскучал, дай, думаю, зайду, кофейку попью.

— Ну-ну, попей, коли больше негде. Кстати, я завтра после обеда в командировку еду.

— Куда, если не секрет? Так тебя, может, проводить надо?

Санька аж вздрогнула от такой перспективы.

— Нет, что ты, в Херсон с Гришей на машине, он заедет за мной.

Виталик взял принесенный Инессой кофе и пошел с ним на балкон.

Санька про себя подумала: «Ну и денек, все такие любвеобильные, что аж страшно». Хотя Санька ощущала вокруг себя всеобщую заинтересованность, было впечатление какой-то непонятной то ли грусти, то ли тоски. Прислушалась к своим внутрен-

ним эмоциям: с чего бы это. Поразмыслив минуту-другую, пришла к мысли, что это из-за Ивана, оттого, что не желает считаться с ее интересами. Нахлынули воспоминания.

В начале июля, а точнее второго июля, Санька с Гришей были в Запорожье, по очередным вопросам корпорации Ивана. Иван с Константином их встретили в аэропорту и доставили в гостиницу. Иван сказал, что им с Константином крайне необходимо срочно уехать в Херсон. Санька очень огорчилась, так как специально высвобождала время на два дня, чтобы провести его с Иваном. Видя огорченное Санькино лицо, Иван с улыбкой сказал, что не стоит огорчаться, потому что ей для компании оставляют Григория, у которого задание провести переговоры с местными начальниками спецслужб на предмет взаимного обмена информацией. Вот Санька и проконтролирует, как и с кем встретится Григорий. Санька переспросила, что никак нельзя поехать завтра с самого утра. Иван ответил, что нет, пообещал другу, а это, как известно, святое, друг нуждается в нем, как сопровождающем.

Иван с Костей после обеда уехали, Санька с Гришей остались, обида никак не проходила. Санька, значит, ради встречи с Иваном бросила все и примчалась, а он развернулся и уехал, где-то на подсознании ощущала, что не производственная необходимость позвала их в дорогу на ночь глядя. Несколько утешало, что Иван наяживал через каждые час-два спрашивая, как дела. Гриша, видя Санькино унылое настроение, старался, как мог, сказал, что оставит ненадолго, затем в планах поход ресторан в компании еще двух его местных друзей. Санька слегка повеселела, поблагодарила Гришу за поддержку и сказала, что через час будет готова к любым походам.

Через два часа Санька сидела в ресторане в окружении трех мужчин в расцвете лет. Два друга Гриши возглавляли две известные силовые структуры Запорожья, выглядели соответствующе: подтянутые, с заметной офицерской выправкой. Санька старалась веселиться вовсю, компенсируя себе недостающее общество Ивана, была само остроумие и веселье, сыпала анекдотами и забавными историями, мужчины вовсю поддерживали такой ее на-

строй. Вдруг кто-то из присутствующих вспомнил, что сегодня второе июля, официально признанный день следственного работника. Все присутствовавшие мужчины были оперативными работниками, но день ведь следователя, посему дежурным следователем назначили Саньку и решили пить за ее здоровье, поочередно как за следователя и как просто красивую женщину.

Через некоторое время от большого потребления жидкости Саньке потребовалось удалиться в дамскую комнату. Проходя мимо оркестровой ямы, ощущая безмерную благодарность к своему мужскому окружению, решила сделать им приятное, заказала для них, указывая на столик, исполнение песни «Господа офицеры». Когда вышла из дамской комнаты, исполнение романса как раз закончилось.

Санька, направляясь к своему столику, к величайшему своему удивлению обнаружила его пустым. К ней подошел официант и торжественно сказал, что господа офицеры просили пройти на аллею, что ведет на набережную. Санька подошла к алее и чуть не прослезилась от избытка чувств: все трое мужчин стояли перед ней шеренгой, преклонив одно колено и держа в правой руке по громадной бордовой розе...

ГЛАВА -24-

Тот ужас безысходности и панического липкого страха, который пережила Санька за те несколько летних дней 1994 года, описать с помощью обычных печатных слов просто невозможно. Это была безысходность противостояния агрессивному, жестокому явлению, имя которому — рэкет, нависшему, как бетонная стена, готовая в любой момент раздавить, так что никто и никогда не узнает, а где сгинул мил человек и где могилка его.

Для обывателя рэкет — это молодые, спортивного телосложения люди, сбившиеся в устойчивый криминальный коллектив с целью отъема денег у зарождающегося класса предпринимателей. Значительная часть этих самых обывателей, не сталкивавшаяся в повседневной жизни с рэкето́м, абсолютно никакого сочувствия к предпринимателям не ощущала. Семьдесят лет селекции, направленные на вытравливание самого понятия «частная собственность», воспитание «нового человека» в отвращении всего, что связано с зарабатыванием денег, сделало свое черное дело. Помощи извне человеку, который решил зарабатывать деньги независимым от государства способом, ждать было неоткуда.

Правоохранительная система работала еще по старинке, пока почти без сбоев, просто в советском уголовном кодексе, который еще не редактировался, такое явление, как создание группы людей для организованного вымогательства с угрозой насилия прописано не было. Та, еще старая квалификация, не позволяла на ранних стадиях блокировать такое явление, поэтому и расплодилось в великом множестве эти самые организованные преступные группировки по всей громадной территории бывшего Советского Союза. Пока прокуратура с милицией адаптировалась к новым условиям и научилась бороться с таким явлением, как рэкет, прошло несколько лет. Предпринимателю тех лет жилось ох, как не просто. Забегая наперед, следует заметить, что правоохранительная система в дальнейшем, уже в двухтысячных поступила как в известной поговорке: «самый простой способ преодолеть преступность — это ее возглавить», к сожалению...

Конечно же, на следующее утро Санька выписалась из больницы, написав расписку, обязуясь долечиваться амбулаторно. В банке Саньку приняли достаточно радушно, отнеслись с пониманием к версии, которую она изложила, начисление процентов было приостановлено, и что особенно немаловажно, была дана отсрочка на три месяца в части погашения тела кредита.

Все эти манипуляции позволяли удержаться на плаву, но не давали решения основного вопроса: что делать с рэккетом и где взять деньги для расчетов с Ромой. Олег Одесит, при всей яркости натуры, казался потухшим, каким-то вялым, полностью полагаясь на Саньку. Учитывая всю сложность и серьезность ситуации Санька понимала, что, кроме ее самой, никто этих проблем не разрешит.

Санька знала четко — выход из сложной запутанной ситуации всегда там, где вход. В эти дни, сразу после очередного визита рэкета на завод, у нее произошел довольно жесткий разговор с Володией. Санька сама осознано вызвала этот уже давно назревший разговор.

Надобно сказать, что умение Саньки делать глубокий анализ ситуации и сопоставлять очевидные вещи, позволяло вычислять действия других людей. Многим такие Санькины способности были необъяснимы, что и породило уже в юном возрасте мифы о том, что общается она с некими спецслужбами и те снабжают ее информацией, короче, как минимум «агент СБУ». Санька чувствовала, что Володя ее побаивается именно от незнания, насколько широк круг Санькиного общения. Санька решила использовать это преимущество при разговоре с ним.

Собрались у Олега дома, свою жену Лену вместе с сыном Олег таки отправил к теще, благо летние каникулы способствовали этому. Санька начала издалека:

— Ребята, ситуация крайне серьезная, дать какие-либо деньги рэккету — это поддаться на шантаж.

Володя, сидевший как бы в стороне, казалось, не желал участвовать в разговоре. Олег, напротив, достаточно эмоционально возразил:

— Сань, ты не понимаешь, я меньше всего боюсь за себя, то, что мои уехали отдыхать, ничего не решает, при желании они быстро вычислят, где их искать.

— Почему ты так решил? Ты что, кому-нибудь сообщал, где именно отдыхает твоя семья?

— Нет, конечно, но у них везде свои люди, могут и разговоры телефонные прослушивать.

— Ну, ты не преувеличивай скромные возможности мальчиков в спортивных костюмах. Они, в конце концов, не спецслужба. Это кто тебе такое наплел про их возможности?

Тут в разговор резко встрял Володя:

— Что значит наплел? Это я ему сказал, а что, ты разве, Саня, не понимаешь, что у них есть достаточное количество денежных знаков, чтобы оплатить любую необходимую им информацию?

— Я не отрицаю продажность наших правоохранителей, но всему есть предел. Во-первых, чисто технически прослушивать разговоры не так просто, во-вторых, при всей продажности есть определенные табу, не будут то ли менты, то ли СБУшники сотрудничать в этой части с рэкетирами. В-третьих, а что, у нас появились лишние деньги для рэкета?

— Ну, я не знаю, — Володя слегка замялся, — Олег сказал, что деньги на счету есть, значит, можно их отдать.

— Какой ты добрый. Что значит «отдать»? Деньги ведь кредитные, их возвращать придётся.

— Зачем возвращать? Сейчас никто кредиты не возвращает, и никого за это не сажают.

— Да ты что? Так уж и не сажают? Невозвратов, конечно же, много, но я не для того проводила переговоры и выпарапывала этот кредит, чтобы потом его не возвращать.

— Но лично ты же никаких подписей не ставила, значит, ни за что не отвечаешь.

— Неужели? Да, конечно, подписи под договором не мои, но ответственность полностью на мне. Мне для того, чтобы взять

этот кредит, пришлось заручиться рекомендациями как минимум десяти человек. Это, Володя, возможно ты, дожив до сорока лет не имеешь определенного имени, я в свои 25 его как раз имею и терять не собираюсь.

Во время последней Санькиной фразы Володя аж скривился, было очевидно, что ему крайне неприятно то, что она говорит. Санька про себя отметила, что мысль о невозврате Олегу так внул Володя.

— А, что это, Володя, ты так переживаешь за то, что твои Киселевцы не получают денег? Ты, что, с ними в теме? Они что, откат тебе за это дадут?

При этих словах Володя аж вскочил со стула, хотел что-то сказать, эмоционально махнул рукой, при этом рот у него беззвучно то открывался, то закрывался. Олег положил руку на плечо Володи, предлагая этим обратно присесть, как-то виновато обратился к Саньке:

— Сань, ну зачем ты так? Как ты можешь такое предположить? Володя очень сильно за меня переживает, интересовался, как мои доехали, встречал ли их кто там, все ли у них нормально.

— Да ты что? Говоришь, заботливый очень, интересовался, как доехали, и кто встречал... Господи, Олег, ну нельзя же быть таким наивным, он же просто пытается у тебя же выяснить, куда ты их отправил.

Санька еще не успела договорить, как Володя с криком «ты променял мужскую дружбу на непонятный бабский треп...», выбежал из квартиры, перед тем как хлопнуть входной дверью добавил: «С пацанами будешь сам дотирать». Олег обалдело вскочил, хотел что-то крикнуть вдогонку, затем махнул рукой и посмотрел недоуменно на Саньку:

— Ты всерьез думаешь, что он сдавал меня рэкету?

— А ты сам подумай, его реакция на мои слова лишь только подтверждает их. И не вздумай нервничать или переживать из-за того, что он скажет, что ты отказываешься обналичить кредитные

деньги. Вали все на меня, напомнишь, что у меня вторая подпись, скажешь: она отказывается подписывать чеки.

— Сань, это не выход, это все равно, что я спрячусь за твою спину. Нужно что-нибудь получше придумать.

Помолчали. Олег предложил выпить чаю, Санька благодарно в знак согласия кивнула. Все так же молча пили чай. Санька судорожно соображала, понимала, что тут нужно нестандартное решение, такое, которое рэкетиры не ожидают. Олег с надеждой поглядывал на Саньку. Санька первая нарушила молчание.

— М-да, прятаться глупо, найдут рано или поздно, да и завод работает пока еще... Но все же... стоит попробовать перевести вектор с физического лица в сторону банка.

— Что ты имеешь в виду?

— А то и имею, выход там, где вход. Не будет же рэкет воевать с машиной Проминвеста.

— То есть?

— А то и есть. Ты, наверное, забыл, что у тебя оборудование в залоге...

Олег недоуменно посмотрел на Саньку, Санька продолжила:

— Нужно срочно сделать исполнительную надпись.

— Это как?

— Это элементарно, Ватсон. Исполнительная надпись на договоре залога имеет силу судебного решения и позволяет взыскать объект залога.

— Так какая мне разница, кто у меня завод отберет, банк или рэкет?

— Большая. Смотри сюда. Кстати, завод сам по себе ни банку, ни рэкету не нужен.

Санька взяла лист бумаги и принялась сопровождать свой рассказ, рисуя блоки и стрелочки.

— Смотри внимательно: вот это банк, а это твой завод. Банк делает исполнительную надпись, взыскивает твой завод. Но банк есть банк, поэтому завод банку, как таковой, не нужен. Два вари-

анта: либо банк выставляет завод на торги и продает, либо заключает договор переуступки требования другому юридическому лицу. Причем второй вариант для банка предпочтительней, особенно если учесть специфичность такого залога. Регистрируем новое юрлицо и делаем переуступку. Убиваем сразу двух зайцев.

— Каких двух зайцев?

— А таких, с одной стороны, для рэкета завод взыскан банком, с другой стороны, появляется возможность выкупить завод на новое юрлицо.

— Знаешь, я так устал, что у меня только одно желание — избавиться от рэкета.

— Ну, так это самый простой способ от него избавиться.

— Так рэкет не отстанет, если я буду в новом предприятии, нужно новое предприятие на кого-то другого регистрировать.

— Зарегистрируем на меня, какая беда. Кстати, рэкет, может, и не узнал бы кто в учредителях нового предприятия, а банк уж точно это увидит, поэтому тем более на тебя новое регистрировать не надо.

— Но ты же, получается, выходишь на первый план, и рэкет уже может наехать на тебя.

— За это не переживай, как-нибудь разберусь.

— Сань, там интеллигентов нет, они очков не носят. Могут быть любые силовые действия, а ты же девушка, это меня цепями избили, с тобой могут и пожестче. Ты в этом случае весь удар принимаешь на себя и перед рэкетом, и перед банком.

— Самое худшее в этом сценарии, просто лишимся завода — его не будет ни у тебя, ни у меня, причем сейчас ты его собственник постольку-поскольку, кредит не возвращен ведь. Так что ты ничего уже не теряешь, можешь лишь приобрести какой-никакой щит от рэкета. А самое лучшее в этом сценарии, что при любом раскладе избавляемся от рэкета. Ты же понимаешь, что рэкет от тебя не отстанет, ему уж точно твое железо не надо, рэкету нужны банальные деньги, а при таких раскладах они будут тебя доить до

тех пор, пока у тебя есть любая собственность, в том числе и квартира.

— А ты уверена, что банк пойдет тебе на встречу?

— Думаю, что да, вряд ли они найдут еще кого-либо, кто кинется на эту амбразуру.

Санька оказалась права, банк пошел на взыскание залога и на переоформление кредита на другое, созданное Санькой предприятие. Каких усилий стоило уговорить банк на все эти действия требует отдельного рассказа, причем это был бы не просто рассказ, а целый триллер. Санька проявила все свои артистические способности, уговаривая службу безопасности банка и юриста оформить исполнительную надпись, на тот момент никто с этим в банке еще не сталкивался, и что вообще из разряда невозможного – поехать и все опечатать по месту, то есть в село почти за сто километров от Киева.

Рэкет от Олега отстал, с Ромой худо-бедно рассчитались, надо отдать должное самому Роме, так как процентов за пользование деньгами он не взял, ограничился лишь самым долгом. Олег от дел отошел. Завод начал работать под Санькиным чутким руководством уже ближе к зиме. Для того, чтобы обеспечить работу техники, Саньке нужен был профессионал-технар, и такого компаньона Санька неожиданно нашла в лице Ковальского. Ковальский принял самое непосредственное участие в разгрузивании всех текущих Санькиных проблем, уволился с СП «Зоря» и перетаскивал оттуда еще троих спецов, которые впоследствии обеспечивали бесперебойную работу завода, короче, подставил свое крепкое мужское плечо.

Проблем на заводе хватало, хоть это был скорее цех по переработке молока, но их хватило бы на большое предприятие. Выход готовой продукции составлял 45% от норматива, Санька с Вячеславом, как два профессионала, понимали, что это не нормально, раз не хватает, то есть тот, кто это взял. Так как цех был небольшой, занимал всего три помещения: лаборатория, раздевалка и не-

посредственно сам цех, было понимание, что воруют все, кто там работает. Огульно обвинять всех, а тем более обыскивать, было бы более чем неправильно. Для того, чтобы понять новое для них производство, Санька с Вячеславом дня три молча наблюдали за процессом, после этих наблюдений сопоставили свое видение и впечатления, выработали план и распределили между собой обязанности. Чтобы долго не рассказывать, надобно сообщить, забегая наперед, что месяца через три не только удалось избавиться от недостатков, пошла еще и экономия.

С Игорем Санька виделась два-три раза в неделю, когда была наездами в Киеве. Для поддержания и укрепления семейных отношений Санька старалась вовсю, по приезду устраивала ужин при свечах с неизменным бокалом красного вина. Игорь вроде как скучал, всегда был рад видеть Саньку. Уже год как закончил ВУЗ, пошел работать в налоговую, маленькая Ольга уже готовилась к школе. Санька разрывалась между семьей и заводом.

ГЛАВА -25-

Сентябрь 2004 года выдался теплым, даже вторая половина месяца радовала теплыми солнечными днями. В обед прошел небольшой дождь, воздух был наполнен озоном, той специфической свежестью, которая бывает лишь после дождя. Солнце светило ярко, о прошедшем дожде напоминали только небольшие лужицы. На удивление Санька успела все, что запланировала, или почти все: из парикмахерской выбегала с еще не просохшими ногтями, но с прической, в машину садилась крайне осторожно, чтобы не испортить маникюр. Еще надо было успеть поставить машину на стоянку и пересесть в Инессину машину, соответственно доехать в Борисполь.

По дороге в аэропорт обсуждали с Инессой события последних дней, Санька выдавала Инессе инструкции на завтрашний день, понимая, что она сама вряд ли сможет появиться на работе. Во-первых, Ивану не понравится, если она весь день будет где-то занята, во-вторых, Виталик обязательно заявится в офис, поэтому для всех, кроме Инессы, Санька в командировке. Санька давала Инессе последнее напутствие:

— Не забудь проконтролировать оплату канцелярии, а то бумага уже на исходе.

— Не переживай, не забуду. Сань, не нервничай ты так, если что, подъеду к тебе в гостиницу, если надо, то прихвачу с собой ноутбук, ты ж знаешь — я тебя всегда подстрахую.

— Да, знаю... Все равно переживаю, выпадаю из графика полностью. Кстати, ты представляешь, Виталичек мне вчера заявляет: «Кыця, давай поженимся, если не хочешь официально, то давай хоть повенчаемся...».

— Вот это да, и что ты ему в ответ?

— А что я? Еще чего не хватало. Ты же знаешь, иллюзий насчет Виталика я не испытываю. В нем все хорошо, кроме одного: он не то что дня, часа прожить не может, чтобы не сбрехать. И когда он мне с гордостью заявляет, что перетрахал половину Киева, то у меня это как-то не вызывает ощущения превосходства над той перетраханной половиной только от того, что он живет со

мной. Хотя, правды ради, если бы он такое заявил в первые полгода нашей совместной жизни, я бы повелась, мне больших трудов стоило заглушить в себе чувства.

— Ну, твоя Кыця экземпляр еще тот... Так что ты ему ответила?

— Что ответила, что ответила, вот то и ответила, что и даже не думай, я не настолько сумасшедшая. Так он мне на это: «Киця, народи мені когось, чи дівчинку, чи хлопчика, мені все рівно, я буду хорошим». Такое впечатление, что и не слышит, что я ему говорю.

— Во дает, а ты ему что?

— Что, что, вот то. Говорю, ага, хорошим, когда рак на горе свиснет, горбатого могыла справыть. На все мои замечания он мне неизменно отвечает, что я ж заразу в дом не ношу. Еще заразы мне только и не хватало, гля, чистоплюй хренов.

В аэропорт приехали с небольшим опозданием, Инесса осталась в машине, Санька побежала к терминалу «В». Иван уже стоял у выхода и с нетерпением оглядывался по сторонам, Санька подошла сбоку, так, чтобы Иван ее не видел и гнусаво прошепелявила:

— Будьте так добры, подскажите, а где стоянка такси?

Иван, даже не глядя на Саньку, махнул рукой куда-то в сторону, произнес:

— Иди себе, бабуля, не знаю...

Санька, смеясь, стукнула его по плечу.

— Сейчас как дам, «бабуля», ты ж понимаешь...

Иван удивленно обернулся, с криком «Санька!» схватил ее на руки, прижал к себе, вдохнул глубоко ее запах, зажмурился...

— Ну ты и хулиганка, однако... С прошедшим днем рождения!

Иван достал из кармана пиджака и протянул Саньке духи «Коко Шанель». Санька растрогано чмокнула Ивана в щеку, тут же распечатала духи, достала флакончик и побрызгала на себя, игриво глядя на Ивана, воскликнула:

— Ну, нюхай!

Иван театрально изобразил, как он нюхает и наслаждается, Санька опять его поцеловала, теперь уже в губы, и сказала:

— Я так рада тебя видеть, пошли к машине.

К машине Иван с Санькой подошли, болтая и держась за руки, как школьники. Всю дорогу до Киева сидели на заднем сидении обнявшись, иногда обмениваясь с Инессой репликами.

В гостинице, уже после первой близости, лежа на груди у Ивана, Санька спросила:

— Вань, ты все так же хочешь, чтобы я тебе родила?

— Очень хочу, скажу больше, я вот подумал, может в Москву переедешь, я тебе квартиру куплю.

От такого неожиданного предложения Санька резко подняла голову и села на кровати.

— Это как «переедешь»? В качестве кого? И что я в Москве делать буду?

— Как «что делать»? То, что и все, жить, захочешь — будешь работать, а не захочешь — просто жить.

— Это что...? Содержанка, значит?

— Санечка, ну почему сразу содержанка? Я же сказал, захочешь — пойдешь работать.

Санько обижено молчала, забившись в угол кровати. Иван не понимал, что он сделал не так, тихо позвал:

— Санечка, детеныш мой, я не хотел тебя обидеть, наоборот, иди ко мне, пожалуйста.

— Ну как ты не понимаешь, Вань, в Киеве я специалист, у меня есть наработанное имя, меня все знают, уважают.

— Так и в Москве у тебя будет имя, уважать начнут.

— Ну, во-первых, я не люблю Москву как таковую, была последний раз лет десять назад и желания приехать туда не возникло, чванливый, неприятный, громадный мегаполис. Во-вторых, накопленные мной знания и опыт в Москве мало применимы, законодательство у нас все же разное.

— Ну, так изучишь законодательство, не думаю, что для тебя это будет сложно.

— Может, и не сложно, но я буду себя неудобно чувствовать. И потом, ты совсем забыл, что у меня есть Ольга. А с ней как?

— А как захочешь, захочешь — заберешь с собой, захочешь — в Киеве оставишь.

— Это с кем я ее оставляю? С Виталиком, что ли? Ты забыл, что Ольга наполовину сирота?

— Ничего я не забыл, у тебя еще мама есть, просто хочу, чтобы ты была как можно ближе. Я тебе уже говорил, что у меня более чем достаточно денег для того, чтобы содержать любое количество детей.

— Спасибо, конечно, за предложение, но не нравится мне такая перспектива, не могу я быть от кого-либо зависимой.

Иван, казалось, был искренне огорчен и расстроен, видя Санькину обиду:

— Санечка, прости, не подумал, наверное, я не прав...

Санька молча обижено сопела в углу кровати.

Иван сгреб Саньку в охапку, со словами «независимая ты моя», осыпал мелкими поцелуями по всему телу. Санькина обида скукожилась и забилась куда-то глубоко. Где-то на подсознании Санька понимала, что Иван считал, что сделал Саньке, по его мнению, царское предложение. «Подумаю об этом завтра», решила Санька, отгоняя обиду подальше, постепенно оттаяла и начала отвечать на поцелуи.

Через пару часов, подавая Саньке стакан воды, Иван спросил:

— Я тебя не утомил, ты не устала?

Санька всегда в таких случаях недоумевала: ну как можно устать от любви; говорить было лень, поэтому лишь томно произнесла.

— Нет, что ты...

— Ты, наверное, хочешь уже спать.

— Возможно, еще не знаю.

— А что ты знаешь?

— Знаю, что тебя хочу...

— Девочка, моя любимая, родненькая моя, люблю тебя всю...

Утро следующего дня было пасмурным, из постели вылезать не хотелось. Иван с Санькой наслаждались возможностью «ничего неделанья», даже на завтрак не стали спускаться в ресторан — заказали в номер. Санька прихорашивалась перед зеркалом, Иван, лениво щелкая пультом от телевизора, искал одному ему извест-

ную передачу, не найдя ничего, что бы его заинтересовало, спросил:

— Сань, а почему лишь только я к тебе приезжаю, может все же, как-нибудь, ты ко мне в Москву прилетишь, я оплачу твои расходы?

— Не знаю, почему-то не хочется в Москву. Я ведь приезжала к тебе в Херсон, например.

— Ну-у..., это ты не ко мне приезжала, это ты приезжала ввиду производственной необходимости. А я хотел бы, чтобы только ко мне, просто так, в гости.

— Хорошо, я подумаю, не готова ничего пообещать, ты же знаешь, мне выкроить время на несколько дней подряд проблематично, работы много.

— Так я ж не говорю, чтобы ты на неделю приехала, всего пару-тройку дней.

— Я подумаю, но не раньше, чем недели через три, я еще занята на учебный процесс.

У Саньки позвонил телефон, это была Ленка, которая сообщила, что едет из судебного заседания и есть срочный разговор. Санька сообщила, что может с ней встретиться, если та подъедет в ресторан гостиницы. Иван с интересом прислушивался к разговору. Когда Санька отключилась, спросил:

— Как там поживают твои подружки Ленка с Инессой?

— Да ничего себе поживают. Ленка Константину все приветы передает.

— Девочка симпатичная, но корыстная.

— С чего ты взял?

— Оттого. Она на много лет, больше десяти, младше Константина, но тем не менее изображает прямо-таки неземную страсть, особенно на людях, она же осведомлена, что Константин очень обеспеченный.

— У меня другое мнение, позволю с тобой не согласиться, она вполне искренне рада не только каждому приезду Константина, а еще и каждому его звонку, всегда ждет с нетерпением.

— Ну, конечно, с нетерпением, все женщины нетерпеливы и

корыстны, особенно когда подарков касается, каждая стремится заполучить мужчину побогаче.

Иван произнес эту фразу, не глядя на Саньку, с видом бывшего мужчины, разбирающегося в женщинах. Санька с неподдельным интересом посмотрела пристально Ивану в глаза:

— Ты это серьезно? Так уж и всякая?

Иван вдруг вздрогнул, как бы очнулся, моргнул, виновато посмотрел на Саньку:

— Санечка, детеныш мой, тебя это не касается, ты исключение, ты такая у меня наивная, очевидных вещей не видишь и не замечаешь. Большинство людей движут корыстные мотивы. Лена — преданная подруга, только пока в тебе заинтересована, такие люди не бывают благодарны. Их благодарность до поры до времени, как только ей начнет казаться, что она с тобой сравнялась, она переступит через тебя, а то еще и в чем-нибудь обвинит. Что, не веришь?

— Нет, не верю. Не может быть, я пригласила ее на работу с зарплаты 500 гривен на зарплату в 500 долларов. Она старается, всегда готова задержаться на работе, а я стараюсь по возможности лишний раз премию выплатить.

— Ты слишком ей доверяешь. Это сейчас она восхищается тобой и тем, что ты ей даешь, я не имею в данном случае деньги. Она типичная периферийная девочка, она неглупая, но в ней нет твоей начитанности, твоего таланта рассказчика, и профессионализма твоего не будет никогда, список можно продолжать. При этом, по моему наблюдению, она еще и завистливая.

— Ну опять же, она вроде как много читала, у нее мама библиотекарь. А почему ты решил, что она завистливая?

— А ты понаблюдай за ней. Да ладно, бог с ней, как Инесса, как там поживает ее папа?

— Да ничего, нормально поживает. Ты ж ее вчера видел.

— Да видел, вот она для тебя хорошая подруга, такая не предаст.

— Ну, спасибо хоть за Инессу.

Позвонил сотовый, Санька взяла трубку, это была Ленка, которая уже подъехала и спрашивала, куда ей подойти. Санька ска-

зала ей, чтобы ждала в холле гостиницы. Положила трубку, посмотрела на Ивана, взглядом спрашивая, пойдет ли тот с ней вниз к Ленке. Иван также молча, категорично мотнул головой, делая жест рукой, как бы говоря, что «я тебя и здесь подожду». Посмотрел на Саньку:

— Ты ж, я так понимаю, недолго?

— Думаю, что нет.

Ленка ждала Саньку в баре, уже заказала себе кофе и сэндвич. Санька про себя отметила Ленкину бесцеремонность, так как знала, что Ленка платить не собирается. Ленка извинилась, сказала, что очень голодна, потому как перенервничала. Достаточно эмоционально изложила, как прошло заседание, посетовала на налогоплательщиков и на судью. Судья была молодая, еще не избранная на пожизненный срок, потому всего боялась, особенно админресурса. По Ленкиным ощущениям, этот самый админресурс как раз был задействован. Санька задала ей уточняющие вопросы, задумалась, затем сказала:

— А знаешь, ты не переживай. Когда следующее заседание?

— Так я ж и говорю тебе, всего ничего, перенесли на неделю, при этом те документы, что я затребовала у налоговой, судья проигнорировала. Сказала, что будет в следующем заседании «досліджувати докази та виносити рішення».

— Хорошо, ты, главное, не нервничай, я, кажется, знаю, что нужно делать. У нас же есть копии тех документов, что ты пыталась потребовать у налогоплательщиков.

— Ну да, есть.

— Вот и славненько, сейчас сбацию маленькое экспертное заключение, только нужно подумать, кто его подпишет, а то я хочу сходить в следующее заседание сама. У нас до конца недели еще есть несколько дней, короче, почти вечность.

Санька вернулась в номер, довольная собой. Иван со скучающим видом, лежа на кровати, смотрел телевизор, повернулся лицом к Саньке:

— Иди ко мне, а то я уже успел соскучиться...

Вечером ужинали в ресторане, компанию им составляла

Инесса, которая приехала, чтобы подписать у Саньки документы, заодно и рассказать последние офисные новости. Инесса болтала, не умолкая, Иван с Санькой, обнявшись, с интересом слушали эмоциональный Инесский рассказ.

Уже в номере Санька спросила у Ивана:

— Вань, а почему ты никогда не даришь мне цветы?

— Ой, Сань, зачем тебе эти трупы, как по мне, цветами нужно любоваться в среде их естественного обитания.

— Но ведь даже будучи срезанными, цветы живут какое-то время в вазе, а розы так вообще размножают черенкованием, их в принципе нужно все время обрезать, чтобы они хорошо росли.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хочу сказать, что мне было бы очень приятно, если бы ты подарил мне розы.

— Почему именно розы?

— Ну, так мне бы хотелось, наверное, чтобы сделать мне приятно.

— Что прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас.

— Сань, ночь на дворе.

— И что?

— Я тебе приятно сделаю по-другому...

При этих словах Иван сгреб Саньку в охапку и крепко прижал к себе. Саньке были приятны его объятия, но где-то в глубине подсознания завелся червячок, ведь дарить цветы любимой женщине — это так естественно, может, она не настолько любима, как себе воображает... Вспомнился рассказ О. Генри о персиках, в котором влюбленный новобрачный оббежал ночью весь город в поисках персика для любимой... Санька постаралась сосредоточиться на поцелуях, гоня от себя грустные мысли.

ГЛАВА -26-

Декабрь 1994 года запомнился жесткими морозами. Уже месяц, как запустили завод, Санька с Вячеславом работали без выходных по 12—14 часов в сутки, пытаясь наладить производственный процесс. Цех и остальные производственные помещения отапливались плохо, так как не имели стационарного отопления. Основным источником тепла была самодельная, сваренная Вячеславом конструкция из электрических тэнов с вентилятором, гудела эта штукавина страшно, но тепло давала. На расстоянии двух-трех метров от источника тепла уже ощущался морозный холод. Все в цеху, включая Вячеслава с Санькой, спасались ватниками и телогрейками.

В морозные дни стены цеха покрывались инеем, входные двери напоминали вход в жилище Санта Клауса из Лапландии, где-то на краю географии, все в инее и немислимых сосульках.

В один из таких морозных и солнечных дней, когда казалось, что пар изо рта замерзает на ходу и блестящими искрами опадает под ноги, пришел привет из прошлого, в виде боевого наряда рэкета.

Было дело аккурат в обед, все в цеху, включая Саньку и Вячеслава, сидели за накрытым столом, прямо посреди цеха, поближе к дуйке с вентилятором. Вдруг входная дверь с грохотом распахнулась, в цех зашли четыре амбала без признаков умственной деятельности на лице и один покороче с живой мимикой лица.

Амбалы молчали, двое из них тщательно ворочали челюстью, пережевывая жвачку, Санька заметила, что трое в руках держали пустые трехлитровые банки, меньшой заговорил:

— Нам нужен Одесит, где его найти?

Санька про себя отметила, что ни тебе «здрости», ни тебе «до свидания», с надеждой посмотрела на Вячеслава. Тот, не глядя на Саньку молча вжал голову в плечи, взгляд потупил в пол. Работницы, что были на смене, переглянулись между собой, все молчали. Видя, что никто не горит желанием с ним разговаривать, уже более агрессивно, меньшой повторил свой вопрос, дополнив его репликой:

— Что, воды в рот набрали? Язык у кого-нибудь есть, или так и будем молчать?

Санька просто физически стала ощущать, как накаляется ситуация. Понимала, если продолжать молчать, прямо сейчас начнут швырять все, что под руки попадет. Уже понимая, что Вячеслав ничего отвечать не собирается, набрав в грудь побольше воздуха, еле ворочая шершавым языком в пересохшем от внутреннего напряжения рту, с удивлением услышала свой собственный голос:

— Так нет его.

— А когда будет?

— Я так понимаю, что никогда.

— Что значит «никогда»?

— А то и значит, здесь его нет и больше не будет.

Ответ прозвучал неожиданно и дерзко, амбалы зашевелились и как-то расстроено повернулись в сторону выхода. Меньшой сразу сообразил, шикнул, амбалы развернулись и озадаченно посмотрели на командира, тот, обращаясь к Саньке, произнес:

— А ну, ты... иди сюда, борзая какая, поговорим...

Возникла давящая тишина, у Саньки все опустилось, в ушах звенело, было ощущение какой-то безысходности до тошноты, никто даже не шевелился, страх парализовал всех. Санька вдруг вспомнила: «Страх — это то, что мы не знаем...», а раз не знаем, то не понимаем. Нельзя поддаваться страху, это парализует все мысли, не дает собраться, а надо сгруппироваться, принять внутреннее решение... Нет, нельзя поддаваться страху, а тем более его показать, тогда уже точно — все пропало... Все эти мысли с быстротой вспышки пронесли в Санькиной голове. Никто не шевелился, Санька понимала — нужно действовать...

На негнувшихся ногах, с пересохшим ртом, но гордо вскинув голову, Санька вскочила с места и медленно, очень медленно переставляя ноги, с ощущением тяжести всего мира на своих плечах, как Христос на Голгофу, выдвинулась в сторону махонького.

— Ну-ну... шевели копытами, короче, я тя за дверью жду...

На этих словах своего командира, весь боевой наряд рэкета потянулся к выходу. Санька мысленно, кляня себя за трусость, не-

имоверным усилием воли уговорила собственные ноги повиноваться. Все так же, на негнущихся ногах, но уже более уверенно, продвинулась в сторону входной двери.

Тамбур перед входом в цех представлял собой небольшое помещение, общей площадью 5—6 кв. м, с одним небольшим окном, без единого источника тепла, просто две двери, одна на улицу, другая в цех. В дальнем углу белели стосы полиэтиленовых ящиков для готовой продукции. Побеленные известью стены были покрыты внушительным слоем инея, обе массивные деревянные двери были в причудливых узорах из сосулек.

Когда за Санькой один из амбалов с грохотом захлопнул дверь в цех, она внутренне сжалась, самой себе казалась маленькой и ничтожной. Все так же, на негнущихся ногах подошла к стене напротив входной двери, плечом прислонилась к стене, обретая хоть какую-то точку опоры, призывая всю свою силу воли, постаралась изобразить беззаботность на своем лице, понимала, что получается плохо. Подумала: «Слава Богу, что здесь полумрак». Махонький, который стал напротив Саньки, вытянув вперед руку, уперся в стену, над Санькиным плечом, таким образом нависнув над Санькой.

Любую фамильярность Санька воспринимала как вызов всему ее женскому началу, поэтому вдруг пропал страх, появилось раздражение. Оторвалась от стены, что заставило подвинуться махонького и убрать руку, с вызовом, глядя прямо в глаза произнесла:

— Я вся во внимании, молодой человек, излагайте, что вы там хотели.

— А ты борзая.

— Какая уж есть, была бы очень признательна вам за обращение на «вы».

— Ну, ты че... совсем страх потеряла?

Было видно, что махонький совсем растерялся от непривычного для него расклада.

— Ты че... это? Совсем нас не боишься?

У Саньки вдруг появилась внутренняя уверенность, и все так же с вызовом, глядя прямо в глаза, благо махонький был незначи-

тельно выше Саньки, произнесла:

— А что? Нужно вас бояться? Неужели с девушкой воевать будете?

Саньке в этот момент показалось, что махонький, несмотря на минусовую температуру в помещении, вдруг вспотел, понимала — тон выбран правильный, нужно дожимать.

— Может, вы все же представитесь, а то как-то неудобно получается, меня, например, Александрой зовут, а вас как звать-величать?

Возникла небольшая пауза, кто-то из амбалов гыгыкнул, махонький растерялся вконец, Саньке даже показалось, что смутился.

— Вадим...

— Очень приятно, вот и познакомились, а то бойтесь нас... Ну, что Вадим? Я так понимаю, у вас вопросы есть?

Санька мысленно отсекала амбалов, представила, что разговаривает только с махоньким, каким-то вторым зрением, вдруг увидела, что этот самый Вадим очень неуверенно чувствует себя с девушками, осознание этого придало ей уверенности, страха больше не было.

— Да, есть вопросы. Где Одесит?

— Ну вам же сказали, нет его и не будет.

— А кто будет?

— Что значит: «кто будет»? А вы, Вадим, вообще кто?

Махонький вдруг как-то приосанился весь, казалось, даже стал выше.

— Я кто? Да я хозяин всего этого!

Санька не растерялась, улыбнулась, проникновенно глядя на махонького, произнесла:

— Хочу вас, Вадим, разочаровать. У меня есть совершенно иная информация, думаю, что она достоверная. По состоянию на сегодня этот объект принадлежит банку, я всего лишь одна из управляющих по просьбе банка, — глазом не моргнув, на ходу сошлась Санька.

— Это какого такого банка?

— Обыкновенного, государственного, Проминвест называется.

— Какой такой Проминвест?

— Ну, возможно вам, Вадим, не все известно. Я Вас сейчас просвещу.

Махонький вконец озадачился, был похож в этот момент на иллюстрацию к рассказу Задорнова на реплику «мне нравится этот процесс, когда хочется думать, а нечем». Санька мысленно улыбнулась, представляя, как шевелятся шестеренки в голове у махонького, после небольшой эффектной паузы продолжила.

— Небезызвестный Вам, Вадим, Олег Одесит для получения кредита заложил этот завод Проминвесту. Так как кредит никто не отдал, то банк обратил взыскание на залоговое имущество.

Было очевидно, амбалы уже давно потерялись, не понимая, о чем идет разговор, а махонький с трудом улавливал, перебарывая малознакомые слова, такие как «обратил взыскание» и «залоговое имущество».

— Чем докажешь?

Агрессивностью тона махонький пытался перехватить инициативу разговора. Санька уже оседлала ситуацию и выпускать ее не собиралась.

— А вы бы взглянули вокруг себя, — Санька провела рукой позади себя, — видите, полосы бумажные по всем дверям расклеены, что опечатано было, там везде печать Проминвестбанка.

— Так к кому теперь, — недоумевал махонький.

— Все вопросы к банку.

Санька говорила четко и уверенно, даже не сомневалась — никто никуда не поедет что-либо проверять, а даже если бы и надумали, пошлют их любезных куда подальше и будут абсолютно правы. Для усиления эффекта, скромно потупив взгляд, вздохнула и произнесла:

— Могу адрес центрального отделения написать.

— Ладно, Проминвест, говоришь, — махонький вдруг неожиданно взмахнул неизвестно откуда взявшимся небольшим, но, судя по лезвию, острым ножом. Намеренно махнул прямо перед Санькиной физиономией, она еле увернулась, колени опять начали подгибаться, мысленно уговаривая себя не сорваться на крик, Санька сказала:

— Сделашь дырочку, не запломбируешь. Вы бы поосторожней-то ножом, я ж с вами по-нормальному, вроде как на все ваши вопросы отвечаю...

Махонький вдруг заулыбался.

— А ты мне нравишься, подруга.

— А вы мне не очень, пугаете много.

— Что, не возбуждает? Ниче, к следующему нашему приезду, думаю, сговорчивей станешь.

Неожиданно махонький спрятал нож, махнул рукой амбалам и вышел на улицу, амбалы дружно, все так же молча, потрусили за ним.

Когда за незваными гостями закрылась дверь Санька молча осела на пол, руки, ноги отказывались повиноваться...

С улицы донесся звук двигателя легковушки, минут через пять стало слышно, как машина удаляется... Еще минут через пять дверь в цех открылась, и рабочие смены обступили Саньку, та с их помощью поднялась, сообщала плохо, за спинами рабочих стоял растерянный Вячеслав. У Саньки не было сил на эмоции, хотелось кричать, плакать и смеяться одновременно, сил хватило лишь на взгляд полный упрека в сторону Вячеслава...

На следующий день, когда приехала домой в Киев, Санька выслушала от мамы, напуганной до дрожи, до сердечного приступа, как рэкет приехал к ней и начал угрожать, что младшего Санькиного брата заберут и бросят в яму, до тех пор, пока Санька «не решит все вопросы». Какие именно вопросы Санька должна решить, она и сама не знала.

Выслушав все это, сопоставив объем информации, которым владел рэкет, Санька довольно легко вычислила Володю Олега Одесита. Недолго думая, позвонила ему, трубку Володя снял почти сразу, поздоровавшись, Санька сразу перешла к сути.

— Это как же понимать, сожрал Одесита и решил меня на ноль помножить?

— Сань, ну зачем ты так? Ты же знаешь, как я тебя уважаю.

— Да что ты? Неужели?

— Сань, не надо иронизировать.

— А что надо? Себя в рабство продать? Членов своей семьи добровольно в залог предоставить? Чем тебя и твоих друганов осчастливить?

— Сань, ты не права, какие они мне друганы?

— Какие именно, я не знаю и знать не желаю, но хочу тебя предупредить, ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю, письма мной написаны и где надо уже лежат. Если со мной что-то произойдет, то ли кирпич на голову упадет, то ли споткнусь я неудачно, или член моей семьи вдруг в луже захлебнется, у тебя, дорогой, будут гости.

— А я тут причем?

— Меня не волнует степень твоей связанности, просто у тебя будут гости, мордой в пол опрокинут, наручники оденут, а уже тогда спросят.

— Причем здесь я?

— Ты меня не услышал, твой вопрос не по адресу, ответ на свой вопрос будешь слушать уже в наручниках и не от меня.

Возникла пауза, Санька слышала, как на том конце провода Володя тяжело дышал в трубку.

— Надеюсь, ты меня услышал, — Санька положила трубку.

Резкий разговор произвел просто магическое действие на рэкет, Саньку больше никто не беспокоил. Завод работал, но тут новая напасть. Развиваясь, мини-завод стал мешать бывшему государственному заводу, приватизированному на скорую руку директором, который начал инициировать кляузы во все мыслимые и немыслимые инстанции. Кто только не побывал за короткие месяцы весны на заводе, это и комиссия исполкома и лично начальник налоговой инспекции, одна проверка областной санстанции чего стоила, все пережили.

Когда местному жуликоватому директору приватизированного завода стало ясно, что на местном уровне Саньке ничего не угрожает, умела Санька находить общий язык со всеми с кем общалась, кляузы пошли выше, в том числе и в налоговую, где было зарегистрировано предприятие Саньки и Вячеслава. Санька и с этой проблемой справилась, так и лето пролетело, а за ним и осень, все в разборках да объяснениях, то налоговой, то милиции, то отделу налоговых рас-

следований. К зиме вроде как отписалась, отъездила и отобъяснялась, где только можно было придумать. Во всем этом дурдоме еще умудрялись гасить кредит согласно установленного графика.

Не все было гладко, в том числе и в части латания финансовых брешей, возникающих то тут, то там. Как следствие нехватки финансовых ресурсов – вялотекущая задолженность за поставленное молоко, которая вроде и не была катастрофической и не превышала четверти объема поставок, а в те годы так практически норма, но доставляла много хлопот с председателем колхоза, на территории которого был у завода склад готовой продукции.

Несмотря на вроде как нормальное общение и в общем-то регулярные платежи, пусть и не в полном объеме, председатель Простынский периодически отключал вагон-рефрижератор, который заменял склад готовой продукции, от электричества, попросту вырубая рубильник. Ну и довыключался, у Саньки пропало десять тонн сливочного масла, которое она умудрилась заложить в качестве обеспечения под кредитную линию. Санька с Вячеславом, экстренно посоветовавшись, приняли Соломоново решение. За ночь демонтировали все оборудование, которое было на территории колхозной фермы, сложив его на свой склад-рефрижератор. В спешном порядке по уже отработанной схеме Санька организовала высадку десанта из юриста и службы безопасности банка.

Прибыв в село, где находился склад, служба безопасности банка начала выгрузку оборудования из вагона-рефрижератора. Со скандалом примчался председатель Простынский, который еще по-хулигански задиристо попытался хватать Саньку за руки и даже копнул ногой по Санькиной ноге. Эти неадекватные действия со стороны вполне взрослого, убежденного сединой мужика никак не отразились на решимости банкиров вывезти предмет залога. Не придумав ничего лучше, Простынский поехал в поле, где работали люди и толкнул перед ними речь о том, какая сволочь эта самая Гетьман и что именно она виновата в том, что он, Простынский, не платит вот уже девять месяцев зарплату. Народ с вилами и косами выдвинулся в сторону фермы, дабы помешать банкирам вывезти залог.

Когда достаточно агрессивно настроенная толпа с вилами и косами приблизилась к территории фермы, весь народ, что был там, в том числе и служба безопасности банка из трех мужиков, бросилась врассыпную. Санька на ходу сообразила, что нужно спасти ситуацию, поэтому убежать не стала, а наоборот выдвинулась на встречу толпе, когда ее со всех сторон окружили агрессивно настроенные люди, вылезла на близстоящую тачку и обратилась с пламенной речью:

— Люди добрі! Ви всі мене добре знаєте.

Натовп загук на підтвердження того, що дійсно всі її добре знали. Санька продовжила:

— Мабуть, всі неодноразово бачили, як я носила гроші у сільраду.

Почулися вигуки: «Так бачили!», «Аякже!», «Авжеж». Санька не зупинялась:

— А скажіть-но мені, шановні, а є серед вас хоч одна людина, якій в той день була видана зарплата?

Натовп знову загук, але гудіння було вже аж ніяк не користь Простинського. Чулися вигуки: «Так як же?» і «Що нам робити?». Санька розвивала успіх.

— Так біжіть, люди добрі, і попитайте Простинського: де це падло поділо ті гроші, які були мною йому принесені, а вами кровно зароблені!!!

Натовп досить організовано, все ж з тими ж вилами та косами, але не менш розлючено понісся в бік сільської ради. Санька ще не встигла злізти з тачки, як до неї підбіг наляканий головний бухгалтер колгоспу.

— Олександро, нащо це ти так, що ми маємо з усіма ними тепер робити?

— Так це ваші тепер проблеми, нема чого на мене стрілки переводити і вішати власні гріхи. Ви що собі думаєте? Я буду мовчати? Так раджу навіть так не думати.

Перемога Саньки була кінцева і остаточна, вона тріумфувала.

Завод работал, но денег катастрофически ни на что не хватало, все было впритык, загрузка мощностей была всего вполовину, нужно было что-то делать.

ГЛАВА -27-

Утром Санька отвезла Ивана в аэропорт, шел моросящий, полетному теплый дождь, на сердце было как-то немного грустно, дворники мерно ходили по лобовому стеклу машины. Саньке почему-то хотелось плакать, объяснить такое свое плаксивое состояние, она не могла даже самой себе, вроде все хорошо, а плакать хочется. Смахнув нежеланную слезу, Санька сосредоточилась на дороге, не хватало еще в аварию на ровном месте попасть...

Перед работой заехала домой, сумку бросить, переодеться. Виталик был еще дома, сидел в халате перед телевизором, косо глянул на Саньку, буркнул нечто нечленораздельное в ответ на Санькино приветствие. Санька не очень-то огорчилась, пошла на кухню, заварила чай и уже с чаем зашла в гостиную. Села в кресло недалеко от Виталика и вполне дружелюбно заявила:

— Киця, ти вже снідав?

— А що, тебе мав чекати?

— Та ні, не обов'язково, я просто спитала. Чого ти такий злий з самого ранку?

— Нічого я не злий, це в тебе треба спитати, чого ти така задоволена? Где это тебя носило?

— Я полночи к тебе ехала, а ты еще и недоволен, нет, чтобы обнять, поцеловать с дороги, чаем напоить...

— Как там Гриша?

— Да ничего, все в порядке, привет тебе передавал, — глазом не моргнув на ходу соврала Санька. — А что у вас тут происходило, пока меня не было?

— Все в порядке, я в офис заезжал вчера, там все как обычно, все на месте, тебя только не было.

Виталик сбросил волну раздражения и уже возвращался в свое привычное состояние, посмотрел внимательно на Саньку, ухмыльнулся каким-то своим мыслям и уже вполне мирно спросил:

— Киця, де ти так довго блукала, я таки скучив.

— І я скучила.

На останній фразі Санька з подивом для себе відзначила: таки скучила, не збрехала...

Віталічок підсів до Саньки, посадив її собі на коліна, обійняв. Через невеличку паузу сказав:

— А знаєш, Киця, я вчора зустрічався з Сергієм.

— Це з яким таким Сергієм?

— Ну з тим, що на перевірку приходив.

— А, отим ментом?

— Ну да, так він мене попросив його з кимось познайомити, бо за роботою йому нема коли по кабаках та барах бігати.

— Ну, як на мене, в кабаках, якщо він нормальний, йому нема з ким знайомитися. Нормальна дівчина в бари-ресторани за знайомствами не ходить. А він що, не жонатий?

— Да, наскільки я зрозумів, він розлучений вже років з тричотири. Так я ж оце і подумав, може, дійсно його з кимось з твоїх подружок познайомимо?

— Та давай, можна з Ленкою.

Уже по дорозі в офіс, перебирая в пам'яті події сьогоднішнього утра, Санька кляла себе за распущенность. Это что ж получается: живет с одним, любит другого, слава Богу хоть о третьем не думает. При этом Санька никак не могла даже себе объяснить, это как же так: Ивана, точно знает, любит, причем до щемящей боли, осознавая, что это, наконец, тот мужчина, которым она гордилась, причем во всех отношениях, даже недостатки Ивана казались ей атрибутом его достоинств.

Виталика Санька на заре их отношений любила той сумасшедшей любовью, когда осознаешь, что объект недостойный твоего внимания, но ты ничего с этим поделать не можешь. Это не любовь, а патологическая зависимость, завязанная на физиологии. Понимая и осознавая это, Санька вытравливала в себе эти чувства, постепенно достигая безразличия, насколько это было возможно, параллельно воспитывая Виталика под себя. За годы совместной с Санькой жизни Виталик из одичалого волчонка вырос во вполне цивилизованного, пусть и недостаточно образованного, индивида. Любит Виталик, может, и не умел, но уважал Саньку показательно и безмерно, самой расхожей фразой у него была «Киця сама любима, дорога». А Саньке хотелось любимым

гордиться, но Виталик — это был совсем не этот случай. Особо Саньке досаждала его брехливость по поводу и без.

Размышляя о превратностях судьбы, Санька уже в который раз за последние полгода про себя отметила, что, слава Богу, избавилась от зависимости со стороны Виталика, удерживает ее в его орбите лишь привычка и нежелание менять позицию по отношению к Ивану. По состоянию на текущий момент они с Иваном в равных позициях — он женат, живет с семьей, и она в браке, пусть гражданском, и в семье, получается паритет, ровня.

Единственная мысль не давала ей покоя ни днем, ни ночью: если забеременеет от Ивана, с Виталиком это уже точно, нужно расстаться. Материальная сторона ее беспокоила мало, понимала, что заработает и на ребенка, и на няньку. Беспокоило, как Иван будет это воспринимать. Это сейчас он хочет, чтобы Санька ему родила, а как он отреагирует, если она действительно забеременеет? Не обвинит ли он ее в том, что не знает, от кого она забеременела? Эта мысль уже сама по себе была очень обидной, но себе же врать нельзя. Поразмышляв еще какое-то время, пришла к выводу: ну и пусть, если рожать, то от достойного, даже если поведет себя не очень достойно, но это будет именно его продолжение, а она, если что, и сама справится. М-да... тут либо чистота отношений, причем в одностороннем порядке, либо паритет и полная неизвестность.

Тяжкие раздумия Саньки прервал звонок генерала.

— Олександра, де це ти пропала? Я вже днів зо три тебе не чув і не бачив, чим це ти таким особливим зайнята? Я вже думав тебе в розшук заявляти.

— Та нікуди я не пропадала, була там одна справа. У відрядження їздила.

— І далеко?

— Що «далеко»?

— Далеко, я питаю, їздила?

— Та ні, не дуже, я там підготувала інформацію, що ви просили.

— Ну, слава Богу, що пам'ятаєш про мене, і куди тільки Виталік дивиться, от я йому при нагоді скажу.

Санька на эту генеральскую реплику лишь вздохнула, отме-

тила про себя, что чувствует что-то Петр Валентинович. Генерал, не услышав ответной реакции, решил усилить акцент.

— Так чого мовчиш? Чи заїзні кавалери з Москви язика тобі прикусили?

— Які такі кавалери? Нема ніяких кавалерів.

— Ну не хочеш, то і не кажи нічого. Ладно, коли до мене заїдеш?

— Думала після обіду, якщо вам це зручно.

— Мені все зручно, це ти в нас особливо зайнята, не зрозуміло тільки, чим чи ким. Чекаю на тебе після третьої.

Подъехала к офису, уже когда поставила машину на сигнализацию, опустила руку в карман брюк, нащупала там хрустящую купюру, несколько озадаченная вытащила сто долларов. Остановилась, вспоминая откуда у нее в кармане сто долларов. Это была та купюра, которую ей дал при прощании Иван со словами: «Купи себе что-нибудь». Вроде, как и подарок, но ощущение какой-то досадной грусти опять нахлынуло с новой силой. Вспомнился афоризм «важен не подарок, а внимание». Получается, что Ивану некогда покупать ей подарки, ведь духи, которые он ей частенько дарил, покупались в дьюти-фри, в ожидании посадки на рейс. Даже на день рождения он не особо озаботился подарком, купил традиционно духи в дьюти-фри... Развивать дальше эту мысль Саньке не хотелось, отогнала ее, мотнула головой, как бы гоня подальше плохое настроение. Представила себе маленького черноволосого мальчика, похожего на Ваньку, на душе сразу потеплело, настроение улучшилось.

В офисе все было как обычно, народ демонстрировал тотальную занятость, Санька в который раз порадовалась за отлаженный процесс коммуникаций. В кабинет зашли Инесса с Ленкой, Инесса несла на подносе три чашечки кофе:

— Шеф, коньяк в кофе лить?

— Да, пожалуйста, если тебе не тяжело, а то такое настроение, что хочется кого-то укусить.

— Мне не надо, я так, мне только сливки, — вместо приветствия сказала Ленка, усаживаясь поудобнее в кресле.

Инесса вернулась в кабинет с сливками и бутылкой коньяка.

— Ну, рассказывай... — Инесса присела на стул впереди

Санькиного письменного стола и приготовилась слушать.

— Да нечего особо рассказывать, — сказала Санька, отмеряя чайной ложечкой себе коньяк.

— Как это «нечего»? Что твой Ванька про Костю рассказывает?

Саньку в который раз внутренне покорило от Ленкиной бестактности. Иван был старше Саньки на пятнадцать лет, а Ленки так вообще — на двадцать четыре, а она про него «Ванька», слава Богу, хоть при встрече Иваном называла, а не Ванькой, но при этом беспардонно тыкала. Вот не понимала Санька такого Ленкиного обращения. Впрочем, вслух ничего говорить не стала.

— Да ничего особенного не рассказывал, как ты понимаешь. Константин не есть объектом нашего с Иваном интереса. Говорил, что занят очень, у них там какой-то новый проект стартует, вроде как Константин на повышение идет, президентом целого промышленного блока.

Ленка ревниво покосилась на Саньку:

— А мне он ничего такого не говорил, писал в смс, что работы очень много.

— Леночка, бог с ним, с Константином, жизнь на месте не стоит, имеет смысл поискать кого-нибудь в своем окружении.

— Так нет же никого, один Гендусик, и тот уже надоел.

Санька вдруг вспомнила утренний разговор с Виталиком, улыбнулась своим мыслям, вслух сказала:

— Ну, что ж, поищем тебе жениха...

Вечером Санька устроила Виталику романтический ужин при свечах. Виталик долго обижаться не умел и поэтому был само очарование. Ведя неспешную застольную беседу, обсуждая события прошедшего дня, Виталик вдруг опять вспомнил про Сергея.

— Киця, бачив Серьогу, перестрілися сьогодні, так, чайку-кофейку, він запрошував мене на більярд, знову казав мені, що набридло йому життя холосте.

— Ну, так я ж тобі вже казала, запрошуй його, будемо з Ленкою знайомити.

— Думаю, що варто, а то весь офіс знає, коли в неї місячні, казаться потроху... своє життєве невдоволення на всіх підряд виливає...

Утром Санька бежала на пары, занятия были у студентов, которые специализировались по банковскому делу. Эта категория студентов после международных была самой тяжелой. Большинство студентов имели родителей банкиров, поэтому, с одной стороны, шкалящая материальная обеспеченность, с другой — полученные дополнительные знания в результате практического общения на работе у родителей. Такое сочетание порождало высокомерность по отношению к нищим, по их меркам, преподавателям, а так как законодательство менялось как в калейдоскопе, то зачастую и знаний у таких студентов с точки зрения практики было больше, чем у большинства преподавателей.

Был в этой группе один студент, высокий белобрысый юноша с пытливыми голубыми глазами, уже в который раз срывающий Саньке практическое занятие, потому как общение с группой каждый раз превращалось в диалог с этим студентом. Студента звали Игорь Раздорозный, ощущалось, что мальчик начитанный, имеет начальный практический опыт, отец у него работал управляющим одного из отделений банка. С ярко выраженным юношеским максимализмом, азартом, который бывает лишь в юношеские годы, он вклинивался в любой опрос своих одноклассников, не давая таким образом ни тему занятия раскрыть, ни оценить знания других студентов.

Придя на пару, Санька для себя четко решила, убить еще одно занятие, но поставить слегка зарвавшегося юнца на место. Начала занятие, как обычно, с приветствия, с вопроса кому и что было не ясно по теме сегодняшнего занятия, перешла к опросу. Тема была живая, интересная, посвящена акционерному капиталу, эмиссии ценных бумаг. Вызвала одну из студенток, та старательно пыталась отвечать на поставленный вопрос, Санька по ходу задавала наводящие вопросы, пытаясь ее разговорить, заставить думать, вовлекая в диалог и других студентов. Идиллия продолжалась не более пяти минут, Игорь Раздорозный вклинился в беседу и уже больше никому не давал возможности вставить хоть слово. Санька уже ждала этот момент, спокойно задала вопрос:

— Ви вважаєте, що якщо заявити про емісію облігацій, то всі дружно кинуться їх скупати?

— А чом би ні?

— Да тому, що процес емісії передбачає довготривалу підготовчу роботу, одним із основних етапів якої є проспект емісії.

— Знаю, знаю, чув про таке. Це такий документ, що його вимагає Комісія по цінним паперам.

— Це не просто документ, який вимагає Комісія, за великим рахунком це фундаментальне дослідження як фінансових можливостей емітента, так і ринку збуту його продукції.

— Але ж це формальність, мене як покупця облігацій має цікавити проспект емісії лише в частині, які відсотки мені заплатить емітент.

— Можливо, це би так і було, якщо ви неосвічена, без базових економічних знань людина. Та якщо ви менеджер фінансової установи, яка формує інвестиційний портфель, то у вас має бути професійний скептицизм, який спонукає вас перевірити наведену в проспекті емісії інформацію щодо відсотків, і вже тут без фундаментального дослідження фінансово-господарської діяльності емітента не обійтися.

— Мені буде достатньо інформації, що міститься в балансі підприємства, нащо мені, як покупцю облігацій, дослідження ринків збуту?

— Як це «нащо», будь-яке підприємство існує не в вакуумі, тому слід ураховувати як можливі законодавчі зміни, так і можливість реалізовувати свою продукцію за конкурентоздатною ціною, яка ще до цього є достатньо рентабельною для підтримки рівня виробництва.

— Для збільшення рівня рентабельності достатньо зменшити собівартість.

— А за рахунок чого ви будете зменшувати собівартість?

— Ну, наприклад, за рахунок витрат на оплату праці.

— Наймете більш дешеву робочу силу?

— Ну, так...

— Тоді погіршиться якість вашої продукції, оскільки більш дешева робоча сила більш низькокваліфікована.

— Ну... тоді зменшу витрати на сировину та матеріали.

— Що, придбаєте більш дешеві?

— Так.

— Знову ж таки, в цьому випадку страждає якість, відповідно — конкурентоздатність, і, як наслідок, затоварювання, відповідно — збитки, і тоді — плакали ваші відсотки по облігаціях.

Было очевидно, Игорь Раздорожный проигрывал в этом диалоге, но сдаваться не желал, выдвигал все новые и новые теории одни нелепей других, главное, все как одна креативные и неповторяющиеся. Санька эти теории с легкостью разбивала в пух и прах, Игорь чуть не плакал, группа гудела, одноклассники тихонько ему пытались сказать: «Ну ты же не прав, хватит спорить», но тот не сдавался, сопротивлялся, пока не прозвенел звонок. Санька прихватила с собой журнал успеваемости, попрощалась и ушла.

Уже сдавая в деканат журнал, задумалась, что поставит этому упрямцу, ведь спорил вполне аргументированно, просто не хватало знаний и опыта. Улыбаясь собственным мыслям, вывела в журнале напротив фамилии Раздорожный оценку «отлично».

Через два дня, когда Санька пришла на пары в другие группы, её на перемене на кафедре нашел Раздорожный Игорь с своими тремя одноклассниками. Подошел к ней:

— Александра Владиславовна! Я пришел к вам не один, со мной мои товарищи, я специально их позвал, хочу при них извиниться перед вами.

В этот момент Игорь опустился на одно колено. Санька от неожиданности растерялась, всплеснула руками:

— Встаньте, пожалуйста.

— Не встану. Александра Владиславовна, простите меня, я был не прав.

— Да ладно вам, я на вас не сержусь.

— Я так и понял, вы меня так научили... как никто в этой жизни. Я этот ваш урок запомню на всю жизнь, спасибо вам.

Санька так растрогалась, что и не знала, что и сказать, для нее это также был если не урок, то своеобразный экзамен на преподавательскую зрелость...

ГЛАВА -28-

Весна 1995 пришла вовремя по графику, в солнечные мартовские дни, когда еще слишком холодно, чтобы снять шубу, но уже всюю тает снег, капает веселая капель с крыш и поют птички, Саньку озарила идея.

В далеком 1995 про интернет в Украине больше говорили, чем видели, в Фастове такой роскоши еще не наблюдалось, информацию можно было черпать из СМИ или ничуть не менее достоверного источника — ОБС, то есть «одна бабка сказала». Из какого именно источника Санька почерпнула информацию для своей идеи, она и не запомнила, но где-то то ли прочитала, то ли услышала, что НБУ активно выделяет льготные кредиты для финансирования сельского хозяйства, всего под 15 процентов годовых, когда ставка для предприятий в среднем колебалась от 120 до 240. Собрав необходимую информацию, переговорив с компетентными людьми, изложила свою идею Вячеславу.

Идея заключалась в том, чтобы объединить в одно предприятие молокоперерабатывающий завод и обычную колхозную ферму. Это дало бы возможность рисовать технико-экономическое обоснование для льготного кредита под 15 процентов годовых вместо 120%, которые были возможны для перерабатывающего предприятия. Причем кредит реально направить на приобретение линии по фасовке молочных продуктов и расширение мощностей, позволяющих приемку молока увеличить как минимум в три раза.

Идея Вячеславу понравилась, Санька как раз водила крепкую дружбу с самым молодым председателем колхоза Фастовского района и точно знала, что не откажется этот самый председатель Прохоренко от ее идеи. Тем более, что фермы в то время у всех были в упадке. Подъехали к Прохоренко, Санька ему все красочно изложила, тот сразу загорелся Санькиным энтузиазмом. Возникла одна единственная сложность, такое решение нужно было провести через общее собрание колхозников. Санька, понимая сложность принятия любых решений через общее собрание простого электората, выражаясь проще — колхозного пролетариата, дала вводную Грыцьку Прохоренко:

— Грицю, ти б оце підготувався би до зборів.

— А що ти маєш на увазі?

— Як що? Загальні збори я маю на увазі. Якщо не підготуєшся, ти програєш.

— Як це я програю? Я ж є Голова, вони всі мене зобов'язані слухати.

— Це ти так думаєш, а вони, твої колгоспники, думають інакше.

— А ти звідки знаєш?

— Та нізвідки, просто це банальна логіка. Якщо ти не проговориш з своїми людьми, то знайдеться той, хто проговорить з ними в протилежному руслі.

— Ти що? Дійсно так думаєш?

— Я не просто так думаю, я в цьому впевнена.

— Да?

— Абсолютно.

— Ну, ладно, поспілкуюсь, проговорю, якщо ти вже так просиш.

Если бы Прохоренко еще бы действительно послушал Саньку, то все бы было более чем хорошо. Уже на кануне общего собрания Санька у него переспросила, был ли он на ферме и разговаривал ли с доярками. Грыць сказал, что на ферме был, но с доярками не разговаривал, так как задолжал им зарплату месяца за два. Санька ему парировала, что это не есть причина, наоборот, нужно было им пояснить, что открытая кредитная линия позволит избежать перебоев в выплате зарплаты. И хоть Грыцько ей на это сказал «ага», понимала, что ссыканул Прохоренко и не с кем говорить уже не будет. Понимая все это, Санька для себя уже знала, без ее личного участия голосование провалится.

Общее собрание колхозников проходило под открытым небом прямо во дворе сельрады, ничем особенным не отличаясь от предыдущих собраний. Первых два вопроса были внутренними. Типа, Мыкола просит продать трактор, так в хозяйстве уже всего три их осталось, ну и что, Мыкола у полсела сват-брат-кум, посему решение возможно только одно — продать Мыколе трактор, причем по троекратно заниженной балансовой стоимости. Санька

спокойно наблюдала, как Мыколе трактор за бесценок отдают, в конце концов, не ее ума дела внутрихозяйственные вопросы колхоза. Третьим вопросом дошел и вопрос о воссоединении фермы с заводом. Грыць Прохоренко нечто не совсем членораздельно произнес, поскольку ощущалось, как и предсказывала Санька, — с доярками кто-то уже поработал. Сообразив, что есть противоречия, Грыць произнес:

— Та що я буду вам усім казати, оце є Олександра, ви усі добре її знаєте, то вона усе вам і розкаже...

На этой фразе Прохоренко рукой подтолкнул Саньку на центр площадки, вокруг которой сидели и стояли, кому как удобно, суровые механизаторы и другие члены этого собрания колхозников. Санька не растерялась, хотя картинка получилась еще та: интеллигентного вида дама в белом пальто в шляпе и на каблуках посреди круга крестьян с мозолистыми руками...

Кашлянув, чтобы привлечь к себе внимание, взмахнув рукой в виде приветствия, Санька попыталась начать разговор о возможной пользе объединения производственных перерабатывающих мощностей завода и фермы. Получалось плохо, одна из доярок, особенно горластых, просто не давала и слова сказать. Причем она даже ничего членораздельного не произносила, просто орала, заглушая как Саньку, так и любого из собравшихся. Когда злая тетя-доярка в седьмой раз перебила Саньку, та вспомнила прописную истину или аксиому для оратора: с народом нужно разговаривать на его языке. Вытянувшись во весь свой рост, как бы пытаясь выглядеть выше, Санька как гаркнула во всю мощь своих легких:

— Й..., мать вашу!!! Ви дасте мені хоч слово сказати???

Наступила така раптова тиша, що здавалося чути, як дзижчать комарі в сараї поряд. Доярка одразу знітилася, відступила, опустивши винуватю голову, пробелькотіла:

— А я що...? Я ж нічого... Я тільки спитати хотіла. Я що? Я ж мовчу...

Механізатори, що сиділи прямо на землі, загомоніли:

— Наша людина, їй-бо, наша людина.

Санька, в свою чергу, махнула рукою в сторону доярки, промовила:

— Якщо хотілося щось попитати, то питаєте, але без крику та базар-вокзалу, в кого є питання — підняли руку як у школі вчили, я побачу, даю чесне слово, а ви, всі присутні, знаєте, що в мене воно таки чесне, відповім кожному на його запитання.

Загальні збори схвально загули, але як тільки Санька махнула рукою, всі дружно замовчали. При повній цілковитій тиші Санька розповіла усе, що хотіла, далі народ організовано по черзі задавав питання, як і просила Олександра, всі піднімали руки, як у школі. Голосування з цього питання пройшло одноголосно.

Уже после собрания Прохоренко у себя в кабинете заявил Саньке:

— Переможців не судять, але ж, Саня, як ти так могла, обматюкати загальні збори колгоспників, навіть я собі такого не дозволяю...

Забегая наперед, надобно сказать, что свои обещания, данные на этом собрании, Санька выполнила, задолженность, что была по зарплате у доярки, погасила, да вот с остальным так и не сложилось.

Игорь во всем старался поддержать Саньку, сам пошел на работу в налоговую, учитывая его усидчивость и аккуратность в бумагах — эта работа была как раз для него. Маленькая Ольга в моменты Санькиных вояжей была на попечении то одной, то другой бабушки, внимание Санька ей выделяла, мягко говоря, недостаточно, семья, как правило, собиралась вместе лишь по выходным дням. Иногда Игорь вместе с Ольгой приезжали к Саньке на завод.

В один из таких дней, это была пятница, когда все были в сборе, завод опять потревожил рэкет, правда уже не заезжий, а местного разлива.

На заводе Санька и Вячеслав выделили себе два кабинета, правда проходной достался Саньке. В этих двух помещениях постоянно были люди, от рабочих смены, до зашедших в гости чиновников, постоянно что-то обсуждалось за чашкой чая или кофе, кому что по вкусу. Вот и в ту роковую пятницу и вокруг стола Саньки, и в кабинете Вячеслава было полно народу. Дверь в про-

ходном кабинете Саньки была открыта, Санька сидела за своим столом и разговаривала с заведующим производством, который был на смене, смены менялись по недельно. На смене был Брыль Илья Михайлович, его сменщик Ковальчук Серега должен был приехать завтра.

Санька обсуждала с Ильей Михайловичем поломку температурного датчика на цистерне, такая поломка, если вовремя не устранить, могла привести как к потерям молока, так и к штрафам со стороны санстанции. В этот момент в проеме дверей появились четверо парней угрожающего вида, процессию возглавлял мужчина средних лет, среднего роста и обычного телосложения. Такого в толпе встретишь — пройдешь мимо и не заметишь. Без всякого приветствия вся процессия в полном составе проследовала в кабинет к Ковальскому, который в этот момент обсуждал с механиком и лаборантом, как подвести освещение над термостатом.

Процессия, несмотря на значительную численность, пять человек, прошла молча и как-то быстро, так что не все присутствовавшие поняли, что происходит. Санька, увлеченная разговором с Ильей Михайловичем, вообще увидела только как кто-то зашел в кабинет Ковальского, и оттуда вдруг вышли ошарашенные механик с лаборантом, причем дверь за ними с треском захлопнулась, оставив внутри кабинета только Ковальского и процессию. Санька с недоумением посмотрела на лаборанта Татьяну Петровну, та, пожав плечами, ответила на Санькин немой вопрос:

— Так сказали выйти.

— Кто сказал?

— Эти люди, что зашли.

— А кто это?

— Не представились, лишь попросили выйти и не беспокоить.

— Их та много?

— То ли пять, то ли четыре, не разобрала.

— Они хоть сказали, по какому вопросу?

— Нет, просто сказали всем выйти, так как к директору есть конкретный разговор.

Санька в силу своего характера удовлетвориться такими от-

ветами не могла. Чувствовала необъяснимое беспокойство, Илья Михайлович на ее вопросительный взгляд лишь развел руками. За закрытой дверью что-то происходило, и Санька не знала, что именно, и не понимала кто эти люди, что зашли как к себе домой и ведут себя по-хозяйски. Нужно было что-то предпринять...

Озабоченная происходящим, Санька подошла к двери кабинета Ковальского, было слышно лишь приглушенные дверью голоса, что именно говорили, понять было невозможно. Санька толкнула дверь, она даже не дрогнула, было очевидно, что с противоположной стороны дверь держали, чтобы никто не зашел. Санька отошла, нервно обошла вокруг своего стола, посмотрела в окно, промелькнула мысль: «Это ж что ж такое, как это так, я у себя дома и не могу зайти туда куда хочу... Это ж прямо оскорбление какое-то...».

Вдруг, неожиданно для окружающих и для себя лично, резко развернулась и с разбегу кинулась на запертую дверь, навалилась всем телом. С той стороны двери явно не ожидали такого, дверь приоткрылась на достаточное расстояние, чтобы Санька могла проникнуть внутрь. Амбал, что держал дверь, ослабил хватку, пока сообразил, Санька была уже внутри кабинета Ковальского.

Вячеслав представлял собой жалкое зрелище, он сидел у себя за столом, но руки трусились, лицо растерянное, взгляд затравленный. Увидел Саньку, аж привстал, протянул обе руки в сторону Саньки, как к своему единственному спасению, промычал нечто нечленораздельное, затем выдал из себя:

— Санька!

Мужик, тот что был среднего возраста с явными признаками интеллекта на лице, повернул голову в Санькину сторону, типа вопрошая: «Это еще кто?». Ковальский воспользовался временным замешательством, внесенным Санькиным появлением, уже начал ощущать опору в лице Саньки, произнес:

— Это Александра Владиславовна, она все вам расскажет и объяснит.

Санька, ничуть не растерявшись, посмотрела поочередно на всех собравшихся, задержавшись взглядом на старшем:

— Да, молодые люди, я готова вас внимательно выслушать и ответить на все интересующие вас вопросы.

Вектор внимания старшего временно с Ковальского переместился на Саньку, уже даже рот открыл, чтобы что-то ответить на Санькину реплику, но не успел. Ковальский воспользовался микроскопической паузой и с хриплым возгласом «вы тут и сами без меня разберетесь», почти ползком, нырнув под своим же столом, рванулся к двери. Амбалы, в полном замешательстве, не препятствовали такому маневру, лишь недоуменно наблюдали за ползуще-крадущейся траекторией движений Ковальского. Тот же, с грациозностью контуженного краба, прошмыгнул за дверь, оставив таким образом, Саньку один на один с рэкетом.

Санька хоть и почувствовала дискомфорт от такого предательства Ковальского, тем не менее, более чем уверенно проследовала к столу Ковальского и уселась на его место. Пауза недоумения повисла в воздухе, старший хмыкнул куда-то в сторону:

— Это что ж такое? Мне что, с бабой базар тереть?

Санька в этот момент про себя повторяла как мантру «главное не показать, что ты их боишься», что не помешало ей театрально ухмыльнуться в ответ старшему:

— Та как-то так...

Старший пожал плечами:

— Шо за блудняк? С кем разговаривать-то...?

Санька продолжала широко улыбаться, благо зубами бог не обидел, улыбка была, как на картинке:

— Нравится, вам или не нравится моя персона, но больше ведь не с кем...

Старший вдруг улыбнулся каким-то своим мыслям, как бы наводя резкость, спонтанно протер руками глаза, взглянул прямо на Саньку:

— Так говоришь, больше не с кем? А ты кто такая будешь?

— Меня зовут Гетьман Александра Владиславовна, а вот вас как величать?

— Хм-м... Гетьман, говоришь, значит, Александра и еще и Владиславовна, а не много ли слов для простоты общения?

— Если для простоты, достаточно просто — Александра.

— Ну что ж, Александра, это ж надо, и в прямь блудняк. Нет, это ж надо такое, с бабой базар тереть приходится, м-да...

Помолчали. Санька вошла в роль, закусив обиженно губу, произнесла:

— Так я ж не неволю, можем просто помолчать и столь же молча разойтись.

Старшой вдруг посуловел:

— Это как так «разойтись»? А терки кто тереть будет?

— Ну, мне так кажется, что в этом помещении кроме как со мной вам больше не с кем разговаривать. По ходу выбирать вам не приходится.

Старший пожал плечами, всем своим видом показывая неудовлетворение ситуацией, отвернулся к окну. Санька после небольшой паузы опять обратилась к старшему:

— Так как? Говорить будем?

Старший повернул голову в Санькину сторону:

— Ну что ж, давай поговорим, коли сама напросилась.

— Я вся во внимании.

— Предьява у нас есть к вам. Тут к нам один колхоз обратился, денег они нам задолжали. «Путь Ильича», слыхала о таком?

— Слыхала, если действительно они вам задолжали, так я ж не против — пусть отдадут.

— А ты смешная, подруга ты наша. Что значит «пусть отдадут» и ты «не против». Никто не против, только денег у них нет, и указывают они нас вас, что из-за вас их нет, поскольку молоко у них брали, а не рассчитались.

— Это все пустые слова, мы им ничего не должны.

— То есть как не должны?

— А так, им несколько раз предлагалось забрать маслом по бартеру, а они вместо этого электричество вырубили, десять тонн этого самого масла сгноили, чем нанесли убыток себе и нам одновременно, поскольку наш долг всего одной тонной перекрылся. Так что, двое в драку, третий сами знаете куда...

От такой Санькиной борзоты старший аж поперхнулся.

— Но-но, подруга, ты это, не очень зарывайся, а то осерчаем.

— И что будет?

— Смешная ты, страх господний какая смешная. Будешь бороться, еще и на счетчик поставим.

— Вы что? В такси работали?

Старший вдруг нахмурился, амбалы напряглись, Саньке стало страшно, благо на стуле сидела, а то бы ноги уже подкашивались от свирепого сверлящего взгляда старшего. Опять повисла напряженная пауза, Санька проклинала себя, Вячеслава, завод и свой ерепенистый характер. Старший вдруг всплеснул руками и громко захохотал.

— Какая ж ты смешная, подруга, жуть смешная. И шо с тобой делать?

— Ничего не надо со мной делать.

— Ничего, говоришь? Ты под кем-то хоть ходишь?

Понимая, что перед ней местный, не заезжий контингент, Санька, не моргнув глазом, принялась вдохновенно врать.

— Что значит «под кем»? Если вы про крышу, то она у нас будь здоров не кашляй, вы ж, наверное, в курсе, что с Киева мы, и крыша у нас, соответственно, оттуда.

— С Киева, говоришь? Ну-ну... Так давай, забивай стрелу. Сколько тебе времени нужно, чтоб стрелу забить?

— Ну, учитывая, что Киев за сто километров отсюда, то день-два таки надо.

— Сегодня пятница, выходные портить ни себе, ни людям не будем, понедельник — день тяжелый, давай на вторник, на 10 утра.

— Хорошо, только на всякий пожарный случай давайте ближе к обеду.

— Ништяк, к обеду, так к обеду, давай на час дня. Харэ?

— Не возражаю, на час, так на час. Звать-то вас как?

— Роман меня звать.

Роман вдруг хитро Саньке подмигнул:

— А ты, подруга, засветилась.

— Что значит «засветилась»?

— А то и значит, в Червоному была? С энергетиком из Дмитровки приезжала?

— И что из этого?

Санька картинно изображала недоумение, одновременно прокручивая в памяти поездку в село Червоное. Вспомнила, что, когда ездила с Вовкой, который работал к тому времени уже у них, а не в колхозе, договариваться о поставках молока в это самое село, и сидели, ожидали, когда освободится Голова, из кабинета Головы вышел средних лет мужчина. Вовка тогда еще Саньке сказал.

— Диви, Сань, бачиш того мужика, що з кабінету вийшов?

— І що?

— Та нічого, це є головний Фастівський рекет, Рома Романюк називається...

Санька все это вспомнила, с облегчением подумала: «Ну слава тебе Господи, хоть буду знать, с кем дело имею». Вслух сказала:

— А что, собственно, смущает?

— Меня? Меня ничего не смущает, це ты попалылася, это тебя должно смущать, а то возьму и мужу твоему расскажу, что ты с чужими мужиками по колхозам шастаешь.

Санька недоумевала уже вполне искренне.

— Ну, во-первых, Вовка — не чужой мужик, а наш коммерческий директор, во-вторых, мой муж прекрасно с ним знаком и как-то в курсе, что у меня есть рабочие вопросы, в-третьих, даже жена Вовки Алла и та в курсе, что Вовка со мной по колхозам ездил.

— Ладно, замнем для ясности. Значит, забили: вторник на час дня.

— Хорошо, до вторника.

ГЛАВА -29-

Погода портилась, осеннее утро было пасмурным, периодически шел мелкий моросящий дождь. Деревья уже надели свои багряные одежды, яркими жёлто-оранжевыми пятнами стояли вдоль дороги, казалось, подсвечивали полумрак пасмурного утра, опавшая листва была повсюду. Санька ехала на работу, размышляя над превратностями жизни. В такую погоду ей всегда хотелось сидеть дома, укутавшись в теплый плед с книжкой на диване, но жизнь вносила свои коррективы. Забот был полон рот, от текущих рабочих проблем до вполне банальных житейских, связанных с переживаниями, как Ольга будет успевать ходить на дополнительные языковые занятия в посольство Ирана и одновременно готовиться к будущим выпускным экзаменам.

Уже придя на работу, вспомнила вчерашний разговор с Иваном. Как ей казалось, он попросту капризничал и делал попытки ее построить. Почти каждый день вот уже целую неделю, разговор сворачивался в сторону «ты ж обещала приехать в Москву» и «наверное, тебе тяжело оторваться от Виталика». Санька терпеливо, как маленькому ребенку, объясняла, что есть учебный процесс, что не может вот так просто бросить студентов. Иван язвил:

— Да уж, конечно, это ж так тяжело вырваться на два-три дня, незаменимая ты наша. Боишься, что Виталичек заскучает? Так купи ему погремушку, пусть радуется.

— Вань, ну зачем ты так. Виталик здесь абсолютно ни при чем, есть у меня какие-то определенные обязанности, я же тебе еще когда ты приезжал, сказала, что обязательно выкрою и приеду, но не раньше, чем через недели две-три.

— Так уже две недели прошло.

— Очень может быть, но я говорила две-три, а три еще не прошло, я как раз в процессе, договариваюсь о замене хотя бы на один день. Ты же мне сам сказал, что в выходные не можешь.

— Ну ты ж понимаешь, у меня семья, мне проблематично будет объяснить свое отсутствие в нерабочий день.

— Ага, значит тебе проблематично, а мне нет.

— Не утрируй, у меня ребенок, дочке всего тринадцать.

— Ну да, у меня детей нет и мужа также.

— Саня, прекрати, у тебя дочка на два года старше, и потом, Виталик не ее папа.

— Ну да, всего на два года, переходной возраст еще не закончился, и папу просто убили, а так все более чем хорошо.

— Ты, что считаешь, что мне нужно сообщить своим, что я героически погиб, защищая Родину?

— Да нет, что ты! Зачем такие крайности, я просто хочу тебе донести, что мы с тобой в одинаковой ситуации, и мы с тобой равны.

— Хорошо, что ты так решила, но женщина никогда не будет мужчине равней.

— Я про ситуацию, а не про гендерное неравенство.

— Короче, ты обещала.

— Представляешь, я сдержу свое обещание, буду не позже, чем через три недели. Сколько дней я должна выделить?

— Ты мне ничего не должна.

— Извини, неправильно выразилась. Сколько ты сможешь выделить мне внимания?

При этих словах Санька где-то на физическом уровне ощутила, как польстила мужскому самолюбию Ивана, и как тот просто расплывается на том конце провода в улыбке.

— Ну, как-то так... думаю, что два-три дня, если прилетишь в воскресенье вечером, у меня будет.

— Так два или три?

— У меня все получится. Главное, чтобы ты смогла.

— Хорошо, Вань, я договорюсь, чтобы меня заменили, приеду на три дня.

— Ух ты, выпросил.

— Ванечка, солнышко, не надо ничего выпрашивать, как по мне, я бы с тобой вообще не расставалась.

— Ладно, ловлю на слове, жду...

Пообещать Ивану было легко, а вот договориться со всеми, что ее три дня не будет не так-то просто. Пока ехала, соображала, кому позвонить, кого попросить. Уже когда была в кабинете, перезвонила коллегам, договорилась, что заменят ее во вторник и

среду. С Виталиком было проще простого, сказала, что взяла билеты на воскресенье вечером, так как должна быть в главном офисе корпорации на девять утра, если вылетит утром, может опоздать. Виталик спорить не стал, сказал: «Киця, роби, як вважаєш за потрібне».

Ближе к обеду, когда Санька была у генерала, позвонил Виталик:

— Кыця, привет, ты в офисе?

— Нет, а что?

— А когда будешь?

— Думаю, что через час. А что?

— Да ничего, я тут с Сергеем встретился, думал его в офис привести, с Ленкой познакомить.

— Так vedi, я не против, Ленка как раз на месте.

— Я думал, что ты будешь.

— А я вам зачем? Ты же с Ленкой его знакомишь, а не со мной.

— Ну, як скажеш, але мені здається, що все ж було би непогано, якби ти також під'їхала, це ж твій офіс.

— Ти мене переконав, їдьте, скоро буду.

Когда Санька подъехала в офис, все уже были в сборе, Инесса готовила всем кофе. Виталик с Сергеем расположились в Санькином кабинете. Чтоб знакомство не выглядело сводничеством Виталик предложил озадачить Ленку Сергиным иском по страховке. Вопрос не сложный, Сергей мог бы и сам им заняться, но все же навыков написания исков и хождения в суды он не имел. Позвали Ленку, озадачили иском и отправили вместе с Сергеем составлять бумажки. Виталик допил кофе и отправился по своим делам. Санька погрузилась в очередной Акт налоговой, перебирала первичку, когда в кабинет, постучав, зашел Сергей.

— Александра, я зашел сказать спасибо за помощь.

— Так, помощи пока еще не было.

— Но всё-таки, Лена пообещала на завтра подготовить иск, так я заеду.

— Заезжай, конечно.

— Сколько я буду должен?

— Пока нисколько.

— Ну, это ж работа, она ведь что-то стоит.

— Да, стоит, но, учитывая особенности нашего знакомства, для тебя ничего не стоит. Впрочем, лично Елене можешь презентовать коробку конфет и каких-то денег, сколько не жалко.

— Спасибо, конечно, но я бы хотел тебя попросить, чтобы ты лично просмотрела и откорректировала иск.

— Да он не сложный, Лена вполне справится.

— Но мне было бы очень приятно твое личное участие, если нужно заплатить, я заплачу.

— Да, ладно, какие вопросы, я обязательно перепроверю иск, денег не надо.

— Так я заеду завтра?

— Заезжай.

— Я заеду ближе к обеду, может, сходим вместе пообедаем?

— Спасибо за приглашение, если будет время, мы с Леной составим тебе компанию.

Под утро, когда было еще темно за окном, Санька опять проснулась. Часы показывали полпятого утра. Она повернулась на другой бок, закрыла глаза, Иван стоял перед взором, весь его образ демонстрировал обиду. Санька вдруг вспомнила, что не перезвонила ему и не сказала, что билеты уже забронировала. Подумала: «Господи, нельзя же быть таким обидчивым». Про себя в сердцах, мысленно обращаясь к Ивану, сказала: «Да позвоню я тебе, прямо с самого утра, дай поспать, в конце-то концов». После этой фразы удалось задремать, в полудреме мерещился образ Ивана, его объятия, когда прозвенел будильник, Санька проснулась с ощущением поцелуя на губах.

Весь следующий день прошел в беготне и заботах, связанных с подготовкой к поездке в Москву. С самого утра созвонилась с Иваном, сообщила, что будет в воскресенье вечерним рейсом, обратный билет также взяла на вечерний рейс на среду. По интонациям в голосе Ивана поняла, что он очень ждал этой информации. Ближе к обеду позвонил Сергей и спросил, получится ли вместе пообедать. Санька сказала, что вряд ли, но это не должно ему мешать пригласить обедать Лену и подъехать, чтобы забрать готовый иск, на что Сергей ответил:

— Так Лена сказала, что раньше, чем к вечеру не успеет с иском. Поэтому, если ты не возражаешь, перенесем обед на другой день.

— Не возражаю, но ты бы у Лены поинтересовался, а не у меня.

— С Леной как-нибудь потом...

Уже в пятницу у Саньки было настроение торжественного ожидания. Надо же, она целых три дня проведет с Иваном, лихо-радочно готовилась к поездке, традиционно оббежала магазины, посетила салон красоты. Вечером в воскресенье Виталик отвез Саньку в аэропорт, Иван попросил до вылета ему не звонить, так как еще, вероятно, будет находиться дома. Санька нервничала, поскольку летела без звонка, а если не встретит, что она одна будет делать в громадном мегаполисе на ночь глядя.

Иван ожидал Саньку у выхода из паспортного контроля, выглядел немного нервным, было ощущение, что переживал, вдруг Санька не прилетит. Объятия были особенно крепкими, но Иван все равно заметно нервничал, пока не сели в машину. Санька не выдержала и поинтересовалась, отчего он так тревожится. Иван ответил, что боится встретить знакомых, будет проблематично объяснить, что он делает в столь позднее время в Домодедово, да еще и с молодой и интересной. Санька, с одной стороны, понимала его страхи, а с другой — было немного неприятно осознавать, что Иван ее стесняется.

Пока доехали, пока расположились в гостинице, пока спустились в ресторан поужинать, было уже ближе к полуночи. Настроение у Саньки было несколько испорчено, Иван явно переживал, как обмануть свою жену, чтобы имитировать, будто едет по дороге в командировку. Для большей убедительности раза два выходили на улицу, садились в машину, включали двигатель и звонили жене Ивана, якобы в дороге. Уже ближе к полуночи Иван успокоился, пожелал своей жене спокойной ночи, сказав, что до утра звонить не будет. Заметно повеселев, Иван начал балагурить и сыпать забавными историями из собственной жизни, настроение у Саньки значительно улучшилось. Потягивая вино из бокала, Санька спросила:

— Ты далеко в командировку «уехал»?

— Да достаточно далеко, километров двести пятьдесят будет...

При этой фразе Иван хихикнул, улыбнулся каким-то своим мыслям. Санька продолжала:

— А завтра ты как? На работу идешь?

— Нет, на работу не иду, отпросился у Константина, а то есть там некоторые, могут сдать.

Санька, с одной стороны, обрадовалась, что Иван весь день завтра проведет с ней, а с другой — больно кольнуло, что у Ивана есть страх перед женой. Понимала, что не должна, не имеет права, но где-то в глубине подсознания засело раздражение на этот его страх.

Принесли большое блюдо салата, Санька с удивлением обнаружила в нем сырые шампиньоны, недоуменно посмотрела на Ивана.

— Что, никогда не ела сырые шампиньоны?

— Нет, никогда.

— Это у вас в Киеве пока что редкость, а в Москве это очень модный салат. Ты ешь, тебе должно обязательно понравиться.

— Это еще почему?

— Ну, как почему? Потому что мы с тобой очень похожи и вкусы у нас совпадают, а так как это нравится мне, значит точно понравится и тебе.

Весьма сомнительная логика, подумала про себя Санька, но шампиньон на вилку наколола и надкусила. На вкус сырой шампиньон был достаточно непривычный, чем-то напоминал очень обезжиренное авокадо. Нельзя сказать, что ей понравился этот вкус, но, может, просто не распробовала... Вслух сказала:

— А что? Очень даже оригинально и необычно.

Иван расплылся в улыбке:

— Во-во, я же говорил, что тебе обязательно понравится.

Гостиница была одной из сетевых турецких недорогих отелей, в номере было чисто, мебель новая, но то ли стиль хай-тек, то ли холодный серо-синий цвет стен, ощущение было какой-то отчужденности, нервозность Ивана лишь усугубляла это ощущение. Темперамент брал свое, но чего-то не хватало, никогда еще в обществе Ивана Санька не чувствовала такой какой-то звериной

тоски. Разряжало холод интерьера ярко-алое пятно Санькиного пеньюара, который висел стуле. Санька про себя подумала: «Это все из-за дождя».

Сон не приходил, было какое-то беспокойное полузабытье. В этих видениях Саньку все время преследовала черноволосая женщина с зелеными глазами, по контексту, вроде как, жена Ивана, но Санька знала, что та была крашенная блондинка. Эта непонятая женщина в Санькиных видениях была как бы в клубках то ли дыма, то ли пара, и из этой дымовой завесы тянула к ней руки с намаи-кюреными ярко-красными длинными ногтями, пытаясь ее душить. Санька в ужасе закричала, очнувшись от того, что Иван держит ее на руках и качает как ребенка, осыпая лицо мелкими частыми поцелуями, шепча: «Санька, Санечка, девочка моя, любимая моя, я с тобой, я тебя никому не отдам, никакая ведьма тебя у меня не отнимет...».

Санькино лицо было все в слезах, понадобилось достаточно много времени, чтобы она успокоилась, ей все время чудилось, что из темных углов номера за ней наблюдают чьи-то светящиеся в темноте глаза. Ивану пришлось встать и включить полный свет, чтобы она убедилась, что в номере, кроме них, никого нет. Уже под утро Санька забылась в беспокойном сне без сновидений.

Наутро Санька проснулась с ощущением тоски и тревоги, Иван был рядом, старался, как мог, поднять настроение. Спустились на завтрак, Санька без особого желания попила чайку с круассаном. Обходительность Ивана делала свое дело, настроение улучшилось, она повеселела.

Уже в номере Санька поинтересовалась у Ивана:

— Вань, а ты говорил, что неоднократно пытался разойтись со своей женой, какая была причина?

— Тяжело сказать что-то определенное. Первый раз у нас с ней разрыв произошел, когда погибла старшая дочь и она меня во всем обвинила. Я ушел просто в чем был, сутки был у друга, думал, не вернусь никогда. Но жизнь в закрытом гарнизоне диктует свои правила, ради соблюдения приличий, да и в Союз могла пойти негативная информация, последствия могли быть неконтро-

лируемые, решили, что будем сохранять видимость отношений до возвращения.

Когда вернулись в Союз, оказалось, что Татьяна беременна, я считал это знаком свыше и новым шансом, новорожденную дочь так и называли — Надежда. Лет пять жили почти в мире, потом опять понеслось, не мог я удержаться, да и скандалы практически не прекращались. Я более десятка раз уходил из семьи, каждый раз думал, что с концами. Потом всегда возвращался, ругал себя за слабость.

Последний раз, года три назад, был у меня достаточно серьезный роман. Я ушел из дому, снял квартиру, привез туда свою избранницу. Счастье было недолгим, недели через две, прихожу я домой, а Светлана, так ее звали, сидит на собранном чемодане и плачет. Я к ней, она мне: «Отвези меня домой», я ей: «Почему?». Она в ответ только плачет...

Года два назад я сказал себе, что хватит шастать, пора определиться, и чтобы не было соблазна, решили с Танюхой обвенчаться, но почему-то все срывалось да не получалось. В прошлом году, когда были в Партените, забрели далеко от дома, пошел дождь, а тут заброшенная церковь на пригорке. Зашли дождь переждать, а Татьяна мне — это знак, батюшка как раз был в церкви, попросили его, он нас и обвенчал, вот как-то так, по-тихому... Все активы, что у меня были, переписал на Татьяну, даже выдал ей доверенность на получение своей зарплаты. Это чтобы меньше было соблазна деньги на других женщин тратить.

Пока Иван рассказывал, Санька, не перебивая его, слушала и про себя думала: «Это ж надо так себя самого веревками повязать, что ж это за сила такая заставляла Ивана отдать себя в добровольное рабство...».

— И что? Сильно это тебе помогло? Насчет того, гуляешь ли, ты даже не спрашиваю, вижу, знаю — гуляешь, аж гай шумит. А вот скажи, ругаться хоть перестали?

Иван вдруг замолчал, не глядя на Саньку, скорчил гримасу, глядя куда-то в угол, ухмыльнулся каким-то своим мыслям:

— Да если бы... ругаемся, иногда, кажется, еще сильнее, чем прежде.

— Так был ли смысл удерживать такие отношения?

— Но я же должен доказать, что могу.

— Кому и что именно ты хочешь доказать?

Опять возникла пауза, причем тяжесть возникшей тишины, казалось, давила прямо на барабанные перепонки, у Саньки аж зазвенело в ухе. Иван вдруг повернулся к Саньке, обнял. От его объятий возникшая тяжесть куда-то ушла, Санька ощутила приступ счастья, всем телом прижалась к Ивану. Иван взял Санькины руки, неспешно поцеловал каждую, не выпуская из объятий произнес:

— А ты, Санечка, права — некому доказывать, вот только боюсь, что дочь не поймет меня. Татьяна чуть что, сразу к ней апеллирует, что видишь, мол, не любит нас папа. Очень боюсь потерять контакт с дочкой.

Ближе к обеду телефон Ивана разрывался, звонил то Константин, то его жена. Санька только диву давалась, никогда в Киеве жена Ивана так часто не звонила. Константин, казалось, был недоволен временным отсутствием Ивана, раза три перезванивал по одному и тому же вопросу. Очередной раз Константин позвонил Ивану в районе часа дня и заявил, что через час ожидается встреча, на которой Иван обязан быть. Иван нехотя оторвался от Саньки и виновато сказал:

— Санечка, ты посидишь тут без меня, я ненадолго, съезжу на встречу и вернусь, думаю, часа через два-три. Не скучай тут без меня, я быстро.

ГЛАВА -30-

Можно написать отдельный роман из Санькиных переживаний в тот роковой вечер. Первое, что сделала Санька — отправила Игоря с Ольгой домой, понимая, что о-очень небезопасно их присутствие на заводе, пока не разрешится ситуация. Когда собирала в дорогу Игоря с Ольгой, подошел Илья Михайлович:

— Александра Владиславовна, я, наверное, тоже поеду, впрочем, если я вам нужен, могу до завтра остаться.

— Да зачем, завтра утром Ковальчук приезжает, так что можете спокойно ехать.

— Но я тут подумал, учитывая сегодняшний визит, может, я вам нужен? Ну, как поддержка. То есть я хочу сказать, что мне не тяжело поменять свои планы.

Санька видела, что Илья Михайлович говорит правильные слова, а сам невероятно боится: вдруг Санька примет его предложение, а ему ой как боязно. Саньке и самой было страшно, просто страх за маленькую Ольгу перебил страх за себя, и потом, еще был Вячеслав, он-то никуда не должен был собираться. Возможно, Санька и не отказалась бы от предложения Ильи Михайловича, но, видя его страх, понимала: пользы с него как с козла молока. Но про себя отметила его попытку пересилить свой страх, потому с благодарностью кивнула, вслух сказала:

— Не переживайте, я справлюсь, на смене вы уже не нужны, а завтра Серега будет, поэтому езжайте спокойно домой к своей жене, она вас уже ждалась.

Илья Михайлович благодарно кивнул в Санькину сторону и сказал:

— Александра, я всегда тобой восхищался, ты удивительная, абсолютно невероятная женщина.

— Все, Илья Михайлович, идите уж, а то я сейчас расплачусь.

— Не имеете права, такие женщины, как ты, Александра Владиславовна — предмет для подражания. Я не просто восхищаюсь, в очередной раз поражен твоей силой, силой твоего духа...

У Саньки комок подступил к горлу, хотелось плакать, еле сдерживаясь, отвернувшись к окну, произнесла:

— Идите уже с богом... а то на электричку опоздаете, Игорь с Ольгой вам составят компанию.

Илья Михайлович подошел к Саньке, в знак поддержки положил руку на плечо, стоя у Саньки за спиной, проговорил (ощущалось, что слова ему даются с трудом):

— Саня, если я буду нужен, я всегда буду готов подставить плечо...

— Да идите, а то я раскисну совсем...

Санька произнесла эти слова, все так же стоя спиной к Илье Михайловичу. По щеке катилась нежеланная слеза, она не хотела, чтобы кто-то, неважно кто, видел ее слабость. Понимала, что она, к сожалению, в этой ситуации единственная, кто способен понести эту непосильную ношу общения с рэкето́м. Ей нельзя было раскисать, еще нужно было придумать, что будет делать во вторник, ведь никакой «крыши» в реальности не было.

Все так же глядя в окно, до боли сжала челюсти, мысленно приказывая себе: «Не раскисать! Нельзя, не имеешь права. Кто, если не ты...». Через минуту-другую услышала шум удаляющихся шагов...

Подбежала Оля, Санька обняла дочь, присела, чтобы сравняться с ней, обнимая, спрятала лицо, прижавшись к ее маленькой грудке, до крови прикусила губу, чтобы не расплакаться. Подошел Игорь, стал поодаль, не решаясь подойти. Санька мысленно отсчитала до трех, это дало ей возможность взять себя в руки, вытерлась мокрой от нежеланной слезы щекой об кофточку дочки. Поднялась во весь рост, стараясь не смотреть на Игоря, обняла его, преодолевая комок в горле, произнесла:

— Идите, там Илья Михайлович с вами собирается, идите быстрее, а то на электричку опоздаете.

— Санечка, солнце мое ясное, позвони мне обязательно, я за тебя переживаю, может, вместе поедem. Вячеслав как мужчина, сам справится, а ты в понедельник приедешь.

— Игорь, не трави душу, поверь, я бы с удовольствием, но ты же видел — не справится.

— Так, может, я останусь?

— Нет.

— Что значит твое «нет»? Может, тебе моя помощь понадобится?

Санька с удивлением посмотрела на Игоря, знала, что не обладал он смелостью Шварценеггера. Игорь вопрошающе смотрел на нее, но Санька видела, что боится он ничуть не меньше всех остальных... Да и потом, кто Ольгу в Киев к бабушке отвезет? Вдохнула, помолчала и ответила, причем голос ее, на удивление для нее самой, звучал уверенно и спокойно.

— Езжайте, это самая лучшая для меня сейчас помощь. Я тебе завтра обязательно позвоню, если что, то приедешь, хотя мне будет спокойнее, если вы с Ольгой будете как можно дальше.

Игорь еще раз крепко обнял Саньку, выжидая на нее посмотрел. Санька ободряюще ему кивнула, мол, езжайте уже с богом...

Когда за Игорем, Ольгой и Ильей Михайловичем захлопнулась входная дверь, вдруг зашел Ковальский, причем Санька с удивлением увидела, что он уже переодел спецодежду. Санька посмотрела на Ковальского испытывающим взглядом, тот резко махнул рукой и со злостью произнес:

— Вот только сцен не надо, я домой. Жене обещал сегодня вернуться.

У Саньки было такое чувство, будто кто-то с размаху дал под дых, дыхание перехватило, слов не было... Вячеслав, наблюдая за ее мимикой, скривился.

— Только слезу не пускай, до вторника ничего не произойдет, а завтра с утра Серега Ковальчук на смену приедет, так что будешь не одна... Ну, я пошел, а то на электричку опоздаю.

Когда затихли шаги Ковальского и резко хлопнула входная дверь, Санька молча, без сил опустилась на стул. Вокруг нее стояла звенящая тишина... С усилием, заставляя себя, поднялась, встала, обошла все помещения завода. На заводе не было ни души, Санька, получается, и не заметила, как все разошлись... тишина давила, как бетонная плита. Санька вслух самой себе и кому-то невидимому громко произнесла:

— Не дождетесь, я не сдамся!

После произнесенной реплики вроде как стало легче. Мысленно уговаривала себя не раскисать. Теперь уж действительно может рассчитывать только на себя, прошла по всем помещениям; закрыла на замок входную дверь, предварительно запустив собаку, что жила при заводе.

Перед сном покормила собаку, позвала ее в свою комнату, где стояла кровать. Попила чай, чтобы разрядить тишину, поговорила с собакой. Как с самой родной и близкой, потому как ни одной живой души вокруг и не было, что сейчас тяжело, пока решения еще нет, но ничего, она, Санька, до завтра что-нибудь придумает. С тяжестью на душе легла спать. На удивление, только голова легла на подушку, пришел сон. Сон был тяжелый, беспокойный...

Снился Саньке Рома Романюк, который вдруг решил разыскать ее еще до назначенной во вторник встречи. Во сне Романюк явился Саньке в образе кого-то свирепого, черного с окровавленными руками, причем эти кровавые руки он все тянул к Саньке, пытаясь ее схватить. Страшно вращая глазами, Романюк Саньке во сне орал: «Я знаю все твои семь телефонов, так что ты от меня никуда не спрячешься...». Санька как будто ему отвечала, что никуда прятаться не собирается, недоумевала, откуда семь номеров телефона, ей самой были известны лишь четыре: домашний, мамы, кафедры и здесь, в Фастове. На что Романюк ей парировал, что он знает, что Санька его обманула, и никакой стрелки не будет, но он ее обязательно разыщет и отвечать придется.

Санька за ночь раз десять подсакивала, бросалась к окну, всматривалась в темную безлюдную ночную улицу, каждый раз вздрагивая всем телом от любого шороха. Собака Найда недоуменно жалась к Саньке, все намереваясь лизнуть то руку, то щеку. Если бы не Найда, Санька бы в эту ночь точно бы сошла с ума. Под утро решила заварить себе чай, так от нервного вздрагивания уронила чашку с кипятком, чудом не на себя; в итоге вместо чая обошлась простой холодной водой.

Около семи утра во входную дверь раздался резкий стук, Санька, взяв Найду за ошейник, осторожно подошла к двери, сердце, казалось, выскочит из груди. Дверь снаружи кто-то резко

рванул на себя, Найда гавкнула, Санька дрожащей рукой открыла дверь, другой рукой держала за ошейник Найду, на всякий случай спряталась за ней, пропуская неизвестного...

Увидев, что это всего-навсего Ковальчук Серега, было ощущение, что в Саньке нажали невидимую кнопку, все напряжение прошедших суток лавиной обрушилось на Серегу. Это был и истерический хохот, и слезы облегчения на плече у Сереги...

Ковальчук был не в курсе событий вчерашнего дня, приехал в привычном для себя режиме, чтобы заступить на смену, поэтому вид имел вполне обалдевший от свалившейся информации и от цунами Санькиных эмоций. Санька то смеялась, то плача описывала события прошедших суток, Серега вставлял односложные фразы либо молча крутил головой. Саньке было все равно, что подумает Серега, расскажет ли он все, что Санька говорила о Ковальском, которому приходился кумом или нет. Ей было в этот момент просто ВСЕ РАВНО...

По мере пересказа всех событий чувство преданности и брошенности проходило, Санька, выливая свои эмоции Сереге на голову, освобождалась от негатива, обретала почву под ногами. Появилось ощущение, что уже знает, как разрешить свалившуюся внезапно проблему. Это ощущение пока было призрачно расплывчато, но внутренняя уверенность, что разрешит все проблемы, в Саньке усиливалась по мере изливания информации и эмоций. К приходу рабочих на смену Санька уже четко знала, что будет делать.

Есть известная поговорка: «Против лома нет приема, кроме другого лома». Следуя этой народной мудрости, Санька понимала: против рэкета либо другой рэкет, что не факт есть спасение, либо то, чего ребята в спортивных костюмах действительно боятся. В те времена это были, как ни странно, менты. Менты Саньке по духу были и понятнее, и надежнее, с ними Санька быстрее находила общий язык. Для нее это все же какие-никакие, но по тем временам профессионалы, которые уважали закон хотя бы за то, что закон был для них инструмент для зарабатывания денег и тем, что придавало им вес в социуме.

Сразу после обеда Санька отправилась в поход. Первым было линейное отделение милиции на вокзале. Санька зашла в помещение отделения. Это была довольно тесная, пошарпанная комната, в которой стояло четыре письменных стола, за которыми сидело три оперативника. Санька с порога поздоровалась, спросила, кто старший, указали на довольно молодого лейтенанта. К нему Санька и обратилась:

— И еще раз вам здрасте. Меня зовут Александра, я тут работаю финансовым директором на молочном заводе.

— Это на каком? На том, который Кулинича, или тот, где киевские?

— Тот, где киевские.

— И по какому поводу вы к нам пожаловали?

— А повод очень банальный.

— Банальный? Это как?

— Очень просто. На нас наехал рэкет.

— Рэкет? А мы тут причем?

— Да вообще-то ни при чем. Но имею желание поделиться с вами информацией.

— Ниче себе... И что? Информация серьезная?

— Серьезней не бывает.

— И? В чем, собственно, состоит ваша серьезная информация?

— Вы понимаете, беда какая, как вы правильно заметили, мы из Киева, соответственно и крыша у нас киевская. К нам на завод вчера пожаловал некий Рома Романюк. Слыхали о таком?

— Ну, допустим?

— Так вот, предъяву он нам голимую выкатал.

— Так мы здесь причем?

— Да, собственно, в общем и ни при чем. Просто опять-таки, хочу напомнить с чего начала, крыша у нас киевская. Соответственно, Роме за базар ответ не передо мной держать, а перед нашей крышей. Романюк пожелал стрелу на вторник забить, я пока крышу свою не беспокоила, а она у нас будь здоров не кашляй.

— Это кто ж такой у вас будет?

— Кто-кто... Знамо кто — Киселя бригада.

— А... Ну так это ж не наша проблема.

— А это как посмотреть, сейчас не ваша, а приедет наша крыша из Киева в Фастов, я, как вы понимаете, этим товарищам не командир, война может быть. Оно вам надо? На вверенной вам территории?

— Вы что, угрожаете?

— Я? Та боже упаси, разве я, хрупкая, слабая женщина, могу кому-либо угрожать? Я просто доношу до вашего сведения информацию.

— И что мы, по-вашему, должны сделать?

— Ну я ж не могу вам указывать, я информацию до вас донесла, а вы думайте, как будете ее, эту самую информацию, использовать.

Возникла пауза, Санька долго ждать не стала, поднялась со стула.

— Ну, я пошла, буду нужна — найдете...

Приблизительно с таким же разговором зашла к заместителю начальника РОВД Фастова. Там она уже нашла больше понимания, замначальника в звании майора даже обменялся с Санькой телефонами и вроде как искренне поблагодарил за информацию, пообещал, что проведет воспитательную беседу с Ромой Романюком.

В обед Санька встретилась с Вовкой, тем самым, что работал коммерческим директором и ездил с Санькой в то самое село Червоне. Санька рассказала Вовке во всех красках, что произошло за прошедшие сутки, особенно обсуждали информацию про то, кто пожаловал на завод. Вовка на вид был очень озабочен, но, в отличие от всех остальных, очень спокоен. Санька вдруг почувствовала: если и может опереться на мужское плечо, то это в этой ситуации может быть только Вовкино. Вовка не знал, что делать со всем этим дальше, но однозначно был полон решимости что-то делать, был деловито озабочен. Вовка, подумав какое-то мгновение, вдруг совершенно серьезно сказал:

— Сань, а ти до Михайловича вже заходила?

— Це якого такого Михайловича?

— Ну того, що начальник Фастівського БЕПА?

— Та не, я про нього забула.

— Я так собі думаю, що тобі саме до нього треба, бандюки — це саме його тема.

— Ти впевнений?

— Абсолютно, тим більше, що я тебе з ним вже знайомив.

— То що? Разом до нього підемо.

— Ні, я так думаю, що тобі краще самій до нього. Він до тебе нерівно дихає.

— Звідки ти знаєш?

— А тобі не все одно? Якщо хочеш, я тебе підвезу і почекаю в машині.

— Ну, давай...

ГЛАВА -31-

Бессонная ночь сказывалась. Санька забылась в беспокойном сне, ей постоянно мерещилась злая черноволосая женщина с зелеными глазами и острыми как бритвы, наманикюренными ярко-красным лаком ногтями. Очнулась от очередного сонного забытья, сумерки сгущались, придавая причудливые зловещие очертания всем предметам, за окном шел морозящий дождь, погода лишь усиливала меланхоличное Санькино настроение. Посмотрела на телефон: никто не звонил, часы показывали время пять часов вечера. Телефон вдруг ожил, в зловещей тишине мрачного гостиничного номера звук его звонка прозвучал особенно резко. Это был Иван:

— Сань?

Голос Ивана звучал как-то вымучено бодро.

— Любимая, ты выпалась?

— Можно так сказать. Ты скоро будешь?

— Не знаю, девочка моя, Костя меня пока еще не отпускает. Дома что-то непонятное, наверное, придется захватить.

— Как захватить? Ты же жене сказал, что в командировке.

— Костя случайно меня сдал, пришлось сказать, что срочно вернулся на работу.

— И...?

Возникшая пауза на том конце провода для Саньки показалась вечностью. Было слышно, как Иван тяжело вздохнул:

— Санечка, детеныш мой любимый, я буду очень стараться, чтобы сегодня к тебе доехать.

— Что значит «сегодня»?

Санька поежилась. Полумрак гостиничного номера сгустился в одно мгновение, внутри все сжалось, комок подступил к горлу, тоска одиночества невидимой рукой душила прямо за горло. Дождь барабанил по стеклу, Санькина душа сжималась и плакала, казалось, сама Вселенная плачет вместе с ней.

— Сань, не обижайся, я же не специально, я постараюсь... думаю, что все получится. Не скучай, в течение часа я перезвоню. Ты же будешь меня ждать?

— А у меня что, есть выбор?

Санька старалась говорить спокойно, невидимые слезы душили ее, прикусила до крови губу, чтобы не закричать, не сорваться. Сама себя мысленно уговаривала: «Не смей, ты не имеешь никакого права высказывать ему претензии. Ты все сама себе придумала, он для тебя никто... ему просто хорошо с тобой... А красивые слова — так ты ж сама знаешь, на кого он учился и какими навыками владеет: нравиться и завоевывать симпатии у него просто на автомате». Все эти мысли с быстротой молнии пронесли в Санькиной голове. Иван что-то еще говорил, но она уже его не слушала, боролась с собой, чтобы не разрыдаться. Преодолевая комок в горле, глухо произнесла:

— Хорошо, любимый, я тебя жду...

Не дожидаясь ответа, повесила трубку, слезы брызнули потоком. Уже не сдерживаясь, Санька громко зарыдала, уткнувшись в подушку, минут через пятнадцать ей, кажется, стало легче. Мрачность гостиничного номера давила, включенный свет во всех местах не помогал, Саньке всюду мерещились зловещие тени. Включила телевизор специально на новостной канал, только чтобы кто-то постоянно говорил. Тоска не отпускала.

Вдруг опять зазвонил сотовый, Санька с надеждой бросилась к телефону, но это была всего-навсего Инесска:

— Сань, привет. Как отдыхаешь?

— Все хорошо.

— Ты что? Плачешь?

— Уже нет.

— Что там у вас стряслось?

— Ничего особенного, просто Ивана вызвали на работу.

— И давно ты сидишь одна?

— Да уже в порядке, часа четыре.

— Но, я так понимаю, что он скоро будет?

— В том-то и дело, что скоро не обещает, по расстроенному голосу поняла, что может до завтра вообще не появиться.

— Тю, так чего тебе там одной делать?

— То ото ж, однако у меня билет аж на послезавтра.

— Так возьми и перекомпостируй билет на ближайший рейс.

— Хорошо, что сказала, сейчас перезвоню, узнаю, можно ли...

Поговорила еще пару минут с Инессой, немного попустило, тоска забилась глубоко в угол. Санька тряхнула головой, прогоняя остатки хандры, в конце концов, не удавится же только от того, что придумала себе любовь. Уже полная решимости действовать, взяла трубку гостиничного телефона, набрала сервисную службу аэропорта. Проблем с перерегистрацией рейса, в общем-то, не было никакой, нужно было лишь доплатить. Неприятно кольнуло, что Иван обещал компенсировать билеты, но, по-видимому, забыл или не успел...

Санька уже вполне справилась с эмоциями, взяла телефон, набрала номер Ивана, трубку долго никто не брал... Через гудков семь-восемь Иван поднял трубку:

— Сань, я слушаю тебя.

— Ванечка, солнышко, я лишь хотела уточнить...

Иван с раздражением в голосе прервал Саньку:

— Так час еще не прошел. Я еще занят, ты меня отвлекла.

— Извини, дорогой, не хотела тебя беспокоить, но просто время поджимает.

— В смысле «время поджимает»? Не понял? — в голосе Ивана появилась озабоченность.

— В смысле, что я так понимаю, что у тебя, любимый, не получается.

— Видишь, ты сама умная, все знаешь, — голос у Ивана повеселел.

Саньку опять где-то глубоко внутри кольнуло, вздохнула, отогнала боль подальше, продолжила.

— Да, Ванечка, я понятливая, все как для тебя, любимый... Просто не могла уехать не попрощавшись.

— Что ты хочешь сказать этим?

— Ничего особенного, я перезвонила в сервисную службу, через два часа имею возможность улететь в Киев, места есть, перерегистрировать билет проблемы не составляет.

— Зачем в Киев? Я ж гостиницу проплатил до среды.

— И что? Мне до среды сидеть и ждать, что у тебя может, получится, а может — нет?

— Ну, зачем до среды? Я, может, ночью или утром приеду.

— Может, приедешь, может, не приедешь... Любимый, как ты правильно заметил, я очень понятливая, можешь уже никуда не спешить, занимайся своими делами.

Санька резко положила трубку, ее душили слезы. Телефон опять зазвонил, кусая губы, собирая всю свою волю в кулак, Санька сняла трубку, голос Ивана выражал озабоченность:

— Что-то прервалось.

— Да, любимый, это связь плохая, что-то прервалось.

— Так я не понял, ты что, меня ждать не будешь?

— Да нет. Я только то и делаю, что жду тебя. Мне просто одной ночевать страшно, а тебя до утра не будет, поэтому поеду я в Киев, — про себя мысленно добавила: «Меня там хоть Виталик ждет...».

— Ну, если ты так решила...

— Ну, что ты, как я могу... у тебя ж не получается, а у меня дел куча.

— Да ладно, если тебе тяжело дожидаться до утра, то езжай, не могу же я тебя задерживать.

— А ты точно будешь утром?

— Ну, если не утром, то к обеду точно буду.

— Вот видишь, ты и сам не знаешь, я не в обиде, просто дел действительно много, уже из Киева звонили, зачем же я буду в одиночестве сидеть в гостинице.

— Ты точно не обижаешься?

— Ваня, не парься. Я просто в очередной раз из-за тебя перестроила все планы, а так все в порядке.

— Я тогда приеду в Киев ближайшее время.

— Это уж как у тебя получится. До встречи в Киеве.

— До встречи, обнимаю и целую крепко.

Санька положила трубку, слез не было, в горле стоял комок. С сарказмом проговорила: «Целую крепко, твоя репка...». Стало веселей. Позвонила Виталику, обрадовала, что будет поздно вечером, Виталик хоть и удивился, но пообещал встретить.

Наутро следующего дня Иван обрывал телефон, интересовался, как доехала, встречал ли ее Виталик, причем в голосе было неподдельное беспокойство. Санька односложно отвечала, обиду заглушила, но на душе было тяжело. Иван извинялся, клял обстоятельства, пенял на собственную жену, которая стала не в меру подозрительной. У него это все звучало так натурально, что Санька уже начала его жалеть. Говорить Иван умел, Санька почти перестала обижаться, держать долго обиду не умела. Подумала: «Вот же как, бедненький, переживает», на расстоянии уже одинокой себя не ощущала. Может и вправду ничего особенного не произошло, а она просто себя накрутила?

Хорошо, что приехала раньше запланированного времени — работы было действительно выше крыши. Не успела приземлиться, а телефон уже разрывался от звонков. Еще на выходе с аэропорта позвонил генерал:

— Олександро, де це ти цілий день пропадала, я тобі дзвоню-дзвоню, а ти весь час без зв'язку.

— Ніде я не пропадала, треба мені було відлетіти на один день.

— Куди це тебе носило? І як це Віталік тебе саму відпускає?

— Та я всього-на-всього на один день.

— Ну, сьогодні вже пізно, а завтра я на тебе чекаю, є цілий ряд питань, які треба обговорити...

Санька поклатла трубку і про себе подумала: як добре, що в неї є поряд такі люди, як генерал, не дадуть впасти долу та сумувати.

Уже вечером, после работы, когда была дома, пила чаёк перед сном, Виталик рассказывал последние новости. Среди дня забежал в офис, там все как обычно, так как Саньки не было, все разошлись рано. Виталик не удержался и съязвил:

— Оце, Киця, батько з хати — миші в пляс. Як тебе немає, так нікому нічого не треба. Всім байдуже, я прийшов, так мені навіть ніхто і кави не запропонував.

— Ну, якщо ніхто коло тебе не танцював, це ще не означає, що ніхто не робить свою роботу.

І вже всміхаючись, провела долонею по щоці Віталіка, дивлячись йому в очі, промовила:

— Звісно, що тебе всі люблять, але ж я більше за всіх... Никто тебе не обещал, что будут тебя кружить. У меня, Киця моя дорогая, серьезный офис, а не бордель, поэтому мог кофе себе и сам сделать.

— Так я и сделал.

— Ну и молодец.

— Кстати, я заезжал проверить, че там Ленка, пишет для Сереги иск или нет.

— И как?

— Та сказала, что у нее других забот по горло. Я оце подумав, може, їй нічого і не треба, я старався, думав, як їй краще зробити, а вона мені: «Шо надо?».

— Ну, Киця дорога моя, ти ж знаєш її не перший день, вона така, трохи специфічна. Я собі мало уявляю, що вона з кимось уживеться, хіба що дуже закохається. Хоча, для того, щоб дійсно закохатися, треба почути ще й іншу людину, а не тільки себе. Впрочем, кому я это рассказываю?

— Киця, це зараз ти про що?

— Та это я так, о женском, не парься. Кстати, ты ничего не слышал про выборы Президента? Там у нас никаких поправок к Конституции не принимали, щоб ото Кучме да на третий срок?

— Не, ничего такого не слышал, а за кого голосовать будем? За Яныка или за Ющенко?

— Ты понимаешь, я не знаю, кто там и как, у меня ни при каких обстоятельствах рука не поднимется за Януковича голосовать. Ну не могу я за зэка голосовать, мне от зонавских раскладов тошно становиться. Я на эти «бигморды» по всем городам и весям на каждом столбе спокойно смотреть не могу, оттого мне эта рожа без капли интеллекта противна.

— Так говорят, что он сам из простой семьи, поэтому к простым людям с уважением.

— Да уж, проще не придумаешь. Тут надо также добавить, что рано лишился матери и жил с бабушкой, именно голодное детство заставило его шапки воровать и насиловать.

— Так его ж типа оправдали.

— Ага, ну отсидел по малолетке пару лет, ну вдруг резко карьера нарисовалась, даже членом КПСС стал. Виталик, меня всегда убивала наивность электората, это ж каким крепким нужно было стать стукачом, чтобы условно-досрочно освободиться, тут же устроится на нормальную работу, а еще через пару-тройку лет стать членом КПСС, и это в советские-то времена... Ну не могу я поверить в белого и пушистого.

— А шо? Ющенко лучше?

— С точки зрения чистоты биографии, то, конечно, да. Некий налет образованности и интеллигентности все же, как ни крути, есть. Пусть и родился в глухом забитом селе, но все же в семье учителей. Значит, с детства пытались привить правильные ценности, опять же, книжки читает.

— Не всем же быть умными и образованными.

— Конечно, не всем, но страной руководить должны люди высокой культуры и уровня образования, что у нас, к сожалению, отсутствует напрочь.

— Это еще почему?

— По кочану, потому как элита нации не количеством денежных знаков меряется, а прежде всего духовными ценностями, но у нас все наоборот.

— Ой, Кыця, тебя послушаешь, так ты у нас самая умная и образованная.

— Далеко не самая умная, но в политику стараюсь не лезть, потому как грязь большая все это. Вот ты, к примеру, если бы книжки с детства был приучен читать, то мог бы и чего-то достичь.

— Шо ты хочешь этим сказать?

— Да ничего, и так все понятно.

— Я щось оце зараз не пойняв, ти про що? Ти що, забула, що я технікум закінчив і в інституті лише трохи не довчився?

— Да ні про що.

— Ти, Кыця, не балуйся, я тобі вже казав, що будеш терпіти мене до пенсії.

— І чого до пенсії?

— А кому ти будеш тоді потрібна?

Санька, не желя развивать конфликт, молча ушла в другую комнату, размышляя про себя о превратностях судьбы. Это ж надо, до чего докатилась. Посадила себе на шею мужика, который еще и указывает, что ей делать...

Вдруг позвонил сотовый — это был Иван, Санька несколько удивилась столь позднему звонку, но трубку сняла.

— Сань, привет, извини, что поздно, но я очень быстро, хочу тебе сказать, что буду в четверг вечером, все, обнимаю, до скорой встречи.

Не дав Саньке ответить, положил трубку, Санька озадаченно слушала короткие гудки. На душе стало теплей, вот же, все-таки думает о ней, поменял свои планы и скоро прилетит...

ГЛАВА -32-

Вовка подвез к зданию милиции, Санька зашла в помещение, подошла к дежурному, назвала к кому пришла. Дежурный снял трубку, перезвонил, что-то уточнил, что именно Санька не расслышала, кивнул ей, сказал: «Поднимайтесь, он у себя в кабинете». Юрий Михайлович сидел у себя за столом, его кабинет был довольно тесным, здание очень старое, по потолку шел кабель электропроводки, было ощущение, что ремонт никто не делал со времен Второй мировой войны. Михалыч загадочно улыбался, мол типа «чего пожаловала?». Санька присела возле стола:

— Здравствуйте, у меня к вам серьезный вопрос.

— Неужели? Так уж и серьезный?

Санька про себя уже начинала злиться, ну почему ее никто не хочет воспринимать серьезно, вслух сказала:

— Не просто серьезный, для меня это более чем серьезный.

Видя такой настрой Саньки, и то что она даже не улыбнулась, Михалыч и сам перестал улыбаться:

— Ну, коль уж так серьезно, то давай, Александра, выкладывай, что там у тебя.

Санька принялась вдохновенно рассказывать все перипетии прошедших суток. Юрий Михайлович слушал внимательно, не перебивал, пару раз задал уточняющие вопросы. Особенно его интересовало, как Санька идентифицировала то, что к ней пожаловал именно Рома Романюк. Помолчал, закурил, Санька вопрошающе на него посмотрела. Вдруг Михалыч подмигнул Саньке, кивнул неопределенно в сторону и сказал:

— Не желаешь ли подышать свежим воздухом?

— Да, конечно, не возражаю...

Уже на улице Михалыч вновь затянулся очередной сигаретой, было видно, что что-то обдумывает, взвешивает. Санька лишь молча разглядывала его и ждала, когда созреет решение, было интересно следить за работой мысли зрелого мужчины, умудренного жизненным опытом. Докурил сигарету, вдруг как-то хитро ухмыльнулся своим мыслям, с прищуром глянул на Саньку.

— Так, говоришь, стрелку забили?

— Ну да, на вторник...

— А ты пока никого из бандюков не искала?

— Не-е... а что?

— Правильно, что не искала. Рома Романюк, значит?

— Ну да.

— А ваш Вовка, что говорит?

— В том-то и дело, что посоветовал к вам обратиться.

Возникла небольшая пауза, Санька почувствовала, что знает что-то Михалыч, да не спешит говорить. Вероятно, взвесив все «за» и «против», Михалыч внимательно посмотрел на Саньку.

— Александра, слушай меня внимательно, я обязательно с Романюком переговорю, но особого эффекта этот разговор не принесет, не те у меня с ним отношения. Он, конечно же, серьезно отнесется к моему с ним разговору, но это будет, к сожалению, временный эффект. На данном этапе он оставит вас в покое, но ненадолго, просто затаится и будет ждать момента.

— Так что же делать?

Санькин вопрос повис в воздухе. Михалыч молча затянулся сигаретой, его взгляд был направлен куда-то в сторону, казалось, что он обдумывает нечто важное. У Саньки было ощущение, что в первую очередь Михалыч взвешивает все «за» и «против» приглашения Саньке нечто, что для нее очень серьезно и значительно. Санька, затаив дыхание выжидаяще молчала, понимала, одно неосторожное слово, и все, не узнает НИЧЕГО...

Прошло всего две-три минуты, Саньке они показались вечностью, Михалыч повернул свой взгляд в Санькину сторону, его глаза улыбались, весь его вид говорил, что колебания он отбросил в сторону. Четко выговаривая каждое слово, произнес:

— Сань, я сейчас скажу тебе одну информацию. Если хоть одна живая душа узнает, что ты получила ее от меня, у меня будут колоссальные неприятности. Я просто тебя предупреждаю, ты можешь и даже должна будешь ее использовать, но никогда и никому не сообщай источник полученной информации. Вовке, который, как я вижу, ждет тебя на той стороне улицы, скажешь, что случайно в коридоре услышала, пока меня ждала.

Санька молча кивнула и приготовилась слушать. Михалыч, казалось, был вполне удовлетворен ее реакцией, продолжил:

— Этот самый Рома Романюк таки да, бандюк еще тот, а вот его жена дама очень положительная и общительная и дружит она, причем очень тесно, с женой не безызвестного тебе Гуляйполе Ивана Ивановича.

Санька с удивлением взглянула на Михалыча.

— Это тот, что начальник ОВИРа?

— Ну да. Я знаю, что вы знакомы, причем он о тебе неплохо отзывался. Даже если у тебя есть сомнения, как к нему подойти, не стесняйся, привлекай вашего Вовку, он то уж точно с ним в очень хороших отношениях.

— А вы откуда все это знаете?

— Работа у меня, Санечка, такая, все про всех знать. Скажу тебе даже еще больше, жена Ивана Ивановича одноклассница жены нашего Ромы, к сожалению, некоторые не понимают, что всплеск дружелюбия через десяток лет на пустом месте не бывает, но это уже совсем другая история и тебя не касается.

Последнюю фразу Михалыч, казалось, произнес больше для себя чем для Саньки, дружески подмигнул Саньке:

— Ну, думаю, тебе моя информация поможет правильно расставить акценты и справиться с ситуацией. Со своей стороны, я тебе обещаю обязательно переговорить с Романюком. Ну, с богом! Работать надо.

Вместо прощания Михалыч пожал Саньке руку, она озадаченно смотрела ему вслед, поискала глазами Вовку. И точно, Вовкина машина стояла на противоположной стороне улицы как раз напротив Саньки.

Санька в точности выполнила инструкции Михалыча, пересказала Вовке все слово в слово как случайно услышанный разговор под дверью в милиции. Вовка очень удивился таким сведениям, заметив при этом:

— А я ж собі і думаю, чого це Романюк зачастив до нашого Івановича. Я бачу, що тому наче і незручно але ж терпить, були вони в нього на день народження його жінки...

Виникла невеличка пауза, Вовка щось про себе роздумував. Санька смикнула його за рукав:

— Ну що? Поїхали шукати Івановича?

Вовка вийшов з роздумів, глянув на Саньку:

— А що його шукати, має бути зараз на роботі, сьогодні ж субота, робочий день. Зараз знайдемо, не переживай, головне, аби його ніхто до нас не розстроїв.

Іван Іванович таки был у себя в кабінеті. Вовка сходил к нему, уже вдвоєм они вышли на улицу, где их поджидала Санька. Поздоровались, поговорили на отвлеченные темы. Санька все соображала, как перейти к главной теме их встречи, начала из далека, что, мол, работали с одним колхозом, там долг непонятный образовался, люди непонятные приехали. Пока Санька говорила Иван Иванович очень внимательно ее слушал, не перебивал, лишь понимающе кивал. Когда Санька окончила свое повествование, вдруг подмигнул Саньке и сказал.

— Так это к тебе Романюк подъезжал?

Санька несколько озадачено кивнула.

— Ну-ну. А що у вас з тим колгоспом? Хто кому там і що винен?

— Що значить «хто кому»?

— Я так зрозумів, що ви дійсно не розраховувалися за молоко.

— По-перше, не зовсім так, а по-друге, Романюк тут яким боком?

— Мабуть, хоче допомогти селянам.

Санька відчула, що в курсі проблеми був Іванович, мабуть, таки правий був Михайлович про його зв'язок з Романюком, вирішила бити по найбільчшому.

— Ви дійсно так думаєте? Ви така шановна та поважна людина, все своє життя пропрацювали в міліції, хіба можете дозволити, щоб якісь бандюки вказували вам, що робити?

Після цієї Саньчиної фрази Іванович аж здригнувся, Вовка хмикнув в сторону. Іванович, не зважаючи на дефекти статури, мав доволі вагомий здобуток у вигляді дебелистого живота, якось весь аж виструнчився, скосив погляд на Саньку. Виникла невеличка пауза, Санька вирішила: або пан, або пропав, пішла в атаку.

— Якісь бандюки мають стільки нахабства, щоб ото вами керувати і скеровувати ваші дії в сторону беспредела. Ви ж юридично зріла людина і добре знаєте, що договір, це лише документ, що посвідчує наміри, а не наявність боргу, якби у нас був борг, то було б як мінімум акт звірки, а як максимум рішення суду.

— Чекай, чекай, я повністю з тобою згодний.

Очевидячки, Іванович не бажав, щоб його вважали юридично необізнаним та таким, що не поважає закон. І вже посміхаючись до Саньки, продовжив:

— І дійсно, чого це якийсь бандюк буде мені вказувати, що я маю робити, та ще моїми руками беспредельничати. Я собі так думаю, скажу йому, що це наше підприємство і перебуває під нашою охороною. Правильно, Сань?

— Саме так і скажіть. Який же ви розумний та досвідчений, я завжди вами пишалася.

Від Саньчиних компліментів Іван Іванович роздувався як павич, але Санька, що відчула полегшення від такого розвороту, готова була і не таке ще наговорити.

— Так-так, саме так я йому і скажу, він має зайти до мене сьогодні.

Від таких думок Іван Іванович тішився сам від себе, що такий правильний та справедливий, а Санька рада була старатися, і ще додала пару фраз про те, який шикарний Іван Іванович. Вовка тільки мовчки схвально цокав.

На утро вторника Санька уже почти забыла, что должна была быть стрелка, зашла в отделение банка в центре Фастова, и чуть было не села прямо на пороге, на встречу к ней шел Рома Романюк собственной персоной, улыбаясь во все тридцать два. Санька слегка опешила от столь неожиданной встречи, а Романюк, как раз напротив, всем своим видом демонстрировал радость от случайной встречи с Санькой. С возгласом «дороженька, як я радий тебе бачити» кинулся на встречу к Саньке.

— Олександро, хто старе згадає, тому і ока позбутися. Я ж маю таку надію, що ти на мене зла не тримаш? Ці колгоспники завжди щось наплутають. Ми ж нормальні люди, завжди знайдемо порозуміння.

Санька і собі посміхнулася і бадьорим голосом відповіла:

— Я дуже рада, що ми з вами таки знайшли оце саме порозуміння.

Санькин авторитет в Фастове виріс до небес, с неї считался весь Фастовський бомонд, крепко подружилася с одним из зампредов и его женой, которая занимала не последний пост в Фастовском исполкоме. Все вроде как бы было неполохо, банкиры Саньку уважали, предлагали кредиты на выгодных условиях, их с Вячеславом везде приглашали, короче, принимали самое активное участие в жизни районного центра.

Но что-то не давало Саньке покоя, гложило, с одной стороны, ощущение, что нет у нее тыла, понимала: если что, Вячеслав продаст со всеми потрохами, дорого не возьмет. С другой стороны, мучили непонятные видения, после которых было ощущение пустоты и тревоги. Спасала полная тотальная занятость, работала не покладая рук как на заводе, так и со студентами. Усталость была такая, что по выходным могла спать сутками напролет, просыпаясь только попить водички да в туалет сбежать, поэтому заморачиваться на внутренние страхи было некогда.

По очередной кляузе конкурента вызвали Саньку в отдел налоговых расследований по месту регистрации предприятия, то есть в Киеве. Начальник отдела был вполне такой себе живенький средних лет мужчина приятной внешности. Звали его Павел Васильевич, он потребовал от Саньки подтверждения реальности производственной деятельности, чем очень ее удивил, она даже предложила ему скататься на завод и убедиться воочию. От поездки тот категорически отказался, сказав, что ему достаточно первичных документов за какой-нибудь, выбранный самой Санькой период. Павел Васильевич документы, привезенные Санькой, изучил и вернул с напутствием, что мол работайте, не дразните конкурентов, типа «злые они у вас».

Мотаясь по своим делам-проблемам, как-то встретила Артамонова Михаила Игоревича, который к тому времени уже давно не работал в налоговой. Встретила под банком и просто не узнала, до того тот изменился, видать, напряженный график работы в

собственном бизнесе. Вместе со своим другом создали одну из первых в Украине аудиторских фирм.

Частые полувстречи-полугульки крепко его потрепали, из стройного черноволосого молодого мужчины превратился в полуседого достаточно дородного мужчину на вид лет крепко за сорок, хотя сорока тому еще не было. Тем не менее была очень рада встретить и приятно удивлена, что тот не только ее узнал, а радовался встрече, казалось, больше самой Саньки.

Тут же нашли точки соприкосновения, Саньке для ее студентов-дипломников очень было необходимо постоянное место прохождения практики. Михаил Игоревич с удовольствием предоставил ей такую возможность, она тут же пристроила к нему целую группу из девяти человек. С одной стороны, это были дополнительные хлопоты, с другой — вырисовывалась еще одна линия Санькиной занятости, иногда вместе со студентами стала выходить на аудиторские проверки, задумалась о сдаче экзамена на сертификат аудитора.

Все эти ненавязчивые перемены указывали Саньке, что выросла она уже из деятельности финдиректора своего мини-завода, начала подумывать, как бы разбежаться с Вячеславом. Завод стал для нее как чемодан без ручки: и нести неудобно, и выбросить жалко...

ГЛАВА -33-

Санька собиралась на работу, Виталик уже ушел с утра пораньше. Пока крутилась, включила новости, весь эфир был занят предстоящими выборами президента.

Октябрь 2004 года запомнился тотальной пропагандой за Януковича во всех мыслимых и немыслимых источниках информации. Громадные билборды с физиономией Януковича весели через каждые сто метров. У Саньки и ее окружения в голове не укладывалось, как можно в лидеры нации определить человека малообразованного, уровнем интеллекта ниже среднего и тяжелым уголовным шлейфом из прошлого. Причем уголовное прошлое имело окрас самого что ни есть бандитского пошиба.

Пропаганда рисовала Януковича эдаким рубахой-парнем, всеми фибрами души болеющего и переживающего за простой народ, потому как типа, сам выходец из глубинки. То, что были нелады с законом, так опять же, дело было молодое, все типа по неопытности, чуть ли не вселенский заговор против молодого донбасского парня, который вроде как не шапки воровал, а экспроприировал добытые нетрудовые доходы, прям витязь-богатырь, радеющий за народный интерес.

В приближении даты выборов пропаганда еще больше усилилась, по всей стране на митинги за Януковича сгоняли бюджетников, работяг с больших заводов и студентов. Последние отлынивали как могли. На одном из таких митингов пригнали студентов Прикарпатского университета имени Стефаныка. Ничего не предвещало для Януковича беды, был солнечный осенний день. На алее, где собрали народ, были в основном студенты первого курса, один из них решил пошутить, швырнул яйцо в выходящего из автобуса Януковича. От неожиданности Янукович упал как подкошенный прямо в руки своих телохранителей.

Газеты и телеканалы, кроме 5 канала, подали это как чуть ли не теракт. В интерпретации прессы это событие звучало приблизительно так: на «міцного господарника» Януковича «напали націоналісти-отморозки по заранее спланированному сценарию с целью запугивания и дискредитации», отчего тот попал в реанимацию.

Особенно это выглядело смешно, потому как накануне яйцом швырнули в Юлию Тимошенко, так та даже не поморщилась, обошлась простой язвительной репликой в свойственной для нее манере. Рейтинг Януковича, который до этого стремительно набирал обороты, крепко пошатнулся. Зато все взрослое население вдруг полюбило новости, особой популярностью пользовался тогда оппозиционный 5 канал, принадлежавший Порошенко. Санька, которая всегда сторонилась политики, никогда не интересовавшаяся новостями, также начала с большим интересом смотреть 5 канал.

Вдруг зазвонил сотовый, это был Иван, Санька сняла трубку:

— Сань, привет, как спалось?

— Спасибо, прекрасно.

— Говорить можешь?

— Да любимый, я вся во внимании.

— Ой...

Возникла небольшая пауза, Санька слышала учащенное дыхание Ивана, она, казалось, видела как он жмурится от удовольствия.

— Санечка, детеныш мой, скажи еще что-то.

— Ванечка, солнышко мое ясное, что тебе сказать?

— Да ты уже и сказала.

— Это все?

— Нет, не все, хочу тебе напомнить, что завтра я прилетаю, если ты занята, то не беспокойся, я возьму такси.

— Я еще не знаю, возможно, у меня получится, буду знать сегодня ближе к вечеру, единственное — уже просто не знаю, что такое соврать на этот раз Виталику.

— Ну, соври что-нибудь. Ты главное вечером будь свободна, а из аэропорта я и сам доберусь. Кстати, ты как-то обещала сауну организовать, я прилетаю не один, со мной мой товарищ прилетит.

— И...?

— Нет-нет, ты ничего такого не подумай, просто мой товарищ, он крепко постарше будет, больно сауну любит.

— Хорошо, если будет не занято на завтра, я договорюсь.

— Ты еще дома или уже на работе?

— Еще дома. А что?

— Ничего, просто хотел бы знать, чем занимаешься.

— Ну, тогда докладываю, смотрю новости.

— Неужели?

— А что тебя так удивляет. У нас выборы скоро, нужно же проявить сознательность, сходить проголосовать, а для этого нужно быть в курсе последних новостей.

— Можно подумать, что от тебя что-то зависит.

— От меня одной, конечно же, нет, ничего не зависит. Но я же не одна голосовать пойду, чем больше граждан проявят сознательность и пойдут осознанно голосовать, тем вероятнее произойдет осознанный выбор.

— Тебя слушаешь, так может создаться впечатление, что вы не знаете, кто у вас президентом будет.

— Можешь не верить, но таки да, не знаем, но очень хочется верить, что это не Янукович.

— Чем это тебе так Янукович не угодил?

— С точки зрения личностных взаимоотношений, то я с ним лично не знакома, в общем не жалею, малосимпатичная для меня личность, книжков не читает, эрудицией не блещет, письменной и устной речью с трудом владеет, моральные принципы весьма сомнительны. С точки зрения лидера страны так вообще позорище, дважды судимое, КГБ обработанное на всю голову, демонстрирует зоновскую понятийность в публичных выступлениях. Короче типичный гегемон, типа я грязн, вонюч и матюкаюсь, а вы должны меня бояться, да и вообще непонятно кем и где завербован. Впрочем, почему не понятно, КГБ и был завербован.

— Так ведь КГБ уже давно нет.

— КГБ, может, и нет, а правопреемник в виде ФСБ есть.

— Ну, это твои фантазии.

— Все может быть...

— Думаю, что все гораздо проще, политика — это грязь большая, и не забивай себе голову тем, что и так уже кто-то решил.

— То, что грязь, даже спорить не буду.

— Во-во, но мне нравится, что у тебя есть свое мнение.

— А мне так вообще в тебе почти все нравится.

— А что не нравится?

— Так я ж говорю, почти все нравится.

— Но что-то все же не нравится?

— Командовать уж больно любишь.

— Так я ж мужчина.

— А кто спорит? Именно потому, что ты мужчина, ты мне и нравишься.

— Класс, повтори, пожалуйста...

— Повторяю: ты мужчина, и мне это нравится.

— Спасибо, обнимаю и до скорой встречи.

Санька положила трубку, в немом недоумении пожала плечами, смешные эти мужчины, страх господний. Вот скажи ему, что он мужчина и уже все, раздулся как индюк. Хотя ведь само по себе наличие гендерного признака «мужчина» не делает человека ни мудрее, ни добрее. Станные эти мужчины, особенно, когда не могут определиться, чего хотят. В последней фразе, которую она произнесла, ничего хвalebного не было, просто у нее, у Саньки, правильная ориентация: нравятся ей мужчины, ну не испытывает она сексуального влечения к женщинам...

Когда приехала на работу, секретарь положила ей записку, что два раза звонил Сергей Эдуардович, в записке также был записан номер телефона. Санька позвала Ленку.

— Как там поживает Сережин иск?

— Ты про машину?

— Ну да.

— Так он документы никак не принесет, и вообще какой-то странный.

— Ты это о чем?

— Я ему говорю: «Когда документы принесешь?», а он мне в ответ: «А что по этому поводу говорит Александра Владиславовна?».

— А что я должна сказать?

— Вот я и говорю, что странный.

— Ладно, я сейчас ему перезвоню.

Когда Ленка вышла, Санька набрала номер телефона Сергея.

— Привет, как жизнь молодая?

— Привет, все хорошо, да только все звоню вам, звоню, а вы даже трубку не берете.

— Извини, наверное, не слышала. Лена мне сказала, что ты никак документы по иску не принесешь.

— Да, понимаешь, вроде как там пообещали все закончить, так я вот подумал немного подождать.

— Ну, хорошо, скажешь, когда будет нужно.

— А ты сейчас у себя?

— Да, вообще, а что?

— Просто подумал, если что, может, пообедаем вместе?

Санька замешкалась с ответом, не входило в ее планы тратить сегодня время на обед, да и не совсем понимала, зачем ей это. Чтобы не обидеть, постаралась ответить мягко.

— Извини, думаю, сегодня не получится, работы много, давай в другой раз.

— Ладно, я перезвоню завтра.

Санька вздохнула про себя, и уже несколько виновато сказала.

— Завтра уж совсем никак, в командировку уезжаю.

— Хорошо, я перезвоню на следующей неделе.

День прошел как обычно, решала накопившееся вопросы, понимала, завтра еще день, а там Иван приедет, будет не до работы. За сауну на четверг, конечно же, договорится не удалось, договорилась на пятницу, созвонилась с Иваном, тот ответил, что их с Васильичем это вполне устраивает, обратный билет у них на субботу на утро.

Чувствуя вину перед Виталиком, Санька вечером приготовила изысканный ужин с креветками и запеченным судаком под сыром. Свечи, бутылка Кинзмараули в сочетании с креветками гриль и судаком, в Санькином исполнении, могли притупить бдительность любого, Виталик исключением не был. Санька спокойно собрала сумку для завтрашней командировки.

Иван устроил Саньке сюрприз по полной программе, мало того, что приехал прямо в офис, благо Виталика не было, так еще в угоду

бесконечным Санькиным нареканиям с громадным букетом. Увидев Ивана, заходящим к ней в кабинет, Санька не знала, то ли ей плакать, то ли смеяться: во-первых, она никак не ожидала увидеть Ивана так рано, да еще и в своем кабинете; во-вторых, букет был громадным,... но это были бессмертники. Поразмыслив секунду-другую, в ответ на приветствие, решила высказать сразу и все:

— Ванечка, солнце мое ясное, я безмерно счастлива тебя видеть, но..., во-первых, предупреждать же надо, а если бы Виталик был здесь?

— Какая беда, подумаешь, сказала бы, что партнеры из Москвы. А во-вторых, что?

— Ничего особенного, мне очень приятно, что ты услышал мою просьбу про цветы, но зачем же так радикально — бессмертники, их же на кладбище дарят.

Иван был настолько доволен собой, что его, казалось, ничто не могло смутить, улыбаясь во все тридцать два, он парировал Саньке:

— Санечка, девочка моя любимая, я так старался, пол-Москвы оббежал, пока нашел эти чертовы бессмертники, и все для того, чтобы у тебя в памяти они сохранялись как можно дольше, они ведь никогда не завянут, прям как моя любовь к тебе.

Видя Санькино кислое выражение лица, добавил:

— Ну, если они тебе так категорически не нравятся, я их сейчас выброшу.

— Ну уж нетушки, принес — так давай уже сюда, куда-нибудь я этот букет примошу.

— Я так и знал, что ты оценишь мои старания...

Последнюю фразу Иван произносил, обнимая Саньку и целуя в губы. Очень проблематично обижаться, когда тебя целуют, да еще и так страстно. Короче, Санькин немой протест захлебнулся, не успев начаться.

Вместе с Иваном в кабинет к Саньке зашел высокий, довольно грузный, мужчина, где-то крепко за шестьдесят. Пока Иван с Санькой обменивались любезностями, он примостился в кресле умиротворенно созерцая их встречу. Его глаза улыбались, казалось,

он сейчас скажет: «Так, так, голуби мои...».

Иван оторвался от Саньки, обернулся указывая рукой в сторону своего спутника сказал.

— Познакомьтесь, Саня, это Василий Васильевич, о котором я тебе говорил. Василич, это — моя Александра.

Последнюю фразу Иван произнес с такой гордостью, что Санька забыла все обиды сразу. Хотя у нее со времени прошлой встречи накопилось множество обид, но театральное вторжение Ивана, да еще его молчаливый спутник, делало любые претензии и нравоучения невозможным.

Резко позвонил Санькин сотовый, это был Виталик.

— Кыця, я оце нэ пойняв, так ты едешь сегодня в командировку или нет.

— Еду, а почему ты спрашиваешь?

— Та я проезжал мимо офиса, смотрю — твоя машина во дворе, не на стоянке, так я и подумал, може, передумала, и уже никуда не едешь.

Санька слегка изменилась в лице, но спокойно ответила:

— Как это не еду, просто Гриша задерживается. Сейчас уже буду выезжать в сторону дома, вещи заберу, да машину поставлю, а там Гриша подъедет.

— Хорошо, что сказала, а то я Грише звонил, а он что-то трубку не берет.

Санька облегченно вздохнула про себя: действительно, как хорошо, что Гриша трубку не берет, надо будет ему хоть смс отослать, что Иван уже в Киеве.

— Я тут ненадолго отъехал, если что, то где-то через час могу быть дома, то Гриша может не спешить, я отвезу тебя к нему.

Санька нервно хихикнула:

— Думаю, что не спеши, Гриша где-то недалеко от нашего дома встречается, не переживай, я не навсегда уезжаю.

— Я хотел как лучше...

Саньке вдруг стало жалко Виталика.

— Кыця, я ценю, но, право, не стоит беспокоиться, ну все, я тебя целую, до встречи.

Санька резко оборвала разговор, потому как не заслуживал Виталик сожалений, устала от его художеств дальше некуда, но где-то на подсознании ощущались легкие угрызения совести. Санька злилась на саму себя, мысленно сказала себе: «Вспомни все его похождения, это он такой добрый, потому как чувствует, что может Санька отправить его «по сокращению штата». Этот тренинг в несколько секунд позволил Саньке глубоко закопать любые сожаления по поводу обмана Виталика.

Санька была всецело увлечена своими переживаниями и даже не заметила, как перекосило лицо Ивана во время ее разговора с Виталиком. Уже радостно улыбаясь, повернулась к обоим мужчинам, сказала:

— Ну, я готова. Можем выдвигаться в сторону моего дома, чтобы я могла поставить машину. Гриша с нами?

Иван удивленно приподнял бровь:

— Тебе что, еще Гриши не хватает для полного счастья?

Санька нахмурилась:

— Ну, зачем ты так, просто интересуюсь. Если Гриша не подъедет, то его нужно предупредить, что ему, возможно, будет звонить Виталик, да и потом такси тогда нужно вызвать, коль скоро я свою машину оставляю возле дома.

Иван опять заулыбался:

— А я уже было испугался, что тебе без Гриши скучно.

— Ванечка, солнышко, с тобой мне никто другой не нужен.

Санька видела, как переглянулись при этом Василич и Иван, ей вдруг стало понятно, просто как картинку увидела, что как минимум всю дорогу до Киева обсуждали с Иваном ее персону. Стало немного не по себе, но Иван подошел, прижал к себе, и все... ощущение полного счастья накрыло Саньку, все обиды отошли куда-то далеко.

ГЛАВА -34-

Для Саньки декабрь 1996 года был сплошным калейдоскопом событий, начавшихся по утверждению конкурентов, что их завод якобы фиктивное предприятие, которое вместо заявленного производства занимается перепродажей ворованных вещей на базаре, а также подпольно производит оружие. Второе обвинение, видать, сочли несерьезным, поэтому ими вплотную занялась только что созданная налоговая полиция без участия СБУ, которая еще не имела своего следствия.

Усугублялась ситуация еще тем, что в анонимном заявлении было указано, что Санькин мини-завод напрямую крышует районная налоговая инспекция. Так как на все предыдущие заявления, по мнению анонима, не было должной реакции налоговой, в которой было аккредитовано Санькино предприятие. Поэтому заявление содержало требование перепроверить еще и действия районных налоговиков.

Надобно сказать, что заявлений в районную инспекцию за два осенних месяца свалилось штуки три, причем о двух из них Саньке было хорошо известно. Так, первое заявление было перенаправлено из Фастовской инспекции. Родилось это заявление с подачи кума директора бывшего госпредприятия, успешно им же, директором, прихватизированым. Кум директора работал в Фастовской налоговой начальником отдела кассовых аппаратов.

Этому куму, которого даже коллеги недолюбливали за откровенно подлый хапужный характер, не составляло труда организовать рейд по местам розничной торговли Санькиного предприятия. К Санькиному стыду и удивлению продавец, что торговала от них на базаре, не внесла в тот день накладную на товар в товарно-кассовую книгу. Посчитала, что всегда успеет сделать соответствующую запись, не успела.

Как бы большого горя от такого нарушения не было, но финансовые санкции в пятикратном размере за нарушение кассовой дисциплины пробивали значительную брешь в и без того куцем бюджете, кредит только-только погасили, но успели уже оформить

новый, за счет которого погасили долги по зарплате колхозным дояркам. Размер санкций как раз в аккурат был равен сумме месячного платежа банку.

Санька не могла допустить такого серьезного финансового кровопускания, в связи с чем отправилась с визитом к начальнице налоговой Фастова. Та приняла Саньку вполне гостеприимно, выслушала, посочувствовала, сказала, что если бы от нее зависело, приняла бы меры и не применяла бы штрафные санкции, но вынуждена была отправить по адресу регистрации предприятия, то есть в Киев. Единственное, чем могла помочь, так это придержать отправку, пока Санька скатается в Киев и предупредит о такой оказии.

Санька в Киев скаталась, переговорила с замом, та сказала, пусть отправляет, она уж встретит и что-нибудь придумает. Встретила, положила к себе в стол и ушла в отпуск. А тут такая анонимка, короче, вскрыли кабинет зама и обнаружили эту самую заяву. Скандал был еще тот, радовало, что сроки прошли привлечения к админответственности. Но не все поверили, что все так гладко.

В одно прекрасное зимнее утро, а точнее в субботу, в середине декабря на завод, ломая двери и укладывая всех на пол, ворвалась налоговая полиция с самого Киева. Тяжело сказать, кому больше повезло, ментам или Саньке, что ее в тот момент не оказалось на заводе: как раз поехала очередную лекцию читать.

Можно написать отдельную повесть о том, как выламывали руки и заставляли всеми правдами и неправдами дать нужные следствию показания про несуществующее уклонение от уплаты налогов, как требовали расписку, что все документы о ведении хозяйственной деятельности выданы.

Ковальский, к великому Санькиному разочарованию, занял позицию, что документы — Санькина парафия, и если кто-то что-то и усмотрит, то точно Санька виновата, он же не разбирается в налогах и финансах.

В какой-то из хмурых слякотных дней декабря Ковальского вызвали оперативники. Санька всем своим нутром ощущала внут-

ренный надлом Ковальского, интуитивно понимая, стоит кому-нибудь нажать и все... пиши пропало. Пока Ковальский был в милиции, побежала к Артамонову, потому как знала, дружил он почти со всеми силовиками в районе. Михаил Игоревич принял Саньку довольно приветливо, что для Саньки было особенно приятно, так очень многие, на уровне генетической совковой памяти, в эти дни шарахались от нее, как от чумной.

— Александра, присядьте, успокойтесь, сейчас позову кого-нибудь с ваших студентов, чайку вам сообразят.

— Не хочу чайку.

— Почему не хотите? Вы сегодня уже завтракали?

— Нет, не успела.

— Так может бутерброд сообразить?

— Нет, спасибо, кусок в горло не лезет.

— Ну, чаю все же выпейте, а я пока попробую позвонить.

В это время в кабинет к Михаилу Игоревичу зашел его компаньон и содиректор Мотыль Юрий Андреевич, удивленно покоялся на Саньку, перевел взгляд на Михаила Игоревича. Тот, кивая в Санькину сторону, произнес:

— Представляешь, Игорь, на нашу Александру наехали менты.

— Какие именно? В связи с чем?

— Да налоговые, Мальцев во главе с Гаранским.

— Ого, это серьезно, сейчас как раз обкатывают новую статью 148-2, я так понимаю, будут клепать уклонение от уплаты налогов.

Пока мужчины между собой разговаривали, Санька присела на стуле возле стола Михаила Игоревича. Внутри у нее все трусилось, хотя внешне выглядела довольно спокойно, взгляд уперся в одну точку. Звук голосов долетал до нее, как через слой ваты, сознание работала заторможено, она внутренне ушла в себя, в этот момент ощутила сильное беспокойство, прикрыла глаза. Перед ней вдруг нарисовалась картина: Ковальский, с каким-то перекошено-перепуганным видом пишет под диктовку опера Мальцев какой-то текст, ей даже показалось, что слышит отдельные слова. Кто-то взял ее за плечо, это был Михаил Игоревич.

— Александра Владиславовна, что с вами, на вас лица нет, вам плохо?

— Нет, со мной все в порядке, — еле слышно ответила Санька.

— Вам девочки чай сделали, возьмите, выпейте, легче станет, не стесняйтесь.

— Я не стесняюсь, просто не хочется.

— Я настаиваю, выпейте хоть несколько глотков. Или лучше воды?

— Нет, не надо воды, лучше чаю.

Санька сделала несколько глотков, горячая жидкость, казалось, проникла в каждую клеточку тела, действительно стало легче.

— Давно Ковальский находится в полиции? — обратился к Саньке Юрий Андреевич.

Санька подняла на него глаза, минуту помедлила, произнесла, как прошелестела:

— Да, вызвали на девять утра. А что?

— Да ничего особенного, Миша, ты кому звонить собрался?

— Кому-кому, Гаранскому, кому ж еще.

— Бесполезно.

— Почему бесполезно?

— Ты слышишь, что Александра сказала? Ковальский в полиции с девяти утра, сейчас уже полвторого, уже поздно, они уже его прессовали, скорее всего он уже всех сдал. Он вышел от них, не знаете?

Последний вопрос был уже адресован Саньке. Санька отрицательно мотнула головой.

— Думаю, что нет.

— Проверить можете?

— Да, могу позвонить ему домой.

— Позвоните, — Мотыль подвинул к Саньке телефонный аппарат.

Санька набрал номер Вячеслава, пошли гудки, на том конце долго никто не поднимал трубку, где-то на седьмой-восьмой гудок трубку сняла жена Валентина.

— Я слушаю.

— Здравствуйте, Вячеслав еще не возвращался?

— Нет, пока еще не было. А что?

— У меня к вам просьба, когда вернется, пусть перезвонит по этому номеру, — Санька продиктовала номер телефона Михаила Игоревича.

Повернулась к Юрию Андреевичу:

— Его еще нет, я попросила жену, чтобы тот, когда придет, набрал сюда.

— Хорошо, думаю, уже недолго ждать осталось. Расскажите пока вкратце, что произошло.

— Да особенно пока нечего еще рассказывать. На прошлой неделе ворвались на завод, выломали входную дверь, хотя никто бы ее не держал, положили всех лицом в пол, так, на всякий случай.

— Ну, они же чем-то мотивировали свои действия, — поинтересовался Михаил Игоревич.

— Да ничем особенно не мотивировали. После того, как положили всех на пол, сгребли в кучу всю документацию, какую нашли, да, собственно, и все.

— Но должно же быть объяснение такому неожиданному вторжению.

— Есть у меня некие соображения.

Санька в подробностях изложила все, что было ей на тот момент было известно, в том числе и про анонимку. Некоторое время все трое молча переваривали. Первым заговорил Мотыль:

— Я, Миша, себе так думаю, нужно все же дождаться, когда Ковальский выйдет, чтобы как можно больше было информации, и только после этого звонить Гаранскому.

Артамонов внимательно посмотрел на Мотыля, потом перевел взгляд на Саньку:

— Александра, наберите-ка вашего Ковальского еще раз.

Санька пожала плечом, как бы говоря, «как скажете», набрала номер Ковальского, пошли гудки. К ее величайшему удивлению, Ковальский снял трубку. Разговор у нее с ним получился короткий и не очень содержательный, Вячеслав явно что-то не договаривал.

Санька интуитивно ощущала его панический страх, причем этот страх имел двойственный характер: с одной стороны, боялся мен-тов, с другой — как это ни странно, она чувствовала, что боится Ковальский Саньку, которая либо узнает, либо вычислит, что уже успел ее оговорить. Особенно страшно стало Ковальскому, когда Санька в лоб спросила, что такое он написал под диктовку Мальцева. В ответ Санька услышала нечто невразумительное, типа сама виновата, что развела бардак в документах.

После разговора Санька впала в ступор, молча уставилась в одну точку, не слыша, что ее окликнул Михаил Игоревич. Мотыль был ближе к Саньке, поэтому подошел и тронул ее за плечо, Санька вздрогнула, обвела присутствующих мужчин взглядом. Вздохнула, как бы собираясь силами, произнесла:

— Таки да, что-то написал...

— Что, что именно написал?

— А бог его знает, что он там написал, но судя по тому, что обвиняет меня, ничего хорошего.

Когда была уже дома, ближе к вечеру позвонил телефон, Санька сняла трубку, это был Мальцев. Приказным тоном сообщил Саньке, что желает видеть ее завтра после обеда. Несмотря на легкую заторможенность, Санька на автомате резко возразила:

— Интересно, кто это позволил вам, Игорь Иванович, разговаривать со мной в подобном тоне.

— Что именно вам не нравится?

— Все мне не нравится, мне кажется, что, во-первых, если желаете меня вызвать, то для этого вы должны вручить повестку, во-вторых, вы не имеете права разговаривать со мной как с преступником.

— А чего это я должен церемониться? Можно подумать... ишь ты, цаца какая, ты ж понимаешь...

Санька вскипела:

— На «ты» мы с вами не переходили, я с вами свиней не пасла. Я бы попросила вас выбирать тон, вы, в конце концов, с дамой разговариваете.

— Можно подумать, что дамы от налогов не уклоняются.

— Вы можете думать все, что будет вам угодно, пока не собрали доказательную базу, держите свои мысли при себе.

— Мне что, привод оформить?

— А я что, отказалась прийти?

— А что, нет?

— Представляете, не отказывалась, просто уточняю: где моя повестка?

— А вы приходите, будет вам повестка.

— Ладно, разберусь с делами и приду.

— Это в котором часу будет?

— Думаю, не раньше четырех, если у меня не будет получаться, я перезвоню, — сказала Санька и повесила трубку. После разговора всю Санькину апатию как рукой сняло, от возмущения ее аж трусило.

Саньке очень не хотелось идти к налоговым полицейским, но понимала, что позиция страуса не спасет, полдня уговаривала себя не нервничать раньше времени, после трех перезвонила Мальцеву и заявила, что если у них ничего не поменялось, то она к четырем будет.

Полиция собственного здания еще не имела и ютилась в районном ГОМе от РОВД. Мальцев встретил Саньку с видом напускной небрежности, типа она отвлекает от важных дел особо важных людей, подвел к ревизору со словами: «Ну, вы тут общайтесь, а меня потом позовете». Ревизор Саньку особо впечатлила, та просмотрев документы заявила, что к ее небывалому удивлению все в документах сходится, у них действительно был убыток, но пусть Санька не переживает, она целые сутки думала, и... «о, чудо — придумала». Санька в полном недоумении уставилась на ревизора Фигульскую:

— Что значит «я придумала»?

— А то и значит, что половину сырья вы пускали в производство, а вторую половину продавали за наличку на базаре.

— Это с чего вы так решили?

— Ну вы же должны были иметь с чего-то наличные.

— Так мы и имели наличную выручку, продавая готовую продукцию.

— Нет, вы не поняли, я так считаю, что у вас должна обязательно быть неучтенка.

— Это еще почему? — у Саньки глаза в прямом смысле слова сделались от удивления квадратными.

— Ну потому что все предприниматели — воры, обворовывающие государство.

— В таком случае, я вас поздравляю, все ревизоры — хапуги и взяточники.

— Как вы смеете меня так оскорблять.

Лицо Фигульской стало багровым, слова выговаривала отрывисто, было очевидно, что тетя сильно возмутилась. Санька посмотрела на нее в упор:

— Да не нервничайте вы так, я ж ведь не вас конкретно имела в виду, вы ж только что сказали, что все предприниматели воры. Если все предприниматели воры, то логично предположить, что ревизоры, соответственно — взяточники.

Фигульская возмущенно сопела, при этом то открывая, то закрывая рот, порываясь что-то сказать, но от возмущения ничего не могла произнести. Санька обеспокоилась:

— Может, вам сходить водички принести?

Фигульская, икнув, наконец приобрела дар речи.

— Спасибо, не надо.

— Кстати, спешу вам сообщить, что выход продукции у нас, вообще-то, идет согласно ГОСТа, поэтому неучтенки нет и быть не может.

— ГОСТ — это ваш внутренний документ.

Последнюю фразу Фигульская произнесла с особым пафосом, делая ударение на слове «внутренний». Санька ей тут же парировала:

— Да-а? А я так наивно всегда полагала, что данная аббревиатура расшифруется как государственный стандарт. Вы поймите, что из одной тонны молока базовой жирности 3,4 % может

получиться лишь 46 килограмм масла, потому как у масла жирность 72,5%, арифметика довольно проста.

— Мало ли что вы там себе полагали, я вам в акте уже написала из расчета неучтенной наличной выручки, которую вы получали, продавая неучтенное сырье. Это по вашим документам из одной тонны молока всего 46 кг масла, а я вам рассчитала из одной тонны 116 кг.

— А какими документами у вас подтверждается сей нелепый вывод? В одной тонне молока 3400 жироединиц, а в одном килограмме масла их 72,5, если 3400 разделить на 72,5, то получится 46, и уж никак не 116. Кстати, а почему 116, а не 150 или 200? Вы же должны понимать, что никакой неучтенной выручки не было и в помине.

— Вам он может быть сто раз нелепый. И вообще, я написала, а ты отмойся, если сможешь. Кому поверят: мне или тебе?

Теперь Саньке пришла очередь потерять дар речи...

ГЛАВА -35-

Иван, пребывая в хорошем приподнятом настроении, по случаю своего прошедшего дня рождения, пригласил на ужин вместе с Санькой и ее боевых подруг — Инессу с Ленкой. Ленка была рада любой возможности лишний раз поговорить о Константине, Инесса просто ради поддержания компании. Чтобы не получилось накладки и не столкнуться с Виталиком, Санька решила не рисковать, отправила Ивана с его Васильичем и Ленкой в ресторан, а сама с Инессой отправилась домой, благо Инесса была на своей машине.

До ресторана Санька с Инессой добрались без происшествий, чуть позже к ним присоединился и Гриша. Вечер прошел весело и непринужденно, Иван сыпал остротами и просто искрился энергией, заражая всю компанию весельем. Санька и сама веселилась во всю, но что-то где-то глубоко, какой-то червячок не давал ей покоя.

Отгоняя от себя подальше чувство тревоги, Санька торжественно преподнесла Ивану подарок, долго думала, чтобы такое подарить, что останется у него на долгие годы. Когда покупала, ничего умнее не придумала – решила подарить запонки и зажим для галстука из золота со вставкой из оникса. Иван немного опешил от столь дорогостоящего подарка, но принял с благодарностью, Санька целуя его, шепнула ему на ухо, что это еще не весь ее подарок. Иван как-то аж порозовел, выглядел немного ошеломленным. Энергия любви, которая искрами сыпалась от Саньки с Иваном, казалось заряжала всю компанию. Санька в этот момент чувствовала какое-то умиротворение, готова была всю себя раздать по частичкам, только чтобы все были счастливы, про Виталика старалась даже не вспоминать.

Санька осознано и специально искала подарок подороже, причем показательно в разы дороже духов подаренных ей Иваном, намеренно подчеркивая, что деньги в отношениях ее интересуют меньше всего. Этим своим шагом старалась донести до Ивана, что не похожа на ту массу женщин, которые у него были

до нее. В действительности никогда не интересовалась ни его состоянием, ни его доходами, ее как ни странно, интересовал именно он сам. Если бы Иван вдруг сказал, что приедет насовсем к ней, но без денег и без определенного заработка, она бы даже не раздумывая приняла бы его. Санька понимала, что на такой шаг Иван никогда не пойдет, в этом они также были одинаковы, не могли позволить себе такую роскошь — зависеть от кого-либо, а тем более финансово.

Уже когда остались вдвоем, в гостиничном номере, Санька в очередном новом полупрозрачном пеньюаре, целуя Ивана, сказала:

— Ванечка, а сейчас я тебе прочитаю стихи, которые были написаны мною для тебя в твой день рождения.

Иван, и так обалдевший от обилия Санькиных подарков, весь аж расплылся от внутреннего удовлетворения и умиления, было видно, что говорить не может, улыбнулся и особенно страстно поцеловал Саньку в губы. Санька отстранилась:

— Я ж еще не прочитала. Устраивайся поудобнее и слушай.

Она достала из сумочки открытку, внутри которой были от руки написаны стихи, приложила ее рядом с Иваном и прочла:

*Бывает миг, когда в тебе хочу я раствориться.
Мне кажется тогда, что невозможно было так влюбиться.
Нет сна, есть только ты и я. Волна любви накрыла нас.
Я вся твоя, а ты весь мой. Вот ночь прошла, и я наполнена тобой.
Люблю тебя, все остальное подождет.
Я знаю, что счастье стороною нас не обойдет.*

*Неистово ворвался день, лучами солнца прогоняя таинство ночи.
И Днепр прекрасен, солнце высоко...
Пусть выпито французское вино,
Я верю, хоть расставание нелегко,
Что ты судьба моя. Мы будем вместе навсегда.
Конца и края нет любви, ты только позови...*

Санька прочла с выражением, вкладывая всю себя без остатка в декламацию текста, испытывая при этом нечто возвышенно-восторженное. Казалось, она достучалась до Ивана, он полулежал на кровати и умиленно шурился. Возникшая пауза воспринималась особенно торжественно. Иван с особой нежностью привлек Саньку к себе, поцеловал Саньку в губы, в лоб и поочередно каждый пальчик ее рук, после чего произнес:

— Класс, мне никто никогда ничего подобного не дарил. Прочти еще раз...

Ночью Саньке опять приснился кошмар, черноволосая женщина наманикюренными ногтями пыталась Саньку душить.

В этот раз женщина уже не молчала, она показательно, у Саньки на глазах приставала к Виталику. Саньке была неприятна эта сцена, она во сне недовольно поморщилась. На ее недовольство злая женщина кинулась к ней с упреком: «Вот видишь, тебе не нравится, когда к твоему мужу на шею вешаются». Санька вдруг разозлилась и парировала ей тем, что «если тебе так нравится Виталик, и он не возражает, то забирай его, и вовсе незачем это делать у меня на глазах. Что до твоего мужа, так удерживать нужно любовью, если любви нет, и он добрый десяток лет шляется как проклятый, то отпусти, потому как не стоит клеить то, что давно прогнило и разлагается. И я уж точно никому на шею не вешалась». Именно после этой реплики злая ведьма кинулась Саньку душить. Причем душила так натурально, что очнулась, задыхаясь на руках у Ивана, который осыпал ее поцелуями и пытался делать искусственное дыхание.

Когда Санька восстановила дыхание, у нее началась легкая истерика, Иван баюкал ее и успокаивал, приговаривая.

— Я никому тебя не отдам, никакая ведьма тебя у меня не отберет. Это, кажется, моя благоверная старается...

Из этой реплики Санька поняла, что хорошо Ивану известны грехи его жены, но то ли боится ее, то ли не позволяет самому себе признаться, что живет с женщиной, которая на нем просто паразитирует, потому и жизни без него не представляет. Именно это толкает ее, эту женщину, искать помощи у темных сил. Саньке от этих мыслей стало тоскливо и горько. Иван старался, как мог,

успокоившись, Санька задремала на плече у Ивана, тот обнимал ее и гладил по волосам, как маленького ребенка.

Этой ночью Иван был особо нежен по отношению к Саньке, старался угадать все ее желания. К утру все Санькины страхи отошли на второй план, она вся была в Иване.

Утром, собираясь на завтрак, Санька включила телевизор 5 канал, помимо политической рекламы кандидатов в президенты, в новостях огласили результаты первого тура, Ющенко на незначительное количество голосов опережал Януковича. Иван подтрунивал над Санькой, над ее рвением быть в курсе всех новостей. С позиции старшего товарища пытался ей внушить, что вовсе незачем так убиваться, и так понятно, что админресурс сделает свое дело и победы на выборах Ющенко не видать как своих ушей.

На завтраке Василий Васильевич составил Ивану с Санькой компанию, Санька эмоционально пыталась убедить собеседников в объективности освещения новостей 5 каналом. Мужчины слушали её вполуха, иногда кидая скептические реплики в ее эмоциональные монологи.

Чуть позже к Ивану с Васильичем подъехал Гриша, они о чем-то долго шушукались и спорили, Санька в этот момент вызванивала Инесску, выясняя, кто чем занят. Ближе к обеду все разбредлись в разные стороны, каждый по своим вопросам, Санька отправилась к студентам на пары.

Вечером в сауне Иван с легким сарказмом рассказывал об ощущении скоротечности жизни:

— Вот же, когда был еще юным, думал, ну когда же я вырасту, сколько вокруг интересных женщин, но всем им не до меня, мол, мал еще. Когда стал старше, какое-то время ощущал гармонию и равновесие. А вот сейчас, Васильич, гляжу на Саньку, и ничего другого в голову не лезет, кроме того, что отчего же мне так не везет, почему мне так много лет, а Санька еще так молода.

Васильич как-то хитро глянул на Саньку, повернулся к Ивану, произнес:

— М-да, Ваня... что мне тогда говорить, совсем стариком я себя не ощущаю. Но, однако... гляжу я на вас с Санькой и пони-

маю: Ваня, ты попал, ой как попал, и рыпаться бесполезно, если упустишь ее — будешь жалеть всю оставшуюся жизнь.

Иван никак не ожидал такого откровения от Васильича, хмыкнул почти как поперхнулся, глянул в сторону Саньки, что тихо сидела возле него, завернутая в простыню, подмигнул ей:

— Понимаешь, Васильич, беда какая, вот объясняю я Саньке, что ниточка должна следовать за своей иголочкой, что жена офицера — это особое звание и призвание, а она никак не желает это понимать. Представляешь, заявляет мне, что ей Москва не нравится. Ну как тут быть?

Последний вопрос прозвучал почти как риторический, непонятно к кому направленный: то ли к Саньке, то ли к Васильичу. Санька, казалось, онемела от такого диалога. Васильич крикнул, и, как-то глядя в пол, сказал.

— Может, все же Александре слово дадим, а то ты, Ваня, за нее и за себя все решил сам. Послушай Александру, не мне жалуйся, а задай Александре прямой вопрос: почему ей Москва не нравится. Александра, поведай мне, почему не хочешь следовать, как Иван выразился «за своей иголочкой».

Александра раскрыла широко глаза, пожала плечами.

— Что значит «не хочу»? Может и хочу, только если иголочка утыкивается в какую-то чужую ей жопу, почему ниточка должна порваться при этом на части. У ниточки узелки имеются, с ними что делать? Да и иголочка недалеко ушла, просто вырвалась с корнями и болтается как неприкаянная. Есть у меня такие сомнения, что иголочка не сильно сама понимает, где она есть и куда ей надо. Да и потом, мне никто ничего конкретно не предлагал.

— Вот видишь, Васильич, и что с ней делать?

Мужчины многозначительно переглянулись. Васильич крикнул и произнес, обращаясь к Ивану:

— М-да, Ваня, ты таки попал по-крупному, но все равно я тебе в какой-то степени завидую, хотя думать и решать тебе.

Уже за ужином после сауны разговор коснулся политики. Иван опять попытался подтрунивать над Санькой по поводу ее эмоционального подъема в поддержку Ющенко.

— Вот, Саня, скажи, неужели ты считаешь, что Ющенко именно тот президент, что нужен Украине?

— Нет, я так не считаю. Ющенко, как по мне, вообще сомнительный лидер, такой себе: ни рыба, ни мясо.

— Так зачем ты за него голосовать собралась?

— Не так за Ющенко, как против Януковича.

— Но, ведь голосуют не «против», а «за».

— К величайшему моему, и не только моему, сожалению других кандидатур на нашем скудном политическом Олимпе не видеть, с прискорбием приходится констатировать тот факт, что во второй тур вышли зек и политический импотент. Исходя из этого, зек отмечаем сразу, покуда, даже без учета весьма сомнительных мозгов и полного отсутствия образования, слава Богу хоть читать-писать научили, человек, проведенный в местах лишения свободы срок более шести месяцев имеет необратимые изменения в психике. Особо печально то, что эти изменения необратимы, поскольку Янукович тяги к литературе не имел, зоновской библиотекой не пользовался. Поэтому даже такой вынужденный для некоторых фактор, как наличие уймы свободного времени к развитию духовности, что неизменно бывает при чтении хорошей литературы, не привел.

— А почему ты считаешь, что литература в зоне хорошая?

— Я не то чтобы считаю. Сама встречала некие факты в художественной литературе, а из общения с ментами, имею некие познания. Еще с советских времен повелось оснащать библиотеки в местах лишения свободы классической литературой, проверенной временем, дабы правильно воздействовать на личность, которую надлежит перевоспитать.

— Ну, а Ющенко почему таким нехорошим словом, как «импотент», назвала?

— Во-первых, импотент политический, а не физический, во-вторых, почему это плохое слово, это просто означает, что потенциально человек от природы наделен определенными способностями, но по какой-то причине не в состоянии ими воспользоваться.

— Ну, и...? Что тогда? Зачем тогда Ющенко?

— Ничего особенного, просто если он вообще ничего не может сделать, так хоть активно ничего разрушать не будет и диктатуру строить также не будет, все же в силу ума и образования барьеры имеет.

Васильич, казалось, с большим интересом прислушивался к беседе Ивана с Санькой, но в сам разговор не вмешивался, иногда побрякивал в кулак и многозначительно поглядывал на Ивана.

В номере Иван с Санькой все никак не могли наговориться, от политики отошли, разговор перешел в плоскость обсуждения отношений мужчина-женщина. Иван пытался Саньке все рассказать, как тяжела жизнь в закрытом гарнизоне, что жена офицера должна безропотно следовать за своим мужем. На то Санька парировала, что жена простого гарнизонного офицера, конечно же, да, но Иван не гарнизонный офицер, да и вообще давно на дембель ушел, поэтому в гарнизон служить вряд ли отправится. Иван все пытался от Саньки добиться готовности следовать за ним на край света и подтверждения, что готова приносить себя в жертву. Санька, в свою очередь, пыталась ему рассказать, что если возникнет необходимость, то тогда, конечно, да, готова и жертву принести, через лишения пройти и пояс супружеской верности на себя нацепить, но, если такая необходимость отсутствует, зачем заранее погружать себя в страдания. Иван аж разнервничался, так пытался ей доказать, что к жертве себя нужно приготовить заранее. Эмоционально Саньке так доказывал, что не выдержав выпалил:

— И вообще, зачем тебе карьера, если ты выйдешь за меня замуж, будешь сидеть дома и рожать детей!

Санька до этой фразы спокойно реагировала на его реплики, стараясь быть услышанной, здесь уже не сдерживаясь показала всю мощь своей вспыльчивой натуры. Она мгновенно покраснела, образовалась небольшая пауза, шумно вздохнула и на повышенных тонах понеслась:

— Что значит «зачем тебе карьера»? Что значит «сидеть дома»? Я тебе что? Домохозяйка какая?

В образовавшуюся небольшую паузу Иван вкинул реплику.

— Чем тебе домохозяйки не угодили? Они тоже люди, или ты кого-то не уважаешь?

Эта реплика лишь добавила масла в огонь, Санька шагами меряла гостиничный номер, эмоционально жестикулируя, продолжала:

— Что значит «кого-то не уважаю»? Я все время кого-то уважаю, а кого-то нет. У тебя какое-то дремучее представление о любящей жене, причем в твоих рассказах это бесполое существо, сидящее дома, целый день то убирает, то жрать готовит, то рождает детей, в промежутках едва успевает им, детям этим самым, внимание уделить.

— Почему бесполое?

— Потому как напавшись, ублажая большую семью, уже не до того, чтобы женщиной себя ощущать. Промежность и влагилице у нее, конечно же, будут, но эмоции и сексуальное либидо упадут на нулевую отметку. Это на тебе еще та советская пропаганда сказывается.

— Причем здесь пропаганда? Просто хочу, чтобы меня дома всегда ждала любящая жена.

— Ждала или встречала? И просто любящая или любимая?

— А какая разница?

— Очень большая! В мире уже несколько столетий существует разделение труда, тебе кухарка с нянькой нужна или любящая и одновременно любимая жена?

Казалось, что Иван Саньку не слышит, он схватил Саньку за обе руки, да так, что ей стало больно, не сказал, а аж прошипел:

— Ты будешь сидеть дома. Слышишь?

Санька с силой вырвала свои руки, роняя слезы, прокричала:

— Никогда!

Все так же роняя слезы, начала собирать по номеру свои вещи. Иван опешил, но ненадолго:

— Ты куда?

— Домой. Ты мне сделал больно.

— Сейчас уже глубокая ночь, транспорт не ездит.

— Ну и что? Такси поймаю, пешком дойду, к утру дома буду.

В Иване боролось два желания: с одной стороны, настоять на своем, с другой — любыми путями удержать Саньку. Санька, в свою очередь, бестолково металась по номеру, при этом в мыслях было: «Ну как же он не может понять, что полюбил он яркую живую Саньку, а если ее посадить на привязь, потухнет, деградирует и ему же прежде всего перестанет быть интересной».

Иван был хорошим психологом, возможно, Санькины мысли он и не прочитал, но понял всеми своими клеточками: если сейчас не удержит, то все, конец отношениям. Санька также ощутила вдруг образовавшуюся пропасть, но ничего с собой поделать не могла, понимала: если уступит, то потеряет себя как личность.

Иван колебался не долго, бросился к ней, прижал к себе:

— Прости! Санечка, детеныш мой родненький, девочка моя любимая, я не хотел сделать тебе больно...

Санька рыдала у него на плече, без слов опустила руки, выронила сумку, которую собирала...

ГЛАВА -36-

За окном кабинета, где находились Санька с Фигульской, сгустились ранние декабрьские сумерки, Саньке вдруг стало очень тоскливо и неудобно. Она вдруг ощутила, что система всей своей мощью, как каток для укладки асфальта, катится прямо на нее, и нет ничего, что может удержать весь этот надвигающийся на нее ужас. Она одна... совсем одна... против системы...

Самое неприятное во всем этом было то, что Санька прекрасно понимала, ощущала каждой клеточкой своего тела, что система имеет репрессивный, устоявшийся еще с совка, характер. Знала и видела легкое злорадство ревизора Фигульской, которая, вероятно, просто наслаждалась растерянным видом Саньки, знала и ощущала, что система способна перемолоть ее, Саньку, полностью, да так, что никто и не вспомнит о ее существовании, причем взывать к логике и справедливости, как и к торжеству закона над беззаконием, абсолютно бесполезно.

Именно в этот момент в кабинет зашел Мальцев, вопросительно глянул на Фигульскую, та ему многозначительно кивнула, а он в свою очередь неопределенно махнул рукой по направлению к двери. Фигульская, подчиняясь немоу распоряжению, поднялась и ушла.

Санька, наблюдая все эти перемещения, пыталась собрать всю свою волю, понимала, сейчас ее попытаются сломать, заставляя что-то, в ущерб ей, написать то, что потом будет использовано против нее.

Мальцев сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги, многозначительно посмотрел на Саньку. Нахмутив брови Мальцев, изрек:

— Ну что ж, приступим. Мне необходимо отобрать у вас объяснение.

— Если необходимо, то и отбирайте.

Санька внешне выглядела абсолютно спокойной, но внутри все так и переворачивалось. Не мигая, посмотрела на Мальцева. Тот весь серьезно сосредоточился над листом бумаги, как раз записывал Санькино имя и отчество. Не глядя на Саньку, спросил:

— Ваше семейное положение?

— Замужем.

Санька с удивлением увидела, как Мальцев пишет: «*за мужем*», то есть раздельно, хоть и опешила, но поправлять не стала. Игорь Иванович, старательно выводя буквы, лепил дальше ошибку за ошибкой. Пока записал Санькины анкетные данные, еще три-четыре грамматические ошибки вlepил.

Мальцев поднял взгляд на Саньку, увидел ее ехидное выражение лица, иронично приподнятую бровь, нахмурился и заявил:

— Дальше писать, Александра Владиславовна, будете самостоятельно.

— Какая беда? Давайте ваш протокол, буду писать.

Санька, как ни странно, созерцая такую вопиющую безграмотность, почему-то внутренне успокоилась, мысли стали четкими и ясными, нервничать перестала. Вопросы, которые задавал ей Мальцев, были, как на Санькино ощущение, какие-то наивные. Хотя Игорь Иванович с умным видом заглядывал в какую-то бумажку, для Саньки эти вопросы звучали по-детски наивно. Ощущалось, что Мальцев и тот, кто вместе с ним сочинял эти вопросы, о предмете, о котором хотели допросить, имели весьма скудное представление.

Санька сразу сходу обрубила:

— Я вам не Ковальский, так что писать под вашу диктовку не собираюсь.

— Да не вопрос. Никто пальцы в дверь вам засовывать не собирается. Диктовать буду только вопросы.

Санька пожала плечами, хмыкнула и принялась вопросы нумеровать. Особенно смешно ей стало, когда, прекрасно понимая, с какой целью задает ей Мальцев вопрос, ответ записывала так, что уже последующий вопрос просто терял смысл. По мере задаваемых вопросов, Санька обретала почву под ногами, чувство внутренней уверенности, что преодолет и эту преграду, росло.

Было заметно, что Мальцев несколько нервничает, но от заранее согласованного с кем-то плана не отступает. Санька хорошо видела его нервозность, тут же в памяти всплыли приемы, опи-

санные Карнеги, как заставить нервничать собеседника, с целью выбить почву у него из-под ног. Раздражительность Мальцева все-ляла в Саньку уверенность, что она на правильном пути.

Саньке надоело ходить по кругу, поэтому ответы начала записывать по принципу: «Ответ на вопрос 25 содержится в ответе номер 17». Мальцев глянул в ее ответы и аж побагровел:

— Что это вы себе позволяете?

— А что такое?

— Как это «что такое»? Я вам вопросы задаю, чтобы вы на них отвечали, а не игнорировали.

— А я и не игнорирую, отвечаю.

— Где же это вы отвечаете, если пишете, что уже ответили.

— Ну так, таки да, уже ответила. Я ж не виновата, что вы меня об одном и том же спрашиваете.

— Это не ваше дело, каким образом я вам вопрос задаю.

— Может, вопрос и не мое дело, хотя опять-таки, вопрос спорный, вы ж его мне задаете, но ответ уж точно мое дело. Потому как это мой ответ, не ваш. Если вы лучше меня знаете ответ на ваши вопросы, то зачем вам я, допросите себя сами и распишитесь: «Мальцев допросил Мальцева».

Мальцев стал багровым, рот у него то открывался, то закрывался, Санька стараясь, не дай бог, не рассмеяться, с самым серьезным видом, на который только была способна, произнесла:

— Игорь Иванович, да не нервничайте вы так, Бог с ними, этими вопросами, если для вас это столь принципиально, ну ладно, перепишу я вам эти ответы.

Мальцев, с трудом произнося слова, выдал из себя:

— Вы... вы... Как вы себя ведете? Сколько вам лет?

Санька понимала, что если не будет относиться к этой ситуации с юмором, то просто сойдет с ума, поэтому вполне серьезно ответила:

— Мало лет, но вы, я так понимаю, хотите мне их добавить.

На Мальцева ее ответ произвел эффект разорвавшейся гранаты, от возмущения у него вообще пропал дар речи, складывалось впечатление, что он сейчас взорвется. Наблюдая его него-

дование, Санька вскочила со стула и стала махать на него как веером первой попавшейся папкой, при этом говоря:

— Да не беспокойтесь вы так, Игорь Иванович, хотите, я вам водички схожу принесу, вы только скажите, куда.

Мальцев вдруг обрел дар опять говорить членораздельно:

— Вы что? Издеваетесь?

— Почему издеваюсь? Я просто понимаю, что у вас работа такая, вы ж ведь не злой человек, просто еще не разобрались. Но ничего, мы с вами общими усилиями преодолеем этот барьер. Хотите, я вам так, без протокола расскажу.

— Александра Владиславовна, вы забываетесь, где вы находитесь, мы с вами здесь не чай собрались пить.

— Да? А зря, я бы сейчас с удовольствием чайку бы и выпила, а то что-то в горле пересохло.

Мальцев сменил гнев на милость, наверное, ему уже самому стало смешно. Санька, уловив перемену настроения, продолжила:

— Ото, я вас питаю отою поганою москальскою мовою: «За что?».

Мальцев несколько опешил от такого вопроса, но тон его уже был вполне доброжелательный:

— Это что? Анекдот такой?

— Ну да. Хотите, расскажу?

— А, валяйте, рассказывайте.

Санька принялась вдохновенно, доставая весь свой арсенал артистичности, рассказывать.

— В глухому забитому селі на Західній Україні іде урок російської літератури. Вивчають Тургенєва «Муму». Вчителька ходить по класу і розповідає: «І оце діточки, узяв Герасім ото то Муму, прив'язав йому кам'янюку на шию, і шувбость: у воду. А тепер діточки, я вас питаю, отою поганою москальскою мовою: «За что?»».

Мальцев еле сдерживал смех.

— Ничего не могу сказать, таки насмешили. Но нам с вами вполне серьезные вопросы предстоит выяснить.

— Так, а я, что против? Выясняйте.

Мальцев, глядя в темный прямоугольник окна, похоже, о чем-

то задумался. Возникла небольшая пауза. Помолчав, посмотрел уже серьезно на Саньку, сказал:

— Александра Владиславовна, разговор у нас с вами непростой и долгий предстоит. Ревизор уже вам озвучила, что пишется Акт проверки. Думаю, до завтра она его допишет, поэтому выпиываю вам на завтра повестку на 16:00, не опаздывайте.

Санька внутренне вздохнула с облегчением, понимала, что сегодняшний раунд она с честью выстояла и выиграла техническим нокаутом. Уже по дороге домой, вспоминая события за прошедший вечер, начала немного нервничать. Особо нервность у нее усиливалась, когда вспоминала Фигульскую, впрочем, про себя подумала: будет день, будет и пища, будем разбираться с проблемами по мере их поступления.

Утром были пары и студенты, удалось немного отвлечься на любимую работу, получить маленькую толику позитивных эмоций. Понимание, что на четыре часа вызвали повесткой в налоговую полицию, висело над ней как дамоклов меч. Санька, как могла, гнала от себя эти мысли. Идти в полицию более чем просто не хотела, в эти минуты она осознавала все страхи Ковальского, и почему он сдался под напором Мальцева.

Она понимала также то, что чисто психологически Ковальскому трудно что-то возразить по поводу налогов, потому как разбирался в них с Мальцевым на одном уровне. Мальцев априори верил Фигульской, которая по неизвестным Саньке мотивам, заняла позицию злорадной Бабы Яги: «Я написала, а ты отмойся, если сможешь». Слова «кому поверят: мне или тебе?» у Саньки вертелись в подсознании постоянно. А так как Ковальский, где-то на генном уровне (его отец все же привлекался по знаменитой политической 58 прим., за рассказанный не к месту анекдот, за что поимел десять лет лагерей) подсознательно панически боялся милиции, то и верил в этой ситуации не своим глазам и Саньке, а Мальцеву с Фигульской.

От этих рассуждений Саньке делалось тоскливо и одиноко, ощущала себя вот тем самым маленьким винтиком, который не к месту попал не в свою обойму, где-то между жерновами. Если не

найдет, как этому противостоять, перемелет ее система на мелкую муку и развеет, как прах по брэнной Вселенной. Хочешь или не хочешь, понимала — идти нужно, никто, кроме нее самой, в этой ситуации не поможет и не разберется.

Мальцев ожидал Саньку у себя в кабинете и после приветствия заявил:

— У нас с актом небольшая заминка вышла, сегодня-завтра перепроверят некоторую информацию, и думаю, у нас будет длительная встреча для детального общения. А пока, я хотел бы у вас уточнить некоторую информацию про то, как вы платили налоги. Мальцев взял чистые листы бумаги и начал вписывать анкетные данные Саньки. В эту небольшую паузу Санька успела переварить услышанное, внутри как будто что-то глухо ухнуло, холодок липкого страха пробежал по телу. Но, прокрутив мысленно ситуацию, нащупала почву под ногами, сообразила, что Мальцев имеет в виду встречные проверки. В этот момент ощутила прилив энергии и гордости за себя и Артамонова с Мотылем, что как же вовремя они прокачали всю ситуацию и уже опередили ментов. Опустила глаза, чтобы Мальцев не увидел ее радостной уверенности преждевременно. Мальцев ее опущенный взгляд истрактовал по-своему.

— Ну-с, приступим, милейшая Александра Владиславовна. Поясните, почему вы платили НДС не в полном объеме?

— Это почему не в полном?

— Потому как вы должны были платить со всего своего оборота, а платили по факту с разницы.

— Это кто вам сказал такое, что мы должны платить НДС со всего оборота?

— Как кто? Наш ревизор Фигульская, она очень грамотный у нас специалист, утверждает, что колхозы неплательщики НДС.

— Слава Богу, что ваша Фигульская, при всем моем к ней уважении, еще не истина в последней инстанции, а тем более не уполномочена трактовать действующее законодательство, не ее это функция. Поэтому я была бы вам крайне признательна, если бы вы ссылались на более серьезный источник, чем ревизор Фигуль-

ская. Например, попробуйте найти норму в Декрете про НДС, в которой будет написано то, что вы только что сказали.

Мальцев озадачено взглянул на Саньку, пожал плечами и что-то записал себе в блокнот, примирительно махнул рукой, продолжил:

— Ладно, оставим пока этот вопрос, еще вопросы к вам имеются. А скажите-ка, на каком основании вы присвоили себе льготу по налогу на прибыль?

— Что значит «присвоили»?

— Ну вы же в декларации ссылку давали?

— Ну да, давали, так в ссылке все и сказано.

— Что сказано?

— Ну, если вы видели декларацию, так там и сказано, что мы освобождаемся от уплаты налога на прибыль на основании статьи 5, подпункта 5.1.1.

— Там написано, что у вас должны быть свои коровы.

— Где такое написано? А ну, несите закон, сейчас вместе прочитаем.

Мальцев озадачено взглянул на Саньку, увидел уверенную в себе женщину, слегка смешался, и уже не столь грозно-обвинительным тоном переспросил.

— Вы настаиваете на том, что имели право на льготу?

— Да, настаиваю.

— Ну что ж, сами запросились, извольте.

Мальцев порылся у себя в ящике стола и достал довольно потрепанную знакомую Саньке брошюру закона о налогообложении прибыли предприятий. Открыли нужную страницу, Мальцев коротковатым пальцем начал водить по каждой строчке подпункта 5.1.1. Санька ехидно спросила:

— И где вы здесь слово «коровы» увидели?

Мальцев начал заметно нервничать, и лишь ранее полученное науськивание от Фигульской, видимо, придавало ему силы возражать Саньке:

— Ну как же, здесь же черным по белому написано: «власні виробничі потужності».

— Так вони в нас і є власні.

— Які такі власні? У вас же ферми немає.

— Ферми немає, а от власні виробничі потужності є.

— Це які?

— Як це які?

— А от такі: сепаратор, пастеризатор, холодильники, цистерны для хранения молока, лаборатория, маслобойка, сыроварка и еще можно продолжать.

— Так тут же только про коровник.

— Где? Игорь Иванович, не выдумывайте.

— Ладно, по-другому зайдем. Вот скажите, вот по вашему конкретно предприятию был какой-нибудь законодательный акт.

Саньке вдруг стало смешно, еле сдерживая смех, напустила на себя всю серьезность, на которую только была способна, изображая испуг, произнесла:

— Я вам должна, Игорь Иванович, кое в чем искренне, вам, признаться.

Мальцев воодушевился, Санька видела, что считает тот, что нашел ее болевую точку и хопа... поколется сейчас Санька как мленькая. Санька про себя ухмыльнулась, и слегка виноватым тоном продолжила.

— Каюсь, вам Игорь Иванович, как на духу каюсь, ну не заседал по поводу работы нашего предприятия ни Кабмин, ни Верховна Рада, ну не стоял наш вопрос у них на повестке дня.

Мальцев так опешил, что аж поперхнулся собственными словами, которые так и не смог произнести. С криком «а-а...» хлопнул папкой по столу, с треском отрыл ящик письменного стола, бросил туда брошюру с законом и с еще большим треском захлопнул ящик. Отдышался, цвет лица начал возвращаться в нормальное состояние, было видно, что дар речи к нему также постепенно возвращается. Санька молча наблюдала эту картину, мысленно уговаривая себя не дай Бог не рассмеяться, наоборот сложила на коленях ручки, с лицом провинившейся школьницы опустила глазки долу.

Через минут пять Мальцев справился с бушевавшими в нем эмоциями и грозно произнес:

— Значит так, Александра Владиславовна, выписываю вам

повестку на завтра на это же время, и только попробуйте не прийти, привод применю мгновенно.

— Так я ж, вроде как, являюсь на все ваши вызовы.

— Вы — да, а вот Ковальский сегодня не явился, заявил, что неважно себя чувствует. Передайте ему, пусть к врачу обратится, а то не только привод применим, еще и в камеру посадим.

— Ну зачем вы так, вы же не злой вовсе и не подлый, ну болеет себе человек, вполне естественно от общения с вами гипертонический криз заработать.

— Добрая — это вы, Александра Владиславовна. Жалеете Ковальского, если бы вы слышали, что он про вас говорит, он вас уж точно не жалеет.

Вечером уже дома на Саньку нахлынуло, она не выдержала и написала некое стихотворение под названием «Ода про налоговую полицию или Реквием бухгалтеру», решила, что когда-нибудь подарит это Мальцеву.

***Ода про налоговую полицию
или Реквием бухгалтеру***

*Утро, сереет рассвет вдалеке,
Игорь Иванович Мальцев заводит свое БМВ.
Сейчас он поедет, он знает — преступников нужно ловить.
К себе на допрос вызывает и будет нещадно давить.*

*Сегодня с утра день тяжелый. Бухгалтера вызвал к себе.
И все хорошо бы, да девка такая себе на уме, закон она любит
читать.
А нет, чтобы села и начала быстро писать:
Я виновата, я каюсь, погрязла в грехах как в дерьме.
Украла налоги в бюджете, готова вернуть их вполне...
Вдали прогремели далекого грома раскаты,
Упали уж первые капли дождя.
Ну хватит мечтать, все фантазии гладки.
А в жизни попробуй, заставь написать.*

ГЛАВА -37-

Ночь Иван с Санькой провели без сна, уставшие и обессиленные заснули только под утро. Даже во сне Иван обнимал Саньку, прижимая к себе, как будто боялся, что она убежит. Сон Ивана был беспокойный, бесконечно то просыпаясь, то засыпая, переживал, что слишком сильно обнимет или прижмет, и это может доставить ей беспокойство. Санька, напротив, спала без особых сновидений, сном человека, прошедшим через нечто очищающее, человека, испытывавшего облегчение освобождения от груза забот и тревог.

Санька проснулась довольно поздно, когда день был уже в разгаре. Первое, что она увидела, это был Иван, который, облокотившись на соседнюю подушку, наблюдал за ней и, как ей показалось, уже давно и с нетерпением ждал, когда она проснется. Санька улыбнулась ему и, удовлетворенная жизнью, потянулась на кровати. Иван придвинулся к ней, целуя в ухо, зашептал:

— Наконец-то моя любимая проснулась, если мы немедленно не пойдем завтракать, то я съем тебя всю без остатка.

Санька в ответ неспешно поцеловала его в губы и произнесла:

— Не надо меня кушать, любимый. Я думаю, что завтрак мы благополучно проспали, но ресторан, тот что внизу, работает круглосуточно. Думаю, нам не откажут там в еде.

— Ну так давай быстрее вставай и собирайся.

— Я бы уже и встала, но вы, Иван Николаевич, слишком крепко меня обнимаете, чтобы я имела возможность пошевелиться.

— Тебе, что, не нравится?

— Почему не нравится? Очень даже нравится, но кушать хочешь ты, а не я.

— А ты, можно подумать, что не хочешь.

— Хочу, но не настолько, чтобы все бросить и побежать.

Иван отпустил Саньку из объятий, изобразил псевдообиду, дурашливо надулся:

— Так мы идем завтракать или нет?

Санька чмокнула его в щеку, грациозно соскочила с кровати и ответила:

— Да, любовь моя, я, кажется, тоже уже хочу есть.

— Ну тогда пошли скорее, а то Василич на меня уже обиделся и позавтракал без нас.

— Можешь ему позвонить и предложить выпить с нами чашечку кофе.

В ресторане Саньку с Иваном уже поджидал Василий Васильевич, всем своим видом демонстрируя снисходительное понимание старшего товарища.

— День добрый, молодые люди, ну и горазды же вы спать.

Иван улыбнулся в ответ открытой улыбкой во все 32, отодвигая для Саньки стул, кивнул в ответ:

— Да разве ж с ними уснешь?

Василич хитро подмигнул в ответ, глянув при этом в Санькину сторону.

— Что молодая леди желает заказать на обед? Ох, простите, это у вас завтрак.

Санька была в хорошем настроении, поэтому улыбнулась Васильевичу и сказала:

— Молодая леди желает мяса, желательно бифштекс с кровью.

— Ого...

Василич многозначительно взглянул на Ивана:

— Ваня, нельзя так над девушками издеваться, прямо монстр какой-то. Александра, если он будет так плохо себя вести, сразу ко мне обращайся, я ему на правах старшего товарища подзатыльников надаю, и всю политику партии объясню.

Иван поморщился:

— Вот только про политику хотя бы сегодня не надо, а то Санька опять перевозбудится и станет агрессивной, и тогда, Васильич, будете спасать уже меня.

— Что, так все серьезно? Я бы тебе помощь предложил, но боюсь, что ты откажешься.

Санька решила вмешаться в разговор:

— Это ничего, что я здесь сижу? Я вам не мешаю?

Мужчины со смехом переглянулись. Иван, сидя рядом с Санькой на соседнем стуле, обнял ее за плечи, сказал.

— Санечка, детеныш мой любимый, куда я уже без тебя. Отныне мы связаны невидимыми нитями.

Санька вся растаяла, удовлетворенно щурясь, улыбнулась обоим мужчинам.

Через несколько часов Санька провожала в аэропорту Ивана с Васильевичем. Иван долго стоял, прижимая Саньку к себе, не решаясь отпустить. Видя, что прощание затягивается, Василий Васильевич отметил:

— Молодые люди, смотрю на вас и душа радуется, но разрешите вам напомнить, что самолет ждать не будет. Ваня, ты же не навсегда расстанешься, отпусти Александру.

Иван с сожалением оторвался от Саньки, вздохнул, хотел уже развернуться, чтобы идти, но не выдержал, опять с силой прижал к себе, крепко поцеловал. Васильич, наблюдая эту сцену, неловко отвернулся, как-то неопределенно махнул рукой и зашагал к стойке регистрации. Иван наконец простился с Санькой, уже вполборота, догоняя Васильевича, воскликнул:

— Я тебе позвоню, как только приземлюсь.

Санька в каком-то легком полузабытье еще минут пятнадцать стояла на одном и том же месте, глядя вдоль стоек регистрации так, словно ожидала, что Иван позовет ее с собой. В душе пребывала в полном смятении, она дошла до той точки, когда уже тяжело обманывать себя и окружающих, понимала, что Иван для нее значит гораздо больше, чем кто-либо.

Добралась до своей машины, заехала на работу, необходимо было провести пару небольших встреч. Хотя была суббота, вторая половина дня, но нужно было компенсировать прогулянное с Иваном время, поэтому от встреч нельзя было отказаться. Домой идти не хотелось, мысли о Виталике, который ждал ее дома, полностью перекрывались эмоциями от встречи с Иваном.

В промежутке между встречами отзвонился Иван, сообщил,

что долетел благополучно, попрощался до понедельника. Сами встречи прошли во вполне рабочем режиме, но Санька с трудом возвращала себя к переговорному процессу, мысли все как одна утыкались в Ивана. Постоянно шло мысленное сравнение, типа: «А Иван бы в этом месте, наверное, поступил бы иначе».

Санька понимала и безропотно принимала осторожность Ивана в отношении своих близких, прежде всего его жены, но..., маленький вредный червячок не давал покоя. С одной стороны пересекая границу, Иван — образцовый семьянин, пересекая границу в другую сторону — пылкий любовник, страстный влюбленный, планирующий, пусть и не совсем понятное Саньке, но все же какое-то общее будущее, жаждущий иметь общих детей. Ей тяжело было понять, насколько он сам серьезно к ней относится, кем она для него является. То ли действительно любимая женщина, но тогда почему никакого разговора у них на эту тему не получается, то ли просто она для него лишь приятное времяпровождение. Санька решила не забивать себе голову, послевкусие от встречи было хоть и двоякое, но приятное.

Резкий телефонный звонок вырвал Саньку из состояния самокопания, это был Виталик. Санька растерянно смотрела на звенящий мобильник, так как будто это был не ее телефон, не решаясь снять трубку. Телефон тем не менее жил своей жизнью, продолжал звонить. В эти секунды раздумья Санька все никак не могла для себя решить, зачем ей нужно продолжение отношений с Виталиком. Внутреннее ощущение было уже давно созревшее и осознанное, что отношения эти себя уже изжили, но было также понимание, что не так-то просто с Виталиком расстаться. Виталик, особенно последнее время, видать, чувствуя наличие соперника, постоянно, с легкой угрозой, давал понять, что просто так Саньке от него не отделаться. Вздохнув с сожалением, сняла трубку.

— Кыця! Ты шо, страх потеряла? Ты чего это трубку не берешь?

— Виталик, Кыця моя, дорогая, шо за наезд?

— Щас я тебе все объясню, только домой приди. Ты вообще где шляешься?

Машины твоей на стоянке нет, Петрович сказал, что ты часа полтора назад была, а дома тебя так и не было.

— Я никак не ожидала, что ты раньше семи дома появишься, но..., если ты таки уже дома, то... я уже скоро буду. Вот прямо сейчас все бросаю и уже лечу к тебе.

Санька произносила эту фразу с трудом, ломая себя, чтобы не сорваться, понимая, что ситуация накалилась. У нее на физическом уровне было ощущение натянутой струны. Любое неосторожное слово могло вызвать у Виталика агрессию с необъяснимыми последствиями.

— Так де ты есть?

— Пришлось на работу заехать, мне срочно нужно было встретиться.

— Так как скоро тебя ожидать?

— Таки скоро. Думаю, в течении получаса.

— Ты голодная?

— Немного есть такое. А что?

— Ничего, просто подумал, может, что-то приготовить, или куда-то сходим?

Саньке от этих слов Виталика стало как-то не по себе, появилось запоздалое чувство вины. Виталик явно ощутил перемену Санькиного настроения, на том конце провода притих, затаился, ожидая Санькиного решения.

— Не-е..., идти точно никуда не хочу, устала. У нас там же есть что-то вкусненькое? Если надо, то я через магазин проеду.

— Не нужно в магазин, дома все есть, возвращайся.

— А вино у нас еще осталось?

— Не, ну ты гля на нее, мать-пьяница — горе в семье, домой едь, найду я тебе шо выпить. Такое впечатление, что ты совсем за мною не скучила.

— Та уже ж еду, даже сумку уже сложила, все жди.

Только положила трубку, как телефон опять ожил, Санька мысленно произнесла: «Да что ж это за напасть такая». Достала из сумочки телефон. С удивлением обнаружила, что звонит генерал.

— Олександро, я тебе вітаю. Ти вдома чи на роботі?

— На роботі. А що?

— Оце діло, було б непогано, якби ти до мене заїхала, треба порадитися.

Санька трохи затрималася з відповіддю. Петро Валентинович був для неї саме та людина, якій вона не може, не має права відмовити, стільки добра він для неї зробив. Але, з іншого боку, розуміла, що не зможе передзвонити Віталіку і сказати йому, що буде ще пізніше, досягнута рівновага була дуже і дуже рухома. Тому з усією небайдужістю, на яку тільки була здатна, промовила.

— Мушу просити вибачення і відстрочки бодай до завтра.

— А що сталося?

Голос генерала видавав занепокоєння. Санька з легким придибом промовила.

— Нічого особливого, просто я вже три дні не була вдома.

— А де ж ти була?

— Та у відрядженні.

— Щось ти зачатила, як не подзвоню, ти або тільки що повернулася, або якраз збираєшся. Диви, а то я Віталіка попитаю, куди це він дивиться.

— Не треба Віталіку нічого казати. А щодо відрядження, так що ж його робити? Хіба хочеш – мусиш.

— Ну-ну, як скажеш, завтра так уже завтра. Як прокинешся, одразу набери, повідомиш мені, коли зможеш під'їхати.

Когда уже положила трубку, начала собираться, почему-то вспомнила, как Иван ей говорил, что ревнует к Виталику, так как все мужчины — собственники, и что он совсем не желает ее ни с кем делить. С одной стороны, вроде как и приятно такое услышать, а с другой стороны, он ведь ничего менять не собирался. Санька про себя усмехнулась, на минуточку представила, а что было бы, если она Ивану сказала бы нечто подобное. На 99 процентов он бы возмутился и заявил, что она много себе позволяет, потому как жена и дети — святое. Вместо этого она ему в мягкой форме ответила:

— Ванечка, так ведь и ты у нас не свободный мужчина.

Иван в ответ ей парировал:

— Так ведь Виталик не отец твоего ребенка, да и потом, ты ведь брак официально не оформляла. Это означает, что ни так уж и много Виталик для тебя значит. Я, конечно же, не вмешиваюсь, но ничего поделать с собой не могу, мне не приятно, что ты с ним живешь.

Санька попробовала перевести разговор в шутку и даже попыталась заикнуться, что был бы Иван свободным, то ни минуты не раздумывала, но..., глядя на слишком серьезное, полное сожаления от того, что ничего не может поделать со своей ревностью, лицо Ивана, осеклась и замолчала на полуслове. Просто физически почувствовала, что не примет он сейчас такое ее признание, не готов еще...

Взгляд упал на часы, оказывается, она уже двадцать минут все никак не соберется, вздохнула, мотнула головой, как бы прогоняя остатки раздумий, поехала домой, к Виталику.

ГЛАВА -38-

Утром следующего дня Санька позвонила Ковальскому, тот, казалось, был не очень рад ее звонку. Санька предложила ему встретиться, Ковальский в свою очередь поинтересовался, была ли она в полиции. Санька, стараясь не напугать своими рассказами о посещении налоговой полиции, взяв быка за рога, сказала:

— Я тут была в райисполкоме, то могу быть у тебя в гостях через полчаса.

Образовалась пауза, Санька очень четко ощутила страх Ковальского, в ответ он нервно хмыкнул, помолчал и добавил:

— Ну, если ты так желаешь, то что ж, заходи, только я долго тебя ждать не могу, мне к врачу надо.

— Не переживай, я постараюсь побыстрее.

Быстро собравшись, вышла, поймала такси, прибыла даже раньше обещанных полчаса. И как раз вовремя, Ковальский уже стоял на пороге, собираясь уходить. Было очевидно, что не ожидал такой от Саньки прыти, если бы она опоздала на пять минут, то уже бы не застала. Вячеслав недовольно поморщился:

— Ну заходи, коли пришла.

Санька шла к Ковальскому лишь с одной целью, предупредить как в американских фильмах: «Все, что сказано вами, может быть использовано против вас».

Поэтому даже не стала заходить, все так же стоя на пороге, заявила:

— Да я, собственно, не собираюсь тебя особо задерживать.

— Ну ты ж хотела что-то сказать?

— Хотела. Это не долго. Хочу тебя предупредить, чтобы ты не велся на разводы Мальцева, чем меньше будешь слушать ментов, тем целее будешь.

— Я что-то не понял, ты это о чем?

— Все о том же, думай, что ты им говоришь, а еще лучше вообще промолчи. И, самое главное, не пиши ничего под диктовку Мальцева или какого-нибудь другого мента, среди них у тебя друзей нет.

— Саня, ты, о чем? Я вообще не понимаю, почему они ко мне прицепились, за документы ведь ты отвечаешь, что они от меня то хотят. Ведь это ты должна была следить за правильностью ведения бухгалтерии.

Санька отвела взгляд в сторону, эмоции ее захлестывали, невероятными усилиями она старалась себя сдерживать. Совсем нестати вспомнилось, как еще месяца два назад тот с издевкой расспрашивал ее при рабочих смены, что зачем ей нужно две накладные: отдельно на расход и отдельно на приход. По его «компетентному» мнению, у Саньки завышенные требования, ведь как он полагает, достаточно одной накладной, сверху строчка «расход», внизу строчка «приход». Рабочие довольно гигакали в такт розказням Ковальского.

Мысленно просчитав до трех, набрала полную грудь воздуха, Санька, призывая всю свою волю, стараясь как можно спокойнее говорить, сказала:

— Так я и следила, не ты ж в конце концов баланс сводил. Не переживай, в документах полный порядок, там все сойдется, даже если кто-то никак не захочет этого принимать, всегда найдется альтернативное мнение.

— Ну, если ты так уверена, так чего ко мне пришла? Мало ли что я могу сказать, тебе ж это никак не навредит, ты ж по документам все опровергнешь.

Последнюю фразу Ковальский произносил уже уверенно, с плохо скрываемой издевкой. Санька начала заводиться, еле сдерживаясь, тихим голосом произнесла:

— Ты бы не забывал, что директором был именно ты, а значит вся ответственность, в первую очередь, на тебе, и только лишь затем на мне.

— Ты что? Угрожаешь?

— Ты что? Глупый? Зачем мне тебе угрожать? Просто тебе напоминаю, что мы с тобой в одной лодке, поэтому не стоит позволять всяким мальцевым сверлить в ней отверстия, тонуть будем вместе.

После этой фразы Санька, не прощаясь, развернулась и пошла вниз по лестнице, Ковальский что-то кричал вдогонку, она уже ничего не слышала, ее душили слезы, она почти бежала по лестнице вниз, стремясь как можно скорее выйти на улицу.

Вечером позвонил Мальцев, сообщил, что у него и ревизора Фигульской возникли дополнительные вопросы, поэтому желает видеть Саньку прямо с утра. Санька парировала тем, что завтра с утра у нее пары, поэтому сможет подойти лишь во второй половине дня. Мальцев хоть и выразил свое недовольство, но согласился.

Самым неприятным для Саньки было то, что никак не могла отвлечься от душивших ее неприятных мыслей. Раньше спасалась чтением книг, сейчас читать не могла вообще ничего, она постоянно была где-то не здесь, безысходность и неизвестность развития событий, казалось, блокировали мозг, все движения были как у робота на автомате. Игорь для Саньки в этот момент был как за стеклянной звуконепроницаемой стеной — видеть видела, слышать не слышала, как в немом кино: рот у Игоря открывается, но Санька ничего не слышит.

Ночью спала без сновидений, как в яму провалилась, липкий страх безысходности почти парализовал Саньку, идти никуда не хотелось. С трудом заставила себя с утра подняться, все-таки нужно было идти в аудиторию к студентам. Общась со студентами, старалась не думать о предстоящем визите, отодвигая от себя давящую неизбежность встречи с налоговиками.

В кабинете у Мальцева был полумрак, ранние декабрьские сумерки опустились темнотой ночи, кабинет освещала лишь настольная лампа на письменном столе Мальцева, за которым в этот момент сидела Фигульская, сам Мальцев отсутствовал. Фигульская предъявила Саньке акт для ознакомления, после третьего абзаца на Саньку напал психоз, ей было тяжело совладать с душившими ее эмоциями. Так, в акте Фигульская указывала, что Санькино с Ковальским предприятие имело неучтенную выручку, которую Фигульская определила по записям в кассовой книге. Санька дрожащим от напряжения голосом спросила:

— Почему вы пишете, что наличная выручка была неучтенной?

Фигульская, неправильно истолковав Санькино волнение, самодовольно проворковала:

— А почему я должна считать ее учтенной?

— Ну, хотя бы потому, что имеются соответствующие записи в кассовой книге, товарно-кассовой, а также записи в аналитическом и синтетическом учете, а именно в оборотно-сальдовых ведомостях, и что самое главное, есть все первичные приходные документы в виде накладных и кассовых ордеров.

— Вы что? Наивно полагаете, что я буду все это описывать? Я же вам уже сказала, что у меня есть свое мнение, оно у меня твердое, менять его не собираюсь. А именно, я убеждена, что всю наличку вы тупо прикарманили.

— А чем, позвольте поинтересоваться, многоуважаемая Ирина Витальевна, подтверждается столь «компетентное» ваше мнение.

Санька сделала ударение на слове «компетентное», вложив в него весь сарказм, на который только была способна. Фигульскую, правда, это ничуть не смутило, ее самодовольство так зашкаливало, что граничило с тупостью, без тени смущения она безапелляционно заявила:

— Так я ж уже говорила, что мне нет необходимости что-либо доказывать, я главное написала. То, что написано пером не вырубишь и топором.

«А как же, если природа отдыхает, то таки всерьез», — подумала про себя Санька, а вслух произнесла:

— Неужели вы думаете, что вы истина в последней инстанции?

— Вы что? Хотите меня оскорбить?

— Да храни вас бог, ни в коем случае. Вы просто так и не ответили на мой вопрос, а именно: чем подтверждается?

— Наоборот, как по мне, я дала вполне пространное разъяснение, в частности: я написала и сослалась на норму действующего законодательства.

— Это какую, например?

— На ту самую, что разъясняет порядок оприходования выручки.

— Ну и? В каком конкретно месте мы нарушили, по-вашему, данную норму?

— Так во всех местах, вы не делали соответствующих записей.

— Как же не делали, если вы сумму выводите как раз из этих самых записей.

— С вами разговаривать, Александра Владиславовна, просто невозможно. Вы же честному, порядочному ревизору руки выкручиваете своим словоблудием.

— Да вы что?

В этот момент в кабинет зашел Мальцев, сказал, обращаясь к Саньке:

— С актом уже ознакомились?

Не дожидаясь ответа, повернулся к Фигульской:

— Вы ей уже все показали?

— Да, почти, еще про неучтенку молока не говорила.

— Ну так говори.

Фигульская приняла многозначительный вид, торжественно заявила:

— Александра Владиславовна, что вы можете пояснить по поводу наличия договора с Фастовским ОРСом? Были у вас такие договора?

— Да, были. И что из этого?

— Да ничего.

Фигульская вдруг схватила в одну руку настольную лампу, в другую пачку каких-то накладных со стола, и, светя лампой прямо в глаза, ткнула Саньке в физиономию накладными. В темной комнате свет настольной лампы ослеплял, даже если бы Санька и захотела, она все равно не могла даже понять, что это за бумажки, которыми ей в лицо тыкает Фигульская. С каким-то остервенением Фигульская прошипела:

— Признавайся, сука, это твоя неучтенка!

Санька в этот момент ощутила себя диссидентом на допросе в КГБ, а то и того хуже: троцкистом в НКВД. В какой-то момент лишилась от неожиданности дара речи, обалдело глянула по сто-

ронам, наткнулась взглядом на не менее ошалевшего Мальцева, что стоял у окна. По виду Мальцева сообразила, что тот и сам не ожидал от Фигульской такой прыти, это дало ей понимание, что что-то здесь не так. Микроскопическая пауза, которая образовалась в этот момент, все же дала Саньке возможность сконцентрироваться. Собрав всю свою волю в кулак, стараясь говорить так, чтобы голос не дрожал, произнесла:

— Я ничего не вижу, чем это вы мне в физиономию трусите. Чтобы вам ответить, мне необходимо это просмотреть.

Фигульская, не находя поддержки у Мальцева, немного успокоилась и поставила наконец настольную лампу на стол. У Саньки перед глазами расплывались разноцветные круги, после вспышки света от настольной лампы, она почти ничего не видела. Фигульская швырнула в Саньку пачку накладных, что держала в руках, благо те были сшиты и не разлетелись.

Санька дрожащими от напряжения руками взяла накладные. Несколько минут пыталась сосредоточиться, чтобы прочитать, что на них написано, больше по внешнему виду, чем по содержанию, определила, что это были сводные подекадные ОРСовские накладные. Сообразила, что Фигульская не понимает, что это сводный, а не первичный документ, потому вполне искренне считает, что это дополнительный объем реализации. Попыталась объяснить Фигульской ее ошибку, но та, в силу какой-то непонятной классовой ненависти, вообще ничего не слышала.

Мальцев, который до этого времени, казалось, пребывал в ступоре, вдруг обрел дар речи:

— Ирина Валентиновна, я думаю, что уже сам разберусь с Александрой Владиславовной, так что можете быть свободны.

Фигульская несколько обиженно глянула на Мальцева, хмыкнула, всем своим видом демонстрируя: «ну если вы так считаете, то так и быть, я вас покину, все равно без меня не обойдется», вышла и достаточно резко хлопнула дверью. Вся эта немая сцена, что произошла, указывала Саньке, что происходит нечто из ряда вон выходящее, также Санька понимала, что от нее самой сейчас

мало что зависит. Саньке вдруг до боли в суставах захотелось оказаться где-то далеко от этого места. Ей в какой-то момент показалось, что если она зажмурится, крепко себя ущипнет, то проснется и поймет, что это был всего лишь кошмарный сон.

Мальцев нервно прошелся от стола к окну и обратно, сел за стол напротив Саньки. Помолчали, Мальцев непроизвольно тербил пальцы рук, Санька в состоянии легкого ступора смотрела, как тот барабанит пальцами по столу. Мальцев собрался с мыслями, глядя в упор на Саньку, произнес:

— Приступим.

Санька понимала, что тот сверлит ее взглядом, пытаясь морально задавить, вызвать то самое противное, навязчивое чувство страха, когда человек перестает мыслить и начинает просто безропотно выполнять команды, с одной единственной мыслью: «Лишь бы отпустили». Также она понимала, что если опустит взгляд, уступит хоть на йоту, то проиграет всю битву. Игра в гляделки длилась не более пары минут. Санька выдержала взгляд Мальцева, стараясь, насколько ей это удавалось, а выходило не очень, демонстрировать уверенность, что у них, ментов, ничего не получится.

Мальцев первым отвел взгляд, возможно, потому, что взгляд Саньки больше всего выражал немой упрек обиженной женщины, которую пытаются душить злые дяди. Он взял в руки злополучную пачку накладных и положил их перед Санькой:

— Вашему вниманию предоставляются накладные, что вы можете сказать по этому поводу.

— Да ничего особенного. Это сводные накладные за декаду, то есть за десять дней, в месяц таких составляли три штуки. Мы это делали по просьбе ОРСа, им нужно было для какой-то их отчетности, именно подекадный свод поставок.

— Так вы подтверждаете, что такие накладные были?

— Да, конечно, но только не подтверждаю мнение Фигульской, что это отдельная реализация. Постарайтесь, Игорь Иванович, меня услышать: это лишь сводные документы с других накладных.

— В смысле?

— В смысле того, что Фигульская просто задвоила один и тот же объем поставок.

— Это как?

Да очень просто, есть поставки за каждый день, условно на десять тонн в месяц, а есть сводный документ за десять дней месяца, который составлялся на основании первичных накладных за эти самые десять дней. Соответственно сумма трех сводных накладных равна сумме тридцати первичных, и составляет все те же десять тонн. Это все легко проверить.

— Ладно, проверим.

Этот вечер для Саньки плавно перешел в ночь, наверное, самую жуткую ночь в ее жизни. Для Мальцева с его коллегами процесс под названием «проверим» заключался отнюдь не в проверке фактов, заявляемых Санькой, а в прессинге с целью «расколоть больно умную», заставить любыми путями подписать «признательные» показания. Ради достижения этой цели Саньку то оставляли одну в кабинете, закрыв при этом на ключ, то бросали в старую как мир схему, описанную практически во всех детективах, «хороший-злой следователь», то допрашивали одновременно два-три человека, то зывали к Санькиной порядочности, ставя противовесом якобы непорядочность Ковальского. На Саньке в тот злополучный вечер испытывали практически весь арсенал эмоционально-психологического воздействия, изученный и обобщенный такой наукой, как криминалистика.

Санькино упрямство и нежелание «сотрудничать» через семь-восемь часов утомило половину отделения, Мальцеву сочувствовали практически все, кто успел соприкоснуться с Санькой, это ж надо какая попалась ему стерва, что ничем ее пробить нельзя. Примерно часам к одиннадцати вечера практически все разошлись, оставив Саньку с Мальцевым один на один выяснять все вопросы. В отделении из налоговиков остались лишь Мальцев да начальник районной налоговой полиции Грановский.

Санька была на грани нервного истощения, несколько раз ло-

вила себя на мысли, может плюнуть на все, подписать то, что просят и наступит блаженное спокойствие, ее отпустят домой. Ей все труднее было себя уговаривать сопротивляться, понимала, что после таких признаний, если и отпустят, то ненадолго, будет только хуже.

Мальцев тоже было видно, что измотался, уже в который раз подсовывал Саньке норму УПК «Смягчающие вину обстоятельства», водил по тексту пальцем, читая вслух, что явка с повинной именно к таким относиться. Санькин аргумент, что вины ее никакой не наблюдается, потому как Фигульская весьма вольно трактует цифры, просто повисал в воздухе, дело приближалось к полуночи.

Устало парируя очередной выпад Мальцева, Санька вдруг очень четко осознала, что, в общем-то, ее никто не держит, наручники ей никто не одевал, дверь кабинета открыта. Соответственно, так чего ж это она до сих пор стоит и не уходит?

Встала, осеклась на полуслове, махнула Мальцеву рукой, мол надоел ты мне, и пошла на выход. Мальцев опешил от такой выходки, замер от неожиданности, что дало Саньке фору выйти из кабинета и пройти больше половины коридора.

До Мальцева вдруг дошло, что еще чуть-чуть и Санька окажется на улице и ее уже никто не поймает и вся психологическая обработка пойдет насмарку, поэтому он выбежал из кабинета вдогонку за ней. Санька ускорила шаг, дежурный на входе за бронированным стеклом кунял и не очень соображал, что происходит. До двери, за которой вожделенная свобода, Саньке оставалось не более двадцати шагов.

Вдруг у Саньки за спиной раздался дикий грохот, Мальцев споткнулся на ступеньке перехода и упал. В тишине ночи звук от падения Мальцева на дощатый пол в коридоре был подобен взрыву гранаты. Санька не останавливалась, осталось пятнадцать шагов, откуда ни возьмись, выскочило двое мужчин в штатском и схватили Саньку с двух сторон за руки, зажав как тисками обе руки.

В этот момент Санька четко осознавала, что если хочет схлопотать по физиономии, то одно резкое движение и получит наотмашь, со всей дури, на которую только те были способны. Мальцев поднялся и поспешил к ним. Пока он не добежал, за эти несколько секунд в Санькиной голове пронеслось множество мыслей на предмет «а хочу ли я получить по физиономии». С одной стороны, можно было бы потом пойти и снять побои, а с другой — ходить с фингалом на лекции к студентам как-то не по фэн-шую. Мужчины, что держали ее просто излучали неприкрытую агрессию, сдерживало их то, что не понимали, что именно происходит.

Мальцев, с криком: «Ребята, не трогай ее», наконец до них добежал, вырвал Саньку из их рук и начал подталкивать к двери своего кабинета. Санька видела, просто физически ощущала его перепуг от ситуации, решила не сопротивляться и дала затолкать себя обратно в кабинет. Уже закрыв дверь, в кабинете Мальцев вытер пот со лба, обратился к Саньке:

— Александра Владиславовна, как вы себя ведете? Что вы себе позволяете?

— А в чем, собственно дело?

— Вы ничего не понимаете! Вы могли нарваться!

Мальцев почти кричал. Санька недоуменно на него вытаращилась:

— На что это я могла нарваться?

— Они могли вас изнасиловать!

— Вы это серьезно?

Мальцев отдышался и уже начал успокаиваться:

— Абсолютно серьезно.

— А кто это был?

— Дежурные.

— Как дежурные? Вы ничего не путаете?

— Абсолютно, они пьяные.

— Ого, сколько вы назвали: дежурные, на рабочем месте, да еще и пьяные, на статью тянет.

— Вы ничего не понимаете. Сейчас ночь, это обыкновенное отделение уголовной милиции, а у ночи свои законы.

Пока говорили, каждый сел на свое место: Мальцев у себя за столом, а Санька на один из стульев, что стояли в ряд под стеной напротив стола Мальцева. В этот момент дверь кабинета открылась и зашел один из оперативников, что хватали Саньку, сел рядом с ней на соседний стул, схватил ее за талию. Подмигнул Саньке и сказал, обращаясь к Мальцеву.

— Игорь, у тебя че? Возникли с ней проблемы? Так давай ее к нам на второй этаж, сейчас прогоним по этапу, этого никто не выдерживает, подпишет все, что надо и не надо. Это ты у нас «белый воротничок», а у нас все просто: по рабоче-крестьянски.

Мальцев как-то гаденько усмехнулся и посмотрел на Саньку:

— Ну что? Александра Владиславовна, будем договариваться или пойдете с ним?

Санька вдруг, осознав угрозу, впала во внутреннее бешенство, в упор посмотрела на Мальцева, говорила спокойно, тихо, четко чеканя каждое слово:

— Не советую я вам, Игорь Иванович, отправлять меня к ним. Чтобы не произошло, а вы мне четко объяснили, что меня ожидает в их компании. В моих показаниях это ничего не поменяет, а вот в вашей карьере могут, в этом случае произойти кардинальные перемены и отнюдь не позитивные. А что до «договоримся», мы все-таки и договоримся, лишь, возможно, это будет выглядеть не совсем так, как вы себе это представляете.

Мальцев отвел взгляд, Санька ощущала, что была убедительна, поверил он ей. Взял в руки папку, переложил с места на место, взглянул на оперативника, который не отпускал Санькину талию.

— Вася, ты иди, мы тут сами разберемся.

— Игорь, ты уверен? А то мы мигом сообразим, барышня того стоит.

— Иди, иди, я думаю, Александра Владиславовна осознала, и мы уже на стадии договоренностей. Правда, Александра Владиславовна? Вы же осознали, и мы все же с вами договоримся?

Последний вопрос был обращен к Саньке. Она мысленно вздохнула, устало ответила.

— Осознала, договоримся.

— Вася, отпусти девушку, у нас с ней свой разговор, а у тебя служба. Оно тебе надо?

Василий нехотя отпустил Санькину талию.

— Ну, если ты так считаешь, тогда ладно, но... — возникла небольшая пауза, Василий сально усмехнулся, глядя на Саньку, — если что, зови, мы рядом.

Дверь кабинета закрылась за выходящим Василием. Мальцев взял в руки толстый томик УПК с комментариями, раскрыл и передал его Саньке. Санька даже не взглянула, спросила:

— Что вы хотите мне показать? Статью «Смягчающие вину обстоятельства»? Так я с ней знакома.

Мальцев настойчиво подвинул к Саньке УПК, раскрытый как раз на этой статье. Санька пожала плечами, сказала с серьезным выражением лица:

— Вы хотите показать мне пункт восьмой, там, где явка с повинной?

— Ну да.

— Он мне не подходит. Мне подойдет предыдущий, то есть седьмой.

Мальцев перечитал седьмой пункт. Этот пункт гласил, что смягчающим обстоятельством является беременность. Мальцев механически, не глядя на Саньку, произнес:

— Нужна справка от врача.

Поднял глаза на Саньку, поменялся в лице:

— Опять ваши шуточки!?

— Ну почему шуточки? Вы же только что, сказали, что меня могут изнасиловать. Откуда ж я знаю, какие последствия будут?

— Так, давайте будем серьезными, второй час ночи на часах.

— Вот именно. Как мне известно, допрашивать после 23:00 не положено.

Эту информацию Санька выдала наугад, по выражению лица Мальцева поняла, что попала в точку.

— Вы, пожалуйста, не зарывайтесь.

— Что значит «не зарывайтесь»? Вы вообще на каком основании меня здесь держите?

— Вы задержанная.

— Да? Протокол о моем задержании.

Мальцев опешил, недоуменно зыркнул на Саньку, а она продолжала наращивать достигнутый успех.

— А-а, значит протокол мне не положено. Я, вообще-то, спать хочу. Где моя камера?! Где мое койко-место?!

Сказать, что Мальцев обалдел от такого эпатажа, ничего не сказать, он, открыв рот, молча наблюдал за Санькой. Она резвилась дальше:

— А-а, значит и камеры мне не положено, и койки у меня нет, ну что ж обойдемся тем, что есть.

Она вскочила на ноги, начала сдвигать близстоящие стулья в один ряд. Сдвинула четыре стула вместе, улеглась на них, повернувшись спиной к Мальцеву, последний наконец обрел дар речи:

— Что это все значит?

Санька, не поворачиваясь, ответила:

— Ничего особенного. Устала, спать я буду.

Ее всю трусило, даже казалось, что стулья ходят ходором, сцепив зубы, про себя решила: не встану ни за что. Мальцев вскочил со своего кресла:

— Поднимайтесь сейчас же, что вы себе позволяете? Это вам не цирк.

Санька молчала, внутренние уговоры успокоиться не действовали никак, ее продолжало трусить. Мальцев вышел из-за стола, оббежал вдоль стульчиков, на которых лежала Санька, почти умоляя, попросил:

— Да поднимитесь же вы наконец, все устали. И я не меньше вашего. Не могу я вас отпустить. У меня начальник сидит, ждет результата.

Санька, все также не поворачиваясь, со спины ему ответила:

— Ну так ведите меня к своему начальнику, с ним разговаривать буду, на вас у меня лимит уже исчерпан.

Мальцев выбежал из кабинета, Санька начала успокаиваться, пока его не было, поднялась, приняла горизонтальное положение. Села на стуле, откинулась на спинку, закрыла глаза, принялась мысленно считать до ста, чтобы успокоиться. За этим занятием и застал ее Мальцев.

— Идите, Владимир Петрович вас ждет.

Санька поднялась, прошла за Мальцевым в кабинет Грановского. Владимир Петрович Грановский сидел за своим столом.

— Я вас слушаю, уважаемая. Вы хотели меня видеть. Я весь во внимании.

У Саньки промелькнула мысль, вот умеют же менты так сказать слово «уважаемая», что сразу понимаешь — ну, не уважаемая аж никак. Набрала в грудь побольше воздуха и заявила.

— Понимаете, Владимир Петрович, то, что пытается вменить мне Мальцев, должно доказываться документально. Я вам клянусь, обещаю на все сто, если он мне сейчас, хотя бы один эпизод документально докажет, я даже не раздумывая подпишу любую вашу бумажку.

Грановский озадачено глянул на Мальцева:

— Мальцев, зови ревизора.

— Какой ревизор? Три часа ночи. Все уже давно спят дома.

— Тогда иди и сам доказывай.

Мальцев хотел что-то возразить, да осекся, разве с начальством поспоришь. Вышел с Санькой из кабинета Грановского, сходил за ключами от кабинета Фигульской, зашли, стали перебирать пачки с документами. Санька объяснила в двух словах, что и где должно сходиться, начали проверять. Минут за десять про шерстили целый квартал.

Мальцев побежал докладывать Грановскому, тот вышел в коридор к Саньке, посмотрел на нее озадачено, обращаясь к Мальцеву, произнес:

— Не можешь доказать, тогда отпускаяй ее до завтра, выпишывай ей повестку, — и уже обращаясь к Саньке, приказным тоном сказал:

— А вас я предупреждаю, посмейте только не явиться завтра к девяти часам. Камеру окнами на север обеспечу лично.

Санька, уже чувствуя себя на свободе, весело в ответ заявила:

— Могли бы как женщине и скидку сделать, камеру окнами на юг пообещать, что ж вы так...

Мальцев то ли всхлипнул, то ли хмыкнул, сказал, кивая начальнику:

— Вот видите, я ж вам неоднократно уже докладывал. Вот и поговорите с ней...

Пока шла пешком через весь ночной город, денег на такси не было, общественный транспорт в такое время не ходит, как раз к шести утра домой и дотелепала. Но настроение было, как ни странно, приподнятое.

*А я ждала, увы и ах,
Разбились вдребезги мечты,
Но жизнь идет,
Развеются обиды в прах.
И будет тот,
Кого ты ждешь,
С тобой
На гребне высоты
любви...*

Женя ТИМ

НА ШПИЛЬКАХ ПО КАНАТУ

видано в авторської редакції

коректура — Ганна Строганова

верстка — Юлія Кравець

дизайн обкладинки — Уляна Балан

Підписано до друку 14.08.2018.

Формат 60х84/16. Папір офсетний.

Гарнітура Таймс Нью Роман. Друк різнографія.

Ум. друк. арк. 20,23. Обл.-вид. арк. 14,53.

Наклад 200 прим.

Замовлення № 1408-1.

Видавництво та друк ТОВ «ДКС Центр»

м. Київ, пров. Куренівський, 17

тел. (044) 537 14 34.

Св-во ДК № 3457 від 08.04.2009.